

Рассказы о ГЕРОЯХ

Ю Ж Н О - У Р А Л Ь С К О Е
К Н И Ж Н О Е И З Д А Т Е Л Ъ Ш Т В О
1 9 7 1

P244

Первый сборник «Рассказов о героях» вышел в свет в 1960 году в Оренбургском книжном издательстве. После этого, в 1965 и 1967 годах, Южно-Уральское книжное издательство выпустило еще два таких сборника. В настоящую книгу «Рассказов о героях» включены очерки, опубликованные в первых трех выпусках, а также новые, специально написанные для этого издания. Всего в книге — 54 очерка о Героях Советского Союза, родившихся и работавших в Оренбургской области.

Подвиги Героев Советского Союза — яркое выражение преданности советских людей своей Родине, Коммунистической партии. В их боевых делах воплощены высокие моральные черты нашего народа: верность делу коммунизма и ненависть к его врагам, высокое сознание своего общественного долга, бесстрашие в борьбе за честь, свободу и независимость Союза Советских Социалистических Республик. Воспитанные Коммунистической партией Герои достойно выдержали суровые испытания войны, стали бессмертным примером мужества и отваги для каждого советского человека.

Сборники «Рассказы о героях» выпускаются по инициативе Совета Военно-исторического общества при Оренбургском гарнизонном Доме офицеров. Авторы очерков — журналисты. Сборники предназначены для широкого круга читателей. Очерки могут быть использованы и пропагандистами, агитаторами, преподавателями в их благородной работе по военно-патриотическому воспитанию трудящихся.

Составитель — полковник запаса В. В. ВЕСЕЛОВ

А. Журавлев
ДРУГ МОЙ — ШАМИЛЬ

Герой Советского Союза
Шамиль Мунасыпович Абдрашитов

Собирая материалы о подвигах летчиков в годы Великой Отечественной войны, я обнаружил в военном архиве приказ командира 265-й истребительной авиационной дивизии от 26 сентября 1943 года. В нем говорилось:

«За умелые и смелые действия, героизм и отвагу, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками, наградить заместителя командира авиаэскадрильи 402-го Краснознаменного ордена Суворова II степени истребительного авиационного полка лейтенанта Шамиля Мунасыповича Абдрашитова орденом Красной Звезды».

«Шамиль Абдрашитов, — подумал я. — Неужели это он, мой боевой товарищ по жарким боям над Кубанью и Южной Украиной?»

Я немедленно обратился в наградной отдел Министерства обороны:

— Нет ли у вас сведений о лейтенанте?

— Есть!

Я засел за просмотр архивных материалов, перелистал тысячи страниц, разыскал адреса, сделал запросы. А через несколько дней получил большой пакет от родителей Шамиля — Мунасыпа и Галимы Абдрашитовых: вырезки из газет, письма друзей, фотокарточки...

Вот он — Шамиль Абдрашитов, высокий, стройный, с копной черных волос, орлиным профилем, высоким лбом, живыми темными глазами, в которых всегда горит огонек веселья и непосредственности...

Вот он — друг мой Шамилек, немного застенчивый, правдивый и горячий в спорах...

Вот он — боевой товарищ, душа эскадрильи, дерзкий до безумия в воздухе и самый обыкновенный и простой на земле... Это о нем кричали в эфире фашисты: «Ахтунг, ахтунг! Шамиль в воздухе!»

Шамиль родился в 1921 году в Оренбурге, в семье рабочего-грузчика. Рос тихим, скромным, пытливым. В 1929 году поступил в татарскую школу. Переводился из класса в класс с хорошими оценками. Был аккуратным, дисциплинированным, отзывчивым к просьбам товарищей, всегда помогал отстающим в учебе. Его памяти завидовали взрослые. В школе он трижды подряд избирался председателем учкома. Как лучшего ученика, его в 1936 году приняли в ряды Ленинского комсомола. Окончил восьмилетку в 1937 году.

Молодого паренька тянуло к технике, к авиации. Он поступил работать мотористом в авиационные мастерские. Но мечте не было предела: хотелось самому потрогать руками облака. Осенью его приняли на

летное отделение городского аэроклуба.

Тяжело было юноше: днем — работа в мастерских, вечером — полеты. Но разве можно обрезать крылья мечте? В 1938 году Шамиль закончил с отличием учебу в аэроклубе. Осуществилась мечта комсомольца — он летал. Однако его привлекали боевые самолеты. И по путевке комсомола Шамиль поступил в Оренбургскую военную школу летчиков.

В ноябре 1940 года у него на левом рукаве гимнастерки появился знак военного летчика-истребителя.

— Поздравляем, сынок, — сказали ему родители, — очень рады, что ты получил путевку в небо... Не посрами великого доверия Родины...

— Не посрамлю, — ответил сын.

Через месяц голубой экспресс доставил младшего лейтенанта Абдрашитова в Приморье, на охрану дальневосточных границ нашей Отчизны. Полеты над тайгой, отработка высотных боев, стрельбы по наземным целям... Молодой летчик мужал и креп, совершенствовался как мастер военного дела.

В июне 1941 года на западных границах нашего государства разразилась военная гроза. Младший лейтенант Шамиль Абдрашитов и другие летчики рвались на фронт. Но их не отпускали: боевые силы нужны были и на дальних восточных границах. Лишь в апреле 1943 года полк, в котором служил Абдрашитов, прибыл в Действующую армию.

...Враг, отступая с Северного Кавказа, упорно сопротивлялся, цепляясь за каждый рубеж. От города Темрюка вдоль реки Кубани через станицу Крымскую до города Новороссийска немцы построили так называемую «голубую линию».

В воздухе шли ожесточенные сражения. Враг бросал в бой армады самолетов. В небе одновременно находились тысячи машин. От разрывов бомб и снарядов стонала земля. Над «голубой линией» висели черные тучи пожарищ. Летчики по шесть-семь раз в день вылетали на боевые задания. К вечеру буквально валились с ног от усталости и нервного перенапряжения.

Первые боевые вылеты Шамиля были для него замечательной школой. Он учился у старших товарищей тактике, хитрости, хладнокровию в схватках с врагом.

...Это было двадцать пятого апреля 1943 года, С командного пункта дивизии передали в полк:

— Более тридцати бомбардировщиков противника под прикрытием истребителей движутся к станице Крымской. Перехватить бомбардировщиков, не дать им сбросить бомбовый груз на боевые порядки наших войск!

Шипя и разбрызгивая красные искры, взвилась в небо сигнальная ракета.

— Боевая тревога! Дежурной группе в воздух!

Командир эскадрильи старший лейтенант Анатолий Ермолаевич Рубахин взлетел в паре с младшим лейтенантом Абдрашитовым. Набирая высоту, летчики внимательно следили за воздушной обстановкой. Подлетая к «голубой линии», Анатолий Рубахин заметил вражеских бомбардировщиков, шедших плотным «клином». По сторонам прошивали небо истребители. «Многовато», — подумал Рубахин.

Наземная станция наведения передавала:

— Соколы, соколы! Бейте бомберов!

— Атакуем все вместе! — приказал Рубахин. — Шамиль, прикрой меня!

Командир атаковал ведущего правой четверки бомбардировщиков. Шамиль последовал за ним, одновременно осматривая правую и левую стороны пути. Все было в порядке. Шамиль видел, как красноезвездный истребитель быстро приближался к врагу: «Столкнется!» — мелькнула мысль в голове. В это время самолет Анатолия осветился пламенем, вырвавшимся из стволов пушек. Огненные шарики трассирующих снарядов врезались в фюзеляж бомбардировщика. Он выплюнул клочки дыма и, вспыхнув ярким пламенем, резко, словно от испуга, перевернулся на спину и помчался к земле.

Атака Рубахина была так неожиданна для врага, что стрелки-бомбардиры других самолетов не успели сделать по нашим истребителям ни одного выстрела. Воспользовавшись этим, Абдрашитов надел на другого фашиста. Летчик, видимо, был опытным: он заметил приближавшегося сзади «Яка» и начал бросать свой самолет с одного крыла на другое, увертываясь от пулеметно-пушечного огня. Абдрашитов горячился, выпускал одну очередь за другой, но в цель не попадал. «Уйдет, гад!» — с досадой думал Шамиль, упорно следуя за врагом.

В это время он услышал спокойный голос командира:

— Не психуй, Шамиль! Подходи ближе, бей спокойнее... Я прикрою тебя...

Как они были нужны, эти слова старшего товарища! Шамиль дал газ мотору, спокойно догнал врага, подошел к нему почти вплотную и нажал гашетку.

— Ого-го! Фашист на тот свет потопал... Молодец, Шамиль! Поздравляю с первой победой! — кричал по радио старший лейтенант Рубахин.

В этом бою наша группа сбила три самолета.

Шамиль, посадив свой самолет на аэродроме, ворвался в землянку командного пункта, как вихрь. Густые черные волосы прилипли от пота к высокому лбу, глаза блестели озорным огоньком:

— Ну, вот, одного фрица срубал!

Через минуту, немного успокоившись, он обратился к командиру эскадрильи:

— Товарищ старший лейтенант! Я готов к полету, машина исправна, оружие заряжено...

— Простынь немного... — добродушно ответил Рубахин и, улыбаясь, обнял Шамиля за плечи, как сына, думая: «Не ошибся я в тебе, хороший боец получился... Желаю тебе больших крыльев...»

В июне 1943 года под напором советских войск рухнула «голубая линия». Враг отступил к Керченскому

проливу.

Над Кубанью Шамиль Абдрашитов сбил девять самолетов врага.

Гитлеровское командование приложило много усилий, чтобы удержать город Мелитополь — ворота в Крым и к Нижнему Днепру. Фашисты зверски расправлялись с мирным украинским населением. Только из Мелитополя и окрестных пунктов было угнано в рабство более восьми тысяч юношей и девушек.

У летчиков кипела в сердцах ненависть, они рвались в бой. Но сентябрьская погода была хмурой. Солнце почти не показывалось из-за туч. И лишь когда выдавалась летняя погода, в небе разгорались бои.

Шамиль Абдрашитов был назначен заместителем командира эскадрильи, ему присвоили звание лейтенанта. 3 октября 1944 года он прикрывал четверкой «Яков» свои войска над рекой Молочной. Фашистских самолетов в воздухе не было. Станция наведения передала приказ: разведать расположение войск противника в районе Аскания-Нова.

Шамиль знал, что это задание очень тяжелое и рискованное. Низкие облака опускались почти до самой земли. Чтобы увидеть местность, нужно лететь на бреющем полете, подвергаться обстрелу из всех видов оружия врага, вплоть до пистолета. Но летчик не испугался этого. Он пролетел по маршруту, собрал разведывательные данные о скоплениях противника и передал их по радио на командный пункт. Они оченьгодились. Вскоре стрелковая дивизия перешла в наступление и заняла совхоз «Аскания-Нова» — укрепленный пункт врага.

Двадцать третьего октября 1943 года Шамиль опять поднялся в воздух. Он летел ведомым у командира полка майора Анатолия Рубахина.

Ночное небо было усеяно яркими звездами. Внизу четко вырисовывался передний край: вспышками снарядов освещалась бурая земля. Когда наши летчики находились над территорией врага, Рубахин обнаружил группу «хейнкелей-111», летевших на восток.

— «Хейнкелей» видите? — спросил он летчиков.

— Видим...

— Атакуем! — приказал командир.

Шамиль Абдрашитов приближался к вражеской машине сзади, снизу. Он видел, как из патрубков моторов вырывалось голубое, с красными прожилками пламя. Шамиль нажал на гашетку пушки. Она заохала, отчего по самолету прошла мелкая дрожь. «Хейнкель» круто полез вверх, потом резко перешел на нос и, неуклюже поворачиваясь вокруг своей оси, полетел к земле...

В ночном бою другими нашими летчиками были сбиты еще три «хейнкеля».

Вот что писал авиаторам командир пехотного полка об этой ночной схватке:

«Когда ночью сорок пять «Хе-111» хотели совершить налет на наш передний край, ваши летчики смело вступили в бой, несмотря на неравенство сил, заставили немцев сбросить бомбы на их же войска. В результате дерзкой атаки летчики на наших глазах сбили четырех «Хе-111» и обеспечили нам выполнение боевой задачи. Солдатское им спасибо!»

...Шли бои за освобождение солнечного Крыма. Шамиль Абдрашитов зарекомендовал себя отличным ночным истребителем.

В феврале 1944 года темной ночью Шамиль вылетел на одиночную охоту. Всмотриваясь в серое ночное небо, он заметил группу вражеских бомбардировщиков в районе Тархан. Они шли бомбить переправу через Сиваш. Не раздумывая, Шамиль бросился наперерез ведущему и меткой очередью сразил его. Другие бомбардировщики не осмелились подойти к переправе. Продолжая барражирование, Абдрашитов увидел «хейнкеля-111». Лейтенант подошел сзади и обрушил на него всю мощь огня... Так, за один ночной вылет советский летчик сбил двух коршунов.

...Под ногами врага горела крымская земля. Впереди был город-герой Севастополь.

— Когда отдыхает наш командир — неведомо, — говорили о Шамиле молодые летчики. Да, он буквально рвался в полет, его энергии не было предела.

— Очистим полуостров, поеду в оренбургские степи, навещу своих родителей и друзей, — говорил он.

— И женишься... — подсказывали друзья.

— Рановато... Отложу до победы...

Но не пришлось Шамилю побывать у родных. Третьего мая 1944 года он погиб смертью героя. Вот как это было.

На аэродроме мыса Херсонес скопилось большое количество вражеской авиации, на которой враг эвакуировал офицерский состав, награбленное имущество. Над мысом беспрерывно патрулировали «мессершмитты» и «фокке-вульфы».

Лейтенант Абдрашитов в группе шести «Яков» вылетел ведущим на штурмовку аэродрома. Подойдя к цели со стороны моря, наши летчики сбросили на плотно стоящие самолеты осколочные бомбы и открыли огонь из пушек и пулеметов. Аэродром превратился в огромный костер. Черный дым поднялся на высоту тысячи метров.

Когда Шамиль выходил из первой атаки, к нему в хвост внезапно пристроился «фокке-вульф» и открыл огонь. Лейтенант был ранен, самолет поврежден и плохо слушался рулей. Из мотора вырвалось ярко-оранжевое пламя. Оно лизнуло поверхность фюзеляжа, полыхнуло в кабину. Шамиль оставил горящую кабину и выпрыгнул на парашюте. Под ним было Черное море. Заходящее солнце кровавило гребни волн. Они навсегда скрыли от Шамиля далекие береговые очертания родной земли...

Через пять дней Крым стал нашим.

Короткую, но славную жизнь прожил Шамиль Мунасыпович Абдрашитов, парень из Оренбурга. Он

совершил более двухсот сорока боевых вылетов, провел тридцать восемь воздушных боев, сбив при этом шестнадцать самолетов противника. Родина высоко оценила его ратные подвиги, наградив его четырьмя орденами и тремя медалями. Второго августа 1944 года ему посмертно было присвоено почетное звание Героя Советского Союза.

Большое сердце было у моего друга, бесстрашного воина-коммуниста...

1967 г.

Н. Ливанов
ЗА ЗЕМЛЮ РОДНУЮ...

Герой Советского Союза
Николай Дмитриевич Авдеев

В тот грозовой июнь не пришлось долго ждать боевого задания. Получив его, экипаж самолета остался спокойным, войны ничем не выдавали своего внутреннего волнения. Веселый, озорной Вася, стрелок-радист, шутливо подмигивал штурману Николаю Авдееву.

— До вылета еще целых полчаса. Может, в кино на первый сеанс успеем сходить, а?

Николай скуп, кончиками губ улыбнулся и ничего не ответил. Но понял: Вася шутит не ради веселья. Смысл шутки прост: «Я нисколько не боюсь, смотри — даже шучу. А ты?»

Это уже хорошо. Николай склонился над картой, детально изучал цель. Пока шло так, как на большом и ответственном учении.

Справа в темно-синюю высь с легким треском взлетела зеленая ракета. Усилился рев авиационных моторов. Одна за другой поднимались машины...

Ночное небо было безоблачным. Внизу растворялись, терялись во мгле очертания сел, рощиц. Все реже поблескивали змейки речушек, озер.

Под мрачным покрывалом светомаскировки, казалось, все вымерло. В небе шло восемь бомбардировщиков. Внутри их напряженно работали товарищи Николая. Никто из них еще никогда не «нюхал пороху». Но вчера на митинге все говорили одно и то же: «Бить врагов надо! Жизни не пожалеем!»

А как будет сейчас? Хватит ли духу и мужества, чтобы повторить те же слова, когда бомбардировщики подойдут к цели, приблизятся к звериному лицу врага?

— Как дела, товарищ лейтенант? — послышался в наушниках голос летчика Черненко. — Скоро ли доберемся до передовой?

— Осталось немного, — ответил Николай. — Подготовьтесь к боевому курсу.

Слева поползли от земли вверх тысячи мелких разноцветных огоньков.

— Смотрите, Николай! — воскликнул Вася. — Иллюминация какая! Трассирующие пули!

Никто из летчиков не рассчитывал на легкую «воздушную прогулку». Фашисты тогда вели себя в небе и на земле нагло, по-разбойничьи. Численное превосходство толкало их на коварные авантюры. Каждый наш

авиатор хорошо понимал, что никакой скидки на его молодость, неопытность не будет...

А вот и передовая. Бесперывно, одна за другой, в воздух взвивались сигнальные ракеты, вспыхивали огни взрывов и выстрелов. За ними лежала цель — узловая станция, а на ней вражеские эшелоны с техникой, боеприпасами. Гитлеровцы подтянули их поближе к передовой, готовясь к новому прыжку на нашу землю.

Бомбардировщики легли на боевой курс. Впереди, недалеко от самолетов вырос столб ослепительного света. Он метнулся в одну сторону, потом в другую, начал описывать окружности в ночном небе.

— Зенитчики всполошились! — крикнул Николай своим товарищам.

Через несколько минут ночное небо уже прощупывало несколько прожекторов. Луч одного из них скользнул по плоскости самолета Черненко. На миг кабина наполнилась светом.

Зенитки не заставили себя долго ждать. Сбоку, впереди, точно пухлые комочки, появились разрывы снарядов. Их смертоносная сетка становилась все гуще и гуще. Несколько осколков шаркнуло по обшивке самолета. «Девятка», под таким номером шел самолет Черненко, свернула чуть правее. На этот раз удалось уйти от прожектора.

Однако через несколько минут в кабину снова прорвались снопы света. Они появились почти одновременно с двух сторон. Николай на миг зажмурил глаза. «Кажется, схватили в клещи, сейчас полоснут!» — подумал он. Самолет дал крен вправо. Но в темноту не удалось вырваться. Не принес успеха и рывок влево. Цепкие щупальца прожекторов словно схватили самолет в свои смертельные объятия. Через секунду в кабине запахло гарью. Оглушительный треск раздался совсем рядом. Осколки раскаленного металла пробили обшивку.

— Кажется, пристрелялись, гады! — глухо проворчал стрелок-радист.

Вдоль луча прожектора потянулись к самолету пунктиры трассирующих пуль, забарабанили по фюзеляжу, крыльям. Тяжело было погибать в первом же боевом вылете, не успев причинить фашистам ни малейшего вреда! И вдруг внизу раздался взрыв. Один из прожекторов мгновенно потух. Самолет быстро юркнул в спасительную темноту.

— Спасибо, хлопцы! — с радостью воскликнул Николай.

Именно в эти секунды он до глубины души прочувствовал, что значит товарищеская боевая выручка.

Настроение членов экипажа резко приподнялось. Все духовные и физические силы были теперь подчинены одному — выдержать курс, метко сбросить бомбы на цель.

Николай прильнул к прицелу, но цель вдруг переместилась.

— Прошли через пекло, а тут будем мазать! — ворчит Николай и командует: — Вправо на два градуса!

Самолет выравнивается. Еще несколько секунд, и бомбы пошли на цель. Внизу загромыхало, клубы дыма обволокли черные вереницы вагонов.

Один за другим на цель заходили и другие бомбардировщики. Сильные взрывы потрясли станцию, там рвались боеприпасы.

Первое боевое задание было выполнено.

После этого Николаю Авдееву и его товарищам не раз приходилось бывать в бою. Были условия и посложнее. Но первый вылет, первый экзамен запомнился ему до конца дней. Так и не удалось узнать, кто же помог их самолету вырваться из смертельных объятий прожекторов. Никто из летчиков в этом «не создавался». Но из той операции на аэродром не вернулся один бомбардировщик. Может быть, именно его экипаж пожертвовал собой ради товарищей, попавших в беду.

После каждого вылета летчики давали клятву мстить фашистам за погибших друзей, за все наше, советское, которое пытались отобрать гитлеровцы. Давал эту клятву и Николай Авдеев.

В первые дни войны Николай Авдеев совершил пятнадцать боевых вылетов. Были неравные схватки с фашистскими стервятниками, потери боевых товарищей — все пришлось испытать. Но враг всегда испытывал и бомбовые удары «девятки».

Авиасоединение, в котором служил Николай Авдеев, перебрасывалось с одного фронта на другой: Орел, Ленинград, Харьков, Сталинград, Киев... А на Урал, в Орск, почта приносила скупые весточки:

«...Все в порядке, не волнуйтесь, врагу не даем покоя, возвратимся с победой».

«...Дорогие мои, можете поздравить меня с правительственной наградой — орденом Красного Знамени...»

Несколько позже грудь гвардии капитана Николая Авдеева украсилась еще одним орденом Красного Знамени.

В эскадрильи теперь знали Николая Авдеева как опытного штурмана. Сначала на его счету были десятки боевых вылетов, потом этот счет увеличился до сотни, перевалил на другую... Было сбито несколько фашистских самолетов.

Когда в сводках Советского Информбюро сообщалось о новых ударах наших бомбардировщиков по гитлеровцам, Николай с удовлетворением отмечал, что в эти удары и он вложил частицу своей силы. Почти каждый день экипаж уходил в далекий рейд, в тыл врага, бомбил военные объекты немцев в Польше, в Восточной Пруссии, в Прибалтике.

В жаркий июльский день бомбардировщик, штурманом которого был Николай Авдеев, в группе других самолетов шел на очередное задание. Цель — разбомбить скопление живой силы и техники врага у города Люблина. Николай Авдеев знал эти места, ему много раз приходилось летать по этому курсу днем и ночью.

Появилось шесть вражеских истребителей против трех наших бомбардировщиков. На стороне гитлеровцев были маневренность и скорость. Лишь точный и умелый огонь мог отогнать или уничтожить стервятников.

Вверху над головой пронеслись сизые дымки. Казалось, вот-вот они вопьются в голову. Потеряв в эти секунды присутствие духа, сломай боевой строй — и тогда конец всем, насыдут истребители, доконают. Это

понимал каждый. Николай судорожно сжал ручки турели. В сетке прицела быстро рос силуэт фашистского коршуна. Но стрелять по нему еще рановато. Нужно дать ему подойти на линию действительного огня, а вот теперь — огненная трасса понеслась навстречу стервятнику. Дружно ударили и с других самолетов.

Расчет гитлеровцев — напасть с ходу, всей группой, не удался. Встретив отпор, они резко изменили тактику, вытянулись цепочкой, стараясь атаковать задний самолет и им же прикрываться от нашего огня.

Но и этот маневр был разгадан. Бомбардировщики эшелонировались по высоте и встретили истребителей врага огнем всех пулеметов. Фашистские самолеты метнулись в сторону и скрылись за облачком.

Ушли? Не похоже на стервятников. Имея численное превосходство, они не уйдут. Так оно и вышло. Перестроившись, истребители вновь ринулись на бомбардировщиков.

Николай увидел, как один из фашистов начал пристраиваться сзади соседа-бомбардировщика, выравниваясь с ним в одной плоскости. Наш самолет фактически был обезоружен. Стрелять по стервятнику нельзя: пули прошивают хвостовое оперение своего самолета, и тогда хорошего не жди.

Для принятия решения Николаю понадобились секунды. Команда, и... самолет дает резкий крен. Николай нажимает гашетку. Промаха не может быть — истребитель совсем рядом. Фашист не ожидал такого оборота, метнулся в сторону, но было уже поздно. Около вражеского самолета появился дымок, из-под мотора выскочили небольшие языки пламени и жадно начали лизать подтеки масла. Потом самолет вспыхнул и, объятый черными клубами дыма, ринулся вниз.

Радость охватила и Николая и его товарищей. И не только потому, что он отправил на тот свет фашиста. Главное — спасена жизнь товарищей. И он, Авдеев, сделал это так, как сделали то же его друзья в ту тревожную ночь первого боевого вылета. Это был седьмой вражеский самолет, уничтоженный Николаем.

С очередной атакой у гитлеровцев также ничего не вышло. В небе появились советские истребители. Потеряв еще два самолета, фашисты обратились в бегство.

На обратном пути после бомбежки наши самолеты снова встретились с вражескими истребителями. Разгорелся жаркий бой. Боеприпасов на бомбардировщиках оставалось немного. И гитлеровцы скоро почувствовали это. Они нагло сближались, прошивали пулеметными очередями наши самолеты.

Выход был в одном — уйти. Двум бомбардировщикам это удалось сделать. Один самолет — на нем летал и Авдеев, вспыхнул и начал падать. Экипаж выбросился с парашютами.

После приземления укрылись в густой ржи. Долго носились фашистские стервятники над местом падения самолета, пытаясь обнаружить и расправиться с советскими летчиками. Но старания их пошли впустую.

Очень скоро экипаж самолета был готов к новым боям. Вскоре число боевых вылетов, совершенных Николаем Авдеевым, достигло 270.

Однажды, после возвращения с боевого задания, Николай Авдеев узнал радостную весть — Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Советского Союза. Это было 19 августа 1944 года.

Командир части писал родителям Николая в Орск:

«...Ваш сын Николай Дмитриевич Авдеев, штурман нашей гвардейской краснознаменной авиационной части, проявляет величайшие образцы мужества, героизма и отваги в борьбе с фашистскими захватчиками. Поздравляем Вас с присвоением ему звания Героя Советского Союза. Выражаем наше гвардейское спасибо за воспитание сына-героя».

Когда это письмо дошло до берегов Урала, семью Авдеевых уже подстерегала другая весть...

Это было 1 сентября 1944 года. Штурман Герой Советского Союза капитан Авдеев вел бомбардировщики в тыл врага. Внизу еще не тронутые осенним дыханием зеленели луга, серебрилась речка, напоминая о родном Урале.

Справа и слева появились назойливые клубочки разрывов зенитных снарядов.

— Держим боевой курс! — объявил по переговорному устройству Николай Авдеев.

Первый заход. У железнодорожного полотна взвились черные клубы дыма. Запылали склады, вагоны. На втором заходе осколок снаряда угодил Николаю в висок. На миг глаза обволокло сизым туманом. Теплая кровь брызнула на одежду, штурманские приборы.

Но штурман не упал. Зажав рукой рану, он продолжал командовать.

— Левее три градуса, так, так. Хорошо!

Бомбовой удар пришелся по цели. В воздух взлетели обломки строений, повалились вагоны с техникой.

Задание выполнено. Теперь скорей, скорей домой! Но хватит ли сил добраться до аэродрома?

Винты с ревом врезаются в воздух. Вот уже позади остались разрывы снарядов. Но на пути снова вражеские самолеты. Снаряд угодил в мотор бомбардировщика. Раздался взрыв. В штурманскую кабину ворвался огромный сноп пламени, ударил в лицо, по рукам. Весь обгоревший Николай Авдеев успел выкрикнуть два слова:

— Держись, ребята!

Самолет, ободранный и простреленный, приземлился на лужайке.

Друзья не нашли Николая в самолете. Люк был открыт, штурманская кабина пуста...

Обнаружили Авдеева внизу, под плоскостью самолета, прижатого к земле. Еще два часа боролся сильный организм штурмана со смертью...

Похоронен герой на украинской земле, у Киева. На гранитной плите — надпись:

**Герой Радянского Союза гвардии капитан
Мыкола Дмытровыч Авдеев
1919—1944**

Могила — на холме. А внизу шумит старый бурливый Днепр, родная земля славного kobзря Шевченко. Расцветает украинская земля, на которой сражался с врагами Советской Родины и погиб русский парень с Урала — Николай Авдеев.

1967 г.

М. Мерзабеков
СЫН СТЕПЕЙ

Герой Советского Союза
Уразак Кстаубаевич Акбауов

— Младшего лейтенанта Акбауова к комбату!

Худощавый, стройный, смуглый по природе, а от походной жизни весь почерневший офицер легкой походкой направился к штабу. Настроение у Уразака Акбауова было хорошее. Только сегодня утром командир батальона назвал его подчиненных «орлами» за отличную строевую выправку. По подтянутости воина судят о его боевом духе. И сердце младшего лейтенанта чуяло, что между утренней похвалой и нынешним вызовом есть связь.

Сегодня было еще одно подтверждение того, что первый взвод, которым командует Акбауов, находится у командования не на плохом счету. Когда распределяли средства переправы, командир роты приказал:

— Все лодки — первому взводу.

Другие взводные завистливо поглядели на Акбауова. Им пришлось мастерить плоты, приспособливать для плавания бочки или довольствоваться еще более простыми средствами переправы. А его солдаты латали чудом уцелевшие после отступления немцев рыбацкие лодки. Нет, не последнее место отводится его взводу в предстоящем форсировании Днепра.

Ну, что ж, пока ему не приходилось быть во втором эшелоне.

Война бросала молодого офицера в самое пекло, ковала из него настоящего воина.

Боевое крещение парторг роты рядовой Акбауов получил на Волоколамском шоссе, недалеко от тех мест, где годом раньше насмерть стояли панфиловцы. Семерка разведчиков, которую он возглавлял, возвращалась с задания и была окружена взводом фашистов.

— Живыми не сдаваться, последняя граната на себя, — передал Акбауов по цепи.

Несколько часов продолжался неравный бой. Трое разведчиков были ранены, в том числе командир (рубец на лице — память о том бое). Послали связного к своим. Не пробился, погиб. Отправили второго — этот прорвался, доложил командованию данные разведки. Наше подразделение выбило противника из села и выручило отважных разведчиков, продержавшихся до подхода своих.

Поредел батальон в боях. В роте не осталось ни одного офицера. Комиссар батальона собрал коммунистов,

сказал:

— Нужно собрать бойцов, отставших от своих частей, восстановить боеспособность батальона и держаться до подхода подкрепления.

За ночь Акбауов и его товарищи собрали вместе с остатками своей роты человек шестьдесят. Их разбили на три группы, командовать которыми было поручено трем рядовым бойцам-коммунистам. Одним из них был парень из домбаровского аула Уразак Акбауов. Командовать ротой стал старшина.

На войне, где человек проходит проверку и на храбрость и на страх, предельно раскрываются его способности, его моральные качества. У Акбауова обнаружились командирская сметка, твердость характера, воля. Много раз он был ранен. Иногда лечение кончалось перевязкой, иногда приходилось ложиться в госпиталь. После одного из ранений его послали на офицерские курсы. Окончив их, младший лейтенант Акбауов принял взвод в гвардейской дивизии, которой выпала славная доля громить гитлеровцев у волжской твердыни и в Курской битве.

...В штабе были собраны все офицеры батальона. Командир говорил отрывисто, чеканя каждую фразу:

— Ровно в полночь начинаем форсирование Днепра. Внезапность — решающий фактор. Фашисты хвастают, что тот берег они превратили в неприступный «Восточный вал». Мы еще посмотрим, такой ли он неприступный. Нашему батальону приказано первым переправиться на тот берег, закрепиться на плацдарме. Переправу начнет усиленный взвод младшего лейтенанта Акбауова. Прошу к карте, младший лейтенант. На лодках вы высадитесь на этот остров.

Используя внезапность, атакуете и уничтожите огневые точки противника. Затем вброд перейдете старицу и закрепитесь на том берегу...

После окончания совещания комбат попросил Акбауова остаться. Предложив ему папиросу, чиркнул зажигалкой и заговорил:

— Почему именно тебе доверили это дело? Ты у нас один из старых по опыту командиров, коммунист со стажем. Понохал пороху. Потому и доверили. Ну, ни пуха ни пера! — и крепко пожал руку Уразаку.

Когда стемнело, солдаты на себе потащили лодки к месту переправы. Оттащат одну к берегу, в кусты, возвращаются за второй. Скоро все лодки были переброшены к тому месту на берегу, от которого на штабной карте начиналась красная стрела.

Над готовящимися к переправе подразделениями то и дело пролетали снаряды. С той стороны, где затихал их свист, через некоторое время доносилось глухое уханье разрывов. Иногда на берег забредала шальная пуля и отсекала листву на деревьях. На вялый огонь, что вели немцы из-за реки, никто серьезного внимания не обращал. Наши знали, что опасны не те вражеские расчеты, которые наугад стреляют через головы своих, а те, которые затаились в прибрежных кустах.

У воинов взвода было хорошее настроение, будто вовсе не ждали их этой ночью холодная вода и огневой ливень.

Погода пришла на помощь освободителям родной земли, с вечера пошел дождь.

Когда до берега оставалось метров тридцать, воздух рассекла ракета и, описав дугу, упала прямо на первую лодку. Спустя мгновение в корму лодки угодила вражеская мина. Лодку расколело, она накренилась и стала погружаться в воду. Станковый пулемет громыхнул и сполз в пучину.

— Вплавь! — скомандовал Акбауов.

Сапоги, плащ-палатка, автомат тянули в глубину. Но не зря детство Уразака прошло на степной реке Ори. Плавал он хорошо. А все равно хлебнул порядком воды, пока зацепился у берега за кусты. Держась за них, отдышался, оглянулся назад... Рядом услышал захлебывающийся голос:

— Товарищ младший лейтенант, я больше не могу, прощайте...

— Чудак, у самого берега...

Акбауов вытащил бойца из воды, помог выбраться на сушу. Один за другим добрались до острова бойцы утонувшей лодки, две другие подошли без потерь. Все сидели в «мертвой зоне», под кручей, вне обстрела. Вторая группа лодок приняла на себя более сильный огонь. Одна лодка утонула вместе с людьми.

Так на острове оказалось два десятка советских воинов, вооруженных автоматами и гранатами. Маленькая пядь родной земли была у них под ногами. Повыше, замаскировавшись в кустах, вели огонь враги. Они, хотя и не видели наших бойцов, но держались настороже, так как наверняка знали, что не все переправлявшиеся уничтожены.

Акбауов приказал первому отделению наступать вдоль берега вверх, второму — вниз. Каждое из них должно, действуя внезапно, подавить огневую точку противника. С третьим отделением шел командир взвода. Задача этого отделения — уничтожить немецкий миномет. Атаковать всем одновременно, по сигналу командира взвода.

Обстоятельства внесли поправку в этот план. Третье отделение, продвинувшись на несколько шагов, попало под автоматный огонь. Забросав противника гранатами, оно поднялось в атаку. В эту секунду впереди блеснуло пламя миномета, стрелявшего по переправе. Два отделения, не успевшие далеко отойти, повернули на выстрелы. На немцев с трех сторон полетели гранаты. Минометный расчет противника был уничтожен.

Немецкие пулеметы продолжали вести огонь по переправе. Их надо было уничтожить как можно скорее. Один из пулеметов был забросан гранатами, его расчет полностью погиб. Расчет другого бросил оружие и бежал.

В шестом часу утра на отвоеванный взводом плацдарм переправился весь батальон. Взвод Акбауова форсировал вброд старицу Днепра и вышел к главной оборонительной линии гитлеровцев. Вскоре здесь же сосредоточился и батальон.

Бой становился все ожесточеннее.

С утра до полудня батальон отбил тринадцать контратак фашистов. Немцы бросали в бой свои отборные силы, затем выпустили власовцев, но и эта контратака захлебнулась. Но вот из-за бугра выползли три «тигра», бронемашина, а за ними — самоходное орудие. Лязгая гусеницами, они надвигались на узкую прибрежную полосу, удерживаемую поредевшими ртами батальона.

— Смерть за смерть, — кричал младший лейтенант, нажимая на спусковой крючок или метая гранату. — Получайте, гады, за сожженную нашу землю, за слезы наших матерей. Получайте...

Акбауов, раненный в правую руку, преодолевая боль и слабость, держался в бою. Рядом — командир отделения Ахметов, а немного дальше — рядовой Сидоров. Они лежали в небольшой лощинке, в одиночных окопах, откуда только сегодня утром выбили гитлеровцев. Поодаль окопались все, кто остался в живых от взвода. На них двигался один из «тигров», а под его прикрытием шла пехота.

В танке, видимо, не замечали спрятавшихся Акбауова и двух его товарищей. Через их головы «тигр» вел огонь по цепи залегших бойцов.

— Сидоров, стреляй по пехоте, а мы с Ахметовым займемся танком, — приказал Акбауов.

Неожиданно танк, круто свернув, двинулся на Сидорова. Акбауов с большим усилием выпрямился во весь рост и, неуклюже размахнувшись левой рукой (правая истекала кровью), бросил противотанковую гранату под гусеницу «тигра». Танк вздрогнул, завертелся на одном месте: его «разули на одну ногу». Граната Ахметова разорвала вторую гусеницу. Танк двигаться уже не мог, но он еще вращал башней и вел огонь.

Вторую, последнюю свою гранату Акбауов метнул по башне. Бронированная махина замерла, но окончательно ее участь решила граната, брошенная Ахметовым в бензобак. В небо взметнулся фонтан пламени. Немецкая пехота, оставшись без прикрытия, откатилась назад. К нашим подошло подкрепление.

Когда напряжение спало, Акбауов почувствовал, что силы его покидают. Были прострелены рука и нога, осколок засел в голове под кожей, будто огненным прутком проткнута грудь.

Очнувшись, Акбауов увидел над собой быстро бегущие взлохмаченные тучи. Моросил дождь. Капельки били по глазам, потом струйками стекали по лицу. Подошедший санитар на вопрос: «Где мы?» ответил:

— Ждем переправы.

Раненый сосед рассказал подробнее. Вторые сутки немцы держат переправу и подступы к ней под артобстрелом, бомбят с воздуха.

Только на третью ночь раненых перевезли на левый берег.

На госпитальной койке хватало времени для воспоминаний.

...Степь, юрты, табуны лошадей. Семье Акбауовых принадлежало только степное приволье. На юрту у них не было кошмы. Не было у них ни отары овец, ни косяка лошадей. Зимой и летом семья не вылезала из подслеповатой низкой мазанки.

Уразак, старший из пятерых детей, с малых лет стал пастушком, батрачил у баев. Как и все казахские дети, он чуть ли не с пеленок научился скакать на коне, отлично плавал.

Советская власть дала свободу, открыла путь к новой жизни ранее отсталому, угнетенному казахскому народу, у которого не было даже письменности. Правда, не сразу исчезли законы кочевой старины. Но над степями уже дули другие ветры. Двадцатилетний Уразак сел за родной букварь, только что появившийся в свет.

В тридцатом году Уразак вступил в Коммунистическую партию. Его послали учиться в совпартшколу. После школы Домбаровский райком партии направил его в аул избачом. Трое коммунистов было тогда в деревенской партиячке: председатель колхоза, председатель Совета и он. В селе, где основная масса населения была неграмотной, на плечи избача ложилась большая просветительная и политическая работа.

Позже Уразак Кстаубаевич был избран секретарем колхозной парторганизации. Учился он в Оренбурге на курсах пропагандистов. Работал управляющим фермой совхоза, инструктором, а затем заведующим сектором Новоорского райкома партии. Перед самым призывом в Советскую Армию возглавлял колхоз. Пехотное училище, куда Акбауова зачислили курсантом, окончить не удалось. Весь их курс был отправлен на фронт.

...Еще не совсем зажили раны, но Акбауов попросился в свой полк.

Советская Армия накапливала силы на правобережном плацдарме. Узенькая брешь в обороне немцев, которую пробил взвод Акбауова, расширилась, соединилась с другими. Пройдет еще немного времени и прозвучит клич: «Даешь Киев!».

Младшему лейтенанту дали попутное поручение: отвести на передовую группу солдат. Маршировал он во главе колонны и вдруг увидел идущего навстречу командира своего полка в сопровождении группы офицеров. Тот тоже узнал его.

— Смирно, — скомандовал Акбауов солдатам, чтобы приветствовать командира полка.

— Отставить, — остановил тот. — Ты скажи, откуда взялся? Мы считали тебя погибшим...

Вспомнив что-то, полковник резко повернулся к солдатам, с интересом следившим за встречей однополчан, скомандовал «смирно» и отдал честь Акбауову:

— Товарищ младший лейтенант, поздравляю вас с присвоением звания Героя Советского Союза!

Для Акбауова это поздравление было неожиданным. Командир полка рассказал ему о том, кому из воинов, первыми переправившимся через Днепр, присвоены высокие звания, кто награжден орденами. Когда расставались, сказал:

— Иди в штаб. Принимай взвод. Воевать еще до Берлина...

В Новоорске хорошо знают Уразака Кстаубаевича.

— Один из старых коммунистов. Проводили его на пенсию. Но приходит часто, выполняет поручения, — говорят о нем в партийной организации.

Уразак Кстаубаевич — почетный комсомолец и почетный пионер. Ребята приглашают его на сборы, любят слушать рассказы о боях, о годах коллективизации.

Героя мы застали дома. Седой. Глубокими морщинами исполосовано его лицо. Рассказывает неторопливо, стараясь до подробностей воскресить в памяти события давно минувших дней. Войну кончил капитаном. Здоровье сейчас не ахти какое. Шутка ли — семь раз в госпиталях лежал, после контузии четыре месяца глухой был.

А годы идут. Молодежи иногда кажется: была ли война? Да была. Поглядите на шрам на лице этого раньше времени поседевшего человека. Он состарился потому, что отдал часть своей жизни за счастье нашего молодого поколения, за счастье всех советских людей.

1965 г.

А. Елисеев
ШЕЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

Герой Советского Союза
Алексей Сергеевич Андреев

...В числе делегатов областной партийной конференции Оренбуржья был среднего роста худощавый молодой человек с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди.

— Такой молодой, а герой. Неужели в годы Отечественной войны получил? — интересовались впервые избранные на конференцию делегаты.

— Именно в годы войны, — отвечали знающие героя оренбуржцы и поясняли: — Это слесарь нашего завода «Гидропресс» Алексей Сергеевич Андреев.

* * *

...Из-за горизонта медленно поднималось большое огненно-красное солнце. Начинался сухой и знойный июньский день 1944 года. Подразделение советских войск с приданными ему противотанковыми орудиями только что с боем освободило от гитлеровцев небольшую литовскую деревушку.

— Приготовиться к контратаке! — последовал приказ.

Наводчик противотанкового орудия младший сержант Алексей Андреев взобрался на полуразрушенный амбар и стал внимательно осматривать местность. Взгляд его остановился на небольшой возвышенности, видневшейся в стороне. В самом центре ее, словно кратер, зияла глубокая воронка от взрыва снаряда крупного калибра.

— Ты чего там выглядываешь? — спросил наводчика заряжающий.

Подав руку и втащив заряжающего на амбар, Андреев показал на облюбованное место и сказал:

— Смотри, вот позиция! Фашистские танки попрут здесь. В лоб их будет бить несподручно. А оттуда, с фланга, мы их по ребрам...

— Далеко выдвигаться одним опасно... — начал было заряжающий, но, увидев подошедшего командира подразделения, смолк.

— По ребрам, говоришь, — произнес командир, и на его возбужденном лице появилась чуть заметная

улыбка, которая всегда радовала и ободряла воинов, — действуй, Андреев! Позиция добрая. А если что случится, поддержим.

Замаскировав на возвышенности орудие, расчет приготовился к бою. Ждать долго не пришлось. Вскоре показались вражеские танки. «Только бы не заметили», — подумал Андреев. Недалеко появился тяжелый танк врага. Он шел прямо на деревушку, подставляя свой бок под выстрел. Наводчик открыл огонь. Бронебойный снаряд попал в цель. Танк, сделав несколько судорожных рывков, остановился и задымил. Третьим выстрелом Андреев поджег второй танк.

Фронтальный и фланговый огонь наших орудий заставил фашистов повернуть вспять.

Вскоре Андреева вызвал наблюдавший за ходом боя командир соединения. Генерал поблагодарил младшего сержанта за умелые действия и мужество. А через несколько дней на гимнастерке Андреева по соседству с медалью «За отвагу» появилась вторая боевая награда — орден Отечественной войны 1-й степени.

Шли дни. Советская Армия неудержимым потоком двигалась вперед. Наступил август 1944 года. Войска третьего Белорусского фронта освободили Каунас и вплотную подошли к границе Восточной Пруссии — колыбели немецкого фашизма. Бои здесь были особенно упорные и кровопролитные. Отступавший враг оказывал яростное сопротивление.

На одном из участков фронта советские воины готовились к отражению вражеской контратаки. У замаскированного орудия, выдвинутого вперед, стоял младший сержант Андреев. В наступившем затишье вспомнился ему родной Оренбург, паровозоремонтный завод, где работал его отец и где после окончания ФЗУ стал работать слесарем и он. Война оторвала его от любимейшей профессии, родной семьи, друзей. Уже не мало прошагал он фронтовых дорог, не раз смотрел смерти в глаза. И как бы ни было трудно, он не посрамит чести своей рабочей семьи, своего народа, высокого звания члена Коммунистической партии, в ряды которой его только что приняли.

Оглушительные залпы орудий прервали воспоминания о доме. Огненный шквал нарастал с каждой секундой. Снаряды рвались совсем рядом, вздымая глыбы земли. Закончив артподготовку, противник бросил в бой тяжелые танки с десантом автоматчиков.

— Алеша, пора, пора! — взволнованно торопил Андреева заряжающий. Но наводчик медлил. И только когда головной танк приблизился настолько близко, что стала ясно различима его ненавистная фашистская свастика, Андреев выстрелил.

Первый же снаряд угодил точно в цель. Алексей отчетливо услышал скрежет стали. Подбитая машина, нырнув в ложбинку, уткнулась дулом своего орудия в землю.

Вели огонь и другие противотанковые орудия. На поле боя один за другим останавливались подбитые фашистские танки, прячась за которыми, отстреливались уцелевшие автоматчики.

Вражеская контратака захлебнулась. Противник начал отступать. Находящийся рядом с Андреевым командир стрелкового подразделения выскочил из-за укрытия, чтобы возглавить преследование врага, но, сраженный автоматной очередью, рухнул на землю. На мгновение смертельно раненный советский офицер поднял с земли голову и, обращаясь к Андрееву, произнес:

— Там, впереди, их батарея. Во что бы то ни стало захватить ее. Подымай людей.

Оставив у орудия заряжающего, Алексей схватил автомат и со словами «Вперед! За Родину!» первым бросился за отступающим врагом...

Оборона врага была прорвана. Преследуя фашистов, наши подразделения захватили их батарею. Андреев сразу бросился к одному из уцелевших орудий и, развернув его, открыл огонь по отступавшим гитлеровцам. В это время рядом с Андреевым разорвалась вражеская мина.

...Очнулся Алексей в палатке полевого госпиталя. Вскоре туда вошел генерал. Его спокойные серые глаза были удивительно похожи на отцовские. Теплотой и лаской повеяло от них.

— Спасибо за все, что ты совершил для Родины, — сказал генерал.

Родина высоко оценила подвиг своего верного сына. Когда у солдата зарубцевались раны и он снова вернулся в строй, его вызвали в Москву. В Большом Кремлевском дворце Алексей Сергеевич Андреев получил орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Первым к нему подошел прославленный советский летчик Кожедуб, получивший в тот день третью Золотую Звезду Героя Советского Союза. Поздравив Алексея с высокой наградой, он спросил:

— А ты из какого гнезда вылетел, сокол?

— Из Оренбурга, — ответил Андреев.

1960 г.

М. Мерзабеков
ВО ГЛАВЕ СМЕЛЫХ

Герой Советского Союза
Илья Соломонович Артишев

Фронтовые годы для солдат складывались по-разному. Кто-то прошел с боями от Волги до Берлина, а кому-то довелось участвовать в единственном сражении.

Для Ильи Артищева боевая страда началась и кончилась под Витебском. Здесь в течение нескольких месяцев он держал оборону, ходил в разведку, попадал в окружение и выбирался из него, был ранен, словом, испил солдатскую чашу до дна.

Если рассказать только о сражении, где он показал образец героизма и отваги, за что получил звание Героя Советского Союза, то его воинский портрет будет неполным. Как же пропустить операцию, за которую его наградили орденом боевого Красного Знамени? Или как умолчать о боевых эпизодах, которые хотя и не были отмечены орденами и медалями, но требовали много храбрости, командирской сметки.

Когда молоденький лейтенант прибыл на передовую, на 1-м Прибалтийском фронте было относительно затишье. Окопавшись в траншеях и блиндажах, обе стороны укрепляли оборонительные линии, вели редкую перестрелку, разведывали друг друга.

В феврале сорок четвертого в белорусских лесах стояли морозы, как в глубине России. Только лес не походил на родные осокоревые рощи, что росли вдоль Сакмары под хутором Степановским, откуда был родом Илья. Да и любоваться особо красавицами-соснами было некогда. Забот и в обороне хватало. Лейтенанту предлагали роту, он согласился только на взвод. Надо понюхать пороху, думал он, там видно будет.

За его плечами были пехотное училище, которое он закончил отлично, командование взводом в полевом лагере, переподготовка в другом военном училище. Весь предфронтный период подготовил из Ильи кадрового офицера с прочными знаниями. Еще не обстрелянный, он нашел в обороне подразделения слабые места и обратился к командованию с предложениями об укреплении позиции. Если завтра фашисты возьмут да атакуют, что получится со взводом, у которого ходы сообщения по-настоящему не отрыты, блиндажи сколочены кое-как, нет запасных выходов, огневые точки плохо замаскированы. За потерю бдительности можно дорого поплатиться.

Командование поддержало его, и взвод начал окапываться по всем правилам военной науки. Лейтенант

внушал бойцам, что на войне мелочей нет, что уметь обороняться не менее важно, чем уметь наступать, что если мы заняли рубеж, то надо немедленно и хорошо укрепиться.

Предостережения молодого командира оказались верными. В одну из ночей немецкая разведка силами до роты напала на соседний взвод, который дрогнул и стал отходить. Весь удар врага принял на себя артишевский взвод. Он остановил фашистов. С наступлением рассвета вражеская разведка была выбита из окопов. Немцы, пришедшие за «языком», ушли без ничего, оставив пленных. Это было первое боевое крещение Артищева, укрепившее веру бойцов в твоего командира.

Вскоре взводу было дано задание достать «языка». Решили охотиться в лесу на ничейной полосе, куда немцы приходили за дровами. Группа разведчиков, тщательно изучив местность и разработав план действий, с ночи залегла на месте заготовки дров. Бойцы замаскировались особенно искусно.

Утром на опушке леса появилось пятеро немецких солдат. Трое были вооружены автоматами, один нес пилу, другой топор. Шли они тихо, озираясь по сторонам и ступая след в след.

Ничего не замечая, немцы подошли к месту рубки и совсем недалеко от наших разведчиков остановились у стройной сосны, начали пилить. Работа отвлекала внимание и автоматчиков, обманчивая тишина леса все больше и больше успокаивала их. Выждав минуту, когда фашисты увлеклись рубкой, наши воины по сигналу Артищева дали очередь, скосили трех автоматчиков. Не вооруженных, до смерти напуганных лесорубов окружили и взяли живьем. С фашистской стороны началась беспорядочная стрельба. Но было поздно, разведчики, захватив «языков», успешно отошли к своим.

Вторая удачная разведка — ночной поиск. С группой самых храбрых, крепких воинов Артищев ночью пересек фронт на стыке оборонительных линий противника и углубился в его тыл. Немцы здесь чувствовали себя как дома. Разведчики «облюбовали» часового у склада. Притаились в укрытии и стали ждать подходящего момента. Когда часового стало клонить ко сну, бойцы внезапно напали на него. Фашист даже нажать на спусковой крючок автомата не успел, как ему заткнули рот, а затем связали его, накрыли мешком, уложили на широкие лыжи, прихваченные с собой, и уползли в обратный путь.

Так операция за операцией шли как бы в нарастающей сложности.

Стоял май. Лес затопило талой водой. Командование поставило перед взводом Артищева задачу незаметно укрепиться в «нейтральном» лесу, где разведчики взяли в плен двух немецких лесорубов, и вести наблюдение за противником. Взвод подкрепили минометным и пулеметным взводами.

Освоение нового рубежа продолжалось целый месяц. Срубы для блиндажей и траншей заготавливали в своем тылу, потом бревна перетаскивали и в лесу собирали. Из-за болотистой почвы невозможно было рыть траншеи. Выход нашли. Каждую стенку траншеи делали из двух бревенчатых заборов, промежутки между которыми засыпали землей и утрамбовывали. Одновременно взвод изучал передний край врага.

А там наступило подозрительное оживление. Подтягивались танки, артиллерия, накапливались людские силы. Видимо, немцы решили предпринять контрнаступление. О результатах наблюдений Артищев сообщил в штаб батальона.

В один из вечеров на позицию к Артищеву прибыл взвод разведчиков, которому было поручено выяснить цель сосредоточения вражеских войск. Когда наши разведчики поползли в сторону фашистской передовой, обнаружилось, что гитлеровцы уже выходят на исходные рубежи. Разведка не смогла сообщить об этом своим, так как вражеские дозоры успели перерезать телефонный кабель. Лес позади позиций взвода Артищева был быстро занят противником. Началась артподготовка. Советские воины, составлявшие в лесу в общей сложности роту, оказались в окружении.

Но вот уханье снарядов прекратилось, и на роту двинулись фашистские цепи.

— Стрелять только по цели! Беречь патроны и мины! — скомандовал Артищев.

В минуту смертельной опасности, нависшей над сотней бойцов, молодой командир показывал образец выдержки и хладнокровия, ясное понимание обстановки. Его четкие команды вселяли уверенность в бойцов. Вот когда пригодились траншеи со сдвоенными бревенчатыми стенами и блиндажи в три наката. Из-за укреплений бойцы встретили вражескую цепь разящим огнем. Стреляли редко да метко, выполняя приказ командира. Пулеметы били короткими очередями. Фашисты залегли и откатились назад.

Снова начался артиллерийский и минометный обстрел. Снова атака. И снова окруженная рота косит и не подпускает врага. Пятнадцать атак предприняли за день фашисты против артишевских бойцов. И каждый раз атаки захлебывались.

На второй день немцы стали атаковать реже, но каждой атаке предшествовала яростная артподготовка. В одну из атак наши бойцы захватили в плен раненого вражеского солдата. Он сообщил, что фашисты потеснили нашу дивизию на 20—30 километров на восток. Правду или неправду говорил пленный, нужно было держаться.

Третий день боев был еще тяжелее. Рота несла немалые потери. На исходе были боеприпасы. Кончилось продовольствие. А тут еще немцы стали поджигать лес, пытаясь огнем и дымом выкурить окруженных. Но когда и пожар не помог, немцы пошли «на дипломатию».

— Рус, сдавайтесь! — кричали они в рупор. — Сдашься — жизнь получишь. Не сдашься — мертвый будешь. Кто голодный — выходи, хлеб дадим.

Насчет хлеба случай посмеялся над фашистами. Двое немецких солдат, тащившие на спине по мешку, видимо, заблудились и неожиданно оказались перед нашими окопами. Бойцы, не раздумывая, дали по ним очередь. Бросив ношу, немцы бежали. В мешках оказался... хлеб, предназначенный, конечно, для немецких солдат. Бойцы, ободренные удачей, стали громко отвечать на увещевания немецкого рупора:

— Хлеб уже получили. Выходи, фриц, пулю дадим!

Но шутка шуткой, а положение было критическое. Еще одного дня не выдержать. Наша дивизия, видимо,

отошла. Боеприпасов нет. Связи нет. Продовольствия нет. Что делать? Выходить из окружения, но как? Надо прорываться в сторону противника, решает Артищев. Там нас меньше всего ждут. Выход начать с наступлением темноты. Попытаться уйти бесшумно.

Под покровом ночи похоронили убитых, взяли раненых и цепочкой начали уходить на запад. Немцы не ожидали такой хитрости и просмотрели уход окруженных.

Выбрались бесшумно. Обошли вражеские позиции и повернули на восток. Шли болотистым лесом, куда фашисты боялись нос сунуть. Вязли в трясины, вымокли, обходили топи, пока не наткнулись на свое охранение.

За бои, выдержанные аванпостом, и умелый выход из окружения офицеры сводной роты, в том числе Илья Артищев, были награждены орденами Красного Знамени, а рядовые и сержанты — различными боевыми орденами.

После выхода из окружения десять дней отдыхали. Артищева назначили командиром роты. Пороху понюхал, можно роту взять.

Шла подготовка к большому летнему наступлению в Белоруссии. На фронт прибывали войска, техника. Проводилась интенсивная учеба. Рота училась брать высоту, похожую на ту, которую ей предстояло штурмовать с началом наступления.

22 июня на рассвете, в день и час начала Великой Отечественной войны, 1-й Прибалтийский фронт перешел в наступление. Два часа продолжалась мощная, сотрясающая землю на десятки километров окрест артподготовка. Залпы «катюш» полосовали летнюю зарю. Три года назад в этот час фашисты вероломно напали на нашу страну. А теперь Советская Армия, закаленная в боях, вдохновленная крупными победами над врагом, оснащенная самолетами, танками, артиллерией, начинала одно из своих сокрушительных наступлений. Неимоверно высок был боевой дух войск. «Кровь за кровь! Смерть за смерть!» — звучало на фронтовых митингах, в приказах Верховного Главнокомандования, в газетах, в устах командиров и бойцов.

Когда артиллерия, обработав передовую линию врага, перенесла огонь в глубину его позиций, танки, а за ними пехота двинулись в атаку. В первых траншеях происходили короткие, мимолетные схватки. Немцы, почувствовав мощь советского наступления, стали отходить. Рота шла за танками вперед, спеша не дать фашистам закрепиться на новых позициях.

Последующие подразделения закрепляли успех, расширяли прорыв.

К исходу суток рота Артищева углубилась на 25—30 километров в тыл врага. Там она получила приказ идти на соединение с партизанами и обеспечить подготовку к переправе через Западную Двину. Связной партизан, встретив роту, повел ее лесами навстречу своему отряду. Немцы в лес не шли. Охваченные паникой, они устремились по большим дорогам к Западной Двине, чтобы на том берегу укрепиться и приостановить наступление советских войск.

Когда рота, соединившись с партизанами, вышла к реке, то обнаружила немецкую переправу, охраняемую небольшим отрядом. Лейтенант доложил об этом по радиации командованию и получил приказ захватить переправу, не дать фашистам взорвать ее, удерживать плацдарм до подхода наших.

Артищев выбрал момент, когда движения через переправу не было, и дал команду к атаке. Охрану на этом берегу смял внезапным ударом. Весь огонь перенесли на тот берег. Преследуя вражеских солдат, наши бойцы хлынули на понтонный мост и заняли подходы к нему на противоположном берегу. Так переправа оказалась в наших руках.

Теперь надо было занять оборону на обеих сторонах моста и держаться.

Отступавшие немецкие войска не заставили себя долго ждать. К мосту подходила колонна грузовиков, видимо, тыловая часть. Ее наши воины встретили минометным и пулеметным огнем. В колонне началась паника. Создалась пробка. По радиации были вызваны наши штурмовики, которые стали бомбить скопления вражеских машин. Другая группа самолетов сбросила нашим минометы и боеприпасы на парашютах.

Около 500 советских бойцов (рота с приданными минометчиками и пулеметчиками и партизанский отряд) стойко держали в своих руках подступы к переправе на обоих берегах. Воины отбивали атаку немцев за атакой до прихода нашей танковой части. Сильный танковый удар сокрушил скопление вражеских войск. Броневые машины взяли направление на Витебск. Мост, захваченный ротой Артищева, обеспечил переправу всей дивизии. Рядом с «трофейным» мостом наши саперы навели новую переправу. И огромная сила, форсировав Западную Двину, ударила в тыл немецких войск, укрепившихся в Витебске и на подступах к нему. Другие соединения атаковали город с фронта.

Спустя три дня после начала наступления Витебск был взят. Дивизия прошла за какие-то сутки до 100 километров, преследуя отступавших гитлеровцев, а затем повернула на север, на Полоцк. В боях под Полоцком Илья Артищев был ранен.

Находясь в госпитале, он узнал, что дивизию наименовали Витебской, а ему присвоили звание старшего лейтенанта. А спустя еще несколько месяцев, будучи слушателем Московских курсов усовершенствования офицеров пехоты, он прочел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза за прорыв вражеской обороны и обеспечение переправы.

Вот такой вклад внес в Победу наш земляк, коммунист Илья Соломонович Артищев. После войны он закончил областную совпартшколу, работал инструктором обкома партии, секретарем райкома по зоне МТС, заведующим роно, директором школы. Ныне Илья Артищев — лектор областного отделения общества «Знание».

С. Левинсон НА ДНЕПРЕ

Герой Советского Союза
Федор Константинович Асеев

Дни в лагере шли своим чередом. На стрельбище и танкодроме, учебном поле и артполигоне красноармейцы настойчиво овладевали оружием.

Бузулукчанин Ф. К. Асеев, как и другие его земляки, находившиеся тогда на сборах, думал: «Отстреляемся и отпустят нас домой, к семье». А семья у Асеева, лесного объездчика, была немалой: жена и четверо сыновей.

Однако вернуться домой, к мирному труду не пришлось. Вероломный враг напал на нашу Родину, началась Великая Отечественная война. Дорога к семье, дальняя и трудная, пролегла через бои.

...В дверях теплушки мелькали села, станции, перелески, позади оставались глухие полустанки и большие города.

И чем дальше эшелон уходил от родного Оренбуржья, тем сильнее чувствовалось дыхание войны. Горько и больно было смотреть на разрушенные города и села. Дым пожарищ слезил глаза.

Эшелон остановился неподалеку от полусожженной станции. Часть выгрузилась и вскоре вступила в бой. Для многих бойцов он был первым, только не для старого солдата Асеева.

Федор Константинович Асеев родился в селе Сухоречке, близ Бузулука, в 1899 году в бедной крестьянской семье. Нужда и лишения — вот, пожалуй, и все, что сохранила память о детстве и юности. Асеевы жили большой и дружной семьей, работали до седьмого пота, однако из нужды не вылезали.

С победой Великого Октября канула в прошлое полуголодная, бесправная жизнь. Люди, испытавшие подневольный труд, горькую нужду, стали хозяевами своей судьбы. Только бы жить и жить! Но все силы старого мира обрушились на только что народившееся Советское государство. В июне 1918 года Асеев вступил в один из отрядов В. И. Чапаева.

В исторический день 19 апреля 1919 года в родном селе он, как и сотни других бойцов Пугачевского полка 25-й Чапаевской дивизии, принял присягу. После торжественной клятвы чапаевцы выступили навстречу врагу.

Где только не побывал в те годы Асеев. Будучи разведчиком, он засекал огневые точки колчаковцев в

районе Бузулука и под Бугурусланом, штурмовал Стерлитамак, в боях под Уфой отражал «психическую» атаку белогвардейцев. Был ранен, но остался в строю. Пришлось повоювать и на Польском фронте.

Кончилась гражданская война. Асеев вернулся в родное село. Занимался хлебопашеством, работал в лесхозе. Подрастали сыновья, достаток и счастье пришли в дом. На это счастье посягнули гитлеровцы. Пришлось снова взяться за оружие.

В годы Великой Отечественной войны артиллерист старшина Асеев познал и горечь неудач и радость побед. Сотни тревожных дней и ночей провел он на фронте, участвовал во многих боях, Его орудие, двигаясь в боевых порядках пехоты, вело огонь прямой наводкой, в упор уничтожало вражеские огневые точки и живую силу.

Однажды подразделение, в котором служил Асеев, проходило через украинское село, недавно освобожденное от гитлеровцев. Еще дымились остовы домов. С земли ветер поднимал пепел. Кругом лежали трупы замученных врагом людей. У развилки дорог Асеев и его товарищи увидели повешенную на перекладине женщину. У ее ног рыдала маленькая девочка. «Мама, мамочка!» — кричала она. Проходя в суровом молчании мимо виселицы, воины дали клятву беспощадно мстить врагу за кровь и слезы замученных.

Высокие волевые качества, командирское умение нашего земляка наиболее полно проявились при форсировании Днепра, на подступах к Киеву.

...В землянке было тесно. Бойцы, утомленные рытвем щелей, изготовлением плота, думали каждый о своем. Огонек коптилки тускло освещал усталые лица.

Асеев — в который раз! — достал из кармана треугольник письма, шершавой ладонью натруженной руки разгладил листок. Старший сын Александр, летчик, сообщал о первом сбитом им «мессершмитте». Успехи сына волновали отцовское сердце. Приятно было сознавать, что и он не отстает от сына: артиллерийский расчет, которым он командует, в битве за Киев уже потопил немецкий катер с офицерами.

Вскоре артиллеристы заняли места у орудия. Холодом веяло от Днепра. Беззвездная, тревожная фронтовая ночь простиралась над измученной землей. По ту сторону Днепра горели деревни. А здесь, в лесу, надломленные снарядами вершины деревьев поскрипывали, словно стонали от боли.

Расчету Асеева было приказано форсировать реку первым рейсом совместно со стрелковым взводом. Артиллеристы вышли к самому берегу красивой и могучей реки. Асееву показалось, что таким Днепр был и в гражданскую войну, когда он переправлялся со своим расчетом через реку, освобождая Киев от белополяков.

Кто-то у лодки тихо сказал:

— Ой, Днепро, Днепро, ты суров, могуч,
Над тобой летят журавли...

Нет, не журавли летели над Днепром. Снаряды и пули визжали и свистели над рекой.

Бывалые, натренированные воины, понимавшие своего командира с полуслова, спустили на воду плот, погрузили пушку, боеприпасы и поплыли к противоположному берегу. Течением реки плот стало относить в сторону. Немцы усилили огонь. Снаряды и мины рвались на прибрежной земле, в реке, поднимая столбы земли, фонтаны воды. Один из номеров орудия был ранен.

Причалили под огнем. Увяжая в размякшей после дождей земле, бойцы вытянули орудие на высокий берег, оборудовали огневую позицию. К расчету Асеева примкнуло шесть наших воинов — все, кто остался в живых из стрелкового взвода, переправлявшегося на лодках в одно время с артиллеристами. Асеев стал старшим начальником на плацдарме. Положение осложнялось тем, что группа не имела связи с нашим берегом: во время переправы осколки снарядов порвали кабель, повредили телефонный аппарат.

Забрезжил рассвет. Фашистские самолеты обрушили на плацдарм смертоносный груз. Советские воины мужественно выдержали налет. Они не понесли урона, потому что не щадя сил поработали над оборудованием позиции.

Налет был только началом. В туманной дымке показалась цепь гитлеровских головорезов. Их было свыше роты, и шли они во весь рост, непрерывно стреляя из автоматов.

— Нас «психической» не возьмешь, — сказал молодой боец, которого за голубые глаза все звали Васильком.

— Правильно, сынок! — отозвался Асеев. Он скинул с себя шинель и распорядился:

— Без команды огонь не открывать!

Нужна была несгибаемая стойкость, железная выдержка, чтобы подпустить врагов близко, бить их наверняка. И когда гитлеровцы подошли, Асеев крикнул:

— По фашистским гадам огонь!

Орудие вздрогнуло. Заговорили автоматы. Многие гитлеровцы свалились замертво, но те, кто уцелел, как очумелые, лезли вперед. Когда они приблизились на двадцать пять — тридцать метров, в ход пошли гранаты. Лишь несколько фашистов достигли плацдарма, но и они нашли здесь себе могилу.

Понесла потери и группа Асеева. На «пятакче» осталось в живых десять человек.

Отразив одну атаку, наши воины приготовились к отражению второй. Отогтелый враг пытался любой ценой уничтожить советских храбрецов. Лязгая гусеницами, стреляя на ходу, на плацдарм двинулись танки.

У щита орудия замерли наводчик Семен Смирнов, заряжающий Дмитрий Сорока. Грянул выстрел, второй. Передний фашистский танк остановился, охваченный пламенем. Вскоре сполз с обрвавшейся гусеницы и катками зарылся в землю второй танк. Из люков выскочили фашистские экипажи, но им не удалось унести ноги.

Стойкость советских воинов взбесила гитлеровцев. Из-за холма показался «тигр». Переваливаясь на

ухабах, он полз вперед, чтобы раздавить своей тяжестью людей, осмеливавшихся удерживать плацдарм.

В эту минуту наводчик Смирнов склонился на лафет. Его смуглое лицо стало бледным.

— Что с тобой, Семен? — спросил Асеев.

— Рука, — простонал раненый.

Асеев встал у орудия. Иван Бродников наложил на руку Смирнова жгут из бинта.

На «пяточке», занятом смельчаками, снова забушевал огонь. Снаряды рвали землю. Над головой визжало и свистело. Ранило заряжающего Сороку. Настали страшные минуты. Казалось, стальная громадина вот-вот надвинется на огневую позицию. В этот критический момент и пригодилось огневое мастерство командира. Асеев сам заряжал орудие, наводил, вел огонь. Выбрав момент, когда танк чуть развернулся, Асеев выстрелил, снаряд впился в борт «тигра». Желтое облачко пламени вспыхнуло на броне. Огонь полез выше, охватил башню и взметнул в хмурое небо рыжие языки. Выскочивших из танка гитлеровцев уничтожили из автоматов.

Асеев выпрямился, вытер рукавом мокрое лицо.

— Братцы, будем стоять насмерть! — крикнул он своим бойцам. — Гитлеровцы не пройдут, давайте снаряды!

После схватки с «тигром» бойцы углубляли окопы, щели, подсчитывали и распределяли ограниченный запас гранат, патронов. Где-то справа все громче и громче слышалась артиллерийская стрельба. Асеев определил: еще один наш артиллерийский расчет, закрепившись на берегу, начал бой с наседавшими фашистами.

...Наступила ночь. Холодный влажный ветер пронизывал до костей, слепил глаза. Люди почувствовали смертельную усталость, буквально падали с ног. Этого больше всего боялся командир. «Только бы выстоять, не отдать плацдарм врагу», — думал он.

Перед рассветом через Днепр стали переправляться наши главные силы. Батарейцы оживились, не в силах скрыть радость, которая затеплилась в сердце. Они с честью выполнили боевой приказ, выстояли, враг не перешагнул их рубеж, несмотря на превосходство в людях и технике.

Вскоре на плацдарм прибыло стрелковое подразделение. Асеев хотел было как следует по-уставному представиться командиру, но офицер не стал слушать, обнял его.

6 ноября 1943 года части Красной Армии вступили в Киев. Среди освободителей столицы Украины был и расчет старшины Асеева.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Федору Константиновичу Асееву за героизм, проявленный при форсировании Днепра, было присвоено звание Героя Советского Союза. Все другие защитники плацдарма были награждены орденами.

Наши войска с боями продвигались вперед, изгоняя фашистских захватчиков с родной советской земли, помогая другим народам освободиться от гитлеровского порабощения. Во многих боях участвовал артиллерийский расчет старшины Асеева. На его боевом счету числился 41 уничтоженный фашистский танк.

Асееву не довелось дойти до Берлина. В одном бою вражеская мина разорвалась рядом с огневой позицией орудийного расчета, которым он командовал. Сильная взрывная волна отбросила его в ров. Когда, преодолевая боль, он через некоторое время открыл глаза, то увидел санитаря, державшего в руке его каску...

Тяжелая контузия, открывшаяся старая рана вынудили бывалого воина покинуть строй.

Возвратившись домой, Асеев не стал ждать пока окрепнет здоровье. По рекомендации райкома партии он возглавил колхоз, включился в борьбу за хлеб, в котором так нуждалась страна. Вскоре к его боевым орденам прибавилась медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

1960 г.

М. Мерзабеков
ПАРЕНЬ ИЗ СЕЛА КУТЛУЕВО

Герой Советского Союза
Ягфар Ахметшин

- Ягфар! Жми сильнее!
- Держись, Наиль, догоняют тебя!
- Палками лучше работай!
- Последний круг, не жалей сил!

Такими возгласами подбадривала толпа мальчишек своих товарищей, которые на лыжах во весь опор неслись к финишу. Видно было: спортсмены они не ахти какие. Некоторые и скользить путем не умели, а попросту бежали с привязанными к валенкам лыжами. Но тот, который вырвался вперед, заметно выделялся. Бежал он легко, уверенно. Вот он поравнялся с судьей, и тот взмахнул рукой, засек время.

— Лучший результат показал Ягфар Ахметшин, — объявил судья. — Второе место занял Наиль Ашимов. Оба уложились в норму БГТО. Молодцы!

Учитель физкультуры Расих Фахрутдинов не удержался от того, чтобы не похлопать по плечу способных учеников, и объявил:

— С сегодняшнего дня вы будете учить остальных ребят ходить на лыжах.

Оба пятиклассника засияли. Кому не приятно, когда перед всем классом учитель хвалит тебя да такое важное поручение дает?

В деревню возвращались вдоль речки...

...На этой реке, носящей звучное татарское название Ирауз, и прошло детство Ягфара Ахметшина.

В крикливой босоногой компании Ягфар был заводилой. Ростом он был чуть пониже своих одноклассников, но в силе, выносливости, смелости немногие сверстники могли с ним состязаться. Плавал и нырял он лучше многих других. В беге не позволял кому-либо показывать себе спину. Умел бороться точь-в-точь как взрослые на сабантуях: неожиданно и резко падая назад, легко перекидывал противника через себя.

И только один Наиль Ашимов считался достойным противником Ягфара в любых видах состязаний. Двое сильнейших среди ребят, они были между собой большие друзья.

Ягфар отличался выдержкой, дисциплиной, старательно учился в школе, много читал, хорошо рисовал. Однажды в классе писали сочинение на тему: «Кем я хочу быть?» Ребята мечтали. Иной представлял себя

полярником, зимующим на льдине. Другой грезил о профессии летчика. У третьего мысли были на пограничной заставе, там, где несут дозор часовые Родины.

А кем же хотел стать Ягфар? Учителем. Таким как Макаренко. Разве в этой профессии меньше романтики? Сочинение его было написано с большой страстью, убежденностью. Учительница прочитала его вслух всему классу, а возвращая тетрадь, тепло сказала:

— Желаю, чтобы твоя мечта осуществилась.

Так бы оно и было: окончив семилетку, Ягфар учился в педагогическом училище. Но грянула война. С первым эшеленом отправился на фронт отец Ягфара — бывший секретарь сельского Совета Ахмет Ахметшин.

— Теперь на тебе лежит вся забота о семье. Береги мать и брата, — сказал отец Ягфару, улучив момент, когда они остались наедине.

Поздним ноябрьским вечером 1941 года почта принесла семье Ахметшиных горькую весть. В госпитале под Ленинградом после тяжелого ранения скончался отец. Несколько дней проплакала мать. Плакал, не отходя от убитой горем матери, младший брат Хайдар. Ягфар по-мужски крепился. Посуrowел. Где-то в глубине глаз загаилось невыплаканное горе. Юноша стал взрослым человеком.

— Мы отомстим за тебя, отец! — шептал он, крепко сжав кулаки.

Пришла пора и Ягфару надеть шинель и взять в руки оружие. Учебники педагогики и психологии остались раскрытыми. Когда-то теперь дойдет до них очередь?

Перед отправкой на фронт сфотографировались втроем: Ягфар, его друг Наиль Ашимов и учитель истории Галим Каримович Мифтиев. Это был любимый учитель юношей.

Он оказал большое влияние на формирование характеров своих учеников. А теперь пришло время испытания характеров. Все трое — и учитель, и ученики — ехали на фронт, но в разные части.

— Будем доучиваться после войны, — сказал учитель на прощание.

Так уж получилось, что не сохранилось ни одного письма от Ягфара Ахметшина. А приходили они от него домой часто. Писал с передовой, писал из госпиталя. «Бьем фашистов, мстим за отца», — сообщал он в каждом письме. Описывал бои, рассказывал о войнах-товарищах. И каждой последующей весточке приходилось преодолевать большой путь, чем предыдущей: фронт двигался на запад.

О героических подвигах Ягфара Ахметшина мы знаем лишь из письма, присланного его матери командиром части.

...1945 год. Бои шли на территории Польши.

На одном из участков фронта наше танковое подразделение прорвало оборону гитлеровцев. В прорыв устремились стрелковые войска, а танкисты двинулись дальше, в глубь расположения фашистов. На броне танков находился десант — взвод, которым командовал лейтенант Ахметшин.

Фашисты предприняли попытку окружить наш передовой отряд. Десантники вступили в бой с превосходящими силами врага. В этом бою взвод под командой Ахметшина уничтожил около шестидесяти вражеских солдат, пять противотанковых пушек. Одна из них была особенно хорошо замаскирована и долго вела огонь по танкам. Ахметшин, обнаружив ее, сам скрытно подполз к огневой позиции и гранатами поразил фашистский орудийный расчет.

В письме командира части далее сообщается, что при форсировании крупного водного рубежа был тяжело ранен командир роты. Ахметшин, приняв на себя командование ротой, действовал смело, решительно. Он вместе с группой бойцов первым бросился в ледяную реку.

...Вот, наконец, нога коснулась дна. Берег дышит в лицо шквалом огня. С нашего берега артиллеристы тоже ведут огонь по фашистским позициям. Один пулеметчик из роты Ахметшина, не достигнув берега, падает. Ротный командир подхватывает пулемет убитого.

Вот трое, первыми преодолев реку, залегли и открыли огонь по гитлеровцам. Пусть маленькая пядь земли, но это уже наш плацдарм. И легче теперь форсировать реку всей роте — на той стороне два наших пулемета, сам командир роты.

Когда переправился последний боец, Ахметшин поднял роту на штурм вражеских укреплений. Ни огонь немецких пулеметов, ни осколки фашистских мин не смогли ослабить натиска. Советские бойцы в короткой рукопашной схватке овладели двумя траншеями обороны противника.

В это время вражеская пуля настигла командира роты. Солдаты подхватили на руки своего командира. Но он уже не дышал.

Храброго воина похоронили в местечке Корнева Варшавского воеводства. Простившись с командиром, рота ушла дальше на запад, навстречу победе.

Партия и правительство высоко оценили боевые заслуги лейтенанта Я. Ахметшина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Село Кутлуево Асекеевского района раскинулось по обеим сторонам речки. Здесь родился и провел свое детство и юность Герой Советского Союза Ягфар Ахметшин.

Кутлуевский колхоз растет и крепнет. На полях, фермах, в мастерских кипит напряженный труд. По вечерам ведет передачи колхозный радиоузел, колхозники смотрят кинофильмы, слушают лекции, посещают клуб, библиотеку.

А где же те товарищи, с которыми Ягфар сфотографировался накануне отъезда на фронт? Наиль

Ашимов — офицер, преподает в военной академии. Бывший учитель Галим Мифтиев — тоже преподаватель высшего военного учебного заведения.

Матери Ягфара уже нет в живых. В селе живет брат героя Хайдар, он работает в колхозе. Именем героя он назвал своего старшего сына.

В местной школе пионерской дружине присвоено имя Ягфара Ахметшина. В одной из школьных комнат создан уголок героя.

Помнят героя, чтят его память односельчане. На примере патриота молодежь учится тому, как надо любить Советскую Родину.

1960 г.

А. Михневич
НА ПЛАЦДАРМЕ ЗА ВИСЛОЙ

Герой Советского Союза
Николай Дмитриевич Баздырев

Передо мной скромный снимок, сделанный уже после войны. В то время Николаю Дмитриевичу было 21—22 года. Худощавое лицо, жестковатые темные волосы с мальчишеским вихром, большой добрый рот. Не скажешь, что мужчина — так, парень призывного возраста. Если б не Звезда Героя, если бы не глаза. Очень серьезный, немного грустный, слегка усталый взгляд. В нем отразились и страшное напряжение многомесячного поединка с ненавистным врагом, и привычное равнодушие к опасности, и муки бессонных ночей в госпиталях.

Николай Дмитриевич Баздырев — наш земляк. Родился он в деревушке Михеевке Северного района Оренбургской области в семье колхозников. Чудесные места, воспетые известным писателем-оренбуржцем С. Т. Аксаковым: леса, поля, зеленые холмы, тихие речки...

После семилетки Николай работал в колхозе трактористом и собирался учиться дальше, но помешала война.

Ясным осенним днем 1942 года Николай вел свой старенький трактор с плугом по краю ржаного поля. Пласты жирного чернозема ровно ложились за плугом. Вдруг впереди выросла грузная фигура бригадира. Николай остановил машину.

— Получай, Коля, повестку. Завтра явишься. Как-нибудь без тебя зябку допашем. Не забывай нас, пиши и, конечно, возвращайся живой с победой.

Надолго расстался Николай с родными и товарищами, с любимой речкой Дымкой, полями и перелесками. Тракторист стал пулеметчиком.

Впервые встретился он с фашистами в районе Барвенкова, в Донбассе. Уже далеко на запад от Курской дуги откатились разбитые гитлеровские армии. Советские войска овладели Харьковом. Началось освобождение Донбасса.

В начале сентября 1943 года батальон, в котором служил Баздырев, получил приказ прорвать оборону противника внезапным ударом. На рассвете роты скрытно выдвинулись к возвышенности, занятой немцами.

У тех было тихо. Начинался дождь. Недалеко от вражеского переднего края остановились, залегли. Противник молчал. И тут в темном небе взвилась наша красная сигнальная ракета. Бойцы открыли огонь из всех видов оружия и ринулись вперед. Начался жестокий рукопашный бой. Группа немцев бросилась к нашему пулемету. Баздырев почти в упор застрелил трех фашистов. В этом бою молодые советские воины полной мерой отомстили за погибших товарищей и убедились в мощи своего оружия.

С тяжелыми боями часть, в которой служил Николай Баздырев, дошла до Днепра. Под Кременчугом он был ранен и контужен. После госпиталя участвовал в освобождении Одессы в апреле 1944 года.

В августе 1944 года бывалый пулеметчик со своей частью освобождал советскую Молдавию. За мужество и умелые действия в бою у города Тирасполя бойцы пулеметного расчета, в который входил Баздырев, были награждены орденами Славы III степени. Дело было так.

В сумерках завязался ближний бой в узкой долине. Все перемешалось, трудно было понять, где наши, где немцы, где тыл и где передний край. Николай Баздырев с Ротченко, вторым номером пулеметного расчета, выбрались на возвышенность и увидели, что находятся в тылу у немцев. Хорошо осмотревшись, заметили отходящую колонну противника и немедленно ударили по ней. Фашисты бросали автомашины и повозки, многие упали и уже никогда не смогли подняться.

Бой шел всю ночь. Окруженные немцы на рассвете попытались прорваться к своим. За ночь перед поредевшим батальоном сосредоточились превосходящие силы противника. У советских бойцов патронов было в обрез, гранат почти не оставалось.

Командир роты приказал пулеметному расчету выдвинуться вперед и держать под огнем фланг противника. Баздырев и Ротченко едва успели перебраться на новую позицию, развернуть пулемет, как немцы поднялись во весь рост и пошли в атаку, но прицельный огонь пулемета заставил их лечь и не давал подняться. В это время подвезли патроны, и дело пошло веселее. Немцы так и не вырвались из окружения.

В конце 1944 года часть Николая Баздырева сражалась в составе 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 14 января 1945 года войска фронта начали наступление с плацдарма за Вислой, к югу от Варшавы.

Утро в тот день было туманное, морозное. Во время артиллерийской подготовки туман смешался с дымом и пылью. Видимость была плохой. Авиация не могла участвовать в сражении, да и артиллеристам мешала мгла.

Настроение у солдат было как никогда серьезное. Все понимали, что начинается важный этап великой битвы за освобождение народов Европы от фашистского порабощения. Еще несколько усилий, еще несколько трудных недель или месяцев, а там — окончание войны, возвращение к семьям, домой...

Но вот батареи перенесли огонь в глубь немецкой обороны, и советские воины поднялись в атаку. Пулеметный расчет двигался на правом фланге взвода. Быстро преодолели минные поля. Ринулись к немецкой траншее, вытянувшейся вдоль насыпи шоссе на дороге, но автоматный и пулеметный огонь заставил залечь. Из пулеметного расчета остались невредимыми только двое — Баздырев и молодой солдат из пополнения, Ковальский. Что делать? Поползли к насыпи, увлекая за собою других солдат. Баздырев бросил в фашистскую траншею две гранаты и вскочил на бруствер с третьей гранатой в руке. Закричал: «Хенде хох!» — и замахнулся гранатой. Рядом — Ковальский, автоматчики. Человек десять немцев бросили оружие, подняли руки. На другом фланге наши тоже ворвались в траншею. В это время заметили группу вражеских солдат, направляющихся к траншее, видимо, резерв. Расчет быстро установил пулемет и несколькими длинными очередями обратил фашистов в бегство.

...Продвигаясь в глубину немецкой обороны, наши подразделения вышли на поросший лозняком обледеневший берег речки.

Спустились пулеметчики на лед, а он под ними провалился. Вместе с пулеметом оказались в воде. Пока вылезли из ледяной воды, взвод ушел вперед, словно растворился в тумане.

Куда идти? С оглядкой вошли в посеченный снарядами лесок. Совсем близко вела огонь артиллерия. Присмотрелись — с опушки леса две немецкие пушки бьют по нашей части. Артиллеристы увлеклись стрельбой, прикрытия не видно. Расчет установил пулемет и ударил по орудийной прислуге. Немцы не сразу поняли, в чем дело, только потом стали отстреливаться. Часть артиллеристов была уничтожена, остальные разбежались.

Ковальский был ранен в плечо, стонал. Николай быстро перевязал товарища. Кое-как выбрались из леса и наткнулись на свою роту. Командир отправил Ковальского в медпункт, а Баздыреву дал двух новых помощников. Расчет получил боеприпасы и продолжал наступать в боевом порядке роты.

Однако вскоре Баздырев вновь остался один. Бойцы были ранены, получил ранение и он, правда, легкое. И снова командир роты назначил Баздыреву новых номеров. Бой продолжался.

Наши подразделения продвигались уже к третьей линии немецкой обороны, протянувшейся у железнодорожного полотна. Фашисты встретили батальон контратакой. Огонь усилился. Особенно свирепствовали немецкие шестиствольные минометы.

Настал критический момент. В батальоне почти не осталось офицеров. Наполовину он состоял из еще не обстрелянных, неопытных бойцов. Они начали отходить.

Баздырев пришел в ярость. Отступать, когда добились успеха, когда оборона немцев вот-вот рухнет? Он выгасил пулемет на открытую позицию и не своим голосом закричал на отступающих пехотинцев. Те остановились, залегли. А Николай кричал:

— Берите каждый по немцу на мушку! Ждите моего сигнала! Мы им сейчас покажем!..

Все ближе подходили гитлеровцы, но наши молчали, а потом по сигналу начали косить их в упор пулеметным, автоматным и винтовочным огнем.

Контратака была отбита. Когда стемнело, Николаю перевязали рану, дали поесть. Один старый солдат

порылся в вещевом мешке и подарил ему теплую рубашку на портянки: он слышал, как пулеметчик жаловался, что ноги к валенкам примерзли. И неудивительно, — еще утром выкупался в речке, а обсушиться было негде и некогда.

На следующий день советские воины заняли последнюю немецкую линию обороны. Боевая задача была выполнена — немецкая оборона прорвана, в прорыв вошли наши танковые части.

Исключительное мужество, героизм, находчивость, проявленные Николаем Дмитриевичем Баздыревым при прорыве обороны немцев за Вислой, были достойно отмечены. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В феврале 1945 года в бою на реке Одер Н. Д. Баздырев был тяжело ранен. 16 осколков вражеского снаряда впились в его тело. За доблесть, проявленную в этом бою, Николай Дмитриевич был награжден орденом Отечественной войны.

После ранения пришлось долго лечиться. Сказалось и нервное перенапряжение: начиная с лета 1943 года, Николай Дмитриевич все время, лишь с небольшими перерывами из-за ранений или переформирования частей, находился на переднем крае. К концу войны ему казалось, что воевал всю жизнь, что кроме войны ничего вообще на свете не было и нет. Когда госпитальная сестра поздравила его с победой и окончанием войны, Баздырев покачал головой и не поверил.

После госпиталя с год жил у родителей в колхозе.

Однако бывшего тракториста тянуло к механике, к моторам. Он поступил в автомобильный техникум, кончил его, но на этом не успокоился. Давняя любовь к лесу привела Николая Дмитриевича в Московский лесотехнический институт. Здесь он был оставлен после защиты диплома. Сейчас он научный работник, преподаватель одной из кафедр института. Вступил в члены КПСС.

Таков жизненный путь одного из тех, кто в час грозной опасности, как поется в песне, «страну заслонили собой».

1969 г.

В. Веселов
ОТВАЖНЫЙ ПОГРАНИЧНИК

Герой Советского Союза
Сергей Никанорович Бамбуров

Поезд шел на Дальний Восток. Долог был путь до места назначения. Сергей Бамбуров впервые увидел красоту Уральских гор, сказочные берега озера Байкал, просторы тайги, раскинувшиеся по обе стороны дороги, стройки пятилетки.

Потянулись будни пограничной жизни. За ревностное отношение к службе и отличные показатели в учебе Сергей получил ряд благодарностей от командования. Товарищи стали отзываться о нем как об умелом пограничнике.

Однажды вечером сторожевой дозор, возглавляемый Сергеем, вышел на границу. Шли молча, продвигались быстро и осторожно. На сопке Бамбуров приказал напарнику подождать, а сам пробрался к склону, осмотрелся. Лучшего места для наблюдения не найти.

Бледная полоса на западе стала темнеть. Пограничники напрягали зрение и слух. Бамбуров уловил еле слышные шорохи. Дозорные прижались к земле, словно слились с ней, усилили наблюдение.

Двое лазутчиков шли прямо на них. Настороженно оглядываясь, враги пересекли границу. Вслед им раздался властный окрик:

— Стой, руки вверх! Не двигаться! Первое отделение — влево, второе — вправо! Миронову и Сидорову держать нарушителей на прицеле, Сенчуку и Дробышеву — обыскать!

Бамбуров командовал несуществующими отделениями. Но хитрость удалась. Бамбуров вместе с напарником доставил нарушителей границы на заставу. На допросе выяснилось, что задержанные — крупные шпионы.

28 июля 1938 года японские самураи нагло нарушили нашу границу. Они пытались овладеть высотами Безымянной и Заозерной в районе озера Хасан, но были биты и выброшены с советской земли.

Часть, в которой служил заместитель политрука Сергей Бамбуров, стояла по соседству с тем местом, где была нарушена советская граница. Вечером 5 августа Бамбуров с четырьмя бойцами вышел в дозор. Мрак дальневосточной ночи вскоре закрыл все вокруг. Дождь заглушал звуки и шорохи. Мокрые кустарники мешали продвигаться. Окончив обход постов, дозор поднялся на высоту. Неожиданно свет ракеты, выпущенной со

стороны границы, рассеял мрак. Бамбуров увидел блеск касок — к высоте подползали японцы. Их было около роты.

Сергей не растерялся, скомандовал:

— Тарасенко и Матасов — на защиту северного ската, Панов и Желябовский — на защиту южного ската.

Бойцы быстро ушли. Бамбуров остался один на вершине сопки. По приблизившимся японцам он открыл огонь из ручного пулемета. В свете очередной ракеты японцы, поднявшись в рост, с криками «банзай» бросились на высоту, где находилась горстка советских воинов. Четверо пограничников пали в неравной борьбе с многочисленными врагами. Японцы окружили Бамбурова и кричали, торжествуя победу. А он встал, как сказочный богатырь, вращал ручным пулеметом и буквально косил врагов. Самураи озверело наседали, стараясь взять его живым.

Расстреляны три диска. Рядом на земле был еще один, запасной. Но чтобы поднять его и перезарядить пулемет, надо нагнуться, а это означало погибнуть. И тогда Бамбуров, взяв пулемет за дуло обеими руками, стал бить им нападающих. Вокруг себя он видел перекошенные злобой и страхом лица врагов. От сильного удара по черепу одного самурая сломалась шейка приклада пулемета. Бамбуров схватил гранату и метнул ее в гущу окруживших его японцев. Взрыв, крики и стоны привели самураев в замешательство. Бамбуров вырвался из кольца и с криком «Живым не возьмете!» метнул еще одну гранату. Наскочив на перепуганного самурая, он выхватил у него винтовку и пошел в штыковую атаку.

В это время ночь огласилась мощным русским ура. На помощь товарищу подоспели бойцы с заставы. Раненого Бамбурова хотели отправить в тыл, но он отказался. Быстро перевязав раны, герой вернулся на поле боя.

Самураи бежали, оставляя убитых и раненых. Бамбуров, получивший несколько штыковых ран, был отправлен на лечение в госпиталь.

25 октября 1938 года Президиум Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий и героизм, проявленное при обороне района озера Хасан, присвоил Сергею Никаноровичу Бамбурову звание Героя Советского Союза. В Кремле М. И. Калинин приколот на грудь героя медаль «Золотую Звезду» и орден Ленина.

Тепло и торжественно встречали оренбуржцы своего земляка, возвратившегося из Москвы. Сергей, выступая на митингах трудящихся города и в родном селе Октябрьское Северного района, поклялся, не щадя своей жизни, защищать священные рубежи советской Родины. В 1939 году Бамбуров был направлен на учебу в Москву, в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Окончить ее ему не удалось. Фашистская Германия напала на Советский Союз. В первый день войны Бамбуров подал рапорт с просьбой послать его в Действующую армию. Желание было удовлетворено, его назначили комиссаром части. Он всегда был среди воинов, не раз вместе с ними ходил в атаки.

Воинской части, в которой он служил, за боевые заслуги было присвоено звание гвардейской. Она одной из первых вышла на границы нашей Родины.

1945 год. Наши войска вели бои на подступах к Берлину. Близился час полной победы. Но не пришлось познать радость победы подполковнику Бамбурову. Он погиб 6 февраля 1945 года от вражеской пули. Тело Героя Советского Союза Сергея Бамбурова было перевезено в город Брест и похоронено в парке имени Первого мая.

1967 г.

В. Савинков
НАД ДНЕСТРОМ

Герой Советского Союза
Иван Моисеевич Бражников

Летный день только что окончился. Личный состав эскадрильи собрался на разбор учебно-тренировочных стрельб. Командир эскадрильи, подробно остановившись на результатах стрельбы по конусам, сказал:

— Старшина Бражников имеет наибольшее количество пробоин. Берите пример со снайпера воздушного огня!

Командир объявил старшине благодарность за отличную стрельбу.

...Ранним июньским утром авиаторов подняли по тревоге. Полк, где служил Иван Бражников, вступил в бой. Сидя в кабине бомбардировщика, старшина внимательно следил за воздухом. Под ним проплывали бескрайние украинские нивы, пылающие в огне родные советские города. Иван вспомнил, как несколько дней назад он готовился к демобилизации из армии, уже представлял себя идущим по тихим улицам Оренбурга. Но как далеко отодвинулись теперь дни мирной и спокойной жизни. Все помыслы направлены к одному — быстрее разгромить захватчиков.

Экипаж благополучно вернулся с разведывательного полета. Командир лейтенант Локтев приказал мотористам готовить машину к завтрашним полетам, а сам пошел докладывать о результатах разведки. Во время этого вылета было замечено, что через Днестр немцы наводят переправу. На правом берегу скопилось много войск и техники. Это были важные сведения. Командир полка немедленно сообщил о них командиру авиационного соединения.

Солнце уже клонилось к закату. Экипаж собирался идти на отдых.

— Лейтенант Локтев и штурман Навроцкий! — подбежав к самолету, сказал посыльный. — Вас вызывает генерал.

Когда офицеры явились к генералу, он показал им на карте переправу через Днестр и сказал:

— Немцы стремятся глубоко вклиниться в нашу оборону на этом участке фронта. Они сосредоточили на том берегу крупную танковую группировку. Надо задержать ее. А это можно сделать, только уничтожив переправу. Это должны выполнить вы. Учтите, задание сложное. Вас будет прикрывать звено истребителей.

...Взрели моторы. Отяжелевший от полной бомбовой нагрузки самолет набрал скорость и плавно

оторвался от земли. В воздухе к нему пристроились истребители.

Заходящее солнце светило ярко. Находясь у западной части горизонта, оно слепило своими лучами, мешало летчикам.

— Цель близка, — посмотрев на карту, передал штурман.

Впереди сверкала в лучах заходящего солнца серебристая лента Днестра. До нее оставались считанные километры.

Но что это? Из-за перистых облаков слева, со стороны солнца, на группу советских самолетов неожиданно вывалилась девятка фашистских истребителей.

— Принимаем бой на себя! — передал по радио командир истребителей прикрытия.

Три «ястребка» завязали бой с шестью самолетами врага. Но три «мессершмитта» ринулись на бомбардировщик.

— Ваня! Видишь фашистов? — спросил Локтев.

— Заметил, — спокойно ответил Бражников.

Один из «мессеров» пошел на пикирование. Подойдя совсем близко к бомбардировщику, он открыл огонь из своих пулеметов, норовя зажечь мотор. Но немец промахнулся. Резко рванув вверх, немецкий летчик пошел на разворот, открыв свое незащищенное «брюхо». Воспользовавшись оплошностью врага, стрелок-радист дал по нему очередь из пулемета. Самолет с черными крестами вспыхнул и камнем полетел на землю.

— Хорошо, Иван! — раздался в шлемофоне голос Локтева.

Другие истребители противника не отставали. Они старались зайти снизу, пристроиться в «мертвую зону». Локтев маневрировал, давая возможность Бражникову вести огонь.

Один из «мессеров» сумел все же подойти близко к бомбардировщику и открыть огонь по левому мотору. Иван успел поймать его в прицел и дал очередь. Истребитель свалился в штопор и, не выходя из него, врезался в землю.

Но и бомбардировщик горел, приближаясь к цели.

В наушниках, как клятва, прозвучали слова командира:

— Лучше смерть со славой, чем позор плена!

— Правильно! — ответили ему одновременно Бражников и Навроцкий.

Локтев попытался несколькими маневрами сбить пламя с левого крыла. Не удалось.

— Переправа под нами! Цель накрываю! — сказал штурман.

Бомбы полетели вниз. Клубы пыли, дыма и фонтаны воды высоко поднялись над переправой. Охранявшие ее зенитки открыли яростный огонь. Локтев бросал машину из стороны в сторону, увертываясь от разрывов, держа курс домой.

Вражеские истребители снова кинулись на него. Желтые, с синим отливом языки пламени перекинулись на фюзеляж бомбардировщика, начали подбираться к бензобаку и кабине стрелка-радиста. Казалось, что самолет вот-вот взорвется. Бражников, не чувствуя ожогов, продолжал посылать меткие очереди то в одного, то в другого вражеского истребителя, отгоняя их от себя.

Надеясь добить бомбардировщик, один вражеский истребитель зашел ему прямо в хвост. Иван не видел фашиста, но знал, что он идет на них. Выждав, когда тот подойдет ближе, дал очередь через хвост своей машины и поразил третий вражеский самолет.

Бомбардировщик заметно терял скорость и высоту. Земля неумолимо приближалась. Иван начал задыхаться от дыма и нестерпимой жары. На нем воспламенился комбинезон.

— Товарищ командир! — пытался он связаться с Локтевым, но связь уже не работала.

Бражников высунулся из кабины и увидел, как из самолета выпрыгнули летчик и штурман. Старшина подтянулся, ухватился за борт и ринулся вниз. Раскрылся парашют. Стремительное падение сменилось плавным спуском. В наступившей тишине раздался взрыв. Это бомбардировщик взорвался в воздухе.

Обгорелых, еле живых Навроцкого и Бражникова подобрала пехотинцы. Они сделали им перевязки и отвели в землянку. Локтева нашли мертвым.

Тяжело переживали гибель командира авиаторы, гнев и ненависть к врагу сжимали их сердца.

На другой день спасшихся вызвал командир соединения. По-отцовски приветливо встретив их, генерал спросил штурмана, показывая на стрелка-радиста:

— Он?

— Он! — ответил штурман.

— Старшина Бражников! — доложил стрелок-радист.

— Знаю, знаю, что старшина, — сказал генерал и, обняв воина, крепко поцеловал его. — Был бы у меня такой сын — гордился бы им! Родина не забудет того, что вы совершили!

Генерал повернулся к группе штабных офицеров.

— Это первый случай, товарищи, на нашем фронте, когда стрелок-радист бомбардировщика сбил в одном бою три вражеских истребителя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР штурману Михаилу Алексеевичу Навроцкому и стрелку-радисту Ивану Моисеевичу Бражникову, за проявленное мужество и отвагу при уничтожении переправы через Днестр, было присвоено звание Героя Советского Союза. Лейтенанту Локтеву звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно.

Не один боевой вылет в тылы врага совершил Бражников, не один раз довелось ему участвовать в воздушных схватках с врагом. Кроме ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Советского Союза, грудь его украсили орден Красной Звезды и боевые медали.

Закончил войну Иван Моисеевич в звании старшего лейтенанта, имея на своем счету около ста боевых вылетов.

В 1946 году он демобилизовался из Советской Армии и приехал в родной Оренбург, где стал работать и учиться. Мирным трудом он укрепляет могущество Родины.

1960 г.

Н. Чернавин
ОТВАГА И УМЕНИЕ

Герой Советского Союза
Алексей Александрович Брыкин

— Нет, — упрямо повторил Алексей. — В институт не пойду.

Дарья Павловна вздохнула: в отца характером, не повернешь, коль задумал. И на что ему сдалось это самое училище? Поступил бы в институт, инженером стал.

Но Александр Федотович поддержал сына:

— Хватит, мать, агитировать. Не маленький уже Лешка-то, сам в жизни разбирается. Пусть будет зенитчиком.

Отцу нравится молодой задор сына. И сам он жил по такому правилу: выбрал цель — шагай, не сворачивая. Его, старого солдата, не пугала служба в армии, он знал: там куются мужественные, сильные люди, готовые на любой подвиг во имя матери-Родины.

...Из военкомата Алексей вернулся хмурый и злой.

— Ты чего, Алексей, надулся будто мышь на крупу? — спросил отец.

— Не приняли. Ростом, видишь ли, не вышел.

— Ну, и что же думаешь делать?

— А вот что: завтра пойду к начальнику училища. Все равно возьмут!

И взяли. Так Алексей Брыкин стал курсантом зенитно-артиллерийского училища.

Годы учебы пролетели незаметно. Выпускной вечер. Алексей Брыкин — теперь младший лейтенант — прощался с товарищами, с которыми сроднился за годы учебы.

Утром поезд увез его в далекий Красноярский край.

Отлично служил оренбуржец. В его личном деле появились первые благодарности командования.

И вот отпуск. Алексей в родном Оренбурге. Радостные встречи с родными, знакомыми. Вечером молодой офицер пошел навестить друзей, бывших одноклассников.

Не прошло и часа, как в доме, где жили Брыкины, раздался звонок.

— Телеграмма.

«Выезжайте немедленно», — прочел Александр Федотович. Телеграмма была подписана командиром части.

Алексей в ту же ночь выехал в Красноярск.

Наутро радио сообщило: началась война с белофиннами. В ней участвовала и часть, в которой служил Алексей.

Снег и огонь, бетон и снаряды. Линия Маннергейма. Храбро сражались зенитчики. Росло боевое мастерство солдат и офицеров. Брыкин закончил войну лейтенантом.

Снова Сибирь, снова ученье.

И вот, как удар грома:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!..

«Иди, Леня, — писал сыну Александр Федотович. — И войой как положено русскому солдату. Мы обязательно одолеем Гитлера — иначе быть не может...»

Александр Федотович знал, что война будет тяжелой и кровопролитной. Но старый солдат, сражавшийся с немцами еще в первую мировую войну, твердо верил: советский народ под руководством партии коммунистов обязательно разгромит врага, поставит его на колени.

Алексей ответил родителям:

«Вам за меня краснеть не придется. Ты, отец, бил Вильгельма, а мы не дадим спуска Гитлеру».

...Первый бой под Новоград-Волыньском. Фашистская авиация атаковала наш полевой аэродром. Воздух стонал от рева моторов, тяжелых взрывов. Немцы шли тремя волнами по 75 самолетов в каждой. И первый удар обрушился на зенитчиков. Но не дрогнули солдаты батареи Брыкина. Под градом пуль и осколков работали орудийные расчеты. Никто не думал об уходе в укрытие. На смену раненым становились товарищи. Зенитный огонь не прекращался ни на секунду.

...«Юнкерс» вошел в пике.

— Огонь! — скомандовал Брыкин.

От залпа дрогнул и разорвался воздух. В небе шапками возникли темные облака разрывов. «Юнкерс» клюнул носом, за самолетом потянулся дым, вспыхнуло пламя. Остальные самолеты врага шарахнулись в сторону, чтобы через минуту вновь пойти на батарею.

К аэродрому прорвались фашистские танки. Но и они не сломили отважных зенитчиков. Батарея была в упор по бронированным машинам. Дрогнул и закружился на месте один, вспыхнул другой...

У одного из орудий стоял Алексей Брыкин, заменивший погибшего наводчика. Он сам заряжал, уточнял наводку и слал снаряд за снарядом.

Так начался боевой счет славного зенитчика.

...Наши части с тяжелыми боями оставляли Воронеж. Батарея Брыкина в уличных боях вела сокрушительный огонь. Борьба шла за каждый метр родной земли. Вот на одну из улиц вырвался немецкий танк.

— Огонь!

И бронированное чудовище, лязгнув подорванной гусеницей, повернулось бортом. Еще выстрел. Танк загорелся.

Снова танковая атака. И опять зенитчики заставили гитлеровцев повернуть обратно. С разорванной броней, свороченными башнями горели танки врага.

Третья атака. Она была особенно ожесточенной. Когда орудия вышли из строя, зенитчики вооружились гранатами и бутылками с зажигательной смесью и продолжали бить врага.

Шли боевые будни. Батарея старшего лейтенанта Брыкина прикрывала аэродромы, населенные пункты, мосты и переправы от воздушных налетов врага. Она участвовала в рейдах советских танков и конницы в тыл противника, героически сражалась за Сталинград. В этих боях батарея достигла вершины огневой мастерства — научилась бить врага поражающими залпами.

...Переправа через полузамерзший Донец. Не успели бойцы закончить оборудование огневой позиции, как раздался сигнал: «Воздух!». На батарею шла группа вражеских бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Фашисты применили очередную хитрость: они разбились на две группы, первая пошла к переправе, а вторая — в сторону. Но Брыкин разгадал маневр врага. Стоит только открыть огонь — вторая группа незаметно нападет на батарею. А в таком бою малейшее промедление — смерть: бомбардировщики уничтожат и батарею и средства переправы.

Зенитчики действовали молниеносно. После первого залпа один из самолетов первой группы врезался в землю.

Зенитчики немедленно открыли огонь по второй группе бомбардировщиков. И еще один самолет был сбит...

И опять бои, бои.

...Курская дуга. Только за один день зенитный дивизион, которым командовал капитан Брыкин, сбил тринадцать гитлеровских самолетов.

...Днепровский рубеж. Дивизион оренбуржца обеспечил бросок пехоты и танков через водную преграду. В первых рядах наступающих шли его пушки, помогая «царице полей» расширять и удерживать захваченный плацдарм.

Вскоре двадцатитрехлетний капитан Брыкин был назначен командиром зенитно-артиллерийского полка.

Кировоградская операция. Пятнадцать самолетов врага уничтожил зенитный полк, которым командовал Брыкин. Командир полка удостоился воинского звания майора.

В короткие перерывы между боями шла непрерывная учеба, разбор боевых действий. Зенитчики настойчиво совершенствовали свою подготовку. Полк отличался высокой дисциплиной, огневой культурой, образцовым состоянием техники.

...Польский город Ченстохов. Здесь блестяще проявились воинские способности оренбуржца. Его полк обеспечил разгром вражеского гарнизона. Приказом Верховного Главнокомандующего полку было присвоено почетное наименование: «Ченстоховский».

Войска маршала Конева подошли к Одеру. Водная преграда оказалась крепким орешком. Гитлеровцы предпринимали все, чтобы задержать наступление Советской Армии. Их авиация непрерывно совершала налеты на плацдармы и переправы наших войск. В иные дни над боевыми порядками наших частей появлялось больше самолетов врага, чем в самые напряженные дни боев под Сталинградом и Курском. Советское командование приняло меры для защиты от нападения с воздуха. Наши части были прикрыты мощным зенитно-артиллерийским огнем.

В этих боях на всю страну прославился оренбуржец Алексей Александрович Брыкин.

Ночью зенитчики подошли к Одеру. Сделали плоты, погрузили на них артиллерию, пулеметы. Брыкин, возглавлявший десантную группу, переправлялся с двумя батареями. Плыли тихо, бесшумно, чтобы не заметил враг. Но почти у самого берега сели на мель. Зенитчики, а вместе с ними и командир спустились в ледяную воду, с трудом сняли плот с мели.

Под покровом ночной темноты батареи незамеченными вышли в тыл врага. Зенитчики по всем правилам оборудовали огневые позиции и с волнением ждали приказ с того берега. Близился рассвет. Пули просвистели над головами бойцов. «Раскрыли», — мелькнула мысль. И как бы в подтверждение этого в воздух взвилась фашистская ракета. Вскоре послышался рокот моторов, а потом показались и самолеты. Они шли на позиции батарей Брыкина.

Командир принял решение — вступить в бой, огнем отразить врага. Закипела жаркая схватка. Непрерывно били зенитки, строчили пулеметы. Враг стягивал силы к десантной группе. А в это время наши войска, воспользовавшись замешательством противника, переправились через Одер.

Два дня шли упорные бои. Подлинный героизм и незаурядное боевое мастерство проявили воины, возглавляемые Брыкиным. Они сбили восемнадцать самолетов врага, подбили четыре танка, уничтожили два батальона фашистской пехоты.

В часть приехал генерал Родимцев.

— Натворил дел! — сказал он Брыкину. А потом вдруг улыбнулся и обнял майора за плечи. — Молодец, земляк, благодарю за инициативу, решительность и стойкость.

Указом Президиума Верховного Совета СССР майору Алексею Александровичу Брыкину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Советские войска устремились к Дрездену. Рос боевой счет оренбуржца. За время, прошедшее после форсирования Одера, его полк подбил две самоходки, уничтожил две пулеметные точки, отразил семь контратак противника, уничтожил двести и взял в плен шестьдесят двух солдат и офицеров врага, разгромил диверсионную группу, сбил двадцать самолетов.

Подполковник Брыкин закончил войну в двадцатипятилетнем возрасте. Подразделения и части, которыми он командовал, защищали Сталинград, принимали участие в освобождении от фашистских войск Луганска, Харькова, Полтавы, Кременчуга, Кировограда, Первомайска, Знаменки, Тирасполя, Тернополя, Львова, Варшавы, Ясс, Сандомира, Ченстохова, Дрездена и Праги, форсировали Дон, Донец, Днепр, Южный Буг, Днестр, Вислу, Одер и Эльбу.

Двенадцать правительственных наград украсили грудь Алексея Александровича Брыкина. В их числе: орден Ленина, Золотая Звезда Героя Советского Союза, ордена Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Праги» и другие.

После войны А. А. Брыкин окончил высшую ордена Отечественной Войны 1-й степени военную школу противовоздушной обороны Советской Армии и стал заместителем командира соединения. В 1955 году он был уволен из армии по состоянию здоровья. В 1956 году Алексей Александрович умер.

...В Оренбурге на улице Кобозева стоит небольшой дом. Здесь живут Александр Федотович и Дарья Павловна Брыкины.

В дом на улице Кобозева часто заходят ученики школ, курсанты военных училищ. Радужно встречают молодых людей Александр Федотович и Дарья Павловна. Они рассказывают молодежи о детстве, учебе, боевых делах сына-героя.

1960 г.

В. Кудинов
ВОЗЛЕ ХУТОРА БУЛАХИ

Герой Советского Союза
Алексей Парамонович Воронцов

С неба сыпался снег, попеременно с дождем. В лужах отражались лохматые животы коней, стремени и подошвы бойцов. Звякали уздечки. Надрывно хрипели лошади, вытягивая из разбитой колеи повозки, на которых под рогожами угадывались пулеметы. Качались спины, обтянутые шинелями и полушубками. Сбоку колонны изредка пронеслись вестовые, сосредоточенные, измученные. А над всем этим низко висело сырое, холодное небо.

Черная папаха, которую Алексей надвинул на самые брови, намокла. Холодные ручейки стекали с нее за воротник, обжигали спину. От этого на душе становилось еще более зябко, мутрно.

Сзади по грязи зачвокали копыта. Алексей повернул голову. Его нагонял командир эскадрона Трофим Ульченко. Чуть откинувшись назад, сидя в седле с той особой небрежностью, которая выдает опытных наездников, Ульченко даже сейчас, после трех дней утомительного похода по бездорожью, был подтянут и бодр. Угластая мохнатая бурка прикрывала его крепкую фигуру. Черные глаза по обыкновению светились решимостью и лукавой усмешкой.

— Ну, как настроение, политрук? — спросил Ульченко, равняя свою лошадь с лошадью Воронцова.

— Нормально, — ответил Алексей.

Некоторое время ехали молча. Сзади, за спинами бойцов эскадрона, накатывался шум. То шли другие эскадроны гвардейского кавалерийского полка, Где-то справа и слева, также перемешивая копытами проселочные дороги, торопились другие полки дивизии. А там — еще дивизия... Корпус шел колоннами. Пользуясь нелетной погодой, углублялись все дальше во вражеский тыл.

В первый день прорыва немцы попытались задержать корпус танками, но, отбившись, кавалеристы оторвались от преследования. Двигались по оврагам, лесным дорогам. Кухни варили пищу на ходу. Когда ясное утро предвещало хороший день, укрывались в лесах и пережидали до ночи, чтобы не быть замеченными немецкими летчиками.

Так шли третий день. Уничтожали мосты, склады, вырубали фашистские гарнизоны в селах и небольших городках.

Люди устали. Держались на последнем пределе сил. Алексей видел, как некоторые бойцы засыпали в

седлах.

— Как ребята? — спросил Ульченко.

— Трудно всем, — коротко ответил Алексей.

— М-да, — буркнул Ульченко и вдруг тряхнул головой: — А ты знаешь, у меня на родине, наверно, уже снегу по колено. У нас всегда рано выпадает. Бывало, возьмешь лыжи и айда в лес. А на деревьях шапки белые... И тихо... Эх, хорошо!

Алексей подумал, что, в сущности, он мало что знает о своем боевом друге. И тут же решил обязательно при случае душевно поговорить с Ульченко.

Под хутором Булахи, в нескольких километрах от Харькова, полк попал в трудное положение. Немцы сдавили корпус танковыми клещами. После ожесточенного боя, пробивая себе дорогу гранатами, корпус вышел из окружения и ушел к линии фронта. Мерзлая земля звенела под копытами, как медь. И этот звон долго слышали бойцы полка, где служили Трофим Ульченко и Алексей Воронцов. Полк остался прикрывать отход.

После первой танковой атаки, когда снежное поле перед наспех вырытыми окопами почернело от копоти и подбитые танки дымили, как свечки, они сидели вдвоем — Ульченко и Воронцов. Сидели, прижавшись спинами к стенке окопа, жадно курили махорку. И вот тогда-то состоялся душевный разговор, которого так желал Алексей.

Алексей слушал Ульченко, глотал горький дым, и родные картины вставали перед ним. В речке, о которой говорил командир, он видел свою, в селе друга узнавал свое — Нижний Куреней, затерявшееся в глухом уголке Абдулинского района. Политрук вновь видел седые лохматые брови деда Евстигнея, старого хлебороба, недоверчиво относившегося ко всякой науке. Бывало, встретит он Алексея, кашляет, сдвинет к переносице кусты бровей, расставит ноги в порыжевших юфтевых сапогах, в которые заправлены латаные ситцевые шаровары, обопрется на палку и начнет долгий спор.

— Ну-ка, шас поговорим с тобой, агроном...

И всегда дед Евстигней любил кончать разговор немудреной загадкой.

— Ты вот науки изучил, агроном. А скажи, весной пахарю когда выходить?

Алексей давно знал, что за этим последует, но не желая обижать старика, серьезно отвечал:

— Как почва прогреется, так можно и начинать. А температуру термометром определить недолго.

— Кхе-кхе-кхе, — беззвучно смеялся дед. — Вокурат, значит? Кхе-кхе... А мы, бывалыча, возьмем в руку комок, помнем, понюхаем и знаем. Во!

Довольный Евстигней уходил от агронома, тихонько кхекая под нос.

Все это вспомнил Алексей здесь, в окопе под Булахами, греясь махоркой и слушая Трофима Ульченко.

— Идут! — вскинулся тревожный голос. И снова рвались снаряды, пули искали свои жертвы. И снова рассыпанные по полю зеленые фигуры бежали, стреляя из автоматов, и падали, словно споткнувшись о невидимое препятствие.

Алексей бил из пулемета. Когда немецкие танки рванулись вправо, обходя эскадрон и намереваясь ударить с фланга, Воронцов схватил противотанковое ружье и ползком подался тоже вправо. Мельком увидел бледное лицо Ульченко, которого двое бойцов волоком тащили к оврагу. Алексей хотел броситься к Трофиму, но совсем рядом гудели танки, длинные стволы их шевелились, нащупывая цель.

Трах! Сыпанули искры на танковой башне. Не берет! Алексей снова прицелился на этот раз в гусеницу. После выстрела она тяжелой змеей вытянулась на снегу. Танк закрутился на месте, яростно стреляя из пулеметов.

Со вторым танком Алексей разделался быстрее, поджег его, а затем сжег и первый.

Потом была тишина, какая бывает только на переднем крае, когда обе стороны затаились, набираясь сил и решимости. Пушки молчали, винтовки и пулеметы остывали, и только жирная копоть от горевших танков носилась над полем сражения.

Алексей узнал, что Ульченко контужен и отправлен в полковой лазарет. Стало грустно, что вот провоевали плечом к плечу целых три года, хватили лиха немало, и теперь расстались. Доведется ли встретиться?

Обошел бойцов. Поговорил со всеми.

Позвонил командир полка:

— Что? Ульченко? Жаль. Тебе, политрук командовать эскадроном. Держись! Еще немного. К утру уйдем.

Алексей понимал, что держаться надо. Но как? Людей половина выбыла, патронов почти нет. Гранаты да шашки.

Ночь прошла спокойно. Едва забрезжил морозный рассвет и кончики деревьев зарозовели, немцы кинулись в атаку. По тому, как они не сгибаясь шли в рост, не обращая внимания на потери, чувствовалось, что они решили во что бы то ни стало смять дерзкий полк. Танков не было, но через головы наступающих по окопам кавалеристов били минометы.

Алексей чувствовал, что с горсткой бойцов не удержать позиций. И напряженно думал, искал выхода, как остановить эту горланящую, катившуюся на него лавину. Алексей встал во весь рост. Выхватил шашку, левой рукой сжал пистолет. Невидящими глазами в одно мгновение окинул своих бойцов, громко крикнул:

— За мной! Круши гадов! — и шагнул вперед. Пошел навстречу врагу. Потом побежал, держа шашку на отлете. Что-то кричал, не слыша своего голоса, и ощущал топот ног сзади.

— А-а-а! — понеслось над полем от эскадрона к эскадрону. Следуя примеру бойцов Воронцова, полк поднялся и рванулся вперед.

Схлестнулись. Где сыскать меру той злости и ярости, что движет разумом русского солдата в рукопашной? И есть ли та преграда, которую он не сокрушил бы и эту минуту? Страшен русский солдат, сойдясь грудь на

грудь с врагом, страшен своей неизмеримой смелостью, напряжением сил.

Алексей ничего не видел вокруг себя. Каким-то сверхъестественным чутьем он находил в этой кутерьме врагов и крушил шашкой. Кидался в самые опасные места.

И вдруг что-то ударило в спину. Алексей как бы сразу очнулся, изумленно прислушался к себе. Хотел повернуться, но тело стало неожиданно легким, и Воронцову показалось, что сейчас он оторвется от земли и полетит...

В то декабрьское утро ему шел двадцать шестой год.

...Командир полка прислал в Абдулино письмо. Он сообщал, что возле хутора Булахи Нововодолажского района Харьковской области есть братская могила. В ней похоронен и Герой Советского Союза старший лейтенант Алексей Парамонович Воронцов.

На братской могиле установлен памятник «Скорбящий боец». Зима укрывает павших героев белым покрывалом, а весной и все лето памятник утопает в живых цветах. Приезжают к нему школьники со всех концов Харьковщины. Не забывают его жители хутора Булахи, возле которого погибли советские парни.

Когда утрами встают зори на востоке и первые лучи касаются коленопреклоненной фигуры солдата, кажется, что он оживает. Вот он сейчас встанет, стряхнув с плеч холодную каменную тяжесть, и шагнет с пьедестала, пойдет навстречу заре...

1967 г.

В. Платонов
ВПЕРЕДИ НАСТУПАЮЩИХ

Герой Советского Союза
Иван Андреевич Гниломедов

— До встречи, Нижний Тагил! Спасибо за машину! — крикнул и помахал рукой танкист, младший лейтенант Иван Гниломедов.

Эшелон набирал скорость. Худощавый, с тонкими чертами лица, крепко сбитый офицер стоял на платформе возле своего Т-34. О чем он думал? Может быть, о недавно услышанной легенде про седую девушку. Там, где она роняла волосы, появлялось белое волокно, не сгоравшее в огне. «Вот бы танки, сынок, этим асбестом, — говорил танкистам старик на заводе, где они получали машины. — Пусть попробовал бы тогда фашист поджечь...» А возможно, младший лейтенант думал о славных тружениках Урала, взявших на свои плечи снабжение фронта боевой техникой.

Эшелон делал короткие остановки. Танкисты соскакивали с платформ, бегали в продпункт, за кипятком. И опять мелькали уральские леса, занесенные снегом. Плыли склоны гор под глубокой синевой неба.

Танкистам казалось, что не будет этому ни конца, ни края. Но однажды утром они не увидели гор. Не было и вековых сосен в мохнатом инее. Эшелон несся по европейской части Союза. Мелькали на равнинах то в сиянии дня, то затемненные села, деревушки, города.

А потом — налет «юнкерсов» и выгрузка на опаленной земле Украины. Гниломедов увидел обгоревшие тополя, почерневшие и разрушенные хатки, печальных, но не сломленных людей. Ненависть к врагу кипела в сердце офицера. С этим благородным чувством в душе он и вступил в жаркие и очень тяжелые бои.

* * *

Командир танка Гниломедов имел боевой опыт: в недавнем прошлом он служил разведчиком на Карельском фронте. Это помогало воспитывать членов танкового экипажа. А дерзость и внезапность на поле боя всегда обеспечивали ему успех. Младший лейтенант умение сочетал с мужеством, решительность — с отвагой. Он никогда не действовал очертя голову, не пренебрегал осторожностью, чтобы сохранить и людей, и

машину.

Танк Гниломедова вместе с сотнями других боевых машин Советской Армии крушил вражескую оборону и гнал фашистов на запад. На территории Польши бронированные части эсэсовцев не смогли сдержать советских танкистов. За смелые действия младшего лейтенанта наградили орденом Красной Звезды.

В упорном бою за один из польских городов столкнулись танковые силы, и фашисты откатились на запад. Отличившегося Гниломедова наградили вторым орденом. В эти же дни партийная организация приняла его кандидатом в члены партии.

Стремительным натиском советские войска захватили переправу через Вислу, вырвались на левый берег. Неистово бесновались фашисты. Земля дрожала от грохота орудий и бомб. Скрежетали гусеницы танков, ревели моторы. В небо подымался черный дым. Плацдарм был буквально перепахан снарядами.

В этом бою на танке Гниломедова замолчала рация, и он потерял связь с командиром взвода. Что делать? Что угодно, только не бездействовать.

— Вперед! — приказал командир экипажа.

Танк маневрировал, расстреливая вражеские машины. Затем он прорвался в глубину обороны противника. С хода раздавил противотанковое орудие и стал утюжить траншеи фашистов. Из дзота по нему открыли огонь. Используя пересеченную местность, он зашел с тыла и разметал дзот. За инициативу и отвагу, проявленные в бою, весь экипаж танка был награжден. На груди Гниломедова появился орден Красного Знамени.

Советские войска с боями вступили на вражескую землю. Лейтенант Гниломедов получил задачу: занять двумя танками скрытую позицию севернее одного населенного пункта и не пропустить резервы фашистов в случае контрнаступления.

Два танка шли к намеченному пункту. Лейтенант то и дело поглядывал на часы, время истекало. Выглянув из люка, он увидел, что по дороге двигалась колонна фашистов: тягачи с орудиями, автомашины с пехотой, мотоциклы. Немцы уже всполошились.

— Пономарев, вступаем в бой! — приказал Гниломедов командиру второго танка. — Идем на противотанковые орудия.

Танки устремились по дороге. От огневого налета вспыхнули автомашины гитлеровцев. Сидевшие на них фашисты стали разбегаться. Расчеты отцепили орудия и успели развернуть их на танки. Пономарев неудачно атаковал противотанковую пушку. Гниломедов до боли сжал кулаки, когда увидел его загоревшуюся машину.

Задача усложнилась. И все же надо было задержать вражескую колонну. Фашисты стали окружать танк. Лейтенант маневрировал, не прекращая огня. Т-34 выскакивал из-за высоток и бил по гитлеровцам, по орудиям, исчезал, чтобы появиться в другом месте.

Свою боевую задачу танкисты выполнили. Резервы фашистов не сумели навязать нашим войскам бои на подступах к водным преградам. Советские танкисты и мотопехота вышли на этом участке фронта к Одеру и Варте.

Танк Гниломедова примкнул к своей роте, когда в излучине Одера начался танковый поединок. В этом бою экипаж сжег четыре самоходных орудия противника. Но окутался дымом и наш танк. Он судорожно рванул в сторону, пополз неуправляемый и уперся в каменную стену.

Трудно было дышать в дыму. Затаив дыхание, лейтенант пробрался к поникшему механику-водителю. Потом, задыхаясь, пополз к командирскому люку. Заряжающий был убит. Песком удалось сбить пламя с танка. Превозмогая боль, командиру помогал механик-водитель.

— Э-гей, танкисты! — раздался знакомый голос. — Греческий салют?

Гниломедов вытер вспотевшее лицо и оглянулся. На подножке автомашины стоял командир саперного взвода Рабинович, веселый парень. Но улыбка с его лица сползла, когда он разглядел раненых товарищей и еще дымившийся танк.

— Давайте в кузов! Я вас мигом доставлю в медсанбат, — сказал Рабинович и спрыгнул на землю.

Поехал один механик-водитель, пообещав вернуться после перевязки.

— А ты? — спросил Рабинович у Гниломедова и добавил: — А я?

— Сейчас перевяжешь мне руку, — ответил тот, — дашь папиросу. Потом кое-чему поучимся и... в бой, Аркаша. Слышишь, что там делается. Будешь у меня артиллеристом...

— Да какой я пушкарь? — удивился сапер.

— Сумеешь. Так надо.

Они забрались в танк. Было душно, пахло гарью. Лейтенант показал, как заряжать орудие, как работать с прицелом. Рабинович сделал выстрел.

— Хватит, — сказал Гниломедов. — Снаряды береги.

Так боевая машина вернулась в строй. Обожженный, закопченный Т-34, словно мстя за свои раны, преследовал врага. Сапер освоился, но попадал в цель не всегда точно. Гниломедову приходилось усиленно маневрировать.

...Навстречу мчался фашистский танк. Машины сближались на больших скоростях. Чьи нервы выдержат? Чья броня крепче? Руки лейтенанта будто приросли к рычагам управления. Снаряды взметали землю впереди вражеского танка. Гитлеровец не выдержал, он развернулся, подставив борт. Удачный выстрел превратил фашистскую машину в движущийся факел.

Советские танки и мотопехота захватили переправу на реке Одер.

Только после преодоления реки лейтенант Гниломедов доложил о выполнении поставленной задачи. Доклад без прикрас, точно, хотя правда и была горькой. Нелегко сообщать, что потерял машину Пономарева и сам остался без экипажа.

— Война есть война, — сказал командир батальона. Он внимательно смотрел на раненого и очень уставшего лейтенанта.

— Иван Андреевич, принимай взвод разведки, — сказал майор, развернул карту и, показав на ней нужное место, продолжал: — Здесь ожидается переход противника в контрнаступление. А вот здесь приказано поставить наш заслон. Взводу разведки придаются два танка и взвод автоматчиков. Задача: до утра не дать противнику выйти к городу. Связь по радиации. Вопросы есть?

— Все ясно, товарищ майор.

Командир батальона пожал офицеру руку и вместе с ним вышел из штаба. Они немного постояли вместе, глядя на реку. Дул порывистый ветер.

...Пять советских танков с автоматчиками на броне взяли курс к городу. Время клонилось к вечеру.

Противнику удалось оторваться от наших наступающих войск, и теперь лейтенант Гниломедов вел свои машины по «ничейной» земле. Краснели черепичные крыши островерхих домов. Нигде не было видно ни одного человека. Ничто не предвещало непосредственной опасности. И вдруг над танками появилась тройка вражеских штурмовиков. Офицер понимал всю трагичность положения: в чахлом кустарнике не спрятать машин. Но помогла хитрость.

Когда штурмовики с оглушительным ревом набросились на беззащитные машины, из командирского танка выскочили два воина с дымовыми шашками в руках. Самолеты открыли огонь. Брызнула вверх земля. Фашисты пошли на второй заход, увидев результаты своего налета: от трех танков валил дым. После второй атаки окутались дымом и две остальные машины. Самолеты сделали круг и скрылись.

— Полетели докладывать о победе, — рассмеялись танкисты. Ни одна из наших машин, умело замаскированных дымом, не была повреждена штурмовиками.

...Слева виднелся город. Гниломедов поставил командирам машин боевую задачу. Наступали сумерки. Медленно, очень медленно текло время. Командир взвода думал о том, что недалеко Берлин, близка победа. А какой путь пришлось пройти к ней!

...Во второй половине ночи послышался отдаленный шум танковых моторов. А когда забрезжил рассвет, вдали, с возвышенности стали спускаться самоходные пушки и танки противника. Гниломедов насчитал тридцать машин. «Тигров» не было, и все же соотношение сил сложилось слишком неравное. Лейтенант собрал командиров экипажей и сказал:

— Вступаем в бай. За нами первый удар. Маскировку не нарушать, танков из укрытий не выводить. Метров с пятидесяти расстреливать машины и гитлеровцев в упор. Начинаю я. Командир автоматчиков, действуйте по своему усмотрению, но огня первыми не открывайте.

Вражеские танки приближались. Головной мчался левее замаскированной машины командира нашего взвода. Остальные следовали уступом. Из-под гусениц летели комки грунта. Засада молчала, ожидая сигнала командира. «Еще, еще ближе», — сдерживая волнение думал Гниломедов. Наконец, вырвалось:

— Огонь!

Голодной танк фашистов загорелся от первого выстрела. Вторая машина завертелась на одной гусенице. Другие танки нарушили строй и металась по поляне, беспорядочно стреляя. Вспыхнул еще один вражеский танк, загорелось самоходное орудие, задымила четвертая машина. Пять советских Т-34 все наращивали мощь огня. Дробно тархтели автоматы, усеивая поляну трупами фашистов. В небо подымался густой черный дым. Вражеские танки развернулись и стали удирать. Загорелись еще две машины. На возвышенности мелькнул желтым крестом последний танк. Бой закончился.

Когда Гниломедов сообщил об этом в штаб, наши подразделения были уже на марше. Спустя четверть часа к пяти замаскированным машинам подошел танк командира батальона. Из люка вылезли майор и полковник — командир танковой бригады. Гниломедов представился и доложил о прошедшем бое.

— В наши руки, товарищ полковник, попал фашистский майор, — закончил лейтенант.

Три наших офицера вышли из кустарника, и взору их открылась поляна с трупами фашистов. Подбитые, обгоревшие танки и самоходные орудия чадили.

С поляны Гниломедов провел начальников к своему танку, возле которого под охраной автоматчика сидел фашист. Лицо его было в шрамах, подбородок залеплен розовой лентой. Из-под распахнутой куртки виднелся гитлеровский орден. Через автоматчика, знавшего немецкий язык, пленный спросил полковника:

— Правда ли, что усиленный панцирный батальон был обращен в бегство всего лишь взводом?

— Усиленным взводом, — уточнил полковник.

Пленный майор закрыл лицо руками и прошептал:

— Позор, позор...

* * *

Настал день, когда советские стальные машины, как грозный и бурный весенний поток, ворвались на улицы Берлина. Одним из первых шел танк недавно принятого в члены партии Героя Советского Союза старшего лейтенанта Ивана Андреевича Гниломедова.

1965 г.

Ф. Миронов
ТРЕВОЖНЫЕ СУТКИ

Герой Советского Союза
Илья Павлович Горбунов

Начинался сентябрьский день...

Замаскировавшись в прибрежном кустарнике, Горбунов наблюдал за противником.

Еще перед тем, как прийти сюда, он обо всем передумал, все решил. Третий год шагал Илья Горбунов по дорогам войны. Всегда лез в самое пекло боя. Не раз, заменяя убитых командиров, водил в атаки и взвод и роту. Но никогда он не задумывался так тревожно, как задумался теперь, когда еще раз не по приказу, а по собственной воле поставил свою жизнь под удар.

Многое вспомнилось, но чаще всего в памяти всплывал один эпизод. Был пасмурный, придавленный дождевыми облаками осенний день первого года войны. Около грузовой автомашины, подрулившей к правленческому зданию, собрались и стар и мал. Провожали его, председателя грачевского колхоза им. Кирова, на фронт. Когда машина тронулась, в несвязный, приглушенный говор и тихий женский плач ворвался бодрый голос восьмилетнего Вовки:

— Пап, убьешь фашиста, сразу домой ехай. Ружье мне не забудь, на охоту с тобой пойдем.

Горбунов печально, как и в тот пасмурный день, улыбнулся одними лишь глазами: «Ах, Вовик, Вовик, не знаешь ты, как еще далеко мне до дома».

Дивизии предстояло форсировать Днепр. Формировали две группы добровольцев по двадцать человек. Перед ними ставилась смелая и рискованная задача: под прикрытием ночной темноты скрытно переправиться на лодках через реку, внезапно ударить по противнику, захватить плацдарм и удерживать его до переправы основных сил дивизии.

Весь личный состав дивизии знал, как основательно укрепился противник на том берегу. Каждый воин представлял себе всю опасность переправы с передовым отрядом. Несмотря на это, добровольцев оказалось больше, чем требовалось. В их числе были сержант Горбунов и командир взвода Диртев.

Кого назначить командирами групп? Выбор командира дивизии остановился на Горбунове и Диртеве. Оба они вместе с дивизией прошли боевой путь от Москвы до Днепра. Оба отличались бесстрашием и

хладнокровием, умением не теряться в самой сложной обстановке, готовностью пойти на самопожертвование, если того потребуют интересы боя.

Но знал командир дивизии и другое: у Горбунова остались дома четверо ребят, один другого меньше. Вчера, вызвав к себе сержанта, он объявил, что предоставляет ему право отказаться от участия в операции. Горбунов ответил:

— Товарищ генерал, я готов выполнить боевую задачу.

Генерал тепло улыбнулся, затем приказал ему и Диртеву тщательно изучить путем наблюдения систему обороны и огня противника.

С той минуты прошло немногим более суток. Горбунов был твердо убежден, что воин-коммунист должен поступать только так, как поступил он. Пусть его ожидает самое худшее, но он до конца останется таким, каким стал с тех пор, когда в начале тридцатых годов навсегда связал свою судьбу с Ленинской партией. Куда бы она ни посылала его, что бы ни поручала, он всей своей жизнью оправдывал ее высокое доверие. Оправдает и теперь, пусть даже ценой самой жизни.

Сняв стереотрубу, Горбунов возвратился на поляну. В траве, положив руки под голову, спал Диртев. Не хотелось прерывать сон товарища, и сержант, пригибаясь, начал собирать ромашки, полюбившиеся ему с детских лет своей неувядаемой красотой даже в пору глубокой осени. Но обостренный слух Диртева уловил шорохи.

— Полный порядок, — поспешил Горбунов успокоить товарища и, застеснявшись своего, как ему казалось, неуместного занятия, добавил:

— Думал, ты спишь.

— У нас в Татарии каких только цветов нет! Бывало, пойдешь в лес...

Диртев не закончил — прощурилась мина, разорвалась на противоположной стороне поляны...

По дороге в штаб говорили о том, что удалось увидеть, уточняли отдельные детали в расположении противника, спорили о системе огневых точек на тех участках обороны, которые плохо просматривались.

После обеда всем воинам групп было приказано спать. Горбунов лежал с открытыми глазами, думал: не упустил ли что-либо в подготовке группы, все ли предусмотрел. Он еще и еще раз критически оценивал обстановку, воздвигал самые различные осложнения, заранее искал нужные решения.

Не успел додумать до конца, как ординарец комбата принес письмо. Письмо было от жены, Марии Григорьевны, на трех страничках, вырванных из ученической тетради. «Из Вовиной, поди. В третий класс нынче пойдет. А может, из Нинушкиной — ей в первый класс. Растет, совсем большая», — подумал Горбунов, разглядывая листочки, исписанные крупными буквами. Перечислив всех, кто шлет низкие поклоны, Мария Григорьевна сообщала, что Вовик все лето пас овец. Нина тоже пасет колхозный скот; а Юрику недавно исполнилось четыре годика; Женечка, самая младшая, немного приболела. Сама она, Мария Григорьевна, уже выработала 720 трудодней; живут они по-прежнему, и о них пусть он не беспокоится. Дальше сообщалось, на кого получены похоронные, кто вернулся «по чистой», и что в колхозе поговаривают о скором конце войны, и что вся семья с нетерпением ждет его домой. Письмо заканчивалось словами: «Лучше береги себя и возвращайся с победой».

И опять думы, думы... Словно на киноэкране, промелькнула в памяти Горбунова собственная жизнь. Девяти лет, в год Октябрьской революции, остался он без родителей. Воспитывался в людях, батрачил. Первым в родном селе вступил в комсомол. Был трактористом, механиком совхоза. Участвовал в коллективизации, возглавлял колхоз.

...К реке группы двигались гуськом. В лодки грузились молча, по заранее разработанному плану. Каждая группа брала с собой по одному станковому, по два ручных пулемета, автоматы, винтовки. Гранат грузили очень много.

Ночь выдалась безлунной, Горбунов, сидя на корме, напряженно всматривался вперед, беспокоясь о том, чтобы течение не сбilo лодку с курса. Но он ничего не видел, кроме силуэтов бойцов, поживавшихся от предутренней прохлады. То в одном, то в другом месте над рекой проносились трассирующие пули. Горбунов знал, что такую стрельбу немцы ведут каждую ночь. Его беспокоило только одно — как бы шальная пуля не ранила кого-либо из бойцов. Раненый может поднять возню, застонет или закричит. О том, что будет тогда, не хотелось и думать.

Но вот пуля прочертила трассу совсем рядом. Горбунову доложили шепотом, что боец Сергеев ранен в плечо. Сержант прислушался, но не уловил ни стонов, ни шорохов...

— Сделать перевязку на берегу, — так же шепотом передал он санинструктору.

На стороне противника пролаял пулемет и, будто захлебнувшись, тут же умолк. Тишина и радовала и настораживала. Нервы были напряжены до предела.

Горбунов почувствовал, как его руки, державшие шест, подбросило вверх — шест уперся в дно, нос лодки зашуршал песком. «Сейчас начнется», — подумал. Но ничего не начиналось, лишь пустела лодка.

Наблюдая за бойцами, Горбунов с удовлетворением видел, что каждый из них действует так, как было задумано. Когда он ступил на берег, группа уже приняла боевой порядок.

Двинулись вперед. Первым растаял, в темноте сапер. За ним устремились два автоматчика. Прошло несколько минут, и через прогалы, сделанные в проволочном заграждении, один за другим проползли бойцы.

Впереди зачернел бруствер траншеи. Еще немного, и группа ворвется в траншею. Горбунов привстал и замер от неожиданности: из траншеи поднимался гитлеровец. Горбунов рванулся вперед, намереваясь оглушить поднявшегося противотанковой гранатой, но кто-то из автоматчиков, не выдержав, хлестнул очередь. Траншея ожила, из дзота немцы открыли пулеметный огонь в сторону реки.

Одной из главных задач группы было уничтожение дзота. Теперь, когда группа обнаружила себя, дзот можно было уничтожить только с тыла, если... если, конечно, успеть. Раздумывать было некогда. Горбунов перемахнул через траншею, побежал в сторону дзота.

Когда сержант оказался около входа в дзот, оттуда выбежал офицер, а за ним солдаты, сыпавшие наугад автоматным огнем. Горбунов со всего размаха запустил в проход противотанковую гранату, занес было вторую, но его оглушил взрыв. Он успел лишь увидеть, как дзот осел, но в то же мгновение почувствовал, что и сам проваливается в бездну.

Больше Горбунов ничего не помнил. Очнулся он уже в полковом медпункте. Открыл глаза и первое, что увидел, — знакомую бородку врача.

— Ничего, сержант, жить еще будем. Восьмой раз к нам пожаловали.

— Как наши? — через силу спросил Горбунов.

— Наши? Наши фашистов гонят.

В тот же день Горбунова эвакуировали в госпиталь. Вскоре он узнал, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

В Грачевке на улице Пушкина стоит мало чем приметный домик. Сюда во время отпусков или по большим праздникам приезжают навестить своих родителей — Илью Павловича и Марию Григорьевну Горбуновых — железнодорожный мастер Владимир, директор школы Нина, агроном Юрий и врач Евгения.

Дети любят послушать, как отец завоевывал им счастье. И сами вспоминают трудные годы войны, рассказывают, как тяжело приходилось в ту пору их матери, делятся своими радостями, удачами и неудачами. Допоздна делятся тогда семейные беседы.

По утрам Илья Павлович отправляется на работу.

...Если тебе, дорогой читатель, придется проезжать по шахматовскому участку ровного, без единой ухабины большака, что ведет из Бузулука в Грачевку, ты можешь увидеть невысокого человека с приветливыми серыми глазами, занятого тем, чтобы дорога, по которой ты едешь, была еще лучше. Поклонись ему, а если будет возможность, подари букет ромашек, он любит эти цветы...

1967 г.

Н. Карпов
ПАМЯТНИК В НОВОМ БУГЕ

Герой Советского Союза
Борис Иванович Гребенников

Лесные поляны очень схожи между собой. Особенно те, куда Боря любил забираться и куда редко кто, кроме него, заглядывал. Тихо в лесу, и так же тихо и хорошо на душе мальчика. С цветка на цветок порхают бабочки. Пламенеют из-под зеленой листвы ягоды земляники и вишни. Пахнет цветами. От их аромата легонько кружится голова.

Любил здесь Боря помянуть. Придет он из школы и — в лес, забудет про обед и ужин. А мечтал он о тех днях, когда подрастет и станет лесоводом, будет деревья выращивать, цветы оберегать...

Еще любил Боря декламировать стихи на школьных вечерах. Особенно хорошо он читал стихотворение Константина Симонова «Танк». Лицо чтеца пылало, глаза горели, а руки со сжатыми кулаками были откинuty назад.

Вот здесь он, все ломая, как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессиленный от ран,
Добыв пехоте трудную победу.

Для всех было неожиданностью, когда Боря после окончания восьмого класса Кувандыкской железнодорожной школы заявил:

— Поступаю в автодорожный техникум...

Борис уехал в Оренбург. Но учиться в техникуме долго не пришлось. Помешала война.

Борис пришел в военкомат:

— Пошлите на фронт добровольцем...

— Мал еще, — покачал головой военком. Сколько раз ему приходилось повторять эти слова юным оренбуржцам!

После этого Боря вернулся домой, в Кувандык, и поступил работать на завод «Красный штамповщик».

На заводе трудились день и ночь, не считаясь со временем. Часто оставался на вторую смену и Борис.

После первой посылки возвратился домой с подарком матери. Открыла она дверь, а сын со свертком в руках на пороге стоит. Еле в комнату протиснулся.

— Это тебе, мама, — протянул он теплый овчинный полушубок и одеяло.

До слез обрадовалась Анна Алексеевна.

— Спасибо, сынок, золотой ты мой помощничек...

Когда Борис вступил в комсомол, то стал на заводе все время проводить. Да иначе в те дни не могло и быть.

...Бориса провожали в армию. Мать сразу постарела. Она не могла больше плакать, а только, не отрываясь, смотрела сыну в глаза. На вокзал пришла и Валя, которую он поцеловал впервые здесь, на перроне. Поезд вначале нехотя, а затем все быстрее застучал колесами по рельсам...

Родина доверила Борису Гребенникову и его товарищам по военному училищу грозное оружие — танки. С особым усердием овладевали курсанты военным делом, техникой. А через год, осенью 1943 года стройный, подтянутый младший лейтенант Гребенников покинул училище.

Военный эшелон мчался на фронт почти без остановок. Но Борису и его друзьям казалось, что слишком долг их путь. Молодые, горячие, они с нетерпением ждали дня, когда смогут лицом к лицу встретиться с врагом.

В пути Борис увидел и понял, как велика и величественна его Родина, ставшая огромным военным бастионом.

В боях крепло мужество молодых танкистов, росло их боевое мастерство. Гребенников командовал танком. В одном подразделении с ним служил командир другого танка Константин Сорокин. Они подружились.

Чем больше видел Борис сожженных и разрушенных городов и сел, вывороченных с корнями обуглившихся лесов и садов, погибших мирных жителей и своих боевых товарищей, тем сильнее становилась его ненависть к врагу, тем стремительнее мчался его танк на поле боя, громя захватчиков.

В феврале 1944 года в боях за Кривой Рог танк, которым командовал Гребенников, был подбит. Офицер открыл люк и стал вытаскивать погибших товарищей. Едкий дым, как тупым ножом, царапал в груди, пламя горячими языками лизало одежду, руки и лицо. Когда последний воин экипажа был вынесен из пылающего танка, Борис упал на землю. Одежда и все документы у него сгорели. Сам он остался жив по счастливой случайности. Несмотря на сильные ожоги, офицер отказался лечь в госпиталь, он снова рвался в бой.

Танкисты освобождали новые села и города. В те дни танк Гребенникова уничтожил немецкого «тигра», более 50 гитлеровских солдат и офицеров, 16 пулеметов, 3 пушки, 13 подвод, 25 автомашин.

Сражения шли на подступах к Новому Бугу. Весеннее небо покраснело от зарева пожарищ. Земля содрогалась от канонады. На рассвете 8 марта 1944 года наш передовой отряд вышел к железнодорожной станции в двух километрах от Нового Буга. Три советских танка и двадцать солдат вступили в ожесточенную схватку, выбили врага со станции и вышли на ее окраину, обращенную к городу.

Предстоял новый бой. Моторы боевых машин гудели глухо, нетерпеливо. Борис и Константин расцеловались, как братья, и вскочили каждый на свой танк. Надели шлемы, еще раз взглянули друг на друга и исчезли в люках машин. Один танк остался для наблюдения и связи. Два других — Гребенникова и Сорокина — на предельной скорости помчались в Новый Буг.

Фашисты встретили танкистов шквальным огнем. По броне застучали пули, осколки. Преодолев огневую завесу, танк Гребенникова врвался в колонну фашистских автомашин, расстреливая и давя их гусеницами.

Навстречу выполз немецкий танк. Наш наводчик опередил гитлеровца. Метким выстрелом танк со свастикой на броне был подбит. Он неуклюже ткнулся вперед, потом дернулся в сторону, и клубы черного дыма покрыли его.

Двигаясь дальше, танк Гребенникова разбил самоходное орудие. Рвались вокруг снаряды. Немцы решили во что бы то ни стало подбить неистовый танк, который прокладывал путь советским войскам. Смертельно ранен стрелок-радист, повалился с сидения водитель. Но жив еще командир. Борис, до боли стиснув зубы, сел за рычаги управления. И машина продолжала громить врага.

Константин Сорокин на своем танке обошел врага с фланга, расстреливая его машины и противотанковые орудия.

Из-за угла ближайшего дома показался танк с крестом на броне. Гребенников направил свою горящую машину на него. Гитлеровец выстрелил, но промахнулся и стал пятиться назад. На помощь ему вышел еще один танк. Гребенников выстрелил в отступающий танк и приготовился вступить в единоборство со вторым...

Танк Гребенникова пылал. Сквозь дым офицер видел разбитую немецкую технику, отступающих врагов...

Вечером танк Гребенникова медленно тянули на буксире в город. На потемневшей броне лежал Борис, словно уснул, утомленный боем. Он погиб от осколка и почти не обгорел. Казалось, что вот он встанет и его боевая машина снова пойдет в бой... Двадцатилетний гвардеец погиб, как богатырь.

Вот здесь он, все ломая, как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессиленный от ран,
Добыв пехоте трудную победу.

Эти слова теперь были о нем, о юном оренбуржце. Только в последнем своем бою Борис Гребенников уничтожил вражеский танк, самоходное орудие, до 250 автомашин, до 150 гитлеровцев, отрезал путь отступающей автоколонне в составе 500 машин, которые затем были захвачены нашими войсками.

* * *

За речкой Черной в селе Краснохолм стоит дом Ивана Дмитриевича и Анны Алексеевны — родителей Бориса. В комнате на стене портрет героя. По-детски полные губы, внимательный взгляд, правильные черты лица. Рядом с портретом висит Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Борису Ивановичу Гребенникову.

...7 ноября 1961 года Иван Дмитриевич и Анна Алексеевна вступили на далекую, но родную землю, за которую сражался и пролил кровь их сын Борис. В Новом Буге в тот день трудящиеся города открыли памятник герою-оренбуржцу. Они сердечно поблагодарили родителей Гребенникова за воспитание пламенного советского патриота. Отец и мать героя со слезами смотрели на памятник, возвышающийся над городом, на людей, собравшихся на митинг.

Далеко от Нового Буга в оренбургском городке Кувандыке тоже свято чтят память Бориса Ивановича Гребенникова. В железнодорожной школе оборудован уголок его имени. У портрета героя принимают школьников в юные пионеры. Жители города назвали именем героя одну из улиц.

1965 г.

Ю. Зайцев
КОМИССАР

Герой Советского Союза
Павел Федорович Давыдов

В долине ребячьего счастья, как называют в Кувандыке пионерский лагерь железнодорожников, готовился большой костер. Витя Самарцев узнал, что к ним приезжает настоящий Герой. Витя залез на высокую ольху, наблюдал и ждал: вот-вот из-за поворота вынырнет голубая «Волга», из нее выйдет суровый и мужественный человек. Но ни «Волги», ни даже газика не появилось. Павел Федорович Давыдов, прошедший за свою жизнь немало дорог, и на этот раз не изменил своей привычке ходить по земле пешком.

Пылал костер. Вспыхивали в отвесах пламени орден Ленина, медаль «Золотая Звезда», орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, польские медали «Крест храбрых», «Варшава». Пятьсот пар широко раскрытых, восхищенных глаз смотрели на Героя.

Давыдов спросил одного из мальчишек:

— Тебя как зовут?

— Витаха...

— Так вот, Витаха. Все вы знаете о подвигах Матросова, Космодемьянской, Гастелло. Их геройство — как на ладони. А у меня по-другому...

Павел Федорович рассказывал, как бедно и трудно жилось их семье, как батрачил он у верхнеплатовских кулаков... Разочарование мелькнуло в глазах Витахи. Давыдов понимал нетерпение ребят. Мальчишкам подавай грохот боя, чтобы пушки били, фашисты драпали. Но он хотел рассказать им о главном — об истоках подвигов советских людей, и говорил о том, как вырвался из кабалы богачей, ушел работать на железную дорогу. Говорил, что его судьба похожа на судьбу многих сельских парней, рвавшихся к учебе, знаниям. В годы борьбы с басмачеством он мчался в цепях лихой красной конницы Туркестанского фронта. Кончилась гражданская война, и он стал водить поезда, работал сначала помощником, а затем машинистом паровоза. Но уже в те годы простой рабочий паренек, вступивший в партию большевиков, знал, в чем смысл жизни. Он много трудился, увлеченно учился. Коммунисты выбрали его секретарем партийной организации железнодорожного узла, а затем — секретарем Кувандыкского райкома партии.

— Как видите, ребята, — говорил Давыдов, — не было у меня подвигов. Был труд. Было большое желание

выполнить поручение партии, все делать на совесть. Мы понимали, что нам надо построить заводы и фабрики, наладить жизнь колхозников, и мы работали. Через труд шли в партию, в настоящую жизнь мои ровесники, ваши отцы. И в войну мы победили потому, что готовились к суровым испытаниям всем ходом жизни. Мы защищали созданное своими руками, защищали Родину, вас...

Притихли мальчишки и девчонки. Ярко горел костер, пионеры слушали Героя. Витаха подсел ближе.

В июне сорок первого Павел Федорович окончил областную партийную школу в Оренбурге, а в июле ему пришлось надеть военную форму.

Котовск, Сталинград, Старобельск, Лозовая, Никополь, Одесса, Кишинев, Ковель, Люблин, Лодзь, Познань, Гнезин, Шверин, Кюстрин, Берлин. Таков боевой путь комиссара стрелкового полка Давыдова. Всегда он находился среди бойцов. Он воевал с танками в атаке, делил с бойцами все трудности фронтовой жизни.

12 мая 1944 года в бою на правом берегу Днестра, будучи раненым, Давыдов отказался пойти в медсанбат, а после перевязки продолжал руководить боем до выполнения поставленной полку задачи. Солдаты шли за комиссаром. В боях за Днестр в полку было принято в партию 168 человек, в комсомол — 263.

Второе тяжелое ранение вынудило комиссара покинуть передовую. После лечения Давыдов, теперь уже подполковник, был назначен заместителем командира по политчасти в гвардейский стрелковый полк и прошел с ним Польшу, Германию, ворвался в Берлин.

«За период работы товарища Давыдова в полку, — говорится в боевой характеристике того времени, — он правильно организовал партийно-политическое обеспечение всех видов боя, которые вел полк, громя немецких захватчиков на всем пути от Вислы до Берлина... В боях на плацдарме реки Одер противник на участок обороны бросил до сорока танков... Тяжело отражал полк эту атаку. Давыдов, вооружившись фаустпатроном, захваченным у врага, с группой смельчаков лично участвовал и отражении атаки. Было уничтожено двенадцать танков и сорок бронетранспортеров, а остальные обращены в бегство. В районе города Зеелов особенно сильные бои развернулись за овладение высотой, закрывавшей подступ к автостраде... Хорошо разбираясь в тактических вопросах, товарищ Давыдов 18 апреля 1945 года, когда был ранен командир, принял командование полком на себя...».

Полк выполнил боевое задание. В числе первых он ворвался в логово фашистов — Берлин, пробился к рейхстагу. Вместе с батальонами Самсонова и Неустроева солдаты полка Давыдова овладели зданием тюрьмы Моабит, освободили из казематов немецких антифашистов, советских, французских, английских, американских военнопленных, штурмовали мост через Шпрее, взорвали «дом Гимmlера».

Обо всем этом рассказывал Павел Федорович ребятам у костра. Витаха Самарцев наклонил голову, задумался...

Вернувшись с фронта, Давыдов по-прежнему был в гуще жизни. На посту председателя Кувандыкского райисполкома он много работал, чтобы восстановить силу колхозов.

...Зал Кувандыкского Дома культуры. Здесь сидят парни сорок первого года рождения. Завтра они станут солдатами, достойными своих отцов, таких же, как тот человек, который стоит сейчас перед ними за столом.

Павел Федорович Давыдов всматривается в зал, находит знакомые лица. Вот привстал и кивнул ему тот самый Витаха, что был тогда в пионерском лагере. Витаха, все триста новобранцев ждут, что скажет Герой Советского Союза.

— Товарищи! — говорит он. — Достоинно храните славу отцов. Отлично учитесь бить врагов нашей Родины современным оружием...

1967 г.

В. Пролеткин
ВЕРНЫЙ КЛЯТВЕ

Жизнь моя песней
звенела в народе,
Смерть моя песней
борьбы прозвучит.

Муса Джалиль

Герой Советского Союза
Муса Джалиль

Казань, улица Горького, дом 17... Письма приходили сюда часто. Из Мензелинска, где Муса обучался на курсах политработников, поступали разноцветные стандартные конверты, пухлые, три-четыре страницы в каждом. Они были полны любви и раздумий. С дороги на Волховский фронт, из Действующей армии шли самодельные солдатские треугольники. В них — тревога, но не за себя, а за близких. Муса, как настоящий солдат, презирал смерть, он беспокоился за жену Амину-ханум, сына и дочку...

Джалиль простился с ними в суровый для Родины час. Шел июль 1941 года. Поэт, один из авторов готовящейся к постановке оперы «Алтынчэч», оставил недописанное либретто на рабочем столе, поцеловал жену и детей и ушел добровольцем на фронт. Сердце патриота подсказало ему, что в тяжелую для Родины годину место поэта в первых рядах сражающихся. Муса Залилов, известный народу под фамилией Джалиль, взял в руки винтовку.

Письма, как надежные связные, отмечали его боевую дорогу. Рядовой, курсант, работник армейской газеты, политрук...

Но вот случилось что-то непонятное. Проходит неделя, другая, третья, а от Мусы ни строчки. Что с ним? Где он? Убит в неравном бою? Пленен? Или судьба вывела его на партизанские тропы? С июля 1942 года для Амины-ханум наступили дни томительных ожиданий. Наконец пришло лаконичное извещение: Муса пропал без вести...

Пропавшим без вести он был до самого конца войны. И лишь после нее люди узнали о судьбе поэта.

Солдаты, штурмовавшие Берлин, прислали в Союз советских писателей письмо, к которому была

приложена страница, вырванная из неизвестной книги. Солдаты нашли ее среди прочих документов в тюрьме Моабит. Это была очень интересная находка — записка Джалиля! Вот что примерно в ней было сказано:

«Я, известный татарский писатель Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверное, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня моим товарищам писателям в Москве».

Дальше Муса перечислял фамилии писателей, просил сообщить семье...

Правдивость записки подтверждалась двумя неизвестными людьми. Один, очевидно друг, на этом же листке обнадеживал, что Муса, возможно, останется в живых. Второй, по всему виду ярый враг, начертил полуграмотные каракули:

«Вашего Джалибула уже нет в живых».

Обо всем этом жене поэта сообщил писатель А. А. Фадеев.

Такова была первая послевоенная весточка о Мусе Джалиле.

Прошло некоторое время, и в Москву из Бельгии доставили посылку. В ней — небольшой самодельный блокнотик с предсмертными стихами поэта. Прислал посылку бельгиец Андре Тиммерманс — участник движения Сопротивления. Оказывается, он вместе с Мусой находился в тюремной камере Моабита. Обреченный на смерть Джалиль попросил его переслать на волю свои последние стихи. Тиммерманс выполнил завещание поэта, но не сразу после освобождения, а спустя некоторое время, так как был тяжело болен.

Муса второй раз давал знать о себе. На обложке блокнота он написал:

«Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадь.

Это написал поэт Муса Джалиль, известный татарскому народу. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покорившись страху сорока смертей, был привезен в Берлин.

Здесь он был заключен в тюрьму и его присудят к смертной казни. Но у него остается 115 стихотворений, написанных в заточении. Его тревожит судьба их...

Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет, как стихи погибшего поэта татарского народа. Это мое завещание.

М у с а Д ж а л и л ь».

Стихи, написанные за железной решеткой, были полны патриотических чувств, глубокой веры в победу над коричневой чумой. Они были страстны, мужественны, звали к борьбе даже за колючей проволокой. Вот отрывки из них:

Я жить хочу, чтоб Родине отдать
Последний сердца движущий толчок,
Чтоб я, и умирая, мог сказать,
Что умираю за отчизну-мать.

«Неотвязные мысли»

Не горюй, земля, — не задрожим мы
До тех пор, пока ты носишь нас,
Именем страны, которой живы,
Поклянемся мы и в смертный час.

«В день суда»

Железо не ржавеет от труда,
И глина обожженная тверда,
Оценит мужа по делам народ:
Героя не забудет никогда.

«Один совет»

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело,
Словно дуб тысячелетний.

«Дуб»

Придет, придет Москва! Нас вызволит Москва
Из темной ямы хищника-урода.
На красном знамени Москвы горят слова:
«Жизнь и свобода».

«Фрагмент»

Судьба поэта волновала советскую общественность. Что с ним произошло? Как и где он прожил свои последние годы?

Бельгиец Андре Тиммерманс, конечно, мог бы рассказать многое, но он, передав блокнот стихотворений, не оставил своего адреса.

Много лет друзья Джалиля по работе в Казани, а также писатели Константин Симонов, Илья Френкель, журналист Юрий Корольков и многие другие люди искали затерянные страницы биографии поэта.

Вот что дали поиски...

Было известно, что после окончания курсов политработников в Мензелинске поэт был направлен во 2-ю

ударную армию, которой командовал изменник родины Власов. Армия попала в окружение на Волховском фронте. Начались кровопролитные бои. Советские солдаты сражались до последнего патрона. Они пытались прорвать кольцо окружения, в какой-то степени это удалось сделать, но не надолго. Силы были неравны, и кольцо вновь сомкнулось. Многие навсегда остались на поле брани, многие израненные, измученные тяжелыми боями попали в плен...

Вот что писал об этих страшных днях один из воинов, попавших в плен, Гариф Хафизов:

«Нас вывезли в тыл на станцию Сиверская, где был расположен лагерь для русских военнопленных. Он был организован в бывшей конюшне, обнесен колючим проволочным ограждением.

В этом лагере в начале августа 1942 года я заметил человека среднего роста, смуглолицего, с умными глазами. Как оказалось, это был Муса Джалиль. Возле него всегда находился старый солдат, бывший ленинградский рабочий. Он ухаживал за раненым Джалилем, помогал ему чем только мог».

Затем Г. Хафизов вспоминает, что в середине сентября пленных перевели в Латвию и поместили недалеко от Двинска. Начались голод и болезни. Заболел и Гариф. В эту трудную минуту ему помогал Джалиль. Он делился с ним последним куском хлеба, утешал, укрывал от холода.

«Однажды Муса Джалиль сказал мне:

— Послушай, братец, я тебе прочитаю одно стихотворение.

Он достал из кармана блокнотик и стал читать стих на татарском языке.

Послушав стихотворение, я удивился и спросил Мусу Джалиля, не учитель ли он, если умеет читать стихи, написанные арабским шрифтом.

— Нет, уж от тебя, Гариф-другок, скрывать не буду. Я Муса Джалиль, татарский поэт, из Казани, — сказал он.

Однажды Муса Джалиль принес мне стихотворение, озаглавленное «Другу Гарифу». Вот оно:

Если ты вернешься в отчий край
Из железных лап тюремной доли,
Верный друг, нигде не забывай,
Как пришлось в фашистской быть неволе.

Не забудь, как сохранив в груди
Пламя жизни, забывали горе...
Нас, как черный призрак, впереди
Расставанье ожидает вскоре...

Если ты вернешься в отчий край,
Мне же пасть придется на чужбине,
Ты Отчизне нашей передай,
Что я был ей самым верным сыном.

Расскажи друзьям, чтоб каждый знал,
Что Джалиль, мечтая про свободу,
В грозной битве коммунистом пал,
Верный клятве своему народу.

(Подстрочный перевод)

Эти стихи меня взволновали, и я поблагодарил Мусу Джалиля. Он, улыбаясь, сказал:

— Еще будут стихи!».

Вскоре они расстались. В середине сентября Мусу направили в Германию. Он едва сумел отдать Гарифу блокнот со стихами. Поэт просил передать их на Родину...

Хафизову удалось сохранить только несколько листов.. После освобождения он переслал их в редакцию газеты «Кызыл Татарстан».

Новая неизвестная страница жизни поэта была раскрыта фельдшером Н. В. Толкачевым, тоже бывшим военнопленным. Познакомились они в польской крепости Демблин в конце 1942 года. Привезли Мусу сюда из лагеря, что находился в местечке Хелм. Он был болен, но постоянно шутил и все время просился в бараки военнопленных.

— Тесно мне, понимаешь, тесно! Я должен быть там.

И Муса Джалиль выписался из лазарета, перешел в барак, где он обнаружил своих друзей.

Стремление Мусы быть вместе со своими друзьями теперь, спустя много лет, становится особенно понятным. В то время гитлеровское командование не на шутку было обеспокоено тяжелыми потерями на Восточном фронте. Оно решило пойти на очередную подлость, создать специальный легион из военнопленных нерусской национальности и укрепить им свои потрепанные в боях части. Руководство легионом Гитлер поручил генерал-лейтенанту Эрнсту фон Кёстрингу. Духовным наставником был «верховный иерусалимский муфтий» Саид Мухамед Амин-эль-Гусейн — известный шпион и провокатор. Был создан башкиро-татарский комитет «Идель Урал», которым руководили белоэмигранты Гаяс Исхаков и Шафи Алмасов. Первому гитлеровцы после войны обещали президентское кресло в так называемом «государстве Поволжья и Урала», а второму — портфель премьер-министра. Эти продажные души вели провокационную работу среди военнопленных татар, башкир, чувашей, вербуя измученных побоями и болезнями людей в свой легион.

О создании «Идель Урала» узнал Муса Джалиль. Он был страшно возмущен. Его соотечественников, его братьев хотят склонить к предательству! Нет, этого не будет! Нужно бороться, нужно разъяснять людям

подлинный смысл и коварные цели «Идель Урала».

Татарский поэт Муса Джалиль вступает в неравную и скрытную борьбу с руководством комитета. Это была тяжелая и опасная борьба, это был высокий подвиг советского патриота.

Мусу перевели из Демблинской крепости в лагерь Вустрау, что неподалеку от Берлина. И здесь он сколачивает вокруг себя группу единомышленников, которые, как и он, тоже не пали духом, остались верны воинской присяге, любимой Родине, Коммунистической партии. Муса говорил тогда своим товарищам: «Мы должны быть сильнее смерти, наш долг вырвать людей из пасти фашистского зверя». Каждый член подпольной организации принимал присягу, составленную Джалилем:

«Клянусь беспрекословно выполнять любые приказы командира, всем сердцем служить Родине, хранить в тайне существование подпольной организации и имена ее членов, несмотря ни на какие пытки. Того, кто нарушит эту клятву, считать предателем Родины».

Задача была такова: сорвать вербовку военнопленных в гитлеровскую армию.

Руководство «Идель Урала» прослышало, что в лагере Вустрау находится татарский поэт. Оно решило воспользоваться именем поэта, привлечь его к работе. Иметь в составе комитета известного народного писателя — это значит поднять авторитет будущего «государства» в глазах легионеров!

Главари «Идель Урала», «иерусалимский муфтий» и даже сам Альфред Розенберг — гитлеровский министр оккупированных земель Востока — вызывают к себе Мусу и убеждают его принять участие в работе комитета.

По решению подпольщиков Муса соглашается, но при условии сохранения за собой псевдонима «Гумеров». Под этой фамилией он переходил из лагеря в лагерь. Муса ставил перед собой цель: получить свободу перемещения и использовать ее в своих интересах. Джалиль входит в роту пропаганды, занимается культурным обслуживанием лагерей. Он много ездит, встречается с людьми, заводит новые знакомства. Джалиль побывал в Свинемюнде, Гамбурге, Дрездене, Познани. В двух последних городах его пребывания возникают подпольные группы.

«Есть материалы, — пишет в своей брошюре «Жизнь — песня» правдист Юрий Корольков, — которые позволяют предполагать, что группа Джалиля входила в подпольную организацию советских военнопленных «Искра». Это была одна из наиболее крупных организаций в фашистской Германии. Она существовала довольно долго — около полутора лет. Искровцы действовали во многих городах Германии. Их листовки распространялись в Польше, в Берлине, Мюнхене и в других местах. Гестаповцам удалось раскрыть организацию советских патриотов с помощью засланных провокаторов. Было арестовано свыше полутора тысяч искровцев в Польше и в Германии. Имеются также сведения, что Джалиль и его группа пытались установить связи с немецкими антифашистами».

Джалиль решил использовать в своих интересах и газету «Идель Урал». Он мешает появлению в ней антисоветских статей. Муса предлагает своим товарищам Гарифу Шабаеву наладить выпуск листовок, Ахмету Симаяеву — слушать радиопередачи из Москвы. Один из подпольщиков посылается в Познань с заданием достать оружие — Муса мечтал о вооруженном восстании.

Бывший военнопленный Талгат Гимранов помог узнать еще одну неизвестную страницу биографии поэта.

В начале лета 1943 года Джалиль переезжает в Едлино, где располагался штаб легиона. Муса и Талгат жили в соседних бараках. Муса поверил в Талгата, тайно читал ему свои стихи, некоторые даже разрешил переписать. Так были спасены еще два десятка стихотворений.

В лагере было объявлено, что скоро на фронт будет отправлен 825-й батальон легионеров. Мусу в те дни часто можно было видеть в обществе высокого офицера татарина. За день до отправки легионеров в лагере были найдены листовки. А через неделю стало известно, что батальон не дошел до фронта. В районе Гомеля легионеры обратили оружие против немцев и перешли на сторону партизан. Говорили, что восстание в батальоне возглавил бывший политрук Красной Армии, до того никому неизвестный.

Муса ликовал. Он с еще большей энергией отдался подпольной работе. По лагерю в списках ходили его стихи. Люди заучивали их наизусть, им нравилась боевая, жизнерадостная лирика. Но кто автор стихотворений, многим было неизвестно.

Поэт испытывает мучительное чувство. Большинство легионеров думали, что он сотрудничает с фашистами. О настоящей его деятельности мало кто знал. Многие считали его врагом, изменником. Неужели и до наших, до Красной Армии, до семьи дойдет эта черная весть? И вот поэт, обращаясь к жене, пишет стихи «Не верь!». Это очень сильное, страстное стихотворение, поэтому хочется привести его полностью:

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал, упал он», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет,
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», —
Не верь, дорогая! Слово такое

Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за Родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут.
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля, —
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом?!

Группа Мусы имела связь с польскими партизанами, организовала несколько побегов пленных. Муса мечтал с помощью партизан поднять общее восстание в лагере, перебить немецких офицеров и уйти в партизанские края. Подготовка к восстанию, была уже проделана: сколочены ударные группы, отпечатаны листовки. Но восстание поднять не удалось. Выдал провокатор, завербованный гестапо.

В ночь на 12 августа 1943 года начались аресты. Схватили Мусу, его друзей Фуада Булатова, Ахмета Симаева, Абдуллу Алишева и других. Но семена, посеянные группой подпольщиков, продолжали давать добрые всходы. 828-й батальон, направленный в Западную Украину, по дороге восстал и перешел к партизанам. Взбунтовался и еще один батальон. Замыслы гитлеровцев рухнули. Остатки легиона были срочно переведены на юг Франции, где их хотели использовать в борьбе с французскими маки. Но и эта авантюра не удалась. Легионеры перешли на сторону французских патриотов и помогли им освободить от оккупантов немало селений и городов.

А для Мусы наступили самые тяжелые дни. Его заковали в кандалы и бросили в каменный мешок Моабитской крепости. Там же долгое время томился выдающийся борец против фашизма Эрнст Тельман. Об этом периоде жизни поэта рассказал нашедшийся в конце концов бельгиец Андре Тиммерманс. По его словам, он познакомился с Мусой в декабре 1943 года. Отношения сначала были не дружественные, но потом два узника нашли общий язык и стали доверять друг другу.

Андре Тиммерманс поведал о мужестве и стойкости, презрении к смерти, несгибаемой воле обреченного на казнь поэта-патриота.

Муса много писал. В это время следствие по его делу уже закончилось. Муса знал о том, что скоро его будут судить и с жадностью отдавался поэзии. Пусть люди как можно больше правды узнают о нем, о его товарищах, их неравной борьбе за колючей проволокой, тоске по Родине, светлой вере в победу.

В тюрьме Моабит Муса пробыл до марта 1944 года. Затем его увезли на суд в Дрезден. Расставаясь с добрыми и верными друзьями, он отдал новую тетрадь стихов Андре Тиммермансу: если друг по борьбе останется жив, пусть передаст стихи на Родину... Тиммерманс спрятал стихи в молитвенник, а Муса на двух чистых листах молитвенника написал прощальные строки «Мой подарок». Они дошли до нас с посвящением: «Моему бельгийскому другу Андре, с которым познакомился в неволе». Вот эти строки:

Когда б вернуть те дни, что проводил
Среди цветов, в кипенье бурной жизни,
Дружище мой, тебе б я подарил
Чудесные цветы моей отчизны.

Но ничего тут из бывшего нет —
Ни сада, ни жилья, ни даже воли.
Здесь и цветы — увядший пустоцвет,
Здесь и земля у палачей в неволе.

Лишь не запятнанное мыслью злой
Есть сердце у меня с порывом жарким.
Пусть песня сердца, как цветы весной,
И будет от меня тебе подарком.

Коль сам умру, так песня не умрет,
Она, звеня, свою сослужит службу,
Поведав Родине, как здесь цветет
В плененных душах цвет прекрасной дружбы.

Тиммерманса приговорили к пяти годам тюремного заключения и перевели в тюрьму Шпандау. И здесь ему еще раз удалось увидеться с Мусой. Это произошло уже спустя несколько месяцев, в конце лета. Мусу перевели сюда после суда. Встреча произошла в тюремной бане. Джалиль рассказал, что суд состоялся и всю группу подпольщиков приговорили к смертной казни, спросил о судьбе заветной тетради стихов. Андре сообщил, что переслал стихи матери — в небольшой городок Терлеман. «Муса счастливо улыбнулся и

поблагодарил меня», — рассказывал бельгийский патриот.

Долгое время считали, что поэта и его товарищей казнили в середине 1944 года. Но нашелся еще один свидетель последних дней Мусы. Это был советский военнопленный Михаил Иконников. В тюрьме он встретился с Ахметом Симаевым, приговоренным к смерти. Ахмет сообщил ему и о подпольной работе, и о провале, и о судебном заседании.

В брошюре Юрия Королькова «Жизнь — песня» об этом говорится так:

«Судил их Верховный Германский суд в Дрездене. Прокурор в своей обвинительной речи говорил о подрывной работе подпольщиков против германского рейха и потребовал вынести смертный приговор всем подсудимым. Защитник, назначенный без ведома Джалиля и его товарищей, просил только заменить смертную казнь пожизненной каторгой.

С последним словом от имени подсудимых выступил Муса Джалиль. Он резко говорил, что преступление совершают не они, советские люди, оказавшиеся на скамье подсудимых, а клика Гитлера. Джалиль сказал, что он и его товарищи гордятся тем, что, даже находясь в плену, они сумели внести свою долю в грядущую победу над фашизмом. Жаль, что не удалось продолжить борьбу. «Фашисты сполна ответят за свои преступления», — бросил Джалиль в лицо судьям.

Джалиль отверг предъявленное подпольщикам обвинение в том, что они действовали, якобы, по заданию советского командования. Он повторил, что группа действовала по собственной инициативе, потому что каждый из них чувствовал себя настоящим советским человеком...

Джалилю не дали закончить его последней речи. Судья прервал его, грубо ругался, кричал, потом вообще лишил его слова...

После того, как огласили приговор, судья сказал, что осужденные могут подать кассацию. Но все они от этого отказались. Единственное, о чем просили осужденные, чтобы на Родине узнали, за что они приговорены к смерти.

Это было одним из самых заветных желаний всей группы, которое высказали Муса и его товарищи. Они хотели, чтобы на Родине узнали, за что они погибли, узнали, что они до конца, до последней минуты жизни остались верными своей Родине.

Но фашистский суд оставил приговор в тайне...

Свою тетрадь стихов Джалиль передал Ахмету Симаеву, а тот отдал ее на хранение Михаилу Иконникову. После войны Иконников переслал стихи в Казань, в отделение Союза советских писателей.

А дни Мусы и его товарищей были уже сочтены. Приговоренных к смерти узников направили сначала в Шпандау (там-то Муса и встретился второй раз с Андре Тиммермансом), а потом в 21-й штрафной лагерь под Брауншвейгом.

Казнь состоялась осенью 1944 года. В брошюре Юрия Королькова читаем следующее:

«Примерно в середине октября искровцев забрали из барака.

Казнили их публично на другой день в том же штрафном лагере. Очевидцы рассказывают, как спокойно стояли они перед виселицей. Завязывать себе глаза они отказались. Когда на них накинули петли, они запели «Интернационал»... Двоих казнили сразу, но с остальными палач замешкался. Трое продолжали петь Гимн».

Так оборвалась жизнь Мусы Джалиля — поэта, солдата, борца. Но беспримерный подвиг, совершенный им, будет жить в веках. По достоинству были оценены народом самоотверженная борьба и героическая гибель поэта коммуниста, ставшая ярким примером духовного величия советского воина. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Прекрасные творения поэта, вошедшие в сборник «Моабитская тетрадь», получили всеобщее признание, высокую оценку партии и правительства. Эта предсмертная книга Мусы Джалиля удостоена Ленинской премии.

* * *

...В конце 1958 года жители села Мустафино Шарлыкского района Оренбургской области решили увековечить память Мусы Джалиля. Областной Совет депутатов трудящихся удовлетворил их ходатайство. Было решено поставить на родине памятник поэту-герою.

В этом селе в 1906 году в семье крестьянина-бедняка Мустафы Залилова родился сын. Назвали его Муса. Через несколько лет отец был вынужден покинуть село. Голод и долги принудили сделать такой шаг.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию одиннадцатилетний Муса встретил в Оренбурге. Здесь он начал пробовать свои силы в поэзии. В газете политотдела Туркестанского фронта «Кзыл Юлдус» («Красная звезда») было опубликовано его первое стихотворение «Счастье».

Муса долгое время жил и работал в Оренбуржье. Здесь закончил совпартшколу, был бойцом части особого назначения. Переехав в Казань, он работал в редакции газеты «Кзыл Татарстан». В Казани были напечатаны его стихи за подписью Мусы Джалиля. Возвратившись в Оренбуржье Муса сначала работал инструктором Орского уездного комитета комсомола, а затем в Оренбургском губкоме комсомола. В конце 1927 года его избрали членом бюро татаро-башкирской секции при ЦК ВЛКСМ. Поэт переезжает в Москву, поступает заочно учиться на литературный факультет Московского Государственного университета. Война, как мы уже говорили, застала его в Казани, где он работал председателем Союза писателей Татарии...

У Мусы есть небольшое стихотворение «Сила джигита». Очерк о жизни и борьбе нашего замечательного земляка и хочется закончить его словами:

Всем сердцем соколиным, всей душой
Дав клятву верности народу,
Он на плечо повесил автомат,
Сел на коня, готов к походу.

И там, где он прошел, был враг смят —
Валились пушки, танки тлели.
Откуда эта сила и огонь
В его как будто слабом теле?

Как знамя, верность родине подняв,
Джигит прошел огонь и воду, —
Не автоматом, не конем силен,
А клятвою своей народу.

Муса Джалиль был верен клятве народу, потому-то он был так силен и непоколебим в борьбе с врагами Советской Родины.

1960 г.

В. Овчинников
НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Герой Советского Союза
Виктор Михайлович Довженко

В семи километрах от Ташлы, на зеленом островке, окаймленном красавицей-речкой, вот уже полвека живет хлеборобскими заботами село с символическим названием Коммуна. Прямые, как стрелы, улицы. Светлые дома стоят, словно взявшись за руки. В центре — школа, клуб. На окраине — обелиск с красной звездой на вершине. Это памятник Михаилу Мокеевичу Довженко, человеку, который в самую бурю гражданской войны, когда кругом еще бродили белоказачьи банды, создал здесь первую в Оренбуржье сельскохозяйственную коммуну, укреплял ее, отстаивал от врагов и погиб, защищая Советскую власть.

Четверо сыновей осталось у него — четверо достойных продолжателей начатого им дела. Михаил, Иван, Антон в труде добыли себе славу. Младший, Виктор, стал Героем Советского Союза. О том, какие черты унаследовал он от революционера-отца, как шел к подвигу, этот рассказ.

* * *

— Мама!

Женщина с измученным серым лицом подняла голову: сон или не сон? Гимнастерка в пыли на широких плечах. Русые волосы выбились из-под фуражки. Улыбка на губах. И та же напряженная не по летам морщинка на лбу.

— Здравствуй, мама!

Она продолжала сидеть, потирая усталые руки, смотрела на сына и не верила себе.

— Виктор! Жив?... А Иван? Ты не слышал про Ивана?

Сын поцеловал ей глаза, гладил спутанные седые пряди, успокаивал:

— Не плачь, мама, не надо! Ты знала, что я приду?

— Знала.

...В дыму пожарищ взошло в то утро солнце. Горели дома, рвались снаряды, по улицам метались немцы.

Она не сразу поняла, поверила в то, что вот и пришло освобождение, что настал день, когда не надо больше гнуть горб на пана.

Не думая об опасности, вышла мать из землянки, где жила, и побрела по дороге на Восток, навстречу нашим. Она и правда ждала, верила в эту встречу, хотя не надеялась встретить одного из сыновей так быстро.

Вот они, долгожданные! Несколько танков промчались по дороге мимо. На башнях звезды. За танками солдаты.

— Стойте, родненькие, стойте! Не с вами ли мои сыновья?

Слова ее утонули в скрежете гусениц, в раскатистом ура. Бойцы проезжали мимо, они торопились в город.

Когда вечером она вернулась домой, то заметила у входа в землянку женщин и двух военных. И вдруг как во сне.

— Мама!

Виктор в числе первых ворвался в Брест. Когда кончился бой у Холмских ворот, достал карту: где-то здесь должна быть Набережная улица. Нашел. Но где же дом под номером шесть, в котором война застала его мать? Дома не было. Стояла лишь одна стена. Расспрашивал, пока не услышал:

— Вам Ефросинью Павловну? Она живет напротив.

...В землянке пахло лесными травами, спелыми колосьями ржи. Виктор снял гимнастерку, стал умываться. А мать, не уняв волнения, с любовью смотрела, как он полощется, сгоняя с себя душный июльский жар, с каким наслаждением трет полотенцем свое крепкое тело.

— Ты, сынок, я вижу, невредим, ну и слава богу.

Виктор рассмеялся:

— Да ты что, мама, разве у Гитлера есть такая пуля, что бы меня взяла? Мне еще в Берлине побывать надо!.. А там добьем мы лютого зверя — с победой вернусь, самым послушным сыном твоим стану: в институт поступлю, на агронома выучусь, женюсь на лучшей коммунарке!

Виктор озорно обнял ее за плечи и сказал ласково, утешая:

— Этот день, мама, настанет скоро, ждать его осталось недолго.

Они сели за стол. Сын вынул из вещевого мешка банку консервов, две плитки шоколада, буханку * черного хлеба. Мать подала кипяток. Ей хотелось скорей говорить, чтобы ничего не осталось невысказанным.

— Из дома давно? — начала она по порядку.

— После Антона ушел. Его призвали осенью сорок первого, я подал заявление в мае сорок второго, до того учительствовал вместо него. А когда закончил учебный год, чего, думаю, ждать, стал настаивать в военкомате...

— Спасибо, — почти беззвучно слетело с ее губ.

Из Оренбуржья, из родной Коммуны, сюда, в пограничный Брест, ее позвал Иван. Она ехала к нему погостить, посмотреть на внука, а попала в беду. В ту кошмарную июньскую ночь, когда город запылал в огне, она выбежала из дома и сразу затерялась среди людей. Металась, искала своих, уходила в лес, пряталась и снова возвращалась: кругом были фашисты... Три года — фашисты. Чужая речь, чужие порядки. Унижение. Страх. Три года в неведении ни о ком, ни о чем, пока вот Виктор не принес спасение.

— Ты с измалства у меня отчаянный, — одобрительно сказала мать. — Ты, конечно, не помнишь тот случай, потому что давно он был, а я не забываю. К нам в Коммуну ворвались бандиты. С гиком, потешаясь, понеслись по дворам, орали: «Выходи, большевистская зараза!» И гнали всех в толпу. Спрашивали: «Кто тут главный?» — «Главный у нас Довженко, — отвечали, — но его нет, он в отъезде». — «А кто заместо него? Ты?.. Ты?..» — допытывался бандит и каждого бил крест-накрест плеткой. Ты вышел тогда вперед, сжал кулачки: «Я — за батьку...» Тот хотел было ударить с плеча, да, видно, отсохла рука — только щелкнул по босым ногам...

В воспоминаниях, в расспросах таяло и подходило к прощальной черте время, отпущенное для встречи. Виктор снова спешил в бой. Расставаясь, он просил не печалиться, обещал, что будет часто писать.

Вскоре от него действительно стали приходиться письма.

«11 августа 1944 г. Пишу поздно вечером, воруя у себя сон, а у хозяйки керосин. Хозяйка — полячка, старая крестьянка. Мы выбили из ее деревни гитлеровцев, и она теперь тоже не жалеет керосин, сидит вот рядом и рассказывает, как ей жилось при фрицах. Были у нее два сына и дочь. Сыновей расстрелял староста за то, что они обозвали его собакой, а дочь угнали в Германию.

Я смотрю на нее, и, кажется, сам ощущаю боль. За годы войны сколько пришлось увидеть таких матерей с такими судьбами! Они встречались под Дмитриевым-Льговским, где получил я первую рану, в разрушенном Севске, где было у меня второе боевое крещение, в черном от дыма Ковеле, в героическом Бресте и здесь, на польской земле. И знаешь, мама, все они чем-то похожи на тебя. Наверное, мужеством своим и тем лихим испытанием, какое выпало на женскую долю...

Эх, если бы не этот сумасшедший Гитлер, как хорошо бы все было! Я и сейчас, только закрою глаза, вижу нашу Коммуну. Вижу каждый пригорок, памятник отцу и дорогу, на которой председатель колхоза Порфирий Никитович Иващенко назвал меня ветерком.

Догнал меня по дороге из Ташлы и говорит: «Ну что, подвезти? Или, может, наперегонки попробуем?» — «Давай!» — согласился я и что было духу пустился бежать. Конечно, лошадь я не обогнал, а Иващенко весело улыбнулся и сказал: «Ветерок ты, Витька».

Мама, ты дожидься меня в Бресте, чтобы вместе поехать в Коммуну. Я буду драться до тех пор, пока не отомщу проклятому фашисту за все, что пережито тобой. Я люблю жизнь и поэтому завтра пойду в бой. Клянусь, что не дрогну в бою, раненый — не уйду из строя, окруженный — не сдамся. Нет в моем сердце жалости к врагу, а есть только ненависть, люта́я ненависть».

«6 января 1945 г. Мама, очень прошу отпраздновать 3 марта — день моего рождения, так как мне, может, и не придется отметить его, а мне ведь исполнится 25 лет. Может, я буду занят важным делом, а поэтому прошу выпить за мое рождение и за то, чтобы я дошагал до Берлина... Скоро наступит тишина, тишина, переполненная счастьем, восстановятся и задымят заводы, забурлит жизнь, настоящая, мама, жизнь. Тогда мы встретимся всей своей семьей и будем долго-долго праздновать нашу победу.

Ну, вот и все, мама. Я по-прежнему жив и здоров. Да разве же ты не знаешь своих сыновей? Разве они когда-нибудь унывали или были не здоровы? Я буду жить, мама, потому что еще не был в Берлине».

Этим письмам много лет. Мягкие, зачитанные листки. Ефросинья Павловна хранит их вместе с грамотой Герою и копиями благодарностей Верховного Главнокомандующего

«...за овладение столицей союзной нам Польши городом Варшава — важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на реке Висле», «...за овладение городом Шнайдемюль — важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев в восточной части Померании»...

Долго, припоминая подробности, рассказывала мне мать о сыне. А когда подала письма, сказала почти уверенно:

— Все, о Викторе — все.

Но мне не хотелось верить... После были поездки. Поиски архивных материалов. Поиски людей. Расспросы. Снова поездки. И теперь точно: нет, Ефросинья Павловна, это не все. О вашем сыне еще не весь рассказ...

...Рассветало. Командир полка заканчивал обход передовой. Перед наступлением он делал это всегда, чтобы самому увидеть местность за передним краем, расположение подразделений и чтобы еще раз убедиться в правильности намеченного плана. На левом фланге находился второй батальон. Солдаты сидели в «чужих квартирах» (как называли окопы, оставленные врагами), боролись с дремотой, курили.

В семь ноль-ноль загрохотали орудия. И сразу выросли впереди столбы дыма и щебня. Засуетились разведчики, санитары. Резким движением плеч сбросили с себя плащ-палатки стрелки. Перепоисанные ремнями, на которых болтались ручные гранаты, бойцы остались в телогрейках. Ждали. Наконец, на сорок пятой минуте заговорили «катюши» — сигнал к атаке.

Довженко легко вскочил на бруствер, поднял над головой автомат и протяжно пропел:

— Пое-хали! Ура...

На своем участке рота автоматчиков быстро сломила сопротивление врага. Расстреливала в упор, била прикладом, прошла первую линию траншей, вторую, третью. И не заметила, как оказалась в тылу противника.

— За мной! — скомандовал Довженко и повел роту на фашистскую батарею. Все поняли: надо подавить эти смертоносные орудия.

Вокруг — пули. Стреляют в лицо, в спину. Жарко. Тяжело дышать и ноги уже подкашиваются от усталости. Но еще немного, еще двести метров, и вот они — зияющие жерла пушек, поставленных на прямую наводку. Полетели гранаты. Взрывы. Потом на мгновение тишина. Орудийные расчеты пустились в бегство. Но нет, не уйти!

— Сержант Арутюнян, вашему взводу остаться здесь, — приказал Довженко.

Автоматчики с ходу взяли поселок Крубин, атаковали село Гура и вскоре очутились у самой Вислы. Занятый плацдарм предстояло теперь удержать до прихода батальона.

Удержали, выстояли, хотя высота, на которой они окопались, стала от огня как бы меньше. Это было 15 января 1945 года — в день, когда Виктора Довженко признали Героем. Но он об этом так и не узнал...

...Переправившись через Вислу, которую Виктор форсировал одним из первых, штурмом овладели Шнайдемюлем, приблизились к Одеру. И надо же было встретиться на пути хутору с названием Ваттенберг! Отрезанные, зажатые в кольцо, здесь скопились вражеские силы: два авиадесантных полка, батальон морской пехоты, остатки эссовской дивизии «Герман Геринг» — силы, которые нужно было во что бы то ни стало разгромить прежде, чем выйти к Одеру.

Сутки непрерывно дрался полк. И помнят солдаты последнюю атаку. Хутор — сплошные руины. Кажется, не осталось там ничего живого. Бойцы ринулись почти в полный рост. Из танка, стоявшего на косогоре, полоснула длинная пулеметная очередь...

Помнят воины, как хоронили тогда своего любимого командира, старшего лейтенанта Виктора Михайловича Довженко. Это было 4 марта 1945 года. А вскоре воины прочитали в газетах Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

1969 г.

Б. Савинков
ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Герой Советского Союза
Федор Михайлович Заикин

Вечерние сумерки окутали землю. Выйдя из землянки, сержант Федор Заикин направился оврагами и балками к темнеющему впереди лесу. Вскоре перед ним выросли могучие вековые сосны и ели, промеж которых рос густой кустарник. От полного безветрия лес казался угрюмым и пустынным. Но разведчик по опыту знал, что за каждым деревом или кустом таится опасность.

Заикин пробирался к большой дороге, проходящей в глубине леса. Путь был нелегким. После нескольких осторожных шагов приходилось останавливаться и до рези в глазах всматриваться в темноту ночи, напряженно вслушиваться в тишину леса. Только к полуночи, вымокший до нитки от росы, сержант добрался до места, отмеченного командиром на штабной карте.

Облюбовав место у поворота дороги, Заикин замаскировался. Несколько часов пролежал он на влажной земле, дрожа от холода. Кругом стояла тишина. Наконец, из глубины леса послышался приглушенный шум моторов. Мимо с притушенными фарами проехало несколько тягачей с орудиями и автомобилей с боеприпасами. Вслед за ними прошла рота гитлеровцев. И снова дорога обезлюдела на всю ночь. «Хоть бы один отстал от строя», — с сожалением подумал разведчик?

Наступил день. Дорога была пустыня. Почти сутки напряженного ожидания давали себя знать. Под вечер Федора начал одолевать сон. Но вдруг разведчик услышал шум мотоциклетного мотора. Дрему сняло как рукою. Шум мотора с каждой минутой приближался. На дороге показался одинокий мотоциклист. «Другого такого случая может не быть, — мелькнула мысль. — Наверное связной с донесением».

Когда фашист затормозил на повороте, разведчик выскочил из засады и бросился на него.

— Хэнде хох! — скомандовал советский воин, приставляя свой автомат к виску упавшего под мотоцикл. Гитлеровец, не ожидавший столь дерзкого нападения в расположении своих войск, опешил. Этого было достаточно Федору, чтобы связать фашисту руки, заткнуть его рот приготовленным заранее кляпом.

Обезоружив пленного, разведчик начал снимать из-под его кожаной куртки планшет и несказанно

обрадовался: на плечах пленного виднелись офицерские погоны. Убрав с дороги в кусты заглохший мотоцикл, разведчик, подталкивая автоматом в спину пленного, повел его уже знакомым путем в свой штаб.

Пленный оказался офицером связи одного из немецких армейских штабов. На допросе он больше всего боялся за свою жизнь. И когда узнал, что его не расстреляют, дал нашему командованию ценные сведения о расположении фашистских войск на участке фронта, их численности и вооружении. За захват столь ценного «языка» сержант Федор Заикин был награжден орденом Красной Звезды.

Вместе со своей частью Заикин, участвуя в ожесточенных боях, двигался на запад, освобождая пядь за пядью родную землю от ненавистных захватчиков.

На подходе к Днепру взводу, которым командовал старший сержант Заикин, было приказано первому переправиться на правый берег. Разведчики отыскали несколько старых рыбацких лодок, подобрали бревна, доски, бочки из-под горячего, связали небольшие плоты.

Под покровом темноты воины скрытно выдвинулись к воде. Над Днепром постепенно сгустился туман. Он закрывал высокий берег. Погода благоприятствовала переправе. Разведчики быстро заняли места на плотках и двинулись вперед. Во главе небольшой флотилии шла лодка с командиром, радистом и пулеметчиком.

Немцы вели себя настороженно. Они то и дело освещали Днепр прожекторами и ракетами. И хотя туман был хорошим помощником наших воинов, разведчики чувствовали себя тревожно. От родной части их уже отделяла широкая полоса воды, а впереди ждал притаившийся невидимый берег, занятый врагом.

...Лодка уткнулась в песок, Федор выпрыгнул первым и, подтянув ее, помог выбраться радисту и пулеметчику. Вслед за ними подплыли остальные воины взвода. Командир приказал прежде всего рыть окопы и приготовиться к возможной контратаке.

Расчеты Заикина оказались правильными. Вскоре фашисты обнаружили высадившийся у них под носом десант и попытались сбросить его в воду, чтобы там добить, но, встретив дружный пулеметный и автоматный огонь, откатились назад.

На рассвете контратаки возобновились. По цепи десантников прозвучали тревожные слова:

— Кончаются боеприпасы!

— Без команды не стрелять, — приказал Заикин.

Видя, что десантники молчат, вражеские солдаты поднялись во весь рост и начали окружать их. Кольцо сжималось. Враг был уже совсем рядом. Ясно различались перекошенные злобой лица фашистов. Только когда они подошли почти вплотную к окопам, последовала команда:

— Огонь!

Не ожидавшие этого вражеские солдаты, оставив на поле боя еще несколько убитых, отступили. Воспользовавшись передышкой, Заикин собрал разведчиков.

— Патроны и гранаты все, — сказал он. — Отступать некуда. При следующей атаке вызываем огонь на себя.

— Правильно, — поддержали разведчики.

Подтянув свежие силы, фашисты бросились в очередную контратаку. Заикин подал условный сигнал радисту. И в эфир полетели слова команды:

— Огонь на нас!

С левого берега заговорила артиллерия. Ее снаряды разрывались в самой гуще наступающего врага, рядом с окопами, в которых лежали разведчики.

Фашисты прижались к земле и начали пятиться назад. Непрерывный огненный шквал не давал им поднять головы.

На правый берег реки стали одно за другим переправляться наши подразделения. Удерживаемый горсточкой храбрецов плацдарм начал быстро расширяться. Путь на правобережную Украину был открыт.

Советские войска продолжали наступление. Вместе с ними двигался на запад и сильно поредевший взвод разведчиков. Но командиру его не пришлось, как он мечтал, встретить радостный День Победы в логове фашистов. В одном из кровопролитных боев старший сержант был тяжело ранен. Уже в госпитале Федор Заикин узнал, что за форсирование Днепра и захват плацдарма ему присвоено звание Героя Советского Союза.

...Как и миллионы воинов, Федор Михайлович Заикин демобилизовался из рядов Советской Армии, вернулся к своей мирной профессии финансового работника.

1965 г.

И. Ежкова
НАД ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕЙ

Герой Советского Союза
Иван Дмитриевич Злыденный

Ванюше Злыденному с ранних лет пришлось помогать отцу: семья была большая, восемь детей. Летом, во время каникул, возил зерно, скирдовал солому, выгонял в поле скот. А заслышав гул мотора в небе, долго стоял с задранной вверх головой, провожая машину завистливым взглядом.

Когда пришел Ивану срок служить в армии, врачебная комиссия на призывном пункте сказала: годен во все рода войск. А где хочет служить новобранец? Ни секунды не задумываясь, он ответил:

— В авиации.

И вот по классам к аудиториям Оренбургского авиационного училища ходит невысокий коренастый паренек со скуластым смугловатым лицом, рассматривает модели самолетов. Сердце паренька переполнено счастьем. Он только что сдал вступительные экзамены, он будет летчиком, таким, как они — Валерий Чкалов, Анатолий Серов, Сергей Грицевец, прославленные советские соколы, обретшие крылья в этом училище.

После окончания учебы осенью 1940 года Злыденный вместе с другими пятью выпускниками был направлен в Забайкальский военный округ.

Полком, в который они получили назначение, командовал Иван Семенович Полбин. Ныне его имя носит оренбургское авиационное училище. Крылатый богатырь, в годы Великой Отечественной войны дважды удостоенный звания Героя Советского Союза, вошел в историю советской авиации как непревзойденный мастер и организатор точного бомбового удара.

Командир полка сам встречал прибывшее пополнение. Оглядел подтянутые фигуры молодых авиаторов, спрятал в глазах веселую ухмылку: понравились.

— А вы откуда, молодцы?

— Из Оренбургского авиационного.

— Оренбургского? — лицо командира полка осветилось радостью.

— Дорогие вы мои, да я ведь сам Оренбургское кончал...

Юные воины с восхищением смотрели на командира, на гимнастерке которого был привинчен орден

Ленина. Слышали: эту награду он заслужил в боях на Халхин-Голе.

После первых же полетов с Злыденным И. С. Полбин сказал ему:

— Не зазнаешься, будешь учиться — станешь настоящим летчиком.

Командир внимательно следил, как росло мастерство молодых авиаторов.

Мирным будням скоро пришел конец. 22 июня запомнилось Злыденному навсегда. Ветер гнал пасмурные, набухшие дождем облака, когда в гарнизоне прозвучала тревога. У ангара выстроился личный состав части. Командир полка зачитал скупые строки шифротелеграммы. Сердца обожгло слово «война». Полку ставилась боевая задача: подготовить самолеты и убыть на фронт для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Знания, полученные в училище и в полку, теперь приходилось применять в бою. Полбинская выучка не замедлила сказаться. Первый боевой вылет Злыденный совершил в июле 1941 года. Экипаж получил задание разбомбить скопление живой силы и техники противника в районе Молодечно. Зафиксированные на фотоснимке результаты боевой работы экипажа подтвердили, что он поджег два вражеских эшелона. Первый успех вдохновил молодого летчика, заставил поверить в свои силы.

Западный фронт, Воронежское, Брянское направления, 2-й Прибалтийский фронт... Трудно даже перечислить, куда бросала Злыденного его военная судьба. В славной плеяде полбинских пикировщиков, отлично овладевших мастерством снайперского бомбометания, он занял достойное место. Сколько раз, презрев опасность и смерть, он посылал машину с высоты навстречу земле и огню, чтобы уложить бомбы в точно намеченный квадрат. Злыденный бомбил танковые колонны, аэродромы фашистов под Смоленском и Ржевом, Москвой и Волгоградом, Белгородом и Курском, каждый раз нанося большой урон силам противника.

Однажды группа бомбардировщиков получила задание: вывести из строя переправу через реку, к которой подошло много военной техники гитлеровцев. Самолеты без помех вышли на заданный курс, развернулись для бомбометания. Иван рванул ручку: серия бомб полетела к земле. В пике вошли и другие наши самолеты. Внизу залаяли зенитки. В фюзеляж ударили осколки. Сброшена еще одна серия бомб. Злыденный увидел у переправы столбы разрывов. В это время кто-то из экипажа крикнул:

— Мессеры!

Сверху к строю советских бомбардировщиков стремительно подходили гитлеровские истребители. Они с ходу ринулись в атаку. Рядом с плоскостью самолета Злыденного прошла воздух огненная трасса. Летчик едва успел увести самолет в сторону. Один «мессершмитт» вплотную подошел к соседнему пикировщику и короткой очередью поджег его.

На самолет Злыденного напали сразу два вражеских истребителя. Они пытались приблизиться, но экипаж бомбардировщика метким огнем отгонял их. Увертываясь от атак, советский летчик рванул самолет вверх, и «мессершмитт», разрисованный драконами и крестами, на какой-то миг оказался ниже. Он снова рванулся к бомбардировщику, но тот, используя преимущество положения, встретил гитлеровца огнем. Пули прошли боекомплект истребителя, он взорвался, разваливаясь в воздухе на куски. Точным огнем других бомбардировщиков был подбит и ведомый гитлеровца. Советские самолеты, выполнив задание, вернулись на свою базу.

В другой раз эскадрилье Злыденного было поручено разбомбить крупный железнодорожный узел противника — важный перевалочный пункт на пути к фронту. Его прикрывало 12 зенитных батарей. Рядом располагался немецкий аэродром. Уже на подступах к станции эскадрилью встретили фашистские самолеты. Прикрытие вступило в бой. «Илы», совершив умелый маневр, вышли на цель и сбросили бомбы. Дым горящих составов скрыл из виду станцию. Будто осы из потревоженного гнезда, в воздух поднялись новые истребители. Самолет Злыденного окружило сразу четверо. Летчик пытался сманеврировать, но вражеский снаряд опередил его. Самолет вспыхнул. Пришлось выбрасываться на парашютах. Несколько дней советские летчики, скрываясь в лесах, пробирались к линии фронта.

Еще не раз потом Злыденному приходилось прыгать с парашютом из горящего самолета или приземляться на израненной машине.

Особенно Злыденный прославился, как мастер смелого разведывательного поиска. Ему поручали выполнять сложные задания по разведке и фотографированию оборонительных рубежей, баз военно-воздушных сил противника, вскрытию движения по железнодорожным и шоссейным дорогам на временно оккупированной гитлеровцами территории. Из каждого полета Злыденный доставлял нашему командованию ценную информацию. На ряде направлений ему удалось полностью вскрыть систему оборонительных сооружений противника.

Всего за годы войны Иван Дмитриевич Злыденный совершил 168 успешно выполненных боевых вылетов. Он много сделал как разведчик и бомбардировщик и помимо этого лично сбил в воздухе три немецких истребителя и два в групповых боях.

За отвагу и мужество, проявленные им в боях при защите Родины, Иван Дмитриевич Злыденный отмечен многими орденами и медалями, а в 1944 году удостоен высшей награды — ордена Ленина и Золотой звезды Героя Советского Союза.

«Примеры исключительной отваги, мужества, героизма, проявленные при выполнении боевых заданий гвардии старшим лейтенантом Злыденным многочисленны», — написал командир полка, представляя его к высокому званию Героя Советского Союза.

После войны Иван Дмитриевич Злыденный был направлен в Военно-политическую академию имени Ленина. Сейчас он продолжает служить в рядах Советской Армии, передавая свой опыт молодым авиаторам.

Биография полковника авиации Злыденного типична для человека, выросшего в социалистическом обществе, воспитанного комсомолом, большевистской партией. Родился он в селе Копанском Акбулакского

района в 1919 году, в те дни, когда первые комсомольцы с оружием в руках уходили на гражданскую войну, чтобы защитить молодую республику Советов от белогвардейцев и банд интервентов. Носил пионерский галстук, когда на берегу Амура молодежь закладывала город юности — Комсомольск. В авиационном училище был секретарем комсомольской организации. В 1949 году его избрали делегатом XI съезда ВЛКСМ.

Иван Дмитриевич поддерживает тесную связь с Оренбуржьем. Он переписывается со школьниками родного ему Акбулакского района и коллективом училища, где получил путевку в небо.

«Оренбургская область, — пишет он в одной из своих весточек, — моя родина, где я вырос, учился, воспитывался. И то, что я удостоен высшего отличия в нашей стране, я отношу в первую очередь к моим дорогим воспитателям — учителям, вожатым, комсомольским и партийным руководителям, командирам и начальникам Военно-Воздушных Сил СССР. Это они научили меня беззаветно, преданно любить наш народ-богатырь, нашу социалистическую Родину и ненавидеть наших врагов. Они воспитали во мне смелость, храбрость, мужество, умение переносить все тяготы жизни. Вот за все это я им глубоко благодарен и признателен».

1969 г.

И. Гавриленко
СТОЯЛИ НАМЕРТВО

Герой Советского Союза
Иван Абрамович Казаев

Дом Ивана Абрамовича — добротный, под железом. Перед домом — палисадничек с кустами смородины; вдоль забора — поленища дров, сани, тарантас.

Иван Абрамович — ветеринар. Обычно в крестьянских семьях с детства воспитывают у малышей любовь к животным, особенно к лошади. Эта любовь у Ивана Абрамовича окрепла в годы службы в Забайкалье, на границе, где собственно и получил он специальность фельдшера-ветеринара.

Иван Абрамович работает на государственном участке, развозит на лошади по бригадным поселкам двух колхозов. Привычно катятся по проселку колеса тарантаса, по нагретой пыли — летом или палым листьям — осенью. Зимой меж березовых рощ, пригнутых снегом до самого долу, бегут сани-розвальни, раскатываясь на поворотах.

Самая мирная профессия у Ивана Абрамовича. Если принять еще во внимание его скромность, то даже как-то не верится, что все, что произошло с ним на Днестре, достигнуто его недюжинной воинской отвагой, терпением и солдатской сноровкой. И все-таки это было...

I

За Днестром полыхали поздние зарницы. На родине, на речке Мочагае, теперь уже явственно потягивает осенним холодком, убраны хлеба и сметана в стога солома, по утрам выпадают утренники, а здесь, на Украине, еще даже лист не тронулся желтизной.

В предыдущих боях на Курской дуге выбыло больше половины роты.

При переправе через Псел погиб командир взвода, и теперь старший сержант Иван Абрамович Казаев возглавляет взвод — четырнадцать оставшихся в живых, плохо знакомых друг с другом людей. Ему уже давно приглянулись два брата сибиряка Коваленковых. На них словно бы лежал отблеск той славы и уважения, которыми пользовались бойцы сибирских полков на всех фронтах Отечественной войны. Впрочем и себя Иван

Абрамович числил несколько сибиряком, как-никак у него было три года службы в Забайкальском военном округе.

Где-то в душе Иван Абрамович чувствовал смутное беспокойство — дела предстояли большие, судя по тому, что вышли к Днепру, а его четырнадцать бойцов еще по-настоящему не притерлись друг к другу. Весь день он находил для них какое-нибудь дело: то шинели приводили в порядок, то чистили оружие — и все это единственно для сближения бойцов между собой.

Дела действительно предстояли большие. Полки вышли к Днепру южнее Киева недалеко от города Переяслав-Хмельницкого. На очереди стояло форсирование реки, а каждый знал, что немцы, обозленные неудачами во время летних боев на Курской дуге, готовились взять реванш за понесенные потери. Бойцы прокрадывались к самой реке, подолгу смотрели в сторону правого берега. Все ждали намеченного часа. И этот час пришел...

Иван Абрамович пришивал крючок, когда его вызвали к командиру полка. Вызывали многих, и он поначалу подумал, что предстоит что-то обычное, но уже по тому, как командир полка, постукивая пальцем по карте, морщась от дыма папиросы, несколько раз взглянул в его сторону, он ощутил приближение чего-то важного, касающегося именно его, Ивана Абрамовича. Но речь пока шла не о нем, а мотострелках, которым первым предстояло высадиться на тот берег. Комбат мотострелков несколько раз что-то переспрашивал у командира полка, уточняя на карте, потом встал (вместе с ним встали другие) и ушел, гремя плащпалаткой. И тогда командир полка обратился уже к комбату Ивана Абрамовича.

— Он? — спросил командир полка, кивая на Казаева.

— Он, — ответил комбат.

Иван Абрамович понял, что то важное, ради которого его позвали сюда, наступило.

II

Он вышел из штаба, когда уже было темно. И он понял, что всплески зарева за рекой — это вовсе не зарницы: враг, обеспокоенный тишиной на левом берегу, нервничая, швырял снарядами, а ветер относил звуки разрывов.

— Собирайтесь! — сказал Казаев, вернувшись во взвод. — В полночь пойдем за реку. Шинели не брать.

Вместе с братьями-сибиряками он побывал на берегу. Большая шестивесельная шлюпка лежала, запрятанная в траве. Лодочник из местных наблюдал за рекой. Ниже по течению, видимо, уже начали переправу мотострелки. Воздух сотрясало гудением авиадвигателей, разрывами бомб. Огненные хвосты ракет отражались в темной воде и гасли. Осмотрев лодку, Иван Абрамович возвратился во взвод, оставив с лодочником одного сибиряка. Бойцы, притихшие, продолжали собираться.

— И еды не брать, — решил вдруг Казаев. — Главное — боеприпасы. Возьмем, сколько сможем унести.

— Основное — тишина, — напутствовал их комбат. — Слышите, что у мотострелков делается. Можете проскользнуть незамеченными. И помните... если что, вся надежда на вас. Потому и пускаем позже.

У борта кружилась воронками с шипением вода.

— Там у берега камыш, — объяснял лодочник. — Туда и держу.

Мертвенный свет ракет заливал иногда весла, каски солдат, продолговатое тело ручного пулемета и цинки с патронами на дне лодки. Пока все шло благополучно. Вражеский огонь стянули на себя высаживающиеся южнее мотострелки.

— Быстрее, быстрее, — торопил Иван Абрамович.

Где-то на середине реки по лодке хлестнуло случайной очередью. В пробоины тонкими струями ударила вода. Бойцы забеспокоились.

— Сидеть! — прикрикнул он шепотом. — Ничего страшного. Вычерпывай касками! — и с благодарностью отметил одного из сибиряков. Сорвав рубашку, тот ножом заделывал щели.

Зашуршали камыши. Плыли, раздвигая зеленые заросли. Потом попрыгали в воду, поднимая над головой оружие и ящики с патронами.

— Жми, — оттолкнув нос лодки, сказал Иван Абрамович лодочнику. — К утру возвращайся с подкреплением.

И тотчас началось. Расплескивая вспышки пламени, с берега ударили немецкие автоматчики. Сопrotивление их было подавлено сразу. Но Иван Абрамович понял, что радоваться пока нечему. Автоматчики, видимо, всего лишь береговое охранение. Свою задачу они выполнили, дали знать тем, что засели в окопах на высоте. Оставалось только одно — броситься вперед, сейчас же, немедленно, неся ящики с патронами и первых раненых. Иначе не миновать гибели. Скорый рассвет зальет светом прибрежные заросли, и тогда конец. Чувствуя это, вдруг ощутив холодок где-то близ сердца, раздирая плохо слушавшиеся, ставшие резиновыми губы, Иван Абрамович закричал:

— Впе-ре-од, на высоту! Впе-ере-од!

Ударили пулеметы. По осыпавшимся камешкам, по выпавшей к утру росе, в скользких сапогах, они бежали вперед, вверх, вверх. В этом движении было для них все: и их спасение, и их победа, и их помощь прижатых к прибрежным камням мотострелкам.

— Впе-е-ре-од!

Лязгал металл, пулемет с вершины бил короткими захлебывающимися очередями. Пули летели мимо и выше. Бойцы инстинктивно чувствовали, что там, на горе, растерялись, еще не видят их в темноте.

— Впе-ре-од!

Сердце было готово вырваться из груди. Иван Абрамович видел бегущих слева и справа от него людей. Кто-то, переломившись в поясе, сделал несколько косых неверных шагов, упал, держась руками за бок. К упавшему метнулись двое. Подняли. Поддерживая, побежали. Из-за горизонта взметнулось красное облачко. Ах, как пахнет полынь — горькая смертная трава!

Взбежали на высоту. Пахнуло ветром.

— Ура-а!

Бойцы прыгали в окопы на сбившиеся каски. Мелькали приклады, побелевшие в напряжении руки, сжатые кулаки. Наконец, все было кончено. Коваленков вытер потный лоб:

— Есть, тут мы... Наша высота!

Сложили убитых немцев за бруствером, освободили окопы от всего ненужного. Солнце застало бойцов готовыми к бою.

III

Иван Абрамович, уложив руки на бруствер, разглядывал через овражек деревушку у подножия высоты. Из-за деревни тянулась белесая дорога. «Петровки» — вспомнил название деревни Иван Абрамович и вдруг не поверил себе: от деревни по дороге двигалась открытая немецкая автомашина.

— Иванов! — позвал он одного из бойцов. — Гляди! А ну-ка мы их...

Раздались выстрелы. Машина дернулась и съехала на обочину. Может быть, пуля попала в скат или убило шофера. Три фигуры выпрыгнули из машины и устремились к лощинке. «Ага, не любишь!»

Досмотреть, чем кончится дело, Иван Абрамович не успел. «Товарищ старший сержант», — позвали его, но он и сам уже понял, что сейчас произойдет.

Из-за леса выпрыгнули три темных крестика и, быстро увеличиваясь, пошли на высоту. За ними еще, еще...

— Все по окопам! — страшным голосом закричал Иван Абрамович и, оседая за бруствер, успел увидеть надвигавшийся на него вал взвихренной разрывами, разлетающейся осколками и камнями земли. На бреющем полете пронесаясь над окопами, самолеты перевалили через высоту и ушли на Днепр. Там сразу заухали взрывы, полетели в воздух обломки чего-то, несколько лодок спешно отгребали назад.

«Все, теперь помощи не жди!» — подумал Иван Абрамович и крикнул по цепи, чтобы готовили автоматы. Он знал: сейчас немцы пойдут. И они пошли. Солнце светило сзади, и это было удобно для воинов Ивана Абрамовича. Каждый кустик внизу вырисовывался как на картинке. Меж этих кустов начали перебегать люди в касках и мундирах...

До войны Иван Абрамович работал в межрайонной конторе «Заготскот». Дел как будто было и не особенно много, однако раньше вечера он никогда не возвращался. Обработав очередное стадо против инфекции, Иван Абрамович присаживался с мужиками покурить, прислоняясь спиной к дощатой перегородке. Иногда к вечеру начинался туманный грибной дождь. С неба сеялась мельчайшими капельками влага, дымчато оседая на травах. И приятно было курить, ощущая себя хозяином всего, что вокруг тебя. Иногда по субботам из колхоза приезжал брат, привозил немного чистого зерна прошлого умолада, говорил:

— Это я тебе. Бери. У меня теперь все есть.

И действительно, у них было все. Отец, старик Казаев, растерянно смотрел на сыновей: как же так? Сколько он уже прожил на свете, и выходит, что жил-то не так, выходит, оказался не умнее своих сыновей. У них сапоги, у них по вечерам вкусные чаепития с белым хлебом и неспешными разговорами, а он всю свою жизнь прощеголял в лыковых лаптях и домотканой холстине. Как же так?

Иван, надеживая очередной стакан чая, говорил:

— Жизнь теперь такая пошла, батя. Советская власть к счастью весь народ хочет повернуть...

А эти, внизу, тоже хотели повернуть жизнь, но по-своему. Иван Абрамович вспомнил, как провожали первых мужиков на войну. Уж и след пропал на дороге, по которой те уезжали на фронт, а у крайних домов все стояли и стояли женщины, которым одним теперь выпадали и вся работа, и домашнее хозяйство, и воспитание ребятишек... Эх!

— Коваленков, — крикнул Иван Абрамович сибиряку. — Ты правее гляди, в овраг гады просачиваются. Ну-ка покажи им дорогу оттуда, чтоб не заблудились.

На смену отбомбившимся самолетам появились новые. К полудню где-то правее немцы установили минометы. И теперь все постоянно перемежалось: сбросив часть груза на высоту, самолеты уходили на Днепр, сразу за ними поднимались в атаку пехотинцы, а когда, в который раз встреченные в упор, они, теряя убитых, откатывались вниз, над окопами с визгом начинали вращаться мины.

Взвод почернел. Не хватало воды, бессонная ночь обвела кругами глаза. Несколько человек лежало в глубине окопчиков неподвижно.

Положив локоть на бруствер, Иван Абрамович обшаривал глазами все видимое пространство. Деревья горели. У мотострелков то вдруг вспыхивала жестокая перепалка, то стихало, и тогда там слышались лишь одиночные выстрелы. Сердце сжималось. А что, если батальон уже сброшен в Днепр, и немцы выстрелами в упор добивают раненых?... Выше река делала изгиб, уходя на запад. Вот если бы гранат побольше, можно было бы попытаться в темноте отсечь засевших на мысу немцев и искупать их в реке как следует, они же не знают сколько здесь на высоте человек. «Нет, это рискованно, — отговаривал себя Иван Абрамович. — Хотя бы

благополучно высидеть тут до вечера».

Шесть раз за день на высоту обрушивался ад — шквал авиабомб и артиллерийских снарядов, надрывали душу мины и упорно стремились вверх темные фигуры пехотинцев. Шесть раз отбивали бойцы атаки врага.

Ночь наступала темная, тревожная. За весь день ни у кого во рту не было маковой росинки. Хотелось пить. От реки потянуло было туманом, но он растекаясь сыростью по прибрежной траве, заставив пожелеть об оставленных на том берегу шинелях. Выставив дозорных, Иван Абрамович попытался заснуть хотя бы часок, но не смог — не давала покоя тревога. Переползая, он продвинулся сначала в один конец укрепления, потом в другой. Все было разворочено авиабомбами. Бойцы сидели, привалившись спинами к стенкам уцелевших окопчиков, некоторые курили, постанывали раненые — никто не спал.

Стоящий на правом фланге один из Коваленковых сказал Ивану Абрамовичу:

— Смотри, командир. Какая-то возня была здесь у немцев. Затевают что-то.

Уже истаяли утренние сумерки, когда Коваленков махнул Ивану Абрамовичу рукой. Казаев присмотрелся. В утренней полутьме на правом фланге от излучины двигались какие-то фигуры. Коваленков приглушенно засмеялся.

— Сейчас я им задам, — пообещал он и начал удобнее пристраивать автомат. Иван Абрамович отдал команду по траншее:

— Приготовиться...

Но что-то не то было в крадущихся меж кустов фигурах. И вдруг он понял: свои!

— Отставить! — закричал он и захохотал, обхватив за плечи сибирика. — Ведь это наши перебросились. Наши! Ха-ха-ха! Проспали мы с тобой немца, Коваленков.

Действительно, боясь быть отрезанными от своих, немцы ночью покинули излучину, и несколько рот нашего полка без единого выстрела форсировали реку.

IV

Переpravившийся на этот берег комбат выслушал доклад Ивана Абрамовича, объяснил дальнейшую задачу.

— Приказано расширять плацдарм. Враг будет пытаться нас отсюда скинуть в реку. Это он вчера еще не разобрался что к чему, а нынче будет другой разговор. Поэтому ты сейчас бери людей, мы тебе еще в придачу кое-чего добавим, и вот эту деревню — Великий Букрин — надо взять во что бы то ни стало.

Предположения комбата подтвердились. Опомнившиеся немцы бросили на наших бойцов танки. Люди Ивана Абрамовича залегли на огородах и в садах села, среди посеченных осколками яблонь и груш. Собственно населенного пункта уже не было. Дотлевали лишь головешки на развалинах саманных хат.

Трижды посылал Казаев связного к своим, за подмогой, и все трое посланных погибли. После четвертой немецкой атаки у бойцов осталось лишь по одной гранате.

Дальнейшее Иван Абрамович помнит плохо. Он был тяжело ранен. Через два часа подошел весь батальон.

Комбат, идя рядом с носилками, укорил его:

— Как же это ты, брат, а?

Потом они плыли назад, через Днепр. Лодка покачивалась, рябило от волн в глазах и ему казалось, что на высоте 192, которую он брал уже неизвестно сколько дней назад, опять сошлись в рукопашную люди. Он пытался вскакивать, просил санитаря:

— Пусти-и, пусти-и... Ведь там Коваленков... Люди гибнут...

В конце переправы они попали еще раз под бомбежку и его ранило вторично, уже в голову. Километрах в пятнадцати от Днепра им попались встречные грузовики с пополнением, идущим на плацдарм. Машины встали, пережидая бомбардировку. И тогда он, в развевающихся сорванных бинтах, полез в кузов. Его еле осилили санитары.

В госпитале, в Чите, белой ослепительной зимой он получил письмо от жены, потом от брата. Они поздравляли его с высокой наградой. Он ничего не понимал: с какой наградой? Соседи по палате заулыбались:

— А ты не знаешь? Тогда попроси, чтобы тебе газету принесли.

Газету отыскали:

— Читай!

Он прочел:

«За успешное форсирование реки Днепр южнее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки и проявленные при этом отвагу и героизм. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 23 октября 1943 года присвоил звание Героя Советского Союза...»

Дальше шли фамилии, среди которых Иван Абрамович нашел и свою.

V

Иван Абрамович Казаев перебирает лежащие на столе бумаги: наградные документы, фотографии, письма из Переяслав-Хмельницкого, из части, где когда-то служил. Пальцы его теребят ворот рубахи.

— Я о другом хочу сказать, — говорит он. — Все, что касается меня — семьи, детей, работы — тут у меня все в порядке. Старший сын учится в Оренбургском сельхозинституте, дочь — в Бугурусланском педучилище, младший еще школьник... Всегда с людьми... Я о другом... Хочу на Украине побывать. Посмотреть, как там и

что сейчас в том Букрине. Вот помню, женщина нам одна на передовую все еду носила. Возьмет ведра два на коромысло, да одно в руках. И мальчишка с ней ходил. Такой вот, маленький еще совсем. Хорошо бы разыскать их. Узнать, как они живут. Очень мне хочется там побывать. Правда, дела сейчас, но побываю, обязательно побываю...

1969 г.

В. Ложкин
ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Герой Советского Союза
Василий Георгиевич Козенков

Он ушел в бессмертие двадцатидвухлетним, в апреле сорок пятого...

А через месяц небо Москвы вспыхнуло гроздьями фейерверка. Победа! На земле начиналась новая, мирная жизнь.

Но его уже не было с нами.

Двадцать два... Годы, когда у человека, собственно, нет еще биографии, вся она уместается в нескольких коротких строчках: родился тогда-то, окончил школу, вступил в комсомол. Годы, когда ты делаешь свои первые самостоятельные шаги. Годы, когда все у тебя впереди: и счастье, и любовь, и мечты — вся жизнь.

Двадцать два... Много это или мало? Все дело в том, как их прожить. Иной и в шестьдесят лет не оставит после себя доброго следа. Жизнь же других — подвиг, жаркое горение, страстная борьба. Многие из таких рано уходят от нас, но память о них люди хранят века.

* * *

Биография Василия Георгиевича Козенкова действительно коротка, если ее измерять количеством прожитых лет. И вместе с тем она богата и значительна, если оценивать ее с точки зрения свершенного им во имя Родины, во имя победы над врагом, во имя всех нас, ныне живущих.

...Родился в Кувандыке. Здесь прошло детство. Вася рос любознательным, общительным мальчуганом. Учился хорошо.

Юные годы его связаны с Актюбинском. Комсомол. Увлечение техникой, шахматами, занятия в художественной самодеятельности. Он играл на баяне, танцевал. Мечты о будущем весьма расплывчаты: «Стану инженером, либо конструктором».

К седьмому классу по-настоящему пристрастился к чтению. Неизгладимое впечатление произвела на юношу книга Н. Островского «Как закалялась сталь». Пожалуй, именно она впервые и заставила его всерьез

взглянуть на себя как бы со стороны, задуматься о жизни и о своем месте в ней. Павка Корчагин навсегда стал любимым героем и другом. Очень хотелось походить на него.

Долго учиться Василию в дневной школе не пришлось. Так уж сложились обстоятельства в семье. Он ученик токаря. Слесарь. Строитель актюбинского завода ферросплавов. И одновременно — учеба в вечерней школе рабочей молодежи. Будущее начинало обретать реальные контуры.

* * *

Началась война... и кончилась юность. Не за партой, не у школьной доски, а в смертельных схватках с жестоким и сильным врагом предстояло теперь держать экзамен на зрелость и мужество, на верность матери-Родине.

В первый же день мобилизации он явился в военкомат.

— Прошу послать добровольцем на фронт!

— Рановато, парень. Если же хочешь в авиационную школу — пожалуйста.

— Согласен.

Девять месяцев учебы пролетели быстро. И вот он уже курсант военного авиационного училища. Ступень за ступенью овладевал основами летного мастерства. Прекрасная выдержка, отличное чувство ориентации, мгновенная реакция, уверенное владение техникой высшего пилотажа, умение быстро принять верное тактическое решение в сложной обстановке — все это говорило о незаурядных способностях молодого летчика.

А в это время советские войска вели тяжелые бои. Хотелось быть там, на переднем крае, вместе с теми, кто грудью сдерживал натиск врага, рвущегося к столице. У Василия имелись и личные счеты с фашистами: в первые дни войны под Брестом был убит его старший брат Николай.

И вот Василий Козенков — военный летчик. В ноябре 1942 года на подступах к волжской твердыне он принимает свое боевое крещение.

Сталинград! Город-герой непреодолимой преградой встал на пути фашистских орд. Гитлер бросил на его штурм свои лучшие войска. Но тщетно. Захлебываясь собственной кровью, они находили смерть на берегах великой русской реки. Ожесточенные бои шли за каждый дом, лестничный пролет, этаж.

И одним из тех, кто громил врага с воздуха, не давая ему продвигаться вперед, поражая его технику и живую силу, был В. Г. Козенков. Много дерзких боевых вылетов совершил он, много фашистов полегло у стен Сталинграда, пораженных метким огнем крылатого воина.

За образцовое выполнение заданий командования, за проявленные мужество, отвагу и находчивость Василий Козенков был награжден орденом Красной Звезды. Потом на его груди появятся еще четыре ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, орден Александра Невского, медали. Но это потом. «Звездочка» же была дорога тем, что первой открыла счет боевых наград.

Так начался короткий, но славный ратный путь нашего земляка-коммуниста Василия Георгиевича Козенкова. Знаменитый Миус-фронт, яростные воздушные бои в Крыму, при освобождении Донбасса, Приднепровья, Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии — вот этапы славной фронтовой биографии летчика. Позже в письме к его отцу Георгию Семеновичу Козенкову генерал-лейтенант С. Д. Прутков, командир дивизии, в которой служил Василий, писал:

«Я хорошо помню, каким большим уважением и любовью своих товарищей пользовался Ваш сын за свою храбрость и бесстрашие в бою. Он штурмовал вражеские аэродромы, уничтожал танки, артиллерию. Всегда умело выполнял боевые задания, не бросал в беде товарищей.

Трудно перечислить все подвиги, совершенные им. Вашего сына знала вся дивизия. Храбрость, скромность, уважение к друзьям, пренебрежение опасностью ради выполнения поставленной боевой задачи — вот характерные черты Вашего сына».

...Штурмовик — это летчик-универсал. Он должен быть и мастером точного бомбового удара, и уметь при необходимости мгновенно «переквалифицироваться» на истребителя, и если нужно — выполнить функции разведчика. И Василий блестяще сочетал в себе эти качества.

* * *

Отряд наших штурмовиков неожиданно обнаружил пятьдесят «юнкерсов», которые в сопровождении истребителей шли бомбить советские войска. Силы были явно неравными. Что делать? Атаковать! Не дать врагу совершить свое черное дело! Во что бы то ни стало преградить путь воздушным пиратам.

Восьмерка наших штурмовиков, круто развернувшись, стала в упор расстреливать головную часть немецкой эскадры. С первого же захода было подбито два юнкерса. Один из них тут же запылал и густо чадающим факелом пошел к земле. Другой неуклюже развернулся влево, чуть не врезавшись в борт соседа. Тот круто взял вверх. В строю образовалась брешь.

Второй заход. Василий направил свою машину на ведущего, на борту которого, рядом со свастикой, был нарисован тигр с раскрытой пастью. Нажал на гашетку. Один из снарядов попал в хвостовое оперение «юнкерса» и начисто снес стабилизатор. Неуправляемая машина спиралью пошла вниз.

Случайно оглянувшись, Василий заметил, как сзади и чуть выше к ним в хвост пытается подстроиться немецкий самолет.

— Ваня! Сзади фашист! — крикнул он стрелку и чуть развернул самолет, чтобы дать возможность

выпустить очередь по врагу. Василий видел, как огненная трасса протянулась к самолету противника, перерезала его плоскости, загла дымный след.

Немцы не выдержали дерзкой атаки советских асов. Их боевой порядок смешался. Разрозненными, потерявшими управление группами они разворачивались и уходили туда, откуда пришли.

Наземные войска, наблюдавшие за этим боем, были восхищены мужеством и отвагой наших штурмовиков.

* * *

Товарищи уважали Василия за его способность мгновенно ориентироваться в обстановке, умение быстро, с ходу найти наиболее выгодное, тактически зрелое решение боевой задачи.

...Это было в 1944 году в Крыму. Наша пехота при поддержке авиации несколько дней штурмовала сильно укрепленные оборонительные рубежи противника, но каждый раз вновь и вновь вынуждена была откатываться на исходные позиции, неся большие потери. Летчики-штурмовики изо всех сил старались помочь своим друзьям-пехотинцам. Они совершали по пять-шесть боевых вылетов в день, бомбили пулеметные, минометные и орудийные расчеты врага, однако положение на участке фронта не менялось.

Дело в том, что враг искусно использовал каменистые горные склоны, круто обрывающиеся вниз, недоступные для танков. Немцы выдолбили на склонах несколько ярусов глубоких окопов и ячеек, пулеметных гнезд. Выбить фашистов из этих укреплений не удавалось.

Однажды, возвратившись с очередной бомбежки, Василий Козенков не выдержал:

— Да сколько же мы будем цацкаться с этой нечистью! Раздавить нужно гадов — и все!

— А как? — спросил командир полка. — Может быть, у вас имеются какие-то соображения? Выкладывайте...

Василий доложил:

— Я бы ударил крупными бомбами по самому краю гребня, с пикирования, чтобы точнее было. Взрывы наверняка вызовут большой обвал. Лавина камней засыпет окопы и огневые точки противника. Тут уж ему и сам господь-бог не поможет.

— Но ведь обвал может накрыть и нашу пехоту, которая залегла у подножия горы, — заметил кто-то.

— А разве нельзя на время отвести части несколько назад? Зато потом им останется только завершить дело.

Смелое, оригинальное предложение летчика понравилось командиру полка. Одобрили его и в штабе дивизии.

В назначенное время пехоту немного отвели от подошвы горы. Три эскадрильи штурмовиков, снаряженные бомбами, поднялись в воздух. Первую вел Василий. Вот и вражеские позиции. «Ильюшины» перестраиваются и один за другим уходят в крутое пике.

Задрожала земля от мощных ударов. Склон горы окутался дымом. Как и предполагал Василий, взрывчатка сделала свое дело. Масса камня всесокрушающей лавиной рванулась вниз, сметая все на своем пути.

Поздно ночью в штаб дивизии штурмовиков пришла радостная весть: старший лейтенант Василий Козенков за проявленную инициативу и умелые действия в бою награжден орденом Красного Знамени.

* * *

И снова жаркие воздушные схватки, штурмовка вражеских объектов и живой силы. Сотни боевых вылетов. Джанкой, Симферополь, Севастополь...

После освобождения Крыма дивизия, в которой служил Козенков, была переброшена на 3-й Белорусский фронт. И здесь молодой летчик отважно сражался с врагом, выходил победителем в единоборстве с гитлеровскими асами.

В один из осенних дней Василий Козенков, уже капитан, повел четверку «илов» на штурмовку большого скопления фашистских танков, артиллерии и другой военной техники. С первого же захода удалось поджечь несколько автоцистерн с горючим. Гигантские языки пламени взметнулись в хмурое небо. Танки торопливо разворачивались вправо и влево от шоссе. Было видно, как фрицы прятались в придорожных кюветах и вели беспорядочный ружейно-пулеметный огонь. Но и здесь им не было спасения.

Штурмовики уже готовились к третьему заходу, как-вдруг неожиданно из-за облаков их атаковала восьмерка «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». Восемь истребителей новейших выпусков, которым и по скорости, и по маневренности наши «илы» уступали. На стороне немецких асов было явное преимущество. Но не дрогнули, не отступили советские летчики.

— Принимаем бой! — скомандовал Козенков. — Держаться друг друга! Замкните кольцо!

В лобовую атаку против наших пушек немцы, безусловно, не пойдут, они хорошо знают, чем это пахнет. Вот зайти в хвост — другое дело, с тыла «ильюшины» уязвимы. Значит, самое главное — ни в коем случае не допустить этого и соблюдать такой боевой порядок, когда каждый надежно опекает товарища, когда каждый одновременно и ведущий, и ведомый. Идти друг за другом по замкнутому кругу и ни в коем случае не дать разорвать его врагу. Ни в коем случае! Иначе — конец...

Вот один из «мессеров», сделав горку и оказавшись высоко над советскими самолетами, развернулся и круто пошел вниз, целясь на машину Василия Козенкова.

— А ну-ка всыпь ему, Ваня! — крикнул Василий стрелку и чуть накренил самолет, чтобы тому удобнее

было стрелять. Летчик видел, как из черного ствола вырвалась пульсирующая огненная струя и почти одновременно что-то вспыхнуло в моторе фашистского стервятника. Мгновением позже, объятый пламенем, он пронесся мимо.

Еще один фашист, густо задымив, отвалил в сторону.

Истребители с паучьей свастикой на борту продолжали кружить вокруг штурмовиков, то и дело клевали их длинными пулеметными очередями, пытаясь расколоть стальной круг. Но тщетно. «Карусель» не собиралась ни останавливаться, ни рассыпаться.

Еще один фашист, густо задымив, отвалил в сторону, теряя высоту, ушел на запад.

Немцы не выдержали. Это была победа.

* * *

Уже два года он воевал, но за все время не получил ни одного ранения. Некоторые говорили: счастье. Что ж, возможно. И все-таки главное, что сберегало его от вражеских пуль — мастерство, отвага, смелость и точный расчет.

О том, как воевал Василий Козенков, рассказывают короткие заметки, опубликованные в «Правде».

В одной из них сообщается о смелом налете штурмовиков гвардии капитана Козенкова на аэродром противника, где находилось более ста самолетов. Бомбами и пулеметным огнем было вызвано шесть очагов пожаров, сожжено 17 и повреждено 20 машин. Налет был совершен так внезапно, что ни один из вражеских самолетов не смог подняться в воздух.

Однажды воздушные разведчики обнаружили в районе села Озеры, среди болот большое скопление войск противника: много «тигров», до полутора тысяч автомашин и самоходных крупного калибра орудий. На штурмовку вылетела и эскадрилья Василия Козенкова.

«В этой крысоловке их и били и уничтожали, — писал военный корреспондент «Правды». — Здесь, на белорусских топях, образовалась мешанина из трупов и исковерканной, сожженной техники врага».

...Пролетая вдоль затерявшейся в густых лесах проселочной дороги, Козенков заметил необычную колонну. Вытянувшись километра на полтора, шли и ехали на телегах мужчины, женщины, дети. Впереди и сзади их — немецкие автоматчики. Это гитлеровские войска, торопливо отступая с нашей земли, увозя с собой все, что можно было взять, заодно угоняли в рабство и советских людей.

— Шуганем немцев! — скомандовал Козенков. — Только осторожнее, своих не заденьте! Делаю первый заход.

И шестерка штурмовиков почти с бреющего полета расстреляла охрану. Колонна рассыпалась по лесу. Как потом выяснилось, это были крестьяне из села Райцы, которых немцы хотели вывезти в Германию: четыреста тридцать человек. Своим спасением они обязаны нашим летчикам и их боевому командиру...

В разгар наступления частей третьего Белорусского фронта стало известно, что отрезок двухколейной железнодорожной линии Орша — Борисов забит уходящими на запад немецкими эшелонами с техникой, продовольствием и снарядами. Штурмовики получили приказ: запретить фашистов на этом участке и сохранить железнодорожный путь. В числе других отличились тогда и эскадрилья Василия Козенкова. «Илы» разбили головные и хвостовые эшелоны, создали несколько пробок. Они не давали немцам ни восстанавливать движение, ни подрывать дорогу. Они висели над этим участком все время, пока не подошли части Советской Армии. Были захвачены все составы и грузы.

Железнодорожники, прибывшие для восстановления путей, обратились к командованию с просьбой сообщить имена штурмовиков, благодаря которым путь остался в целости и сохранности, чтобы представить их к награждению значками «Почетный железнодорожник».

Едва ли кто еще в авиации был удостоен такой почетной награды за «железнодорожную» работу в воздухе!

* * *

Апрель, 1945-й...

Ломая отчаянное сопротивление гитлеровцев, наши войска неодолимо двигались вперед. Но Кенигсберг, столица Восточной Пруссии, еще оставался в руках фашистов. Когда-то это была одна из сильнейших крепостей в Европе. Семьсот лет существовала она, совершенствуя свою оборонительную систему. Старое разбойничье гнездо германских баронов, воздвигнутое у границ Русского государства, с самого начала предназначалось ими для грабительских походов на Восток. И вот наступил час расплаты.

Шестого апреля советские войска начали штурм города-крепости. Свыше пяти тысяч орудий всех калибров открыли огонь по оборонительным сооружениям противника, по его фортам, дотам, укрепрайонам. Кенигсберг окутался тучами дыма, вывороченной земли, пламенем пожарищ. Но форты по-прежнему не давали нашим частям продвинуться вперед. Так продолжалось весь день.

Погода стояла нелетная, моросил дождь. Рваные тучи низко стелились над землей, туман ограничивал видимость. Это не давало возможности развернуться авиации.

Однако медлить было нельзя. Только с помощью авиабомб можно было вывести из строя и заставить молчать мощные форты и доты врага.

И вот 7 апреля, несмотря на нелетную погоду, командование штурмового авиаполка приняло решение — нанести по городу сокрушительный удар. На штурм посылали добровольцев, наиболее опытных и смелых

летчиков. Первым вызвался лететь на бомбежку Василий Козенков. Его примеру последовали другие.

В кромешном дыму, в огненных сполохах разрывов очень трудно было обнаружить цель. Пришлось сделать холостой заход. Обнаружив объект — здание артиллерийского завода «Остверке», штурмовики начали бомбежку. На третьем заходе, расстреливая врага из пушки и пулемета, Василий почувствовал вдруг, как машину сильно встряхнуло. Раз, другой. Что-то ослепительно вспыхнуло впереди. И словно раскаленная игла пронзила грудь, слева, где сердце. Последним усилием он отвел ручку управления вперед. Машина вошла в пике. Стремительно надвигалась большая коробка заводского корпуса, вымощенный двор и разбегающиеся в панике фигурки. Черный дым и красная кирпичная пыль, поднятые взрывом, скрыли все вокруг...

Три дня спустя в полк, где служил Василий Козенков, пришли документы о присвоении ему посмертно звания Героя Советского Союза.

* * *

Его нет с нами. Но герои не умирают. Они вечно живут в нашей памяти. Они и сейчас среди нас. В Актюбинске школа № 22, где учился Василий, носит его имя. Мемориальная доска установлена на заводе ферросплавов, где он работал. Имя отважного сокола присвоено улице, на которой живут металлурги и химики. Улица Героя Советского Союза Василия Козенкова есть и в Калининграде, где погиб летчик, и в Вильнюсе, помнят о нем и в Волгограде.

А разве не о бессмертии героя говорят письма, получаемые его отцом, Георгием Семеновичем? Из Калининграда секретарь комсомольской организации завода «Электросварка» Нина Синенькая пишет:

«По инициативе комсомольцев нашего завода был проведен районный легкоатлетический кросс на кубок Героя Советского Союза Василия Козенкова. Теперь он будет традиционным.

Нами приобретен большой гранитный камень, который установлен рядом с мемориальной доской. На нем водрузим модель самолета ИЛ-2, на котором летал Ваш сын...»

А вот письмо учеников Калининградской школы № 44:

«Дорогой Георгий Семенович! Наша пионерская дружина борется за право называться дружиной имени Василия Козенкова. Мы гордимся им и очень хотим во всем походить на него...»

Герои не умирают.

1969 г.

В. Морозов
ЗА ШТУРВАЛОМ САМОЛЕТА

Герой Советского Союза
Василий Владимирович Климов

Перед командиром авиационного соединения стоял высокий, худощавый старший лейтенант. Его серые глаза смотрели спокойно и сосредоточенно.

— Товарищ Климов, — говорил полковник, — вы не раз подавали рапорты о посылке на фронт. Командование решило удовлетворить вашу просьбу. Формируется новая авиационная часть. Туда нужны опытные летчики. Согласны поехать?

— С большим удовольствием. Давно хочу с фашистами в воздухе встретиться.

— Положим, сразу вам с ними встретиться не придется. Прежде надо освоить новую материальную часть. Но уверен, вы с этим справитесь. Недаром же еще в прошлом году я вручил вамменные часы за отличное пилотирование и бомбометание.

— Так точно, товарищ полковник.

— Ну, желаю боевых успехов.

Полковник поднялся и протянул руку Климову. Тот крепко ее пожал.

Этот разговор происходил осенью 1942 года, когда Красная Армия перешла в решительное контрнаступление на врага в районе Сталинграда. Сокрушительные удары наносились по гитлеровским войскам и на других участках фронта. Осуществляя наступательные операции, советское Верховное главнокомандование одновременно готовило резервы для новых боев.

В одну из таких резервных частей и прибыл старший лейтенант Василий Климов. Начались дни напряженной учебы. Под руководством опытных инструкторов он осваивал новые истребители. Замечательные машины, созданные общими усилиями советских конструкторов и рабочих, во многом превосходили немецкие истребители.

Весной 1943 года авиационная часть, в которой служил Климов, получила приказ перебазироваться на Кубань, где в то время развернулись ожесточенные воздушные бои. Немцы несли огромные потери. Они

вынуждены были перебросить на Кубань свои лучшие авиационные эскадры из противовоздушной обороны Берлина.

Климов и его товарищи совершали по несколько боевых вылетов в день. Советские летчики не уклонялись от встреч с врагом, наоборот, искали их. Но немцы были осторожны. Они принимали бой только в выгодных условиях, имея большое численное превосходство. Только на пятнадцатом вылете Климов открыл свой боевой счет. Вот как об этом он сам рассказывает:

«Восьмерке наших истребителей было приказано подняться в воздух для прикрытия наземных войск. Подлетев к линии фронта, мы встретили группу немецких бомбардировщиков. Их сопровождали истребители. Слышу по радио команду ведущего нашей группы:

— Климов, завязывай бой с истребителями. Я атакую бомбардировщиков.

Нашей четверке пришлось сражаться с шестеркой «мессеров». Бой шел на вертикалях. Во время одной из атак, когда ведомый пары фашистских истребителей выполнял петлю и завис в верхней переломной точке, я оказался у него в хвосте и открыл огонь из пушки и пулеметов. «Мессер» загорелся и рухнул на землю.

— Поздравляю с первым, — услышал я голос своего ведомого лейтенанта Клопова. Мое сердце было наполнено радостью. Первый фашист сбит. В этом бою мы уничтожили три самолета противника. Сами потерь не имели».

Немцы непрерывно подбрасывали резервы. На одном из аэродромов они сосредоточили много самолетов. Наше командование решило нанести по ним массированный штурмовой удар.

В воздух поднялась большая группа советских самолетов. Эскадрилья Климова прикрывала штурмовиков. Налет на аэродром был осуществлен внезапно. Гитлеровцы даже не успели вовремя открыть зенитный огонь. Штурмовики обрушили на врага ураган огня. Внизу все запылало.

Климов внимательно следил за воздухом. Вот он заметил маленькие черные точки. Они быстро приближались к аэродрому. Кто? Свои или противник? Через несколько секунд стало ясно — подходят истребители врага.

— Внимание, справа группа «мессеров», — передал Климов по радио ведомым.

Он наметил для себя головную машину. Имея преимущество в высоте. Климов зашел в хвост «мессеру» и с короткой дистанции открыл огонь. Немецкий самолет вспыхнул и факелом пошел вниз.

Это был уже пятый самолет, сбитый Климовым в небе Кубани.

...Незаметно пришла весна. Наступил праздник 1 Мая. В часть прибыло много поздравительных писем и посылок от тружеников тыла. Климов получил портсигар, полдюжины носовых платков и письмо-треугольник.

«Дорогой защитник Родины! — писала незнакомая девушка с Урала. — Примите скромный подарок и горячий привет от всей нашей комсомольско-молодежной фронтовой бригады. Своим трудом мы стремимся приблизить победу над врагом. Я и мои подруги выполняем по две-три нормы за смену. От всей души желаем Вам здоровья и новых боевых успехов».

Прочитав письмо, Климов бережно положил его в карман гимнастерки.

— Замечательно работают наши люди в тылу, — сказал он своему ведомому лейтенанту Клопову.

— Да, молодцы! — ответил тот. — Нам нельзя отставать от них.

Через два дня эскадрилья Климова снова поднялась в воздух. Ей приказано было прикрыть наземные войска от налетов авиации противника. Встреча с фашистскими самолетами произошла почти над линией фронта. Бомбардировщики шли пятью группами по девять самолетов в каждой. Их сопровождали «мессеры».

— Атакую первую группу бомбардировщиков, — передал Климов по радио. — Комардинкину завязать бой с истребителями.

Сделав разворот, Климов стал настигать ведущий бомбардировщик, зашел снизу и, поймав в прицел вражеский самолет, нажал гашетку. Трасса снарядов прошла правое крыло «юнкерса», где расположен бензобак. Самолет противника взорвался и развалился в воздухе.

Строй вражеских бомбардировщиков смешался. «Юнкерсы» поспешно сбрасывали бомбы на свои войска и поворачивали обратно. Сделав разворот, Климов атаковал ведущего второй группы. Вражеский самолет упал на землю.

Ведомый Климова лейтенант Клопов открыл огонь по второму бомбардировщику противника. Командир эскадрильи на какой-то миг оказался без прикрытия. Этим воспользовался вражеский истребитель.

— «Сокол 103», сзади «мессер», — услышал Климов предупреждающий голос.

Но было уже поздно. Машину сильно встряхнуло. Острая боль пронзила грудь и голову летчика. Загорелся мотор. Длинные языки пламени стали просачиваться в кабину. Самолет не слушался рулей. Теряя последние силы, Климов скольжением на крыло пытался спасти машину. Но в кабине уже бушевал огонь. Загорелся комбинезон, пламя обжигало лицо.

Отбросив колпак, летчик с трудом перевалился через борт кабины. Однако он неудачно отделился от самолета. Стойкой антенной его ударило по правому плечу. Ключица была сломана. Падая, Климов пытался дернуть правой рукой за вытяжное кольцо парашюта. Но рука не действовала. С большим трудом ему удалось это сделать левой рукой. Парашют раскрылся в двухстах метрах от земли.

Внизу Климов увидел изломанные контуры траншей. Это была линия фронта. Справа четко вырисовывались узкие ходы сообщений и окопы — знакомое очертание нашей обороны. А слева тянулись траншеи противника. До них как будто ближе.

«Странно, почему немцы не ведут по мне огня? — подумал Климов. — А, надеются взять живым. Нет, не выйдет!».

Он подтянул три правых стропы. Парашют стал снижаться быстрее, заметно отклоняясь в сторону наших

войск. Немцы это заметили. Они открыли пулеметный и ружейный огонь. Климов услышал свист пуль. Но земля была уже рядом. Он согнул ноги и сразу же ощутил сильный удар. Сознание покинуло летчика...

— Да, порядком его изрешетило, — услышал Климов тихий голос. — Но ничего, организм молодой, выдержит.

— Организм-то может выдержать, а вот лицо крепко обгорело. Тут, пожалуй, врачи ничем не помогут, — заметил другой, хриповатый голос.

— Помогут, да еще как. Теперь медицина чудеса делает.

Климов открыл глаза. При тусклом свете он увидел склонившуюся над ним женщину в военной форме. В руках она держала шприц. Рядом с ней стоял офицер в звании майора.

— Где я нахожусь? — слабым голосом спросил Климов.

— В землянке командира стрелкового батальона, — ответила женщина. — Я военфельдшер батальона. Только что осмотрела вас. Скоро подойдет машина из санчасти полка. Будем эвакуировать в ближайший госпиталь.

— А как я здесь очутился?

— Об этом вам расскажет командир батальона. Он лучше меня знает.

Майор подошел ближе к узким нарам, на которых лежал летчик, поправил подушку и начал:

— Упали вы почти на середине нейтральной полосы, прямо в воронку от снаряда. Это вас спасло. Немцы больше часа вели огонь из пулеметов и минометов. Мы все время наблюдали за вами. Опасались, что гитлеровцы подползут и уташат. Вначале мы думали вечером забрать вас. Но в темноте и немцы могли незаметно подползти. Я спросил разведчиков: может, кто рискнет днем пробраться к вам? Желающие сразу нашлись. Поручил я это дело одному способному и смекалистому солдату. Условились, что в случае необходимости будем его поддерживать огнем. Он пополз. Немцы сразу не заметили, проморгали. Спихнулись, когда разведчик уже подтаскивал вас к траншее. Но мы такой огонь дали, что фрицы быстро примолкли. Потом вот военфельдшера вызвал.

— А где же сейчас этот солдат? — спросил Климов.

— Сейчас его позовем, — ответил комбат.

Через минуту в землянку, пригнувшись, вошел высокий плечистый солдат.

Климов попытался подняться, но режущая боль в груди и плече заставила его опустить голову на подушку.

— Большое вам спасибо, — сказал он, обращаясь к солдату. — Теперь я ваш вечный должник.

— Вы нам помогли утром. Девять стервятников подожгли. А мы из беды вас вызволили. Как говорят фронтовая взаимовыручка. Поправляйтесь быстрее, товарищ старший лейтенант.

Солдат повернулся и направился к выходу.

— Подождите минутку, — позвал его Климов. Затем он достал часы и, отдавая их солдату, сказал:

— Возьмите, от всего сердца дарю. На память. Вы откуда родом?

— Харьковский, на тракторном до войны работал. Прикончим Гитлера, в гости приезжайте. Отпразднуем победу вместе.

Не пришлось Василию Климову побывать в Харькове. Он не записал адрес своего спасителя, а скромный русский солдат ни разу не напомнил о себе. Может быть, часы марки «Мозер» с выгравированной на них надписью «Старшему лейтенанту В. В. Климову за отличную боевую стрельбу и бомбометание» и сейчас хранит бывший разведчик.

Недолго пробыл Климов в полевом госпитале. Однажды за ним из части прислали машину.

— Перебазируемся, товарищ старший лейтенант, — сказал ему шофер. — В резерв нас выводят. Командир прислал меня, может, заглянете к нам на денек.

Ни требования, ни уговоры врачей не помогли. Климов категорически заявил, что немедленно едет в родной полк. А через несколько часов он уже стоял в кругу своих боевых друзей.

— Ну как, подлечился? — спросил Климова командир полка. — Рука, вижу, побаливает, а лицо в полном порядке. Молодцы врачи, постарались. Ну, а остальное еще долечат. Когда обратно в госпиталь?

— Туда я больше не ездук, — весело ответил Климов. — Перевязку и наш врач не хуже других сделает.

— Как думаете, оставим его в полку или отправим в госпиталь? — шутливо обратился командир к офицерам.

— Надо оставить, — ответил за всех старший лейтенант Комардинкин. — Тут по нем один человек скучает. Не ест, не пьет...

— Кто же это может быть? — поинтересовался Климов.

— Твой механик. Да вот и он, легок на помине.

К Климову, запыхавшись, быстро подошел его верный друг и боевой помощник старшина Загрядский. Это был на редкость исполнительный и трудолюбивый человек. Он хорошо знал технику, содержал машину в образцовом состоянии. Не успеет, бывало, летчик приземлиться, а старшина уже бежит к самолету. Если требовался ремонт, он не отходил от машины всю ночь.

— Здравствуйте, товарищ командир, — взволнованно проговорил Загрядский. — Теперь мы заживем.

— Не только заживем, но и полетаем, — сказал Климов, прижимая к груди старшину.

Уже через месяц Климов снова поднялся в воздух, но теперь это было на реке Миусе, куда под натиском советских войск откатились немецкие части. Здесь, как и на Кубани, шли ожесточенные воздушные бои.

Боевой счет Климова непрерывно рос. Это было результатом зрелого мастерства летчика. В бою он проявлял изумительное хладнокровие, выдержку, умел выходить победителем из самых трудных положений. На его гимнастерке уже сверкали три ордена Красного Знамени, ордена Александра Невского, Отечественной

Войны 1-й степени и четыре медали — символы мужества и отваги советского сокола.

Красная Армия неудержимой лавиной двигалась на запад. Климов громил врага в небе Украины, Белоруссии, Литвы. Он не раз видел пепелища сожженных гитлеровцами советских городов и сел. Его сердце наполнялось неугасимой ненавистью к фашистам.

Как-то, подыскивая место для нового аэродрома, Климов с группой авиаторов прибыл в одно из белорусских сел. Оно только накануне было оставлено гитлеровцами.

Глазам летчиков предстала страшная картина. Они увидели десятки изуродованных трупов советских женщин, стариков и детей. Это было делом рук фашистских извергов.

— Отомстим гитлеровцам за все их злодеяния! — поклялись летчики.

Заместитель командира полка майор Климов уже летал со своими друзьями над территорией Германии. Он прикрывал переправы наших войск на Висле, Одере. Наконец настал день, когда Климов во главе группы краснозвездных истребителей появился над столицей фашистской Германии — Берлином. Внизу раскинулся громадный серый город, окутанный туманной дымкой. Кое-где полыхали пожары. Война пришла туда, откуда ее начали.

Над Шпандау (один из пригородов Берлина) группа Климова встретила около десятка «мессеров». Те шли со стороны солнца. Климов подал команду:

— Горка!

Машины быстро набрали высоту и вошли в разорванную облачность. А затем, сделав разворот, сверху ринулись на самолеты противника.

— Огонь открывать с самой близкой дистанции, — напомнил командир своим ведомым.

Он почти вплотную приблизился к «мессеру» и открыл по нему огонь. «Мессер» моментально загорелся и стал падать. Это был 27-й вражеский самолет, сбитый Климовым в воздушных боях...

Последний раз Климов пролетел над Берлином в знаменательный день 8 мая, когда битые фашистские генералы во главе с фельдмаршалом Кейтелем подписывали акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. А потом исполняющий обязанности командира полка майор Климов вместе со своими боевыми друзьями, вместе со всем советским народом торжественно отпраздновал День Победы.

За два года войны Климов совершил 303 боевых вылета, участвовал в 89 воздушных схватках. На его счету 27 сбитых самолетов противника. За мужество и отвагу, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР Василию Владимировичу Климову присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В боевой обстановке, когда нервы были напряжены до предела, Климов забывал о старых ранах и они редко беспокоили его. Но кончилась война, и они сразу дали о себе знать. На медицинской комиссии ему сказали:

— Летать вам больше нельзя.

И вот Василий Владимирович в родном Оренбурге. Раньше он учился здесь в военно-авиационном училище, а теперь занялся мирным трудом и учебой. Он успешно закончил областную партийную школу и вскоре был избран председателем областного комитета ДОСААФ.

Со всей страстью отдался Климов работе. Но болезнь, вызванная ранениями, не оставляла его в покое. Пришлось уйти на пенсию. Однако подполковник запаса Климов не сидит без дела. Василия Владимировича часто можно видеть на предприятиях, в учебных заведениях. Пожилой, но по-прежнему энергичный, он пламенным словом зовет советских людей на новые подвиги во славу нашей великой Родины.

1960 г.

А. Фалин
ВЕРНОСТЬ ПРИСЯГЕ

Герой Советского Союза
Петр Васильевич Колпаков

В краеведческом музее города Оренбурга висит портрет Героя Советского Союза Петра Васильевича Колпакова. Привлекает в нем открытое русское лицо, проницательный взгляд.

Будучи по заданию редакции в селе Шарлык, я разыскал квартиру Петра Васильевича, и мы проговорили с ним весь выходной день.

Задолго до войны готовил себя Колпаков к защите Отчизны. На срочной службе в Советской Армии он считался лучшим артиллеристом в части. На стрельбах без промаха поражал цели и получил от командования десятки наград и благодарностей.

Когда товарищи спрашивали Колпакова о том, как ему удается поражать мишени с первого выстрела, он отвечал:

— Секрет один: нужно на зубок знать материальную часть, стреляя, считать, что целишься не просто в мишень, а в настоящего противника.

Перед Великой Отечественной войной Петр Васильевич окончил курсы бухгалтеров и работал по специальности в Первомайской МТС Оренбургской области.

Неожиданно, как ураган, разнеслась тревожная весть: война. Над Родиной нависла смертельная опасность. Петр Колпаков был призван в Советскую Армию.

Его послали на курсы минометчиков. Через два месяца он стал командиром минометного отделения, но все время стремился в артиллерию и своего добился. Под Воронежем при переформировании части Колпакова назначили командиром отделения боепитания противотанковой батареи. Горячо взялся он за порученное дело. Недалеко от передовой линии в глубокой воронке оборудовал вместительный артиллерийский склад. Позиция батареи находилась на открытой и хорошо просматриваемой местности. Снаряды приходилось подвозить на лошадях ночью. Чтобы полозья саней не скрипели на снегу, Колпаков сделал их шире. Досрочно он создал нужный запас снарядов.

Вскоре на часть, которую поддерживали артиллеристы, гитлеровцы повели наступление. После обстрела наших позиций из минометов и орудий они начали атаку танками. Колпаков находился в это время на артиллерийском складе. Справа от него стояло орудие сержанта Обухова. У сержанта был хороший расчет, уже не раз прославивший себя в боях. И на этот раз, подпустив вражеские танки на прицельное расстояние, артиллеристы открыли по ним огонь. Один за другим загорелись два танка. Колпаков это видел и радовался.

Немцы обнаружили нашу пушку и обстреляли ее. Был убит командир, тяжело ранены наводчик и другие номера расчета. К позиции артиллеристов приближались два танка, а орудие молчало. Колпаков, невзирая на огненный смерч, подбежал к орудью, зарядил его и почти в упор выстрелил по переднему танку. Тот остановился, заскрежетал гусеницами и обвололся едким дымом. А смелый воин взял на прицел вторую машину и метким выстрелом поразил ее. В этот день Колпаков подбил еще один танк, перевязал тяжело раненных товарищей и сдал их санитарам.

После боя командир батареи рассказал воинам об обстановке, о подвиге старшего сержанта Колпакова.

— Вот так надо, товарищи, — говорил он, — выполнять военную присягу!

Командир подошел к Колпакову и, пожимая ему руку, продолжал:

— Благодарю вас, старший сержант, за безупречное выполнение воинского долга.

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно ответил отважный артиллерист.

Колпаков был назначен командиром того орудия, из которого поражал фашистские танки. С этой пушкой и шел он по дорогам войны через Белоруссию, Украину, Польшу, Чехословакию в Германию. Расчеты менялись, только он не оставлял своего места у пушки. Не один раз он был ранен, но не уходил дальше медсанбата и, чуть подлечившись, снова возвращался к боевым друзьям. Он участвовал в знаменитой Курской битве, в те дни был принят в ряды Коммунистической партии. В военных газетах его ставили в пример другим воинам. Вот что писала газета «За честь Родины»:

«...Измотанный противник начал поспешное отступление. Часть отрезала дорогу врагу. Немцы, обезумевшие от страха, гибли, рвались напролом, ища выхода. Наконец они прорвали полосу окружения. И вот уже на шоссе показались «тигры». Петр Колпаков подождал, пока враг приблизился, и ударил в борт наверняка. «Тигр» запылал. Искалеченная машина остановилась, перегородила шоссе. Но немцы, увидев пушку, ударили по ней. Кровь залила грудь и лицо смелого командира.

Раненый Колпаков продолжал вести бой. Он не мог уйти, не мог выпустить зверя на волю. Петр Колпаков закрыл дорогу, по которой враг надеялся выбраться. Сотни снарядов выпустило за этот бой орудие Колпакова. Было уничтожено пять вражеских танков, несколько пушек и пулеметов, сотни гитлеровцев...»

Много других славных подвигов совершил Петр Васильевич Колпаков в те огневые годы. Он был тогда награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими правительственными наградами. Колпаков никогда не уклонялся от боя, а наоборот, всегда искал встречи с противником, смело шел на оправданный риск.

На одном участке фронта, где орудие Колпакова поддерживало пехотинцев, командованию нужно было взять языка. Колпаков предложил такой план: поставить орудие на лыжи, скрытно подтянуть его к переднему краю обороны противника и орудийным огнем помочь разведчикам выполнить задачу. С ним согласились.

В ненастный день, когда бураном слепило глаза и поземка заметала следы, саперы проделали проходы в проволочных заграждениях и минных полях. Перед рассветом орудие было подтянуто к вражеской траншее и артиллеристы в упор ударили по огневым точкам гитлеровцев. Не ожидавшие этого фашисты растерялись. Разведчики взяли «языков» и вернулись вместе с артиллеристами без потерь.

Рассказывая об этом боевом эпизоде, дивизионная газета призывала: учитесь воевать так, как старший сержант Петр Колпаков!

В бою за плацдарм на реке Одер раненый Колпаков продолжал выполнять свою задачу, подбивал танки врага. За смелость и самоотверженность ему тогда было присвоено звание Героя Советского Союза. Вот что рассказывает об этом бое Петр Васильевич:

— Полк, который поддерживали наши артиллеристы, в апреле 1945 года подошел к реке Одер. Немцы заранее укрепили этот водный рубеж и считали его неприступной крепостью. Они поливали нас шквальным минометным и артиллерийским огнем. Бойцы Советской Армии понимали, что тяжело раненный фашистский зверь беснуется перед своим издыханием. Наши солдаты, невзирая ни на что, рвались в ту сторону, чтобы побыстрее добить зверя в его собственной берлоге. Батарея, в составе которой был наш расчет, получила приказ: ночью с группой автоматчиков переправиться на противоположный берег, занять там плацдарм и удерживать его до подхода основных подразделений.

Автоматчикам на лодках удалось сравнительно быстро переправиться на ту сторону и завязать бой. Нам пришлось труднее: орудия и боеприпасы перевозили на плотках под минометным и артиллерийским обстрелом. Хотя и с потерями, но к утру и мы форсировали реку и заняли оборону.

На рассвете немецкие танки двинулись на нас. Они подходили медленно. Гитлеровцы, видимо, считывали грозным видом своих «тигров» морально подавить нас, парализовать нашу волю к сопротивлению, а затем уничтожить. «Нет, на испуг нас не возьмете, — сказал я и скомандовал расчету: — К орудью!»

Наводчиком в моем расчете был механизатор из Саратова сержант Николай Чернякин — замечательный боевой друг. Он был всегда собран, жизнерадостен, находчив. «У первого ориентира появились два танка», — доложил он мне. Я указал прицел, место наводки и отдал команду: «Огонь!»

Чернякин послал два снаряда. Над танком взвился черный веер дыма. Второй «тигр» начал поворачивать пушку в нашу сторону. Но наводчик опередил врага. Снаряд попал в моторную группу машины, и она

вспыхнула, выбрасывая языки ярко-красного пламени. Тем временем перед нашей позицией появилось еще несколько бронированных чудовищ. Теперь они маневрировали, издали поливали нас свинцом. Гитлеровцы, видимо, решили во что бы то ни стало покончить с нашим расчетом, затем зайти во фланг и уничтожить всю батарею.

Чернякин подбил третий танк. Но неожиданно прямым попаданием вывело из строя весь наш расчет. Взрывной волной отбросило в сторону и меня. Когда я опомнился, то почувствовал, что гимнастерка липнет от крови, струится кровь и по лицу, будто множество булавок прокалывают шею. Пошевелил руками и ногами — работают. Подползаю к пушке и вижу, что она тоже покалечена: вышли из строя прицельные приспособления, тормоз отката и некоторые другие механизмы. Пробую направить дуло в борт ближайшего танка — удастся. Силы мои будто удесятерились. Ориентируясь по стволу, прямой наводкой шарахнул в «тигра». Он моментально загорелся. Стиснув зубы от боли, опять заряжаю пушку и из двух выстрелов поражаю еще одно чудовище. Кровь заливала лицо, плохо видели глаза, а я все посылал снаряды в сторону врага и приговаривал: «Получайте, гады, за товарищей, за муки наших детей, жен и матерей». Стреляю и чувствую, что силы совсем покидают меня, кружится голова, темнеет в глазах. В это время слышу — наша артиллерия загрохотала из тыла, зашипели минометы и «катюши». Впереди все заволочло завесой багрово-черного дыма, пыли. От радости я закричал и потерял сознание.

Товарищи после говорили, что мое орудие здорово навредило врагу, помогло нашим удержать плацдарм.

В тяжелом состоянии я был тогда доставлен в госпиталь, а после лечения вернулся в родной край и тружусь на мирном фронте, — заключил свой рассказ Петр Васильевич.

Дома Колпаков начал работать инструктором-бухгалтером в сельхозотделе Шарлыкского райисполкома. Вскоре в райкоме партии ему сказали:

— Хотим вас, Петр Васильевич, направить счетоводом в колхоз. И партийную организацию придется вам возглавить.

— Солдату дорога не страшна, — ответил он.

При его активном участии, колхоз преодолел отставание, успешно стал выполнять государственные задания, увеличил производство зерна и животноводческой продукции.

В районе потребовалось привести в порядок коммунальное хозяйство. Райисполком возложил эту работу на Колпакова и не ошибся. Петр Васильевич поднял общественность на борьбу за сохранение и ремонт государственного жилого фонда, привел в порядок коммунальные жилые дома и другие помещения.

Последние годы Петр Васильевич бесценно был секретарем территориальной первичной партийной организации, не один раз избирался членом районного комитета партии, депутатом сельского и районного Советов депутатов трудящихся. К нему всегда обращаются люди за советами, за помощью.

Человек большой души, исключительной скромности, — говорят о нем в районе.

И это именно так. Петр Васильевич Колпаков и на трудовом фронте свято выполняет солдатскую присягу на верность советской Родине и Коммунистической партии.

1965 г.

А. Зимин
ДО ПОСЛЕДНЕГО СНАРЯДА

Герой Советского Союза
Павел Иванович Копылов

Танкисту Павлу Копылову пришлось испытать немало. Дважды он был ранен. Прошел нелегкий боевой путь, удостоился Золотой Звезды героя. В боях всякое бывало. Порой, как казалось со стороны, везло. Но еще великий Суворов говорил: «Раз повезло, другой раз, но помилуй бог, — надобно и умение!». Мудрость этого правила Павел Копылов никогда не забывал. Он учился искусству воевать в первых тяжелых боях незабываемого июня 1941 года, в классах, на танкодромах, полигонах, на плацу военного училища, куда направило командование совсем еще молодого сержанта после боевого крещения.

В Копылове с самого начала ратного пути проявилось одно из основных качеств, делающих советского воина непобедимым. Имя ему — стойкость. Источником ее является верность долгу перед народом, сыновняя преданность партии, в ряды которой Копылов вступил на фронте.

* * *

...Закончен краткосрочный курс обучения в военном училище. Младший лейтенант Павел Копылов принимает танковый взвод и вместе с полком отправляется на фронт. Полк вошел в состав конно-механизированной группы генерала Плиева. Слава о ней гремела по всем фронтам. Лихие танкисты и конники входили в прорывы, расширяли их, действовали в тылу у противника, внезапно появлялись там, где он меньше всего их ожидал, наносили дерзкие удары по важным опорным пунктам и узлам сопротивления фашистских войск. Танкисты и конники перехватывали коммуникации гитлеровцев, поднимали на воздух склады боеприпасов и продовольствия. Павел Копылов и его боевые товарищи участвовали во многих таких походах.

Время стирает в памяти детали сложной обстановки, в которой приходилось выполнять боевые задания. Но никогда не забудутся верные, смелые товарищи по оружию, особенно члены экипажа — механик-водитель Венчиков, командир орудия Комидионков, заряжающий Кашин. На них можно было смело положиться в бою,

они никогда не подводили командира. Спаянный крепкой войсковой дружбой экипаж и взвод Копылова заботился о высокой огневой мощи техники, о том, чтобы в бою выжать из нее все, что она может дать. Воины всегда были готовы к тому, чтобы безупречно выполнить боевое задание.

...В районе одного населенного пункта сосредоточилось до шестидесяти танков противника. Обошедшие этот укрепленный узел, наши подразделения были отрезаны фашистскими танками и оказались в тяжелом положении. Взвод Копылова получил задачу: провести разведку боем, выяснить расположение огневых средств врага.

Глубокой ночью взвод прошел через болото, стараясь держаться в стороне от пристрелянной дороги. Выбравшись на твердый грунт, танки сделали по одному выстрелу и, круто развернувшись вправо, устремились в лощину. Противник открыл артиллерийский огонь. Наблюдением Копылов установил, что стреляли две батареи. В течение часа взвод, меняя позиции, обстреливал подступы к населенному пункту, засекая по ответному огню расположение фашистской артиллерии и танков. Одним из залпов «тридцатьчетверки» подожгли склад боеприпасов.

Взвод без потерь вернулся на исходные позиции. А рано утром он, действуя в составе группы в двадцать пять машин, после артиллерийской подготовки пошел в атаку и вместе с десанниками-пехотинцами отбил у противника хутор, расчистил путь для движения наших подразделений вперед. В бою было уничтожено несколько десятков гитлеровцев и взят в плен офицер.

Не в одной атаке после этого боя участвовал взвод Копылова. И неизменно танкисты, следуя примеру командира, проявляли мужество, упорство и воинское мастерство.

Но самый тяжелый и потому памятный бой, в котором довелось участвовать танкистам Копылова, произошел под стенами одного венгерского города. Сам Копылов помнит этот бой не до конца, а до того момента, когда осколком снаряда был ранен, потерял сознание. Танкисты завершили поединок с врагом уже без командира.

Дело было так.

На стыке между двумя нашими батальонами создалось угрожающее положение. Трех экипажам танков и одному экипажу самоходного орудия командование приказало выдвинуться вперед и закрыть брешь, прикрыть фланги батальонов, не дать танкам врага просочиться в наш тыл.

Уже на подступах к указанному рубежу танки и самоходка попали под ураганный огонь. Один танк был подбит. Копылов с двумя танками и самоходкой продолжал двигаться вперед и занял позицию на опушке молодого леса.

Из-за укрытия командир вел наблюдение, обнаружил на чердаке одного из домов вражеский наблюдательный пункт и уничтожил его огнем из пушки.

Тем временем обстановка складывалась не в пользу наших танкистов. Двенадцать фашистских самолетов с бреющего полета обрабатывали позиции наших подразделений. Воздушная атака сопровождалась интенсивным артиллерийским огнем. Кругом все пылало. Две наши батареи, стоявшие справа от танков Копылова, оставшись без снарядов, снялись с позиций и начали отходить. Горела самоходка, вышел из строя второй танк, повредилась гусеница командирской машины.

В эти минуты до батальона немецких танков с пехотой предприняли атаку. Рация Копылова вышла из строя, он не знал положения соседей.

Один танк против батальона! Копылов и все воины его экипажа хорошо понимали, что выйти живыми из такого боя трудно. Но высшей волей для них была воля Родины, приказ командира. А приказ гласил: остановить врага, не дать ему проникнуть в боевые порядки наших подразделений. Это была боевая задача взвода. Теперь она стала боевой задачей одного экипажа. Выполнить ее надо было во что бы то ни стало и любой ценой, если понадобится, то ценой своей жизни. Так думали и так решили поступить советские воины. Танк не мог двигаться. Но можно стрелять по врагу с места. И экипаж Копылова обрушил свой огонь на наступающих. Были подбиты сначала один, а потом еще два фашистских танка. В упор стреляли по немецкой пехоте. Заботились об одном, чтобы каждый снаряд, каждая пуля попали в цель, чтобы нанести врагу наибольший ущерб.

В кипении боя, в критические его моменты, люди теряют счет времени. Сколько длилось единоборство с врагом, воины экипажа, вставшие насмерть, не ощущали. Когда снаряды были уже на исходе, Копылову сильно обожгло переносицу. Закружилась голова, потемнело в глазах. В эти секунды он уже не видел, как лавина наших танков надвинулась на врага и смяла его.

...Очнулся лейтенант в палатке санитарного батальона. У его изголовья стоял командир дивизии. Генерал сердечно пожал руку Копылова и сказал:

— Спасибо, герой!

Через месяц лейтенанта Павла Копылова вызвали в штаб фронта. Начальник штаба по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил офицеру орден Ленина, Золотую Звезду и грамоту Героя Советского Союза.

В июне радостного 1945 года старший лейтенант Павел Копылов участвовал в параде Победы на Красной площади в Москве. Он шел в колонне Героев Советского Союза — лучших сынов нашей Родины.

С тех пор прошло много лет. Павел Иванович Копылов все эти годы посвятил сугубо мирному делу. После войны он приехал в Оренбуржье, трудится в системе общественного питания. С утра до вечера П. И. Копылов в движении, в хлопотах о том, чтобы магазины, столовые пекарни, работали лучше, чтобы люди были довольны торговым обслуживанием.

И на этом скромном посту Павел Копылов чувствует себя солдатом партии, для которого выполнение долга

перед народом превыше всего.

1960 г.

Д. Матвеев
СУРОВОЕ МУЖЕСТВО

Герой Советского Союза
Иван Федотович Крашенинников

Дом Крашенинниковых в селе Платовке стоит близ станции по улице Маяковского. Хозяин дома Иван Федотович — мой старый фронтовой друг. Служили с ним в одной армии, а теперь встретились через четверть века. Не могли наговориться.

Голос Крашенинникова с баском, говорит он не спеша, точно обдумывая каждое слово. Передо мною проходят картины его безрадостного детства.

Мать умерла в голодный двадцать первый год. Отец тоже прожил короткий век. Ванюша отправился из села Пашкино Бугурусланского района Оренбургской области в Ташкент разыскивать дальних родственников, да так и не нашел. Застенчивый паренек, впервые оказавшись в большом городе, набрел на маслозавод и начал здесь свою трудовую жизнь.

...Старый слесарь устанавливал какую-то замысловатую машину и мурлыкал песенку.

— Как зовут тебя, дедушка? — спросил его новичок.

— Какой я дедушка, — одернул слесарь, — мне еще и шестидесяти не стукнуло... Меня дядей Гришей кличут. Вот так, племянничек. — И спросил: — Кормиться приехал в Ташкент?

— Слесарничать взяли сюда.

Машина, которую старик налаживал, заработала. Юноша залюбовался ею и сказал мечтательно:

— Вот бы так научиться самому... Красота!

Годы шли в труде. Думы и мечты иной раз уносили парня в родное Пашкино. Ваня рассчитывал: получу специальность — вернусь в свои края, привезу сестре подарки. Узнают об этом друзья-товарищи, соберутся и скажут: «Полюбуйтесь, каким стал осиротевший сын Крашенинниковых! Молодчина!»

Но расчетам Крашенинникова не было суждено сбыться. Началась война с фашистской Германией. Его призвали в армию. Сначала он попал в запасной полк. Жадно изучал артиллерийские орудия, минометы, стремился стать отличным солдатом, чтобы больше принести пользы на фронте.

На всю жизнь врезался в память Ивана Федотовича первый бой. Рота брала деревню ночью. Поднялись из

окопов и побежали вперед к темным пятнам домов на косогоре. Крашенинников различал чью-то спину впереди, кажется политрука, и кого-то сбоку, справа. В полутораэта метрах от исходного рубежа был убит командир отделения. Крашенинников стал на его место и повел отделение дальше. Наступали через огороды, утопая по пояс в снегу. Вдруг обожгло правую руку, но он бежал, не остановился. Рослый солдат упал впереди. Крашенинников перескочил через него и с ходу прострочил из автомата своего первого врага. Деревню взяли...

Через год войны на груди Ивана Крашенинникова засияли ордена и медали, на гимнастерке появилась и красная нашивка — память о ранении. С боями приходили спокойная зрелость, уверенность в себе.

...Сражение на Курской дуге. 5 июля 1943 года германские дивизии перешли в наступление. Против полка, в котором служил Крашенинников, фашисты бросили много танков. Трижды они пытались обойти полк с фланга, но каждый раз были биты и отброшены на исходные рубежи.

Танки пошли в четвертый раз. Крашенинников со своими солдатами укрылся в окопе. Пропустили шесть вражеских машин, а потом забросали их связками гранат и бутылками с горючей смесью. Танки загорелись и взорвались.

...На подступах к одной станции нашим подразделениям преградил путь фашистский дот. Командир батальона создал штурмовую группу под начальством сержанта Крашенинникова. Ему было приказано ночью скрытно преодолеть полосу заграждений, овладеть дотом, уничтожить засевших в нем гитлеровцев.

Сержант с саперами нашел проходы в минном поле. Ночью одно отделение штурмовой группы вышло на дорогу в тылу дота. Крашенинников пробрался к доту.

Гарнизон дота ничего не подозревал. Вдруг распахнулись двери, в укрепление ворвались советские воины. Действуя армейскими ножами и прикладами, они подавили сопротивление гитлеровцев.

Утром наши подразделения взяли станцию. В горячей схватке Крашенинников получил второе ранение.

— Пока до Днепра дошли, рана зажила, — говорит Иван Федотович.

Над седьмыми водами Днепра дули пронизывающие ветры. Они тревожно гудели в пожелтевшей листве. Холодные волны с шумом бились о берег. Река будто стонала от непомерной тяжести бед, принесенных на советскую землю фашистскими захватчиками.

Иван Крашенинников снял каску и зачерпнул воды. Когда выпил ее, показалось, что прибавилось силы и мужества.

Солдаты спрашивали сержанта:

— Скоро переправа?

— Не терпится? — отвечал он.

Отдых был коротким. Командир батальона, всматриваясь в лица солдат, спрашивал:

— Кто хочет первым переплыть Днепр, чтобы обеспечить переправу всего батальона?

Первыми хотели быть все.

Командир батальона отобрал пятнадцать воинов во главе с сержантом Крашенинниковым...

— Помнится, была темная, дождливая и холодная ночь, — рассказывает Иван Федотович. — Не дожидаясь переправочных средств (они шли где-то позади), мы поплыли на рыбацкой лодке. Пятнадцать человек она не вмещала, пришлось разделить на две группы. Сам понимаешь, какая была опасность. И хотя каждый старался об этом не думать, мысль кружилась вокруг одного: заметит нас немец или нет? «Умрем, но не повернем обратно», — поклялись все. На весла посадили самых сильных. Договорились огня с лодки не открывать — вспышки автоматов хороший ориентир для врага. Захватил с собой побольше патронов, гранат, бутылок с горючей смесью.

На Днепре начинался рассвет. Сквозь утреннюю дымку угадывалось украинское село. Преодолев реку, автоматчики обошли его с тыла. Бесшумно сняли часовых и ударили. Смелчаки завладели четырьмя вражескими пушками, развернули их и давай стрелять по гитлеровцам.

Прошел день, наступил второй. Гитлеровцы понимали, что если не сбросить советских воинов в Днепр, то потом для этого потребуются силы в десять, а то и в сто раз больше. Двенадцать контратак отразил Иван Крашенинников со своими храбрецами, прикрывая переправу батальона.

...Из-за пригорка показались немецкие танки и устремились на окопы советских воинов. Люди Крашенинникова уже чувствовали на себе их дыхание: запах перегоревшего масла и пороховых газов. Но тут заговорила только что подошедшая наша батарея противотанковых пушек. Несколько «тигров» были подожжены, остальные повернули восвояси. Теперь солдаты держались еще увереннее, еще крепче. Удержав село, небольшой отряд Крашенинникова отвлек силы противника и дал возможность своему батальону переправиться на правый берег.

Через несколько дней советские воины перешли в наступление на гитлеровские дивизии, засевшие в Киеве. Ни бешеное сопротивление фашистов, ни слякоть и бездорожье, ни усталость — ничто не смогло остановить нашего натиска.

На ближних подступах к городу Ивана Крашенинникова ранило в третий раз. Осколки мины врезались под левый глаз и в лоб.

— Вот, — проводит рукой Иван Федотович по широкому лбу, — до сих пор сидит здесь.

И опять отважный воин не покинул поля боя. С перевязанной головой ходил в атаку на врага. Человек большой физической силы и выносливости, он изумлял однополчан бесстрашием.

Когда Крашенинников со своими автоматчиками вышел на Крещатик, встретил знакомого. Тот обнял его, расцеловал и поздравил:

— Ванюша, дружище! Тебе Героя Советского Союза дали за форсирование Днепра.

С тех пор прошло много лет, но не забыть волнующей встречи киевлян с советскими воинами. Люди

кричали ура, обнимались, целовались. То был большой праздник. На улицах стояли накрытые столы. Все, чем были богаты горожане, они поставили на них, ничего не пожалели для родных сынов, братьев, отцов.

* * *

На поле боя Крашенинникову вручали партийный билет. Перед лицом товарищей он сказал:

— Клянусь всегда быть верным бойцом Ленинской партии, мужественно бороться за дело коммунизма. И если для этого потребуется моя жизнь, я отдам ее без колебаний.

Эту клятву на верность Родине, партии Иван Федотович пронес через все сражения. И в дни мирного труда он остается активным бойцом Коммунистической партии, непоколебимо верным клятве. Побывайте на Платовском хлебоприемном пункте, поговорите с рабочими. Они вам расскажут о делах слесаря-умельца. Всюду вы услышите душевные слова:

— Герой Советского Союза Иван Федотович Крашенинников отважно сражался за Родину, а сейчас ударным трудом строит коммунизм.

1967 г.

В. Пролеткин
ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Герой Советского Союза
Тимофей Петрович Курочкин

Есть на Белгородщине железнодорожная станция Волоконовка. Однажды августовским утром с московского поезда сошел здесь юноша. Его никто не встречал. Он сам не пожелал этого, подалше в чемодан упрягал письмо, в котором, между прочим, были такие строки:

«Обязательно приезжайте. Дайте знать заранее, встретим, как положено».

Юноше хотелось одному побродить по утренним улицам поселка. Особенно по той, которую представлял себе просторной, в зеленом половодье садов и палисадников...

— Скажите, как пройти на улицу Курочкина? — спросил он у попутчика, пожилого человека в очках.

— Вы имеете в виду улицу имени сержанта Курочкина? — поправил его спутник. И добавил: — Видно, вы не здешний. У нас все знают эту улицу. Откуда прибыли, если не секрет?

— Из Оренбурга.

— Вон оно что! — протянул человек в очках. — Тогда я вас провожу. Видите ли, юноша, для нас, волоконцев, Оренбург стал ближе и дороже с войны. И все благодаря сержанту Курочкину Тимофею Петровичу. Слышал о таком?

— Да... Знаю, — смутился юноша.

Они зашагали рядом. Поселок, залитый солнцем, просыпался.

Хлопали калитки, над избами закурились дымки...

— Вот она, улица имени Героя из Оренбуржья!

Юноша остановился возле крайнего дома и прочитал табличку: «Имени сержанта Курочкина». Быстро снял с головы кепку, склонил скорбно голову. До человека в очках дошел его тихий шепот:

— Здравствуй, отец! Вот я приехал к тебе в Волоконовку.

...Недалеко от Шарлыка, среди степных увалов, затерялось село Колычево. Пятьдесят семь лет назад в большой семье бедняка Курочкина родился сын. Назвали его Тимофеем. Мальчик рос, как и его сверстники, бойким, любознательным. Учиться его не отдали, потому что семья терпела лишения и нужду. Когда Тимофею

исполнилось десять лет, отец Петр Степанович научил его косить высокие душистые травы. Мать научила плести лапти. И это долгое время было не только любимым занятием для него, но и доходным делом для семьи.

Тимофей еще ребенком был свидетелем злодейских расправ колчаковцев над жителями Колычева и соседних деревень. Коммунистов и красноармейцев расстреливали, а сочувствующих им пороли. Однажды, собирая с приятелем ягоды в степи, он наткнулся на колчаковский дозор — друзья просидели всю ночь в холодной...

Советская власть на многое раскрыла глаза пареньку. Он узнал правду, почему одни люди, не работая, живут в достатке, другие, трудясь в поте лица, бедствуют и голодают... Простые люди из рук Советской власти получили землю. Дали надел и семье Курочкиных. Но много ли напашешь в одиночку. Когда в селе создавался колхоз «Зеленый лужок», семья Курочкиных вступила в него одной из первых. Тимошу назначили фуражиром.

Но тут (это было в начале тридцатых годов) подошла Тимофею очередь служить в Красной Армии. Ушел он туда полуграмотным, угловатым пареньком, а через год в село стали приходить от него письма. Удивилась мать Евгения Ивановна: сын приветы присылает, пишет своей рукой! Спустя три года вернулся Тимофей домой высоким, подтянутым красавцем — глаз не оторвешь! Привез он с собой два чемодана книг, сказал: «Хочу быть зоотехником»...

Тимофея заметили в соседнем совхозе имени Карла Маркса. Пригласили работать гуртоправом. Согласился. Работал с упоением, его отара стала лучшей в совхозе. Тимофей учился по вечерам, выписывал книги из Оренбурга и даже из Москвы. В конце тридцатых годов его выдвинули на должность управляющего животноводческой фермой. Он к этому времени много прочитал книг по зоотехнии, хорошо знал свое дело. Новый управляющий умел ладить с чабанами и доярками. Хор организовал на ферме. Пели старинные песни: про то, как в степи замерзал молодой ямщик. Пели и советские, современные: про Катюшу, про Орленка — юного героя гражданской войны. Иногда исполняли суровую песню «Если завтра война, если завтра в поход...»

А она надвигалась... Утром 22 июня 1941 года Тимофей Курочкин был на ферме. На коне прискакал его друг Сергей Барабашин и хрипло крикнул, не слезая с седла:

— Война!

Встал перед сельчанами Тимофей Курочкин. Посуровело его лицо, голубые глаза сверкнули сталью.

— Наше место там, Сережа, — сказал сухо, уверенно.

Через несколько дней перед военкомом стояли двое — Курочкин и Барабашин. Оба просились в Действующую армию. Просьбу их удовлетворили. Тимофея направили в кавалерийский полк.

...Шел октябрь 1941 года. Полк перебазировался в Москву. Участвовал в обороне столицы в грозные исторические дни. Кавалеристы отбивали атаки немецких автоматчиков, нередко сами бросались вперед.

Наступил 1942 год. Красные конники совершили зимой четырехсоткилометровый марш, освободив села и города Московской и Тульской областей. Потом кавалеристы отдыхали, а летом снова участвовали в жарких схватках с немецкими захватчиками под городом Белевом. И в зимних, и в летних сражениях младший сержант Курочкин показал себя лихим рубаккой. Командир кавалерийского полка Казимир Иванович Мизерский писал в Шарлыкской районной газете 28 февраля 1958 года:

«...Еще в районе города Белева я услышал о командире отделения Курочкине. Это был дисциплинированный, отличный конник, меткий стрелок. А уж саблей владел, как настоящий казак. За лихую рубку в бою, в котором он уничтожил четырех гитлеровцев, ему преподнесли подарок командира дивизии генерала Суржикова и маршала Рокоссовского».

А дело было так. Немецкая часть, поддержанная танками и авиацией, атаковала позиции нашего стрелкового батальона. Советские воины отбивались изо всех сил. В небольшом лесочке затаились конники. Они пропустили танки вперед, а потом с фланга ударили по немецкой пехоте. Фашисты растерялись, увидев перед собой неизвестно откуда появившихся красных казаков. В рядах противника началась паника...

В газете «Правда» 8 июля 1943 года сообщилось:

«Части кавалерийского соединения, которым командовал генерал С. В. Соколов, выполняя задачу, поставленную Верховным командованием, углубились в тыл противника на 200 километров и в скоротечных жарких боях захватили города Валуйки и Уразово... Гул победы еще не смолк, как кавалеристы под командованием подполковника Мизерского с ходу захватили расположенную в 40 километрах от города Валуйки станцию Волоконовка, уничтожив там эсэсовскую часть».

Метель способствовала прорыву красных конников. Полк почти без особого труда просочился в тыл противника. Прошли 200 километров, развернулись перед городами Валуйки и Уразово. Бой был короткий: враг бежал, оставив богатые трофеи — склады с боеприпасами и горючим... Здесь полк получил приказ: ночью совершить марш до станции Волоконовка и утром овладеть ею, не дать уйти эсэсовской части, которая натворила в поселке немало преступлений. Захват станции означал окружение немецкой группировки.

Красным конникам было придано танковое подразделение. Всю ночь бойцы продвигались вдоль полотна железной дороги. На рассвете достигли села Покровка. Кавалеристы там оставили коней и пересели на броню танков. Едва забрезжило — на окраину Волоконовки ворвались советские десантники. Эсэсовцы оказали отчаянное сопротивление. Они обрушили на наступающих шквал пулеметного и артиллерийского огня. Загорелись наши танки, но они успели подавить вражескую батарею. Советские автоматчики неуклонно продвигались вперед. Бой переносился в глубь поселка. Особенно сопротивлялись эсэсовцы, засевшие в развалинах кирпичного завода. Их поддерживал огнем пулеметчик из дота.

Эскадроны залегли, готовясь к новым броскам. Подполковник Мизерский с отчаянием наблюдал, как захлебнулись первая, вторая, третья атаки его конников. Под рукою ни артиллерии, ни танков — ничем нельзя помочь. А дот грызается все злее и злее.

В этот момент на левом фланге поднялось несколько бойцов. Они пробежали шагов пять-шесть и залегли. Снова поднялись и снова залегли. Большого они сделать не смогли — огонь пулемета не давал поднять даже головы. Некоторые бойцы попятились назад... Подполковник понял, что и эта отчаянная попытка сорвалась. Расстояние между цепью и пулеметом еще порядочное, гранатами дот не закидаешь.

И вдруг... Из залегшей цепи один кавалерист метнулся вперед. Дот изрыгнул длинную очередь. Боец залег. А может убить? Нет, упрямо ползет вперед.

— Кто это? — спросил Мизерский старшего лейтенанта Медведева.

— Сержант Курочкин, — ответил тот.

Сержант продолжал ползти. Вот до пулемета осталось несколько метров. Было видно, как Тимофей Курочкин взмахнул рукой и возле дота разорвались гранаты. Пулемет смолк. Радостное ура раздалось над цепью — конники снова ринулись в атаку. Но что это? Замолчавший дот вновь ожил, стал изрыгать огонь. В этот критический момент Тимофей Курочкин встал в рост, в два-три броска достиг вражеской огневой точки и телом навалился на амбразуру...

Теперь пулемет умолк окончательно. Это было утром 22 января 1943 года — ровно за месяц до подвига другого замечательного воина Александра Матросова.

10 января 1944 года Т. П. Курочкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны благодарные волоконовцы воздвигли памятник герою-освободителю, а одну из улиц рабочего поселка назвали его именем. Они разыскали супругу Тимофея Петровича — Татьяну Гавриловну, она проживала все там же, в селе Колычево. Трое детей отважного воина подросли, окончили среднюю школу, а старший, Петр — Оренбургский сельскохозяйственный институт. Теперь он ассистент факультета механизации.

Жители Волоконовки ведут переписку с семьей Курочкина. Особенно много писем приходит от пионеров и школьников. Вот одно из них:

«Здравствуйте, уважаемая Татьяна Гавриловна. Пишут Вам пионеры средней школы поселка Волоконовки. Сегодня мы проводили митинг, посвященный героям, павшим при освобождении города от фашистских захватчиков. Мы хотим Вам сказать, что память о Тимофее Петровиче сохраним в своих сердцах навечно. Приезжайте к нам в гости! С пионерским приветом».

Приезжайте к нам в гости... Слово родных зовут волоконовцы людей из степного Оренбуржья. Однажды этим приглашением воспользовался Петр Курочкин — сын Героя. С этого мы и начали рассказ о жизни и подвиге нашего замечательного земляка...

1967 г.

А. Фалин
ИНИЦИАТИВА И БЕССТРАШИЕ

Герой Советского Союза
Степан Петрович Лабужский

В Оренбурге на Ленинской улице стоит небольшой домик. Весной он утопает в белых лепестках вишневого и яблоневого цвета. Здесь живут супруги Петр Степанович и Татьяна Степановна Лабужские. В День Победы над фашистской Германией к Лабужским обычно собираются соседи, друзья, родственники, приходят рабочие нефтемазозавода. Люди идут сюда, чтобы отдать достойную почесть сыну Лабужских — Степану, Герою Советского Союза.

Из пятерых детей в семье он был старшим. Отец в 1930 году переехал в Оренбург из села Островного. Сначала работал в дистанции пути, затем клепал котлы в депо станции Оренбург. Трудно было содержать большую семью. Работать пошла и Татьяна Степановна. Она охраняла железнодорожный переезд, трудилась на литейном и кирпичном заводах. Степан ходил в школу и заботился о младших братьях и сестрах. Он всячески помогал родителям.

За доблестный труд Лабужских неоднократно премировали, награждали почетными грамотами. В приказе начальника Оренбургской дистанции пути в 1935 году отмечалось:

«Татьяна Лабужская отважная работница, бдительно несет службу: обнаружив в ночное время лопнувший рельс, она, рискуя жизнью, остановила поезд, спасла жизнь многим людям».

Степан с большим любопытством расспрашивал мать, как произошло это событие, присутствовал на собрании, где ей вручали премию. Задушевные слова рабочих в адрес матери оставили в сердце подростка отпечаток на всю жизнь.

Когда после собрания они возвращались домой, сын задумчиво сказал:

— Мама! Я тоже буду поступать как ты: умру, а товарищей выручу. Это ведь правильно будет, мама?

Мать крепко прижала к себе сына и взволнованно ответила:

— Правильно, сынок. Человеку в беде всегда помогать надо.

После окончания семилетки и ФЗО Степан пошел работать электромонтером на Оренбургский

нефтемазозавод. Бывший начальник электроцеха, ныне главный энергетик этого завода Владимир Иванович Хлыстов рассказывает:

— Лабужский работал в цехе немногим более года и оставил о себе самые хорошие воспоминания. Он был волевым человеком, собранным, имел организаторские способности. Помню, в конце 1941 года мы вели к заводу высоковольтную линию. Людей не хватало. Работать приходилось помногу, а в график все же не укладывались. Коллектив электромонтажников решал, какие принять дополнительные меры, чтобы наверстать упущенное и уложиться в срок. Слово попросил Степан Лабужский. «Правду никуда не денешь, — говорил он, — нам тяжело. А кому сейчас легко? Мы выполняем боевое задание. Чем быстрее дадим энергию заводу, тем большую окажем помощь фронту». По предложению Лабужского электромонтажники перешли на казарменное положение. Высоковольтная линия была сдана досрочно.

На заводе Лабужского приняли в комсомол. Вскоре он решил уехать на фронт. Не хотелось мастеру и начальнику цеха отпускать инициативного работника, тем более завод имел возможность оставить его по броне. Но Лабужский сказал начальнику цеха:

— Решение мое твердое. Считаю себя обязанным быть на фронте.

Татьяна Степановна тоже умоляла сына остаться на заводе. Матери он ответил:

— Останавливая поезд перед лопнувшим рельсом, ты ведь не о себе думала, а о людях, которым грозила опасность. Правда? А теперь, когда враги хотят сделать нас своими рабами, то рассуди сама, могу ли я поступить иначе?

Мать со слезами на глазах благословила сына на ратный подвиг, а отец Петр Степанович напутствовал:

— Поезжай, сынок, принимай присягу и с честью пронеси ее по всему боевому пути...

Первый курс военной науки Степан Лабужский осваивал в учебных лагерях. Изучал оружие, уставы. Много тренировался в стрельбе, рытье окопов и ходов сообщения. Комсомолец терпеливо переносил тяготы военной службы, так как понимал, что в боевой обстановке они усложнятся во много раз.

Через три месяца родители получили от командира роты такое письмо:

«Командование роты, партийная и комсомольская организации гордятся Вашим сыном Степаном Лабужским. Он за короткое время образцово освоил курс военных знаний и с успехом может воевать стрелком, пулеметчиком, минометчиком. Сверх программы овладел саперным делом. Спасибо Вам за воспитание в сыне высокого советского патриотизма, выносливости, крепкой воли и настойчивости. Мы уверены, что Ваш сын с честью выполнит свой воинский долг, присягу».

Воевал Степан Лабужский под Сталинградом, освобождал Украину, Белоруссию, Польшу. Был снайпером и пулеметчиком, минометчиком, ходил в разведку, пробирался в глубокий тыл противника для минирования дорог, проделывал проходы в минных полях. Но никогда не сообщал родителям о своих ратных делах. В коротких письмах он извещал, что жив и здоров, а в конце, случалось, делал приписку:

«Бьем фашистских гадов в хвост и гриву».

...Разведка донесла, что фашисты готовятся послать группу «охотников» за языком на участок роты, в которой служил солдат Лабужский. Командир роты усилил боевое охранение, огневые средства. Он вызвал к себе Лабужского и приказал:

— Пойдете старшим секрета. Есть данные, что фашисты на нашем участке предпримут вылазку. Возьмите в запас автоматные диски и гранаты. Бойцов подберите по собственному усмотрению.

На нейтральной полосе была небольшая возвышенность, на которой сохранились иссеченные дождем большие камни.

— Здесь и расположитесь. Отсюда хороший обзор и обстрел, — инструктировал командир.

Лабужский взял в свою группу токаря из Саратова Валентина Усманова и сибирского механизатора Ивана Киселева. Это были его друзья, обстрелянные солдаты. Много раз он выполнял с ними опасные боевые задания, надеялся на каждого, как на самого себя.

В секрет пошли в полночь.

На высоте Лабужский знаками показал товарищам, кому где залечь, за каким участком вести наблюдение.

Приближалось время рассвета. В окопах противника прекратился хорошо слышимый до этого гортанный разговор, удары киркой, лопатами.

Наступившая тишина настораживала. И не случайно. Над окопами одновременно взвились белая и синяя ракеты. Они прочертили в нашу сторону огромную дугу. Вслед за этим враз чихнули немецкие минометы, ухнули пушки, задробили пулеметы. Под прикрытием массированного огня фашисты надеялись незаметно выбросить группу «охотников за языками».

В предрассветной синеве на фоне белого поля появились три группы гитлеровцев. Они шли к нашему боевому охранению. Лабужский сказал:

— Не знают гады про нас. Это хорошо! Ты, Валентин, бей по левой группе, за тобой, Ваня, — правая, а я займусь центральной. Первый залп даем по моей команде, а потом стрелять по усмотрению.

Фашисты приближались. Вот уже отчетливо видны их полусогнутые фигуры. Степан командовал: «Огонь!»

Длинные очереди разили противника. Падали убитые, ползли назад раненые. Гитлеровцы вначале опешили, но вскоре, оправившись, решили захватить бойцов секрета. Пули щелкали о камни, с визгом рикошетили. Был ранен Усманов, смолк автомат Киселева.

— Друг! Лучше пристрели, только не отдавай фашистам живыми, — просил Киселев.

— Если умрем, то вместе, а пока будем держаться, — ответил Лабужский и тут же одну за другой бросил четыре гранаты. Взрывами гитлеровцы были отброшены назад, но вскоре опять полезли к возвышенности. Так

повторялось несколько раз. Наши воины расстреляли уже все запасные диски. Оставалась последняя граната, которой Лабужский решил подорвать себя. Но подоспела помощь...

...Командир полка приколол к гимнастерке Лабужского медаль «За отвагу», поцеловал его и сказал:

— Спасибо, сынок, не посрамил чести русского солдата. Так и надо выполнять Военную присягу...

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно ответил воин.

Служить Родине, защищать ее от насильников для Лабужского было самым высшим долгом. Он готов был отдать за Родину свою жизнь, кровь каплю за каплей. При выполнении любого боевого задания он проявлял беспримерное мужество, отвагу, находчивость, русскую смекалку.

Командир подразделения гвардии капитан Внуков и комсорг гвардии старший сержант Сохранев в сентябре 1944 года писали родителям Лабужского:

«Передаем от комсомольцев подразделения, в котором служит Ваш сын Степан, гвардейский фронтовой привет. Мы хотим поделиться с Вами чувством радости, которое наполняет нас за Вашего сына Степана. Сражаясь с ненавистными захватчиками, он показывает образцы бесстрашия и отваги, умения, доблести и находчивости. Ваш сын отмечен многими благодарностями и правительственными наградами. Воины учатся у него боевому мастерству. Все гвардейцы нашего подразделения шлют Вам наилучшие пожелания, благодарят за воспитание нашего боевого друга, бесстрашного воина Степана Лабужского».

В январе 1945 года советские гвардейские танки, прорвав вражескую обороту и преодолевая отчаянное сопротивление гитлеровцев, продвигались к городу Петроков — крупному железнодорожному узлу в Польше. Отделение саперов, которым командовал Лабужский, получило приказ разминировать дорогу. Сделать это было очень трудно, так как дорогу и подходы к городу немцы держали под прицельным артиллерийским и минометным огнем. И все же советские саперы выполнили свое боевое задание.

Работая на дороге, Лабужский понял, что, пока не подавлены вражеские минометные и артиллерийские батареи, нашим танкам не пройти. И он решил во что бы то ни стало выявить огневые точки противника. Двоих бойцов послал к командиру с донесением об обстановке и своем решении. С оставшимися саперами под покровом ночи пробрался на окраину города и стал наблюдать с крыши многоэтажного дома за огневыми средствами противника.

К рассвету командованию нашей части были доставлены ценные данные о размещении вражеских артиллерийских и минометных батарей. Через некоторое время они были подавлены огнем нашей артиллерии и «катюш». Армейская газета «За честь Родины» писала по этому поводу:

«Командир отделения саперов Степан Лабужский, выполняя боевое задание по разминированию дорог, проявил замечательную русскую находчивость. По собственной инициативе он разведал расположение вражеских батарей и помог командованию подавить их, открыть маршрут боевым машинам. Слава инициативному, бесстрашному воину Степану Лабужскому и его товарищам!»

20 января 1945 года Лабужский с группой саперов был послан к реке Варта с задачей расчистить путь от мин и разведать места переправы танков. Предполагалось, что мост на реке немцами при отходе будет подорван.

Тщательно маскируясь и избегая встречи с противником, смельчаки вплотную подобрались к реке и обнаружили, что немцы действительно подготовили мост к взрыву, но пока что усиленно охраняют его.

Лабужский понимал, какое неопределимое значение имеет мост для наступления наших войск. Сапер решил пойти на отчаянный риск: истребить охрану, разминировать мост и удержать его до подхода своих танков. Он предложил смелый план действий.

Было раннее туманное утро. Саперы Василий Попов, Александр Сидоров, Виктор Хмелевских остались на месте. Семен Безроднов и Федор Семин ползком продвинулись вправо на 200—250 метров. Сам Лабужский с Андреем Звонаревым, Петром Гудалиным вдоль берега проникли под мост. По сигналу две первые группы открыли отвлекающий огонь по охране левой стороны моста. В это время группа Лабужского напала с тыла на охрану правой стороны и уничтожила ее.

Немцы всполошились, решили немедленно подорвать мост. Лабужский, рискуя жизнью, бросился на мост, в упор из автомата расстрелял фашистскую охрану, перерезал четыре горящих шнура. Подоспели остальные саперы. Завязалась смертельная схватка. Восемь бесстрашных советских воинов разгромили взвод фашистской охраны, удержали мост и пропустили по нему свои боевые машины.

...Командир танковой бригады гвардии полковник Жуков приказал вызвать к себе Лабужского. Когда тот появился, полковник окинул его взглядом и удивленно сказал:

— Вон ты какой есть! Не велик ростом, но могуч духом. Таким положено носить звезду Героя...

— Товарищ гвардии полковник, — ответил Лабужский, — я выполнил свой воинский долг, так поступил бы на моем месте каждый советский человек. Прошу наградить моих подчиненных, они этого заслужили...

Президиум Верховного Совета СССР присвоил Степану Петровичу Лабужскому звание Героя Советского Союза. Но не пришлось ему носить Золотой Звезды. На подступах к логову врага Берлину отважный солдат был смертельно ранен осколком вражеского снаряда.

Погиб герой. Подвиги его останутся в веках, как свидетельство безмерного мужества и безграничной доблести советского воина.

А. Бринский,
Герой Советского Союза
БАТЯ

Герой Советского Союза
Георгий Матвеевич Линьков

В годы войны партизанский Батя был широко известен населению Белоруссии, западных областей Украины и Польши. Это имя наводило страх на гитлеровских захватчиков. Они в своих приказах, распоряжениях и листовках требовали во что бы то ни стало покончить с Батей и его отрядами.

Сидор Артемьевич Ковпак в предисловии к книге Г. Линькова «Война в тылу врага» писал:

«Героя Советского Союза полковника Г. М. Линькова в Великую Отечественную войну мы звали Батей.

Я знаю его как одного из руководителей наших героических партизанских отрядов, нанеших огромный урон врагу.

С Батей мне приходилось встречаться в глубоком тылу противника и вместе бить фашистов там и тогда, где и когда они этого не ждали».

Впервые это имя появилось в Белоруссии осенью 1941 года. Тогда наш партизанский отряд находился в районе Лукомльского озера на границе Минской и Витебской областей. Обстановка была тяжелая, не было связи с Большой землей. Мы не имели партизанского опыта, не решили еще окончательно, где будем зимовать — в деревнях или в лесу.

В конце сентября до нас дошли слухи, что недалеко от Орши приземлились советские парашютисты и ушли в Березинские леса, к озеру Палик.

Мы отправили несколько групп партизан на поиски. Одна из них встретила с парашютистами, которых возглавлял капитан Архипов — начальник штаба Бати.

Была темная октябрьская ночь, моросил надоедливый осенний дождик. По мокрой, скользкой дороге мы двигались в Ковалевичский лес на соединение с Батей. Партизаны спотыкались о кочки, древесные корни, шлепали по невидимым лужам. Фыркали усталые лошади. Лениво скрипели телеги в тылу нашей небольшой колонны.

Никто из нас не знал точно расположения лагеря Бати. И вдруг:

— Стой. Кто идет?

Навстречу нам выдвинулась группа людей.

— Это мы, товарищ Черкасов, Гурецкий отряд, — ответил капитан Архипов.

Потом еще несколько раз строгими голосами окликали нас караульные, прежде чем между деревьями замелькали дымные костры партизанского лагеря. Сопровождавший вас капитан Черкасов показал место, где мы могли расположиться, и ушел. Наши бойцы начали разжигать костры, переобувались, сушили портянки.

Возвратился Черкасов.

— Антон Петрович, пойдете к Бате.

Батя, одетый в синий ватник парашютиста, сидел на толстом бревне, опираясь локтями на колени. Он грел над огнем руки, и руки эти показались мне необыкновенно длинными и цепкими. Сам он в нервном, мигающем свете костра выглядел пожилым — почти старым, да я, по правде сказать, и ожидал увидеть его именно таким, ведь он — Батя. Но у него не было бороды. Я удивился этому и подумал: «А как же его именовать — командир или Батя?» Отрапортовал:

— Гурецкий партизанский отряд прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, садитесь, расскажите, что у вас за люди? Как вы очутились в тылу врага?

Со всеми подробностями я рассказал Бате о своей службе на западной границе, о том, как мы встретили врага, о героизме наших воинов, о том, как я во главе небольшого отряда, получив задание развернуть борьбу в тылу врага, отделился от выходящей из окружения армии.

Батя слушал внимательно и часто, отрывая глаза от костра, посматривал на меня как-то странно через плечо, склонив голову влево. Глаза поблескивали из-под густых рыжих бровей, и чувствовалась в них несгибаемая воля и настороженность. Когда я стал рассказывать о трудных вопросах, которые вставали перед нами, он заметил:

— Пока мы по-настоящему не знаем методов партизанской войны. — Сняв с головы черную ушанку, погладил бритую голову, о чем-то задумался и продолжал: — Но мы их найдем, создадим свою партизанскую тактику.

Беседа затянулась. Батя говорил о Большой земле, о наших задачах, о своем отряде. Рассказал и о себе, о том, как неудачно был выброшен отряд не там, где намечалось. При этом погиб начальник связи, у которого был шифр для радиопередач. В результате все радиостанции отряда могли только принимать вести с Большой земли, а работать на передачу не могли.

— Значит, не все мы предусмотрели, когда собирались лететь, — закончил Батя, — а для партизана каждая непредусмотренная мелочь может стоить жизни.

Во время разговора я ближе присмотрелся к нему. Кряжистый, невысокого роста. Широкий лоб, пристальные глаза, сжатые губы. Чувствовался человек твердого характера и большой смелости, но смелости не безрассудной. Он знает, что делает, умеет все рассчитать и взвесить. Я сразу проникся уважением и доверием к своему новому начальнику.

Догорали костры. Партизаны давно уже спали, кто в шалаше, а кто возле костра.

С этого дня наш отряд вошел в состав первого белорусского партизанского отряда особого назначения.

* * *

Григорий Матвеевич Линьков родился и провел детство в селе Васильевке Октябрьского района Оренбургской области. Глиняная мазанка Линьковых стояла на самом краю села. Приземистая, полуразвалившаяся, она смотрела на белый свет двумя подслеповатыми глазами-окнами. Отец не имел земельного надела и батрачил у богатых. Тяжело доставался кусок хлеба большой семье.

Десятилетним мальчиком отдали Гришу в школу. Он был способным учеником, но учиться пришлось не долго — всего три зимы...

Началась первая мировая война. Тринадцатилетний паренек остался в доме за старшего. Искал случайную работу в домах зажиточных.

Григорию шел шестнадцатый год, когда он услышал от солдата-инвалида, только что вернувшегося с фронта, новые доселе ему неизвестные слова: «Ленин», «большевики», «революция», «власть Советов». Волна революции докатилась и до села. Богатые притихли, позакрывали окна домов глухими ставнями. Сбежал поп, готовился к отъезду трактирщик. Вернувшиеся с фронта солдаты и сельская беднота организовали ревком.

Не дремала и контрреволюция. В Оренбуржье поднимал голову атаман Дутов. Григорию Линькову не было еще и семнадцати, когда он впервые в жизни получил оружие и стал в ряды вооруженных защитников Советской власти.

Шел февраль 1918 года. Белые казаки хозяйничали вокруг пролетарского Оренбурга. Партизанский отряд, в котором состоял Линьков, шел на сближение с партизанской армией Василия Блюхера, созданной на Среднем Урале.

Первый бой произошел под станицей Верхнеуральской. Григорий ходил в атаку в одной шеренге с

бывшими фронтовиками.

Во втором бою, под деревней Осинцево, Линьков был ранен. Его и еще человек пятнадцать партизан отдали местным жителям на лечение. Месяца через полтора он догнал отряд, когда тот уже был в составе армии Блюхера.

В 1918 году Г. М. Линьков вступил в Коммунистическую партию.

Когда вернулся Линьков домой (это было в начале двадцатых годов), его избрали первым председателем Васильевского волисполкома.

Уехал Григорий из села в 1924 году в Оренбург и стал слушателем совпартшколы. После окончания ее домой не вернулся, а стал учиться дальше. В 1931 году окончил рабфак и уехал в Москву. Там окончил технический вуз, учился в военной академии.

До войны Линьков работал военным инженером, испытывал новые артиллерийские приборы. 14 июля 1941 года он подал рапорт командованию, просил, чтобы послали за линию фронта... Отказ. Новое заявление, но уже в Центральный Комитет партии. Ответ пришел 17 августа, а на другой день он получил приказ: приступить к подбору добровольцев и готовиться к отправке в тыл врага.

* * *

Серый рассвет едва пробивался между деревьями, когда я построил Гурецкий отряд. Батя поздоровался. Бойцы ответили дружно, а он строго оглядел шеренги, замечая и плохую выправку, и неряшливый вид, и разговоры в строю. Вытянулись под его взглядом правофланговый великан Михайлюк, сутулый Перевышко, стал серьезным шутник Пат. Батя пошел вдоль строя, подробно расспрашивая бойцов о прежней их жизни и работе, интересуясь даже мелочами. Казалось, что он своими пронизательными глазами хочет заглянуть в самую душу человека, чтобы узнать каждого, понять, оценить, на что тот способен.

Все это — и взгляд, и внушительная фигура, и строгая внимательность к людям — произвело на бойцов сильное впечатление. Правда, сначала они так же, как и я, были несколько удивлены и, пожалуй, даже разочарованы, увидев своего нового начальника без бороды, но потом почувствовали, что он именно Батя. Это несколько грубоватое, но по-своему нежное слово лучше всего характеризует то глубокое доверие, с каким относились к Линькову партизаны. Много мне пришлось слышать разговоров на эту тему, но вернее всех сказал Саша Волков, новый мой адъютант:

— Если Батя с нами, то будь мы хоть у черта на рогах — не пропадем.

Мы тоже почувствовали это с первого дня пребывания в отряде Бати и не ошиблись. На протяжении трех лет руководил он борьбой народных мстителей с гитлеровскими захватчиками. Личным примером, не щадя своей жизни, учил он партизан быть смелыми, беспощадными, стойкими. Он передавал нам свой богатый опыт старого коммуниста, партизана гражданской войны, опыт охотника и следопыта. Созданные и обученные им отряды действовали почти по всей Белоруссии, в западных областях Украины, в Польше. Они внесли значительный вклад в дело разгрома фашистских захватчиков.

Вскоре после нашего присоединения к его отряду он сказал мне:

— Завтра вечером организуем народное ополчение в Липовце. Надо продумать текст присяги для ополченцев.

Наша разведка еще днем сообщила, что немцев в Липовце нет, а старосту, которому заранее было поручено собрать людей, партизаны знали, как надежного человека. И все-таки мы двигались к деревне тихо, скрытно окружили ее, выставили заслоны.

Моросило. Стояла непроглядная темнота — ни огонька, ни звездочки. Но деревня была полна приглушенных звуков. Когда мы вошли в дом, там уже находилось много народа. С трудом протиснулись к столу.

Григорий Матвеевич окинул взглядом собравшихся и начал говорить о положении на фронтах, о том, что фашисты рвутся к Москве, но наша столица превращена в неприступную крепость. Всего месяц назад он сам был там и видел, как создается народное ополчение. Сотни тысяч людей взялись за винтовки. Многие тысячи женщин и подростков с лопатами и топорами строили вокруг города доты, дзоты, копали противотанковые рвы, окопы, сооружали непроходимые линии надолб. Под огнем вражеской артиллерии и авиации они выполняли свое патриотическое дело. Жители оккупированных немцами областей не могут оставаться в стороне от всенародной борьбы с захватчиками. По примеру москвичей и ленинградцев они должны создавать группы народного ополчения. Все мужчины призывного возраста обязаны активно участвовать в этих группах, а остальные — помогать им. Вот и в Липовце создается группа народного ополчения.

— Не надо думать, — говорил Батя, — гитлеровцы кошки, а мы мышки и нам нужно от них спастись. Наоборот, мы — хозяйева, мы на своей земле, а они — разбойники, воры, и пусть им будет жутко на нашей земле, пусть их ожидает смерть под каждым кустом, у каждого дома. Бейте их, вредите им, и они будут вас бояться.

Люди слушали, затаив дыхание. Лица их были строги, внимательны и тревожны. Чувствовалось, что они понимают всю сложность и трудность положения.

По просьбе Бати в хате остались ополченцы и мы.

— Товарищи ополченцы, — сказал Батя, — сейчас вам зачитают присягу и примут ее от вас. После принятия присяги получите первое боевое задание... Товарищ Бринский!

Я вышел на середину хаты и стал медленно читать присягу. Ополченцы встали, повторяя за мной каждое

слово. Головы были обнажены, лица торжественны и суровы. Люди знали, что, давая эту клятву, они включаются в тяжелую борьбу с сильным и жестоким врагом. И они особенно твердо произносили: «Я клянусь, что буду до конца предан своему народу. Я клянусь, что буду мстить врагу за честь Родины, за слезы матерей, жен, детей».

Когда затихли слова, присяги, ополченцы все еще стояли с непокрытыми головами. Батя объявил, что в эту же ночь группа должна уничтожить телефонную связь между Холопеничами и Краснолуками, подпилить сваи мостов на дороге Краснолуки — Столбец.

Такие же группы народного ополчения мы создавали и в других деревнях.

...Вспоминается примечательная мелочь. На следующий день после нашего присоединения к Бате мне пришлось завтракать из одного котелка с ним. Хлебная жидковатый пшенный суп, он говорил:

— Эх, ухи бы!.. Ведь вы на самом озере жили, привезли бы рыбы. Какую бы уху мы сварили!

— Я, Григорий Матвеевич, в этом деле не специалист.

— И много теряете. Вы не знаете, что такое уха! Когда-нибудь я вам приготовлю настоящую рыбацкую. Это не то, что вам жена дома готовит.

Когда кончили завтракать, Батя собрал с плащ-палатки хлебные крошки, потряс их на ладони и бережно опрокинул в рот. Это меня окончательно покорило — вспомнился отец, который, бывало, так же вот бережно собирал после обеда крошки дорогого, потом добытого крестьянского хлеба.

Вскоре на границе Витебской и Минской областей под командой Бати действовало четыре отряда. Их активность с каждым днем нарастала. Людская молва несла добрую славу об их делах, а захватчики все острее ощущали их удары. Каждый день партизанские группы выходили на боевые операции. Телефонно-телеграфные линии регулярно выводились из строя. Был уничтожен ряд мостов. Засады на дорогах Борисов — Лепель, Бегомль — Лепель отучали оккупантов свободно разгуливать по советской земле. Иногда и значительные силы противника подвергались на этих дорогах нападению партизан. Так наш отряд отбил у фашистского конвоя колонну военнопленных. Другой отряд устроил засаду на колонну гитлеровцев в Гороховском лесу. В результате засады более двухсот немецких солдат и офицеров были убиты, многие ранены. В населенных пунктах фашисты уже не могли чувствовать себя спокойно. Партизаны обстреливали немецкие гарнизоны, делали налеты на них.

Нам стало известно, что в село Велевщина прибыл из Лепеля карательный отряд гитлеровцев и что утром они пойдут в облаву на Нешковский лес, где находились наши отряды. Вечером Батя сказал:

— Пойдем погоняем фашистов в Велевщине, чтобы неповадно им было появляться в наших лесах... А к стати, новичков проверим.

Накануне к нам прибыло около пятидесяти человек, еще не испытанных в деле.

Было подготовлено три группы. Ночью, пройдя более двенадцати километров, мы еще затемно подошли к Велевщине. Кругом стояла тишина. Группы заняли указанные им места и начали окапываться. С нашей группой находились и Батя. Для засады мы выбрали ельник в полукилометре от села, рядом с дорогой, а за дорогой было чистое поле. Быстро окопались и стали ждать врага. Ночь была тихая, морозная. Мы основательно озябли. На рассвете стали слышны шум в селе, неясные слова немецкой речи, звон котелков. Потом увидели, как немцы ходят по селу.

Вскоре показалась группа немецких велосипедистов. Они ехали по два в ряд по дороге, проходившей возле нашего ельника. Батя приказал подготовиться, но без его команды огня не открывать. Фашисты приближались к нам, ничего не подозревая. Вот уже не более сотни метров остается между нами и карателями, а Батя молчит и только дуло его автомата медленно двигается, очевидно, он держит на мушке переднего велосипедиста. И только тогда, когда расстояние от нас до фашистов сократилось примерно до тридцати метров, Григорий Матвеевич дал длинную очередь. По этому сигналу открыли огонь и остальные партизаны. Гитлеровцы валились с велосипедов или прыгивали с них, ища укрытий по обочинам дороги. Несколько карателей бросились бежать в село, но их нагнали партизанские пули.

Батя поднялся во весь рост и крикнул:

— Мы вам не мыши, сволочи!

Находившиеся в селе фашисты развернулись в цепь и, стреляя на ходу, двинулись на наш ельник. Заговорили минометы. Мины рвались рядом с нами.

Григорий Матвеевич приказал отходить в заболоченный лес. Немцы добежали только до его опушки, дальше идти не осмелились. А мы, двигаясь лесом, вышли севернее села в том месте, где находилась в засаде группа капитана Черкасова.

Тем временем у ельника фашисты подобрали убитых и раненых, погрузили их на подводы и поспешно покинули Велевщину. Но едва они подъехали к лесу, мы обстреляли их снова. Каратели вынуждены были вернуться в село и выбрались на лепельскую дорогу, где попали под огонь группы капитана Архипова...

Гитлеровцы отказались от облавы, с трудом и большими потерями вернулись в Лепель.

Батя был доволен операцией и, объявив благодарность ее участникам, снова напомнил нам, что лучше самим нападать, чем ждать нападения противника.

Оккупационное начальство бросило на борьбу с отрядами Бати, кроме полицейских команд, пехотный полк, усиленный танками, бронемашинами и минометами. Батя был доволен этим. Он говорил:

— Это хорошо, одним полком будет меньше на фронте. Надо, чтобы побольше полков Гитлер бросал не на фронт, а на партизан.

Чтобы не прекращать боевых партизанских операций, отряды отошли в глубь Белорусского государственного заповедника, в чашу лесов, в лабиринт болот, ближе к Березине.

Сначала Батин штаб расположился в поселке Нешково — центре заповедника. Отряды заняли подступы к Нешкову, вырыли окопы, оборудовали огневые точки.

— Конечно, мы понимаем, что нам тут долго не удержаться, — говорил Батя, — но бой примем, чтобы заставить врага уважать нас. Пусть он боится леса. Без боя нам все равно не уйти...

Два дня кружились немецкие самолеты над нашим лесом, искали партизанские лагеря. По приказу Бати в стороне от лагерей были разложены костры, которые ясно видели летчики. Эти костры они бомбили и обстреливали. Но замаскировать поселок Нешково было невозможно. Ему здорово доставалось от самолетов. Пришлось перенести штаб в новый лесной лагерь.

А кольцо фашистских карателей все стягивалось. Все дороги были заняты ими, они наступали со всех сторон.

Мы еще ночью заняли оборону. На рассвете начался бой. Кругом трещали пулеметы, рвались мины и гранаты, по дорогам тархтели танки. Мы держались до полудня, когда Батя приказал отходить, но не по дорогам, а по лесу, через трупы и болота.

Немцы, пытающиеся преследовать нас, вскоре отстали, но нам нелегко было продолжать движение по осенней распутице и бездорожью. Погода была холодная, сверху падал снег, а под ногами ломался тонкий лед. Мы проваливались в вязкую жижу болота по колено, а иногда и по пояс. Мокрая одежда замерзала, коробилась и хрустела на каждом шагу. Ночью, мокрые и голодные, выбрались мы на случайный островок и устроили там привал. Зажгли костры, сушили, отдыхали.

Батя тоже пристроился возле одного из костров. Он воспользовался привалом, чтобы собрать наших коммунистов и предупредить их о том, что если сейчас трудно, то будут моменты еще труднее. Коммунисты должны помнить это и всеми мерами поддерживать бодрость партизан, дисциплину и сплоченность.

— Обстановка тяжелая, — убежденно говорил он, — но не безнадежная. Враг занял все выходы и надеется, что мы пропадем в этих болотах. Этого не будет. Мы выберемся и докажем врагу, на что способны советские партизаны.

Батя разбил партизан на пять групп, чтобы фашисты, гоняясь за ними, разбросали свои силы по разным направлениям. Наши две группы он сам повел на восток. Двое суток мы осторожно двигались по лесам и болотам. Негде было отдохнуть как следует, нечего было есть. Ни в один населенный пункт нельзя было показаться, в них находились фашисты.

К утру третьего дня мы остановились недалеко от села Острова. Выбрали сухое место для дневки, разложили костер, грелись, как могли. Настроение было подавленное.

Вероятно, и Батя чувствовал себя неважно. Но как только рассвело, он встал, сбросил ватник и, оставшись в одной рубашке, не обращая внимания на погоду, принялся за свою ежедневную гимнастику. Он занимался своим делом, будто ничего в отряде не случилось, будто это обыкновенный день на партизанской базе. Бойцы смотрели на него сначала с удивлением, а потом, когда Батя, окончив гимнастику, снял рубаху и начал умываться по пояс, многие партизаны вспомнили, что и они — закопченные после боев и походов — давно не умывались. Один за другим потянулись люди к неширокой осушительной канаве и начали приводить себя в порядок. А Батя как ни в чем не бывало продолжал туалет. Вынул бритву, кисточку, мыльницу, зачерпнул в котелок воды. Брился он без зеркала, сидя на бревнышке и устремив куда-то в пространство сосредоточенный взгляд. И брил не только бороду, но и голову спокойно, аккуратно, не торопясь. Невозмутимое спокойствие и будничная деловитость Бати невольно передавались другим. И казалось, что, смывая с себя грязь и копоть, соскабливая со щек мыльную пену и щетину, люди освобождаются от усталости, подавленности и сомнений, которые мучили многих после вчерашнего тяжелого дня.

Батя вывел отряды из окружения почти без потерь.

* * *

Первая партизанская зима была для нас особенно трудной. Кругом вражеские гарнизоны. Частые облавы на нас. Не было у нас опыта жизни и действий в тылу врага в зимних условиях. Не было и связи с Большой землей. Но все верили, что не пропадем.

Наши отряды действовали на территории трех районов: Лепельского, Чашникского и Холопеничского. Центральная база — так мы называли штаб, возглавляемый Батей, — находилась в гуще лесных массивов, среди березинских болот. Там каждую ночь жгли костры, ждали самолетов из Москвы. Надеялись, что нас будут искать и дадут нам связь. Батя направил через фронт несколько групп партизан. Мы верили, что хотя бы одна из них доберется до Москвы. И действительно, вскоре после того, как группа Диканева перешла линию фронта, к нам прибыли радисты с рациями и шифром. Нашей радости не было предела.

К маю отряды Бати значительно выросли и своими действиями охватывали огромную территорию. Они оперировали под Полоцком, Молодечно, Борисовом и Оршей. Центральная база оставалась на старом месте.

И мы уже были не одни. Рядом с нами возникли отряды Заслонова, Воронова, Кузина и несколько мелких партизанских групп. Зная их работу, Григорий Матвеевич считал, что они и без нас здесь справятся. А мы, хорошо снабженные взрывчаткой и связанные по радио с Большой землей, могли и должны более активно помогать нашему фронту, расстраивать или совсем парализовать работу основных коммуникаций противника и важнейших железнодорожных узлов.

— В Полесье такие же непроходимые места, как и здесь, но зато там сколько железных дорог! — говорил Батя, развертывая карту. — Барановичский узел. Брестский. Луинец. Калинковичи. — Он водил пальцем по

карте и остановился на маленьком пятнышке севернее Пинска. — Вот куда надо идти. Выгоновское озеро — оно будет ориентиром для самолетов связи с Большой землей. И от него рукой подать до Бреста, до Барановичей, до Калинковичей, до Лунинца.

Так было принято решение идти на запад.

Перед выходом Батя собрал коммунистов на лесной поляне и беседовал с ними о сложности и трудности предстоящего пути. Сотни километров лежат перед нами. Пойдем мы лесами, болотами, будем обходить населенные пункты, никому не попадаться на глаза. Каждый должен будет нести не менее двадцати килограммов груза: взрывчатку, боеприпасы, продукты. Отряд будет разбит на боевые группы. Возьмем с собой только самых выносливых. Местные жители, которые пойдут с нами, оставят здесь свои семьи. Каждому коммунисту надо много поработать со своими товарищами. И пусть все запомнят как важнейшее правило: отстающих не должно быть, лучше умереть, чем отстать.

* * *

Двадцать первого мая 1942 года наша колонна под командой Бати двинулась по азимуту к Березине, через моховые болота, широко раскинувшиеся впереди. В густых коврах мха, под которым ощущалась еще не оттаявшая почва, партизаны вязли по щиколотку, по колено, спотыкались, но упрямо шли. Батя, казалось, не знал, что такое усталость, и с легкостью, удивительной для его возраста, шагал или даже прыгал по кочкам.

На другой день пришлось идти по пояс в болотной воде под проливным дождем. Но никто не отставал. К половине дня выбрались на сухой островок недалеко от Березины, где стоял когда-то хутор Лубинка, а теперь чернело пожарище. Тут был устроен привал перед переправой через Березину.

Ближе к реке идти стало хуже. Талая вода затопила луга, кустарники, берега исчезли. Вооружившись длинными шестами, мы нащупывали перед собой дорогу. И Батя с таким же шестом шагал впереди. Вода была нам по пояс, иногда подымалась и выше. После дождя подул свежий ветерок, пронизывал нас насквозь. А люди с тяжелым грузом продолжали идти в сосредоточенном молчании, только слышны были всплески воды.

Готовясь к переходу, Батя запросил, чтобы ему выслали из Москвы водные лыжи, рассчитывая, что на них можно будет и по болотам ходить, и через реки переправляться. Однако по этому поводу было много сомнений. В некоторых клубах в спортивном инвентаре видели мы одну-другую пару таких лыж, знали, что есть любители этого вида спорта, но их насчитывались единицы. Какого-нибудь практического применения водные лыжи не имели. Вероятно, и сам изобретатель, и специалисты-спортсмены даже не предполагали, что мы будем пользоваться лыжами в боевых условиях, что эти лыжи будут приняты на вооружение партизан-разведчиков и подрывников. По способу Бати наши воины переправлялись на водных лыжах через Неман, Днестр, Припять, Буг, Вислу и многие другие реки.

Первоначальное испытание лыж принесло много разочарований. Человек становился на лыжи, прикреплял их к ногам и... перевертывался в воду вниз головою, а лыжи, легкие, надутые воздухом, плавали на поверхности. Требовались большая тренировка, особое умение, какое-то усовершенствование...

Для переправы через Березину Григорий Матвеевич выдумал свой способ пользования этими лыжами. Палками скрепляли три лыжи, получалось нечто вроде плотика, достаточно устойчивого и способного выдержать тяжесть любого человека. Спереди и сзади к плотику привязывали парашютные стропы, и он превращался в небольшой паром. Оставалось только переправиться на нем на ту сторону реки, а потом перетягивать плотик туда и сюда столько раз, сколько потребуется. И все оборудование этого парома — три лыжи и стропы — легко укладывалось в обычную сумку от противогаса.

Трудность представлял первый рейс, и Григорий Матвеевич решил сделать его сам. Отдав одному партизану конец веревки, он сел на плотик, а потом для большего удобства улегся на нем и, гребя руками, медленно поплыл через реку. Течение сносило плотик, поворачивало его, а у пловца не было ни весел, ни руля. Партизаны, не отрываясь, следили за каждым движением Бати, за легким покачиванием плотика, за веревкой, плескавшейся на воде.

— Доплыл!.. Вылезает!.. Готово!..

Все облегченно вздохнули...

* * *

Батя был знатоком леса. Он умел увидеть и услышать в лесу много такого, чего не видят и не слышат другие, и не раз удивлял нас этим умением. Зимой 1942 года мы ехали на встречу с подпольщиками в деревню Липовец. Вдруг Батя остановил ездового, вышел вперед, стал внимательно прислушиваться. Над лесом кружились вороны, каркая, они пролетали недалеко от дороги.

— Сворачивай, поедем в Ковалевичи, в Липовце — немцы, — сказал Батя, — вороны зря не летают.

Потом выяснилось, что в Липовце действительно дожидались нас каратели.

В другой раз Батя разбудил меня метельной ночью. Выйдя вдвоем из землянки, мы стали прислушиваться. Издалека доносился голос филина — нашего лесного соседа. Сначала это было глухое и протяжное «У-гу-гу», а потом филин зачистил: «Ууу!.. Ууу!.. Ууу!..»

— Там кто-то чужой, — сказал Григорий Матвеевич. — Слышите, как кричит? Беспокоится. Поднимайте людей по тревоге.

Отряд ушел на запасную базу, а на рассвете мы слышали, как рвались гранаты в покинутом нами лагере.

От карателей, подкрававшихся ночью, партизан спасло Батино знание леса.

В половине мая 1942 года я был вызван из-под Борисова на Центральную базу, которая тогда находилась на лесном острове среди березинских болот, в четырех километрах от большака Бегомль — Лепель. На большаке, на мосту, стояла постоянная немецкая охрана, ее было видно с опушки леса. В пяти километрах севернее базы, в селе, находился крупный гарнизон немцев и полиции. наших часовых мы встретили не более как в полтора-двух метрах от лагеря.

— Вы очень беспечно живете, почти без охраны, — сказал я Бате.

— Почему без охраны? — ответил он. — Видишь, вон и вон журавлиная стая, она нас и охраняет... Гляди!

Батя посчитав, что я принял его слова за шутку, подозвал одного партизана:

— А ну-ка, подойди к журавлям.

Боец пошел. Но едва он добрался до открытого места, караульный журавль из ближайшей стаи остановился, вытянул шею, курлыкнул что-то и вся стая зашевелилась, заговорила на своем языке. Птицы поднимали головы, опускали поджатые ноги и переминались с ноги на ногу, словно собирались убежать или улететь. А вот и в самом деле с недовольным курлыканием, с тяжелым шумом крыльев, вся стая снялась с места. И соседняя с ней тоже насторожилась, и по всему болоту пошел журавлиный говор.

— Ну как? — спросил Батя.

— Да, — признался я, — охрана надежная.

А вот что случилось после переправы через реку Березину. Западный ее берег оказался не лучше восточного. Остаток ночи мы шли по лужам, и казалось, что конца им не будет. А мы так устали, так хотелось выйти на сухое место, отдохнуть, обогреться, перемотать портянки. Батя по-прежнему шел впереди с шестом в руках. И вдруг где-то вправо от нас закуковала кукушка. Батя остановился.

— Слышите, — заметил он, — пойдемте на голос кукушки, она живет на сухом месте.

Вскоре мы и в самом деле вышли на сухой островок, устроили привал, обсушились.

И сколько еще было таких случаев, когда Батин опыт охотника, следопыта, знатока природы помогал партизанам и даже спасал от гибели.

* * *

Наш рейд на запад, продолжавшийся полтора месяца, был закончен. Мы вышли на Полесье. За это время боевой счет наших отрядов увеличился на 32 взорванных эшелона. Да еще было разогнано несколько сельских управ, разбит ряд обслуживающих захватчиков маслобоек, смолокурен, всякого рода заготовительных пунктов, баз и складов. Само собою разумеется, что во время долгого и трудного пути нам нередко приходилось вступать в бой с фашистами. Большая работа была проведена партизанами среди населения западных областей Белоруссии. В пройденных нами местах возникло несколько новых партизанских отрядов.

По мере продвижения на юго-запад наш голос по радио слышали в Москве все слабее и слабее — мощности нашей рации не хватало. Это затрудняло связь. А от Выгоновского озера, куда предполагал выйти Григорий Матвеевич, нас, вероятно, и совсем не услышали бы. Поэтому мы решили переменить направление движения отряда и местом для новой Центральной базы назначили район Червоного озера на северо-западе Полесской области, недалеко от старой советско-польской границы. Там были такие же пустынные места, густые леса и большие болота.

Там и остался Батя со своим штабом. Боевые отряды расположились ближе к железнодорожным узлам и начали свою разрушительную деятельность на важнейших коммуникациях противника. Гитлеровцы пытались бороться с партизанами, предпринимали карательные экспедиции и облавы, засылали в наши отряды своих специально подготовленных агентов, но справиться с народными мстителями не могли. Батинцы продолжали свою работу в ряде областей Западной Белоруссии и на Украине.

В ноябре я с небольшой группой партизан шел от Выгоновского озера на Центральную базу. Переправившись через Случь, мы узнали, что Батя строит в лесу не просто посадочную площадку, а настоящий аэродром для приема самолетов с Большой земли. Мы направились к месту будущего аэродрома.

День был пасмурный. Моросило. Поляна, выбранная Батей для аэродрома, действительно напоминала строительную площадку. Наперебой стучали топоры, звенели пилы, падали на краю поляны могучие сосны. На лошадях перевозили куда-то свежие бревна. Лопатами, плугами и боровами ровняли площадку, трамбовали ее, укладывали дерном. Более двухсот человек было занято на этой работе.

Среди строителей я заметил Батю в старой распахнутой кожанке, в шапке, съехавшей набок. После приветствий он повел нас показывать строительство.

— Здесь будет посадочная площадка. Эти сосны оставим, под них можно при случае закатить самолет, чтобы его сверху не увидели. А здесь выроем землянку для охраны. А тут склад...

Он предусмотрел все и все хотел сделать по-настоящему, строго по чертежам.

После обеда мы сидели в землянке. Батя раскинул карту. На ней красным карандашом был нанесен путь наших отрядов. Батя показывал места расположения отрядов. Это мне было известно и раньше, но только теперь, глядя на карту, я воочию представил себе всю широту организаторской работы Бати. Отряды были разбросаны от Полоцка до Луцка и от Днепра до Западного Буга. Я не знаю другого партизанского соединения, которое бы так широко разветвилось, как соединение Бати.

Вскоре Григорий Матвеевич улетел на Большую землю. Но его отряды продолжали называть отрядами Бати. Их стало еще больше. Они находились на Висле, дошли до Одера, побывали в Чехословакии.

Батя улетел, но мог ли он — такой беспокойный и деятельный человек — долго оставаться на Большой земле? Недаром ведь в начале войны он сам для себя выбрал наиболее опасную и наиболее трудную работу. Он должен был к ней вернуться. И действительно, в мае 1943 года под Брестом появился новый командир партизанских отрядов. Фамилия его нам была незнакома, но по делам, по почерку, как говорится, мы узнали возвратившегося в тыл врага Григория Матвеевича Линькова — партизанского Батю.

1965 г.

П. Пешков
СМЕРТИ У ХРАБРЫХ НЕТ

Герой Советского Союза
Юрий Николаевич Малахов

Юрий был еще мальчишкой, когда на нашу страну вероломно напали гитлеровские головорезы. Он бродил по родному Оренбургу, не находя себе места. Несколько раз заходил в райвоенкомат и умолял, чтобы отправили на фронт. «Подрасти, ты еще мал», — слышал он от работников военкомата и ни с чем возвращался домой.

Время шло. Юрий стал комсомольцем. По заданию комсомольской организации он собирал металлолом, нужный для новых танков, для фронта.

В 1942 году, когда наши войска вели тяжелые оборонительные бои с фашистами, рвущимися к Волге, семнадцатилетний Юрий Малахов по путевке комсомола поступил в танковое училище. Срок обучения там был сокращен до предела, но Малахову, казалось, что курсантов непомерно долго держат в тылу.

— Война — самая лучшая академия, там ее будем кончать, — говорил он своим однокашникам. — Главное быстрее попасть на фронт и остановить фашистов!

Не один раз заместителю начальника политотдела училища по комсомолу приходилось разговаривать с Юрием.

Но вот училище окончено. А спустя несколько дней Малахов докладывал командиру бригады:

— Товарищ полковник! Младший лейтенант танковых войск Малахов прибыл в ваше распоряжение для продолжения службы.

Суровый, опаленный войной полковник спросил:

— А живого фашиста видел, он не испугает тебя?

— Не приходилось, товарищ полковник! Но думаю, что не испугает, — ответил Юрий.

Командир танковой бригады назначил Малахова командиром экипажа Т-34.

Юрий отправился в батальон, чтобы принять боевой экипаж. Но и здесь встретили его с недоверием.

— Безусый энтузиаст, — тихо проговорил кто-то из экипажа.

Внешне младший лейтенант выглядел не героически. Маленького роста, хотя и ладно сложенный, скромный, с худеньким скуластым лицом, на котором еле обозначался пушок. Но строгий взгляд из-под длинных, чуть рыжеватых ресниц, плотно сжатые губы, весь его облик говорил о человеке твердой воли, решимости, упорства.

Прошло немного времени и батальон заговорил о точном расчете и дерзких действиях танкового экипажа Юрия Малахова. А вскоре и бригада знала нового командира танка.

Вспоминая месяцы, проведенные в училище, молодой офицер по-настоящему высоко оценивал заботу своих преподавателей, их настойчивую, но справедливую, требовательность к нему. Он почувствовал, как пригодились ему знания и навыки, приобретенные в училище. Вокруг них, как снежный ком, рос боевой опыт.

В одну из жарких июльских ночей гвардейцы вступили в бой с танками противника, которые пытались захватить узел шоссе дорог. Танковая рота, куда входил экипаж младшего лейтенанта, атаковала противника с фланга. Для Малахова это было первое боевое крещение.

Бой длился почти целый день. И только к вечеру стало тихо. В белесом тумане тянулись понурые пленные, конвоируемые бойцами бригады, догорали вражеские танки.

Среди них дымился танк, уничтоженный «безусым энтузиастом».

Удача окрылила молодого танкиста. И он не без гордости думал: «Первый бой — первая удача».

Ночь темной пеленой опустилась на землю. На огневых позициях танкистов — тишина. На западе горизонт покрывался багровым дрожащим заревом. Это отступающий враг сжигал советские села. Младший лейтенант поднялся по грудь в боевом люке танка и жадно глотал ночную прохладу. Мысли Юрия уносились далеко на седой Урал, в Оренбург. Увлеченный воспоминаниями, он не заметил, как к нему подошел парторг батальона.

— Крепко немца стукнули, — сказал капитан, — но еще не добились.

— К этому готовимся, товарищ капитан, — ответил Юрий.

В ту же ночь бригада двинулась на запад. Наступая по лесам в ночной темноте, обходя боевые порядки противника, бригада совершила смелый бросок и к рассвету была на подступах к пылающему огнем Минску. На пути батальона, куда входил экипаж Малахова, оказались непроходимые, горящие лесные завалы.

— Экипажу Малахова выдвинуться вперед, сбить пламя, сделать проход для танков, — властно звучал по радио приказ командира батальона.

И танк Юрия рванулся в бушующее пламя. Спустя несколько минут в брешь, пробитую отважным экипажем, устремился батальон и вскоре гусеницы танков стучали по мостовой Минска. Противник с силой обреченного яростно сопротивлялся. В боях за Минск, Малахов умело ориентировался, разгадывал коварные замыслы врага. Не один десяток гитлеровцев погиб от меткого огня его «тридцатьчетверки».

В дни летнего наступления экипаж гвардии младшего лейтенанта прошел славный боевой путь. Всякое он видел на полях танковых сражений. Дневник, который вел Юрий, пестрит заметками, они звучат как заповеди для друзей:

«Трудно — не сгибаться», «Жажда победы приносит ее», «Если противник не ждет тебя — атакуй быстро, без промедления», «Земля — лучшая крепость, умело используй ее складки, а если нужно остановись и окопайся».

6 июля 1944 года боевой экипаж Малахова неожиданно встретил механизированную колонну противника, пытавшуюся вырваться из окружения. По шоссе двигались вражеские танки, орудия, бронетранспортеры, автомашины с пехотой. Сколько их? Считать не было времени. Прозвучало коротенькое слово «вперед», и танк, прикрываясь складками местности, достиг колонны, а затем врезался в ее середину. Гремят первый, второй и третий выстрелы танковой пушки, и три танка противника остановились, охваченные огнем. Танк Малахова таранил орудия, сваливая их в кюветы, в упор расстреливал бронетранспортеры, утюжил дорогу, мял гитлеровцев гусеницами.

Бой был скоротечным, он длился всего двадцать минут, а итог — ошеломляющим: в груды черного обгорелого металла превратились три немецких танка, четыре самоходных и три полевых орудия, четыре бронетранспортера, уничтожено до роты гитлеровской пехоты. Сильные духом советские воины во главе с гвардии младшим лейтенантом Юрием Николаевичем Малаховым одержали блистательную победу.

Вечером того же дня о подвиге нашего танкового экипажа знал весь фронт. А скоро в бригаду прибыл командующий фронтом. Собрались все гвардейцы бригады. Самый юный командир танкового экипажа бригады и умудренный жизнью командующий фронтом стояли друг против друга. Генерал армии ласково смотрел в голубые глаза героя.

— Спасибо! Солдатское спасибо вам, гвардии лейтенант Малахов, спасибо и вашим боевым друзьям по экипажу!

Командующий крепко обнял Юрия, как родного сына, по-отцовски поцеловал. Помолчав секунду, всматриваясь в загорелое мужественное лицо молодого танкиста, сказал:

— Назначаю вас командиром танкового взвода. Желаю вам больших ратных успехов.

— Служу Советскому Союзу, — взволнованно и гордо ответил лейтенант.

Генерал вскоре уехал. Друзья поздравляли Юрия с новым воинским званием и назначением на новую должность. По-фронтовому выпили по сто граммов.

Успех не вскружил голову лейтенанту. Но он помимо своей воли был возбужденным и радостным. Еще бы! Такое событие бесследно не проходит. Но именно в те дни Малахов записал в дневнике:

«Горячего сердца и крепкой руки для победы мало. Нужна смелость и уменье, доведенные до мастерства».

В перерывах между боями однополчане часто спрашивали его:

— Смотрим мы на тебя, Юрка, и не поймем, какой у тебя излюбленный прием? Во всех твоих атаках — сожженные танки противника.

— А у меня приемов много, — улыбаясь, отшучивался гвардии лейтенант. Если же позволяло время, он рассказывал друзьям о том, как он громит фашистские танки.

— Всяко бывает, всегда действуешь по обстановке. Немецкие танки устремились в атаку. Я приказал своему водителю укрыть машину в большой воронке. Враг приблизился, не зная об опасности. Я первым снарядом угодил ему в гусеницу. Вражеская машина завертелась на месте, подставила борта под наш огонь, и мы с ней покончили. Тяжелый танк. Я послал снаряд в бак с горючим. Вражеский танк развертывал пушку и отыскивал цель. Мой экипаж успел вторым метким выстрелом доконать врага. Одним словом, каждый раз приходится действовать с учетом обстановки.

Наступала осень 1944 года. Гвардейская танковая бригада, ломая сопротивление врага, вступила в Восточную Пруссию — многовековой плацдарм агрессии прусского милитаризма против прибалтийских и славянских народов. Здесь родился рыцарский орден меченосцев, основанный в 1202 году для захвата Прибалтики и дальнейшего наступления на восток. Отсюда германский империализм направлял свои силы для разгрома молодой советской власти в 1918 году.

Это была земля врага. Танкисты готовились штурмовать город Шталлупенен (ныне Нестеров), сильно укрепленный мощный опорный пункт врага.

Перед штурмом Юрий записывал:

«Многие говорят, что мне везет, что мне почти в каждом бою сопутствует победа... Но мало кто знает, как много, терпеливо приходится учиться, осваивать лучший опыт друзей по фронту. Иной раз так намаешься, что и ног не чувствуешь. А ротный свое: «Надо тренироваться...» Вот и тренируемся. Стреляем, машину водим, землю роем. Побеждает тот, кто в минуту смертельной опасности думает о победе, всем своим существом верит в ее приход. Наш комбат Михаил Нечаев сражался даже тогда, когда его танк превратился в факел... Вот пример, — ему хочется подражать».

Это не простая запись — это завещание грядущим поколениям, завещание о том, как надо сражаться за свою любимую Родину.

...Взвод лейтенанта в дозоре. Фронт действия широкий. Его машина на правом фланге. Продвинулись не более пятисот метров. Командир танка, что двигался в центре взвода, доложил:

— Вижу шесть «пантер», они против вас.

— Вас понял, противника вижу. Откройте огонь вместе с левофланговым танком, пусть «пантеры» подставят мне свои борта.

Два наших танка открыли огонь. «Пантеры», предвкушая легкую победу, развернулись для боя. Послушная машина Юрия на предельной скорости вышла на фланг вражеских стальных крепостей.

— Огонь, — выдохнул гвардии лейтенант.

Клубы черного дыма заволочили «пантеру». Второй выстрел и замерло еще одно бронированное чудовище. Еще одну вражескую машину подбили два других экипажа взвода. Двойное численное превосходство противника было устранено. Стало три против трех. Противник, прикрываясь кустарником, пытался назад. Началось его преследование.

Неожиданно танк Юрия вздрогнул, загудела его стальная броня. Это была противотанковая батарея противника, спрятанная на огневых позициях в придорожном лесу. Снаряд угодил прямо в танк Малахова. Пламя лизало стальные стенки машины, едкий дым перехватывал дыхание воинов, вспыхнули комбинезоны. Вот-вот взорвутся снаряды, баки с горючим...

Охваченная пламенем «тридцатьчетверка» стремительно понеслась на позиции вражеской батареи. Одно за другим трещат под тяжестью боевой машины орудия фашистов.

— Машина горит, уничтожаю батарею, — такими были последние слова отважного танкиста, верного сына нашей Родины, коммуниста Юрия Николаевича Малахова. Вслед за ними раздался взрыв, эхом отдаваясь в окружающем лесу.

Это произошло 20 октября 1944 года.

У братской могилы боевые друзья поклялись отомстить за отважный экипаж.

Танкисты шли на запад. На одном из танков крупными буквами было написано «Юрий Малахов». Он снова жил и продолжал громить фашистов. Имя и подвиги героя обрели бессмертие.

Страна высоко оценила героизм гвардейца. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Юрию Николаевичу Малахову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом Министра Обороны гвардии лейтенант Ю. Н. Малахов навечно зачислен в списки личного состава Н-ской танковой части.

1969 г.

Г. Румянцев
БОЕЦ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Герой Советского Союза
Николай Михайлович Мартынов

Тарантас быстро мчался по степной дороге, вздымая клубы пыли. Было раннее утро, но в поле уже слышался рокот тракторов, а из поселка ветер доносил тяжелые удары молота. Запахи созревшего хлеба перемешивались с ароматами полевых цветов.

Николай Михайлович Мартынов, бригадир тракторной бригады, спешил на полевой стан. Он думал о вчерашнем заседании партийного бюро, где обсуждался вопрос о хлебоуборке. Мартынов дал слово убрать все хлеба на полях первой фермы только раздельно, досрочно выполнить обязательство по сдаче зерна государству. Бригада к уборке урожая подготовилась неплохо. Пустили на косьбу хлебов пять агрегатов спаренных жаток. Правильно организовали подбор валков.

Вот и полевой стан. Оставив тарантас на дороге, бригадир медленно пошел по сжатому полю, часто нагибался, выскивая колосья. Но участок скошенной в валки пшеницы был убран чисто. Мартынов поднялся на мостик комбайна и невольно залюбовался открывшейся панорамой.

Хороша оренбургская степь в летнем наряде. Волнуется пшеничное море. За огромным массивом пшеницы темнеют квадраты кукурузы, дозревает просо. Сколько тысяч людей сейчас трудится в степи, не покладая рук! И у всех одна забота — вовремя убрать урожай.

— Ты только посмотри, — обращаясь к комбайнеру, говорит Мартынов, — пшеничка-то уродилась!

— Золото, — отзывается комбайнер. — Урожай отменный...

Когда тарантас бригадира снова запылил по дороге, штурвальный, молодой парень, спросил у комбайнера:

— А за что Николай Михайлович награжден Золотой Звездой?

— Не любит он о себе рассказывать, — ответил комбайнер. — У него один разговор: воевал, как и все...

Воин он бывалый, да и хозяин хороший. Беспокойная душа у него.

Целый день Мартынов разезжал по полям, проверяя качество уборки. Много хлопот у бригадира в летнюю пору. Но Николая Михайловича это не тяготит, ему нравится такая работа. Землю он любит большой любовью истинного хлебороба. Да и как ее не любить! Ведь вся его жизнь связана с землей, с сельским

хозяйством.

Отец Мартынова Михаил Кузьмич работал в одном из животноводческих совхозов Мордовской АССР зоотехником. А когда Коля подрос, он взял сына на ферму свиномаром. Вскоре семья Мартыновых переехала в Оренбургскую область, в совхоз имени Карла Маркса. Два года Николай трудился рабочим совхоза. Старательного паренька послали учиться на курсы трактористов. После окончания их Николай пахал землю, убирал хлеба... В труде приходили умение и навыки, работа становилась все интереснее, значимее. Теперь он хорошо знал технику вождения трактора, умел маневрировать скоростями, любовно ухаживал за машиной. Полторы-две дневные нормы выработки для него стало законом.

Тракторный парк совхоза в ту памятную весну 1941 года успешно справился с посевными работами. И сразу же Николай начал готовить машину к уборке. С утра до вечера он возился около трактора. Но убирать хлеба в этом году ему не довелось. Мирный труд советских людей был нарушен. На нашу землю вторглись гитлеровские орды. Николай Мартынов добровольцем ушел на фронт.

Часть, в которую он был зачислен броневой частью, вела ожесточенные бои под Воронежем.

...Ночью, заняв новый рубеж, взвод противотанковых ружей глубоко зарылся в землю. Как только рассвело, из села выскочило несколько темных коробок и рассыпалось по полю. Изрыгая огонь, танки с каждой минутой приближались к нашим окопам. Рядовой Николай Мартынов ловил в прорезь прицельной планки вражескую машину. Вот она совсем близко. Недалеко от броневой части разорвался снаряд. Николай нажал на спусковой крючок. Выстрел он почти не слышал, только увидел, как на танке вспыхнул огонек. «Поджег», — пронеслось в голове. Танк, объятый пламенем, повернул обратно, из него выскакивали гитлеровцы. Вот еще загорелись две машины: это работа товарищей. Остальные вражеские танки повернули назад.

— Молодец, рядовой Мартынов, — сказал командир взвода. — Воевал ты с умом. А гитлеровские танки, видишь, горят, как спички.

В июле 1942 года воинская часть была перебросена под Сталинград. Здесь Мартынов стал разведчиком. Вскоре ему присвоили воинское звание сержанта и назначили его командиром отделения разведки. Теперь он был в ответе не только за себя, а и за действия всех бойцов своего отделения.

Однажды командование поставило перед разведкой задачу — достать «языка». Темной осенней ночью сержант Мартынов с товарищами проник в тыл противника. По дневным наблюдениям Николай знал, что здесь, по опушке густого леса, проходит вражеская траншея, в которой установлены пулеметы. Разведчики скрытно подползли к самым окопам противника и залегли. Темноту ночи прорезала вражеская ракета, где-то прозвучала автоматная очередь. При свете ракеты Мартынов увидел: у пулемета двое. Вскоре один гитлеровец встал и пошел в землянку.

«Надо действовать», — решил Николай. Трое разведчиков поползли к землянке. А Николай мгновенно вскочил в траншею и навалился на немца. Завязалась борьба. На помощь Мартынову подоспел еще один разведчик. Вдвоем они быстро связали гитлеровца, заткнули ему рот. Но фашистский пулеметчик, падая на дно траншеи, все же успел дать очередь. В это время разведчики забросали землянку с гитлеровцами гранатами.

Мартынов отправил двоих солдат с «языком», а сам с оставшимися прикрыл их отход.

В схватке Мартынов был ранен. Очнувшись в медсанбате. Склонившись над ним, женщина в белом халате заканчивала перевязку. «Вот ведь угораздило, — подумал Николай, — надо воевать, а тут валяйся. Ну, ничего, я еще вернусь...»

И Мартынов вернулся. Вместе со своей частью сражался он за Лисичанск, брал Артемовск, Горловку. Не раз он ходил в тыл противника. Отважного разведчика приняли кандидатом в члены Коммунистической партии.

Не один водный рубеж пришлось преодолеть разведчикам. И всегда они форсировали реки в числе первых. И вот на пути к победе встал широкий Днепр. Правый берег реки, на котором укрепились гитлеровцы, весь был оплетен проволокой, покрыт дзотами.

Мартынов получил приказ: с группой разведчиков и саперов первым скрытно переправиться на тот берег. С началом ложной переправы — она готовилась ниже по реке — внезапно атаковать гитлеровцев, сидящих в прибрежных траншеях, захватить плацдарм и удерживать его, пока переправится весь батальон.

...Ночью две лодки отплыли от берега. Весла тихо опускались в воду. Мартынов взял с собою самых отважных и физически сильных солдат. Вот они сидят с ним рядом, не раз смотревшие смерти в глаза его боевые товарищи ефрейтор Черемичин, рядовые Лаптев, Зайкин, Аскарков... Все вооружены гранатами, ручными пулеметами, кинжалами.

Лодки незамеченными доплыли до правого берега. Саперы поползли вперед, обезвреживая мины. В проволочном заграждении проделали проход. Вся группа тихо поднялась на крутой берег. Совсем близко были слышны голоса немецких часовых.

Мартынов с тремя разведчиками пополз дальше. Послышались шаги часового. Когда он приблизился, два разведчика внезапно бросились на него. И прежде чем тот успел понять, в чем дело, он был свален на землю. Однако соседний часовой что-то заметил и выпустил ракету. Несколько гитлеровских солдат выскочило из блиндажа и побежало прямо на разведчиков. Мартынов и его группа уничтожили подбежавших гитлеровцев, окопались и перешли к обороне. Гитлеровцы открыли по ним сильный минометный огонь.

В это время ниже на реке началась ложная переправа. Там все усиливалась артиллерийская перестрелка. «Неужели гитлеровцы не поддадутся на обман», — с тревогой думал Николай. И словно в ответ на его мысли, гитлеровские орудия и минометы перенесли огонь на ложную переправу. Воспользовавшись этим, разведчики ринулись вперед. Короткая рукопашная схватка... и гитлеровцы, отстреливаясь, побежали.

Через несколько минут скрытый в плавнях наш батальон погрузился на лодки и двинулся к правому берегу. Переправились почти без потерь.

Гитлеровцы подтянули подкрепление, но было уже поздно. Одно за другим преодолевали Днепр наши подразделения и вступали в бой. Вскоре советские войска на плечах отступающего противника ворвались в город.

Все дальше на запад вели сержанта Мартынова фронтовые дороги. Он участвовал в прорыве обороны немцев под Херсоном, воевал под Новым Бугом. В одном из боев на реке Ингулец в марте 1944 года Мартынов был тяжело ранен.

...Уже более двух месяцев прошло с тех пор, как Николая привезли в госпиталь. Раны у него начали заживать.

В палату вошел начальник госпиталя. В руках у него были какие-то бумаги. Он приблизился к кровати Николая.

— Сержант Мартынов, за форсирование Днепра Указом Президиума Верховного Совета СССР вам присвоено звание Героя Советского Союза, — сказал начальник госпиталя. — От души поздравляю вас с высоким званием.

Офицер передал Николаю документы, присланные из части. Николай читал их и не верил своим глазам. А к нему подходили раненые, жали руку...

После демобилизации из армии осенью 1944 года Николай Мартынов вернулся в совхоз имени Карла Маркса, отремонтировал вышедший из строя трактор и сразу же включился в работу. Доставлял фермам корма, задерживал на полях снег, подвозил горючее, строительные материалы.

Как-то вызвали его директор совхоза и секретарь партбюро:

— Принимай, Николай Михайлович, тракторную бригаду первой фермы, — сказал директор.

Мартынов принял бригаду.

Технику отремонтировали вовремя. А ее в бригаде стало немало. Только одних тракторов было больше двух десятков, девять комбайнов, много прицепного инвентаря. За ходом ремонта машин следил бригадир, он вникал в каждую мелочь. Ферма закончила сев раньше всех в совхозе, завоевала переходящее Красное знамя.

Уборку урожая закончили в конце августа. Несмотря на неблагоприятный по климатическим условиям год, коллектив фермы перевыполнил государственный план сдачи зерна.

И сегодня Н. М. Мартынов трудится в родном селе. Он всегда впереди, всегда, где труднее.

1965 г.

Ю. Зайцев
СЕМНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ТАЙНА

Герой Советского Союза
Иван Михайлович Назаров

Осень сорок второго года. Желтое пламя заполыхало по листьям вязов, охватило шиповник, березки и осины. Иван Назаров, возвращаясь из Кувандыка, где закончил курсы трактористов, завернул к своему любимому местечку в долине. Посидел на камне возле родничка, напился холодной воды и зашагал в деревню.

В Бискуже тогда не было мужчин: все ушли на фронт. Не было и комбайнов. Иван прицепил к трактору три жатки-лобогрейки и с утра до ночи косил пшеницу. Снопы вязали женщины.

Последние гектары убирали по снегу. Всю зиму молотили снопы. Иван обморозился, по вечерам мать смазывала ему лицо барсучьим салом, а утром он шел на ток и задавал снопы в барабан молотилки.

Когда обмолотили последний прикидак, Ивану пришла повестка из военкомата. Провожала его в армию вся Бискужа.

После окончания школы младших командиров Иван Назаров с маршевой ротой прибыл в смоленские леса. Здесь наша армия держала оборону. Часть, в которую он попал, вскоре начала усиленно готовиться к наступлению.

В те дни Иван получил письмо от матери. Федосья Яковлевна писала корявыми буквами:

«Сынок! Тяжелая весть пришла в наш дом. Товарищи пишут за отца, он в госпитале лежит контуженный».

Ночью, в метель, полк атаковал противника с фланга. Иван бежал между деревьями и вдруг ему обожгло правую ногу. Упал. Сгоряча вскочил, но опять упал.

Подобрали его вечером. Операцию делали срочно, потому что началась гангрена. Закончив работу, врач снял перчатки и сказал:

— Сто пятьдесят дней будешь лежать...

Полудрема тылового госпиталя. Домой написал, что ранен легко, спрашивал про отца.

А старший Назаров, Михаил Филиппович, уже несколько месяцев лежал на госпитальной койке. Открывая глаза, видел на потолке лампочку, только лампочку — голова не поворачивалась. Когда ноги стали держать исхудавшее тело, врач оформил увольнение его из армии.

От дорожных тягот открылись раны. Опять надолго слег Михаил Филиппович. В тяжкие минуты отводил душу в письмах к сыну. Пристраивал тетрадку и писал:

«Я пластом лежу. Изуродовали гады... Ты должен выжить и воевать».

Врач, который делал операцию Ивану, ошибся. Не учел, видимо, что парень, закаленный уральскими буранами и жарой, крепче дуба. Не через сто пятьдесят дней, а намного раньше пошел Иван своими ногами. Уже в мае сорок четвертого года он закончил военное училище и прибыл в дивизию, которая шла освобождать Литву.

Самый младший Назаров — Колька — стал почтальоном. Он приносил газеты, садился на койку отца и читал:

«Западнее и северо-западнее Шауляя наши войска ведут упорные бои с крупными силами пехоты и танков противника...»

На этом направлении громил врага и пулеметный взвод младшего лейтенанта Ивана Назарова. Бои были тяжелые. Наши войска перешли в наступление, вклинились в вражескую оборону, прорвались к Балтийскому морю. Фашистские дивизии хотели ликвидировать этот прорыв.

Михаил Филиппович не спал по ночам. Лежал с открытыми глазами и видел сына Ивана, его взвод. Вот он перебирается на другую позицию. Идут солдаты, чавкают в мочажине сапоги, давят на плечи разобранные пулеметы, но ребята идут. Впереди них — парень, которому только двадцать второй год. В письмах Михаил Филиппович писал:

«Держись, сынок! Мне тоже довелось по болотам ползать. Но ты выдюжишь. Бей, сынок, беспромашно. Пощады в бою не давай, иначе самому не жить. Я, верно, без ног останусь...»

В болотистых низинах Литвы находили Ивана письма из дома. Читал и понимал: надо мстить врагу. Зорче смотрели глаза, не вздрагивала рука, посылая пулеметную очередь во врага.

Бой 18 августа сорок четвертого года был для Назарова последним. Его взвод зарылся в землю. Впереди — наша стрелковая рота, справа и слева — болото. Немецкие танки полезут на роту, на взвод, другого пути у них нет.

Утренний туман бесшумно оседал на стволы пулеметов. Послышался далекий гул, а вскоре показался первый танк, за ним второй, третий... Ударил наша батарея. Сразу загорелось пять танков, остальные попятились назад.

За первой атакой последовала вторая. Теперь танков было куда больше. Стоял сплошной грохот. Погибла почти вся наша передовая рота. Замерло с десятков танков, остальные шли напролом. Снаряд разорвался совсем рядом с Назаровым. Замолило сразу два пулемета. Иван метнулся в соседний окоп — там никого. Во втором окопе лежал сержант. Иван окликнул его и не узнал своего голоса. В этот миг младший лейтенант совсем близко увидел хищно вытянувшийся в броске танк. Он устремился на бруствер окопа и широкой гусеницей накрыл труп сержанта.

— Что же ты мертвых... сволочь...

Рука Назарова сжала связку гранат. Танк повернул на него. Ивану стало невыносимо жарко. Пересохло во рту. Больше всего на свете хотелось пить. Он облизнул сухим языком пересохшие губы.

С наблюдательного пункта полка видели человека, поднявшегося навстречу железному «тигру». Вот уже несколько метров разделяет их. Человек бросил связку гранат. Раздался взрыв. Танк дернулся, осел и задымился.

На следующий день там, где Назаров единоборствовал с танком, боевые друзья поставили деревянную пирамидку со звездой наверху, дали прощальный салют. Так недалеко от литовского городка Жагаре вырос еще один могильный холмик. Вечером заместитель командира полка по политической части послал письмо в далекую Бискужу. А в Москву пошло ходатайство о посмертном присвоении младшему лейтенанту Ивану Назарову звания Героя Советского Союза.

Колька Назаров за время работы почтальоном привез бискужинцам немало похоронных. А на этот раз было только одно письмо. Прочитал адрес: «Назаровой Ф. Я.». Разорвал конверт. «Ваш сын... в бою под Жагаре...» Колька заплакал, сунул газеты в сумку и поехал домой.

Федосья Яковлевна, прочитав письмо, бессильно опустила на ступеньки крыльца, закрыла лицо руками и жалобно запричитала. Михаил Филиппович снопом упал на койку.

...Кончилась война. Возвращались в Бискужу солдаты. В дом Назаровых Колька привез Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном присвоении Ивану звания Героя Советского Союза. Указ Колька вставил в рамку и повесил на стене рядом с фотографией брата.

Дивизия возвращалась на Родину местами литовских боев. На три дня остановились в районе Жагаре. На могиле Назарова росла трава. Под траурные звуки оркестра товарищи перенесли останки героя на зеленое кладбище маленького городка. Жители поставили на ней гранитный обелиск, на котором были высечены слова:

«Герой Советского Союза младший лейтенант Иван Назаров».

Семнадцать весен к обелиску приходили люди... Они приносили цветы, чтли память погибшего. Старый парк в Жагаре называли именем Назарова. Очевидцы боя рассказывали о поединке человека с танком. Об уральском богатыре сложили легенду. А он остался в живых, наш герой-земляк. Вот как все было.

Взрывной волной Ивана Назарова отбросило в сторону и обожгло. Боль вошла в каждый нерв, и офицер потерял сознание. Очнулся, открыл глаза — над головою гусеница танка.

— Рус...

Один немец подхватил его за ноги, другой — за голову. Пленного бросили в кузов грузовика. Вновь очнулся уже в лесу.

— Лейтенант...

Иван вздрогнул. Увидел офицера в немецкой форме. Тот подавал фляжку и говорил:

— Выпей, полегчает.

Иван плюнул, отвернулся и тут же получил удар по голове.

Третий раз он очнулся в лагере для пленных. Левая нога была перебита, правая — прострелена. Кто-то тронул Назарова за плечо. Когда повернул голову, то услышал:

— Вам надо сделать операцию...

Человек, который сказал это, оказался врачом из пленных. У него был единственный «хирургический» инструмент — ножичек. Назаров согласился на операцию, надеялся на человека, на свой молодой организм.

И он выжил, стал ходить человек № 58344. В три часа гнали на работу: рыли ямы и хоронили своих по шестьдесят-семьдесят человек в день. Советская Армия наступала, и поэтому пятнадцать тысяч пленных из лагеря «Цвай-Б» угнали в глубь Германии. Но переполненные лагеря не принимали «пополнение». От пятнадцати тысяч уцелело только триста двадцать человек.

Победа застала Ивана Назарова в имении зажиточного бауэра под Шверином. Проснулся он утром, было тихо-тихо. Подошел к двери сарая, заглянул в щель. Возле хозяйского дома стоял черный автомобиль. Выбежал хозяин с белой собачкой на руках, сел, и машина рванулась вперед. Тут на ограду взлетел петух, захлопал крыльями и рванул во все горло:

— Кукареку-у!

Улыбнулся Иван.

...На пункте отправления впервые за долгое время ели щи. Жадно вдыхали запах настоящего хлеба.

Декабрьской ночью сорок пятого года поземка волочила по перрону Кувандыкского вокзала белые космы снега. Мимо Ивана, радостно вскрикнув, пробежала женщина. Ивана никто не встречал. Но он не стал ждать утра. Он здесь не заблудится и с закрытыми глазами. Только вот нога побаливает, но это не важно. Он шел домой. Сильно билось сердце. Свернул в долину, нашел родничок:

— Живой!..

Руками разгреб снег, ковшиком из ладони доставал воду и пил. Вода текла по подбородку, попадала за воротник. Напился, бережно закутал родничок снежной пуховкой и пошагал в деревню.

Он постучал к бабушке, потому что сразу не решился зайти домой. Бабушка не верила своим глазам. Потом они обнялись, и старуха трижды поцеловала его.

— Дома у нас как? — спросил Иван.

— Все живые.

Мать не заплакала, видно, выжгла война все слезы. Она прижалась к сыну, трогала его лицо. Отец позвал:

— Ванятка! Живой! Подойди сюда!

Колька снял со стены рамку с Указом, вытащил стекло, красным карандашом зачеркнул слово «посмертно»...

...Трактора Ивану Назарову не дали, не было лишних тракторов. Председатель колхоза предложил поработать на мельнице.

Два года Назаров работал землеустроителем. Летом хорошо, по степи ходишь, а зимой бумаги надели. А тут брат Николай — он в то время уже на заводе работал — приехал. Он сказал Ивану:

— Я с директором о тебе толковал. Пошли на завод.

Директор медногорского завода «Уралэлектромотор» спросил, на какую работу Назаров хочет пойти, и тут же распорядился насчет квартиры. Семья Назаровых переехала в Медногорск. Детишек в садик определили.

Иван налаживал моторы, слесарил, изучал станки. На заводском дворе на видном месте висел его портрет.

Заводские коммунисты приняли Ивана Михайловича Назарова в партию. В пятьдесят четвертом году, когда партия обратилась с призывом пойти поднимать сельское хозяйство, Назаров сказал жене:

— Вера, поедem в колхоз.

Поселились они в землянке и сразу же начали строиться. Назаров все делал сам, был и маляром, и столяром, и печником. Днем дом строил, а вечером шел работать на тракторе.

Ночью пашется лучше, чем днем. Вентилятор протягивает холодный воздух через соты радиатора, мотор не перегревается, тянет и тянет.

Целина поддавалась трудно, но отступала под напором могучих лемехов. Оглянется Иван Михайлович, а за трактором пласты переворачиваются, плуг глубоко берет.

Вспахали целину. Назаров прицепил к трактору сеялки. В дни жатвы он на новом гусеничном тракторе таскал комбайн. Держал руки на рычагах и думал: «Отними это поле, не будет счастья у тебя, Иван Назаров. Вон дети обед несут, только головы видно. Сережка уже самостоятельно на трактор залезает».

Прочно осел на целинной земле Иван Михайлович. Затянулись раны. Пятерых детишек родила Вера Еремеевна. Мирным трудом заполнилась жизнь.

Семнадцать буранных зим отыгрались на уральских хребтах. Семнадцать весен схлынуло с полей. И все эти годы жители Жагарского района Литвы приходили на братское кладбище, приносили цветы. Краеведы Жагарской школы-интерната заинтересовались судьбой героя. Они написали письмо на родину Назарова, в котором просили рассказать о его детстве, подробностях жизни. Школьники получили ответ из военкомата:

«Дорогие ребята! Герой Советского Союза Иван Михайлович Назаров жив. Он работает трактористом в колхозе «Красное знамя» Кувандыкского района».

Школьники написали ему письмо и получили ответ. Завязалась переписка. Все газеты сообщили о семнадцатилетней тайне.

В апреле шестьдесят второго года Иван Михайлович побывал в Литве, посетил Вильнюс, Жагаре, поле битвы, где он в сорок четвертом году взорвал фашистский танк. Люди с радостью встречали героя. Местная газета писала:

«Вряд ли когда-нибудь в Жагаре собиралась такая многотысячная толпа. Эта встреча явилась поистине грандиозной демонстрацией дружбы народов».

* * *

Осенью, когда соберут урожай, вспашут зябь, берет Иван Михайлович «тулку» и на весь день уходит в горы. В каждой долине его встречают осины, березы, вязы, в каждом лесочке — куропатки...

Устанет охотник за день. Присядет у родника, снимет кепку, достанет из-за пазухи краюху хлеба, окунет ее в холодную, родниковую воду, посыплет солью...

Родничок вдохновенно журчит, поет свою вековую песню. И слышит Назаров в голосе родника живую силу земли, той земли, на которой и он оставил свой след.

1965 г.

Г. Липов
ВСЕГДА В СТРОЮ

Герой Советского Союза
Виктор Тимофеевич Обухов

Виктор Тимофеевич Обухов родился 28 декабря 1898 года в селе Никольском Оренбургской области. Рано остался без матери. Совсем юношей скитался на Волге грузчиком, работал в Самаре и в Жигулях на лесопильном заводе. Испытал немало бед и обид, унижения, часто недоедал. Летом 1917 года возвратился домой.

Революционные события в России всколыхнули казачество. В станице часто проходили сходки, собрания.

Виктору хорошо запомнились встречи с фронтовиками. Они много говорили о Ленине, о большевиках...

Осенью 1917 года с фронта вернулись старшие братья: Петр и Василий. Они помогли молодому человеку разобраться в происшедшем.

В конце 1917 года братья Обуховы вступили в Красную гвардию, часто бывали в казачьих казармах Оренбурга, призывая станичников к борьбе против Дутова. У братьев Виктор учился владеть винтовкой, пулеметом, гранатой. По их заданию выезжал в станицы, чаще в Никольскую, собирал необходимую информацию, тоже агитировал казаков за Советскую власть.

После изгнания Дутова из Оренбурга в конце января 1918 года Виктор Обухов становится командиром красновардейской конной разведки, а затем — возглавляет пулеметную команду на бронепоезде, курсировавшем на участке железной дороги Бузулук — Оренбург — Илецкая Защита.

Весна 1918 года. Вокруг Оренбурга идут бои с белоказаками. Сформирован 1-й Оренбургский советский казачий полк. Командиром его вскоре был избран старший брат Виктора — Василий Обухов. Петр стал командовать сотней. Позже был назначен командиром сотни в этом же полку и Виктор.

В начале июня в станице Никольской белоказаки зверски убили отца братьев Обуховых, Тимофея Ивановича. Виктор вместе с одним станичником ночью, тайком прискакал домой.

— Обливаясь слезами, мачеха рассказала о гибели отца, — вспоминает Виктор Тимофеевич. — Дутовцы налетели на станицу, как стая хищников. Наш двор окружили, схватили отца и повели на базарную площадь,

избивая и издеваясь. На площади было много народу. На телегах сидели арестованные. Их били кулаками, палками, а то и ломами. Стоял вой, рев и ругань, плач женщин и крик детей... Палачи неистовствовали...

«Давай сюда его», — увидев окровавленного Обухова, крикнул есаул Богданов, руководивший расправой... Толпа загудела.

«Дали бы попрощаться с семьей... ведь человек он», — кричал кто-то.

«Давай скорее... шомполами, шомполами! — командовал офицер.

Озверев, он схватил старика за волосы, трепал его...

«Бейте, гады! Мои сыновья вам отомстят».

Это были последние слова старика.

На Актюбинском фронте В. Т. Обухов воевал в составе 1-го Оренбургского советского казачьего полка. 4 сентября 1918 года вступил в партию большевиков. Летом, осенью и зимой сражался с белогвардейцами. В январе 1919 года участвовал в освобождении Оренбурга от Дутова, командуя сотней.

Вскоре Виктор Тимофеевич окончил кратковременные курсы при политотделе 1-й Армии. Потом недолго работал в нем начальником казачьего подотдела.

Весной 1919 года, когда армия Колчака рвалась к Волге, а Дутов пытался захватить Оренбург, Обухов — заместитель комиссара Новосергиевской группы войск. Позже участвовал в освобождении Красной Армией Уфы, а затем в разгроме армии белых в Оренбургских и Тургайских степях.

Осенью 1919 года Обухова командируют в Москву на командные кавалерийские курсы. Здесь сбывается его мечта — увидеть В. И. Ленина.

— И вот я в Москве, — вспоминает Виктор Тимофеевич. — Она ошеломила меня своим величием... Кремль. Обошел дважды, не отрывая глаз от древних его стен. Моросил дождь, но это не имело значения... Вошел в Кремль... Там еще больше оказался изумленным его сказочностью... Впечатление от всего виденного сохранилось до сих пор. Незаметно минули месяцы напряженного обучения на курсах. На выпускной вечер приехал Владимир Ильич Ленин. Долго длились овации и гремело: «Ура!», «Да здравствует Ленин — вождь мировой революции!». Мне было поручено выступить от имени выпускников... На трибуне сильно волновался, куда девались заготовленные слова. Комкал конспект... Взглянул в сторону Владимира Ильича, а он внимательно смотрит на меня... «Смелее, смелее!», выражал его взгляд. Я осмелел, начал выступление... Но когда перешел к рассказу о том, что было в станице в 1918 году и увидел, как внимательно слушает меня Владимир Ильич, запнулся и замолчал.

«Правильно говорите, товарищ Обухов! Хорошо говорите, продолжайте», — сказал Ленин. Я воспрянул духом, закончил выступление и подошел к столу президиума... В. И. Ленин пожал мне руку и тепло улыбнулся.

На вечере курсантов с напутственными словами выступил В. И. Ленин. Это выступление оказалось для меня решающим в выборе профессии воина — защитника Великого Октября. После курсов работал помощником командира полка, а затем командиром полка.

Виктор Тимофеевич показывает фотографию, снятую в марте 1920 года на 1 Всероссийском съезде трудового казачества, и рассказывает:

— Видите, Владимир Ильич смотрит немного в сторону, задумавшись. Глаза слегка прищурены, он внимателен и сосредоточен. Мы не раз мечтали о встрече с ним. И вот рядом с тобой... Ленин. Каждый из нас глубоко переживал эту неповторимую и незабываемую встречу. А это — Николай Дмитриевич Каширин, прославленный герой гражданской войны, за которым в бой за власть Советов шли сотни, тысячи.

А вот И. Ф. Киселев — в 1918—1919 годах он был комиссаром фронта в Оренбургско-Тургайских степях. В верхнем ряду второй справа — я. Тогда я представлял секцию фронтовиков...

На этом съезде я оказался в президиуме рядом с Владимиром Ильичем. Он разговаривал с М. И. Калининым. Потом повернулся и, прищурив глаза, остановил свой взгляд на мне.

«Постойте, постойте, батенька, — тихо произнес Владимир Ильич. — Да я вас где-то, кажется, видел».

«Так точно, товарищ Ленин, — ответил я. — На выпускном вечере Московских кавкурсов. Вы там выступали».

«А-а-а, — протянул Владимир Ильич. — Старые знакомые. Припоминаю. Здравствуйтесь, здравствуйтесь, молодой казак!»

В перерывах В. И. Ленин расспрашивал о моей жизни и семье, где я учился, в качестве кого воевал и на каких фронтах, что намерен делать после окончания гражданской войны. Настоятельно советовал учиться военному делу, остаться служить в Красной Армии.

«Нам нужны свои командиры из рабочих и крестьян, в совершенстве владеющие военными знаниями и не останавливающиеся на достигнутых знаниях», — говорил Ильич.

Я заверил Владимира Ильича, что останусь в армии.

На 1 Всероссийском съезде трудового казачества Обухов был избран в состав казачьего отдела ВЦИК. После съезда он опять уехал на Южный фронт в должности командира полка.

Лето 1920 года. Восточная Бухара взывала о помощи Красной Армии. Весьма упорные, ожесточенные бои шли у города Старая Бухара. Полк Обухова первым ворвался в крепость — последний оплот эмира Бухарского. За эту боевую операцию командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе наградил В. Т. Обухова конем арабской породы, личной шашкой и маузером.

Вскоре полк окружил свыше 600 басмачей, разгромил их, а их командира Курбаши Туйчи пленил.

Позже Обухов участвовал в разгроме банд басмачей в Средней Азии. Затем командовал 80-м Краснознаменным Гиссарским кавалерийским полком (бывшим 1-м Оренбургским советским казачьим полком).

С сентября 1922 года Обухов — слушатель Петроградской высшей кавалерийской школы усовершенствования командиров. Окончив ее в 1924 году, опять был командирован в Туркестан. Он хорошо знал быт и национальные особенности народов Туркестана и Казахстана, неплохо понимал их родные языки, а узбекским владел хорошо.

Весной 1925 года Обухова принял Нарком обороны СССР М. В. Фрунзе. В непринужденной беседе вспоминали годы гражданской войны, Туркестанский фронт, борьбу с басмачеством. Вскоре Виктор Тимофеевич был назначен командиром и комиссаром 79-го Краснознаменного кавалерийского полка. До 1926 года полк участвовал в операциях против басмаческих группировок в Восточной Бухаре. В тех схватках трудно было определить, где фронт и где тыл, кто враг и кто сторонник власти Советов. Но Обухов умел находить общий язык с местным населением, особенно бедняками. Не случайно в начале 1926 года его назначают командиром и комиссаром отдельного узбекского кавалерийского полка. Потом он опять участвовал в ликвидации банд басмачей.

В 1928 году В. Т. Обухов награжден орденом Красного Знамени.

Через год он окончил годичные кавалерийские курсы усовершенствования командиров, после чего командовал 8-м Лубенским кавалерийским полком червоного казачества 2-й кавалерийской дивизии имени Коммунистической партии Германии. Тогда Виктору Тимофеевичу дважды довелось встречаться с Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и другими руководителями братской партии.

В 1934 году Обухов с отличием окончил Военную Академию имени Фрунзе по танковому отделению. Был командирован в Китай, побывал в Шанхае, Нанкине, Порт-Артуре, во многих других городах. Изучил китайский язык, занимался английским, монгольским и японским.

По возвращении на Родину Обухова назначают старшим инспектором кавалерии Красной Армии. В 1939 году он принимает активное участие в разгроме японских захватчиков на реке Халхин-Гол.

С начала 1940 года Обухов — начальник Борисовского кавалерийского военного училища, а с конца того же года — командир отдельной танковой бригады, развернутой через некоторое время в 26-ю танковую дивизию. К этому времени ему присвоили звание генерал-майора бронетанковых войск.

В ночь на 22 июня 1941 года генерал В. Т. Обухов поднял свое соединение по тревоге.

— Дивизия участвовала в сражении против немецкого 47-го моторизованного корпуса, — вспоминает Виктор Тимофеевич. — Заняв оборонительные сооружения на старой советско-польской границе, мы отбивали вражеские атаки. Но силы были далеко не равные. Управление войсками и связь, взаимодействие частей фронта были нарушены. Пришлось действовать самостоятельно. 28 июня, тесня наши войска, гитлеровцы пытались с ходу прорвать оборону, захватить Минск и затем совершить бросок на Москву. Но дивизии удалось на своем участке не только отбить атаки противника, но контратаками отбросить его на 10—12 километров на запад с большими для него потерями в людях и боевой технике. Враг надеялся ошеломить наших воинов, но он не учел, что его злодеяния ожесточили их, укрепили их волю к победе.

В районе Могилева танковая дивизия Обухова при поддержке моторизованной дивизии четверо суток непрерывно отбивала атаки неприятеля. Командир дивизии не раз лично поднимал воинов в контратаки. В августе соединение которым командовал Виктор Тимофеевич, несколько раз попадало в окружение. Из третьего, последнего и наиболее тяжелого окружения оно выходило по частям. Личного состава осталось около 50 процентов. Не было боеприпасов, горючего. Командир был контужен, но, как всегда, сохранял боевой вид, был безукоризненно подтянут, аккуратен. Он особенно заботился о подчиненных, оставаясь по-прежнему требовательным к ним. Выйдя из окружения со своим штабом и остатками разведывательного батальона, Обухов явился к командующему Брянским фронтом и был отправлен в город Куйбышев на излечение.

В январе 1942 года Обухов выписался из госпиталя, после сложной операции вынужден был ходить с тростью. Новым его назначением было — заместитель командующего кавалерией Красной Армии. На фронте он неоднократно выполнял ответственные поручения Ставки Верховного Главного Командования.

В ноябре 1942 года Виктор Тимофеевич назначается заместителем командующего гвардейской танковой армией, а в апреле 1943 года — командиром 3-го гвардейского механизированного корпуса. Под руководством В. Т. Обухова было проведено массовое пополнение корпуса личным составом и боевой техникой. Генерала постоянно видели в подразделениях. Внешняя его суровость сочеталась с чуткостью и постоянной заботой о подчиненных.

17 июля 1943 года генерал Обухов перед строем принял гвардейское Красное знамя, врученное корпусу.

В наступательных боях корпус действовал в центре ударной группы. Начиная с 15 августа он во взаимодействии со стрелковыми соединениями совершал прорывы фронта неприятеля. В одном из боев осколок авиационной бомбы ранил Обухова. Известие об этом было тяжело воспринято воинами корпуса. Солдаты и офицеры глубоко уважали своего генерала, называли его «Батя», а, как известно, на фронте этого имени удостоивались только наиболее любимые и почитаемые солдатами боевые командиры.

В Центральном госпитале Виктору Тимофеевичу сделали сложнейшую операцию. Генерала не покидала мысль о боевых действиях. Он преждевременно встал на костыли, настоятельно потребовал, чтобы его выписали как можно скорее. Но ему отказали. Тогда он покинул госпиталь тайком, вылетел на фронт и вступил в командование корпусом. Генерал ходил на костылях и раны его еще кровоточили.

Командование фронтом вскоре узнало об этом и настаивало на лечении, но он и слушать не хотел о возвращении в госпиталь... В это время корпус участвовал в жестоких боях с противником.

В сентябре корпус действовал западнее и юго-западнее Харькова, а затем на Миргородско-Романовском, Прилукском и Киевском направлениях.

Взяв Золотоношу и выйдя к Днепру, корпус отрезал отход полтавской группировке противника в район

Черкас и вынудил ее повернуть к Кременчугу.

Гитлеровское командование считало, что форсирование Днепра советскими войсками в районе Канева совершенно невозможно. Такая уверенность основывалась на том, что река здесь имеет большую ширину, низкий левый и высокий, крутой правый берег, на котором были возведены мощные укрепления, сосредоточены значительные войска. Обухов решил форсировать Днепр именно в этом районе. К вечеру 29 сентября, здесь были сосредоточены все силы корпуса. Во время одной из контратак генерал был вновь контужен и отправлен в полевой госпиталь. Находясь на излечении, он сначала требовал полной информации о боевых действиях, а позднее опять самовольно покинул госпиталь...

В ночь на 30 сентября корпус форсировал Днепр в районе Канева и захватил небольшой участок на правом берегу. Начались упорные бои. Поздно вечером 1 октября на плацдарм неожиданно прибыл Обухов. Весть об этом разнеслась по частям. Генерал несколько раз поднимал в контратаки своих воинов, хотя его еще одолевала сильная слабость...

Подтянув пять дивизий, в том числе две танковые, фашисты 2 и 3 октября предприняли 27 контратак. Находясь на малом плацдарме, сплошь простреливаемом врагом, части корпуса героически отбили их. Генерал лично руководил боем.

За умелое руководство войсками при форсировании Днепра Обухов был награжден орденом Ленина. Вскоре ему присвоили звание генерал-лейтенанта. 3-й механизированный корпус за время этих боев получил от Военного совета армии семь благодарностей, от Военного совета фронта — одну.

30 октября 1943 года корпус был направлен в тыл на пополнение. По май 1944 года он находился в резерве Ставки Верховного Главного Командования, пополняя личный состав и вооружение, совершенствуя боевую выучку.

В июне 1944 года корпус вводится в прорыв глубокоэшелонированных вражеских позиций в районе Витебск — Орша. Он шел по вражеским тылам, не давая гитлеровцам перейти к обороне и приостановить наступление наших войск. За трое суток корпус продвинулся более чем на 100 километров, громя вражеские гарнизоны, забирая пленных.

28 июня 1944 года были разгромлены разрозненные части четырех вражеских дивизий и штурмом освобожден город Лепель. Это во многом способствовало наступлению войск 1-го Прибалтийского фронта. На следующий день корпус, преодолев сопротивление немцев, с ходу форсировал Березину и захватил плацдарм на ее западном берегу. Одновременно, совершив глубокий обходной маневр, он захватил местечко Зембин, что сыграло важную роль в освобождении города Борисова.

1 июля в приказе Верховного Главнокомандующего войска генерала Обухова были названы как отличившиеся при форсировании Березины и овладении Борисовом. Москва салютовала доблестным воинам. Крупные успехи были достигнуты и в последующие дни. В ночь, на 2 июля танковая бригада корпуса Обухова штурмом овладела городом Вилейка, в котором немецкий гарнизон превосходил силы бригады в несколько раз. Москва вновь салютовала, когда был освобожден Минск. А вскоре корпус занял Молодечно, Сморгонь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленную при этом отвагу и геройство Обухову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Позже корпусу было приказано овладеть городом Вильнюсом — весьма важным узлом вражеских коммуникаций, центром сосредоточения крупных немецких соединений.

Поздно вечером 7 июля гвардейцы Обухова начали штурм города. И уже 12 июля он был освобожден от захватчиков. В приказе Верховного Главнокомандующего первым среди танкистов был назван корпус Обухова, особо отличившийся при освобождении столицы Литвы. Москва опять салютовала воинам, в том числе и этого корпуса.

После войны В. Т. Обухов не раз бывал в Вильнюсе по приглашению правительства Литовской ССР. Он выступал на многих собраниях трудящихся с воспоминаниями.

13 июля 1967 года Исполнительный Комитет Вильнюсского городского Совета депутатов трудящихся, учитывая особые заслуги В. Т. Обухова перед столицей Литовской Советской Социалистической Республики в деле ее освобождения от фашистской оккупации, от имени благодарных трудящихся присвоил ему звание Почетного гражданина города.

15 июля 1944 года корпус был передан в оперативное подчинение командующему 1-м Прибалтийским фронтом и получил задачу по освобождению города Шауляй. Противник сильно укрепил оборону города и сосредоточил в нем крупные соединения. В захваченном нашими войсками немецком документе говорится:

«Еще раз обращается внимание на приказ командующего северной группы армии, что Шауляй и прилегающие к нему позиции удерживать при любых обстоятельствах».

По разработанному Обуховым плану корпус окружил Шауляй и наносил удар за ударом по врагу. Скоро подоспели части нашей 51-й армии и город был освобожден от немцев. Осталось много пленных. Вечером 27 июля в приказе Верховного Главнокомандующего отмечалось:

«В боях за овладение городом Шауляй отличились танкисты генерал-лейтенанта Обухова».

Москва вновь салютовала воинам корпуса.

В ночь на 28 июля корпус совершил стремительный восьмидесятикилометровый марш по лесисто-болотистой местности и утром ворвался на южную окраину Елгавы. 29 и 30 июля происходили ожесточенные бои за город. Генерал руководил войсками, не имея ни часа отдыха. Он бывал во многих частях, вдохновлял бойцов на атаки и контратаки. К утру 31 июля корпус во взаимодействии с одной стрелковой дивизией освободил Елгаву от фашистских оккупантов. В приказе Верховного Главнокомандующего 1 августа

отмечалось:

«В боях за овладение городом Елгава отличились танкисты генерал-лейтенанта Обухова».

И Москва опять салютовала им.

В разгар ожесточенных боев за Елгаву генерал Обухов приказал командиру 8-й механизированной бригады использовать образовавшийся разрыв фронта западнее Елгавы, занять город Тукумс и перерезать важнейшие коммуникации неприятеля.

Гвардейцы бригады за 12 часов прошли свыше 120 километров и в 11 часов 30 минут 30 июля ворвались в Тукумс. Находившийся там гарнизон немцев был захвачен врасплох и разбит. Были взяты пленные, большие трофеи вплоть до самолетов и складов фронта. Вражеские железнодорожные коммуникации Рига — Восточная Пруссия оказались полностью перехваченными. В то время когда наши войска подсчитывали свои трофеи, немцы в радиопередачах из Риги сообщали:

«Заблудившиеся около десятка русских танков, несколько автомашин и небольшое количество пехоты, растерявшись, вошли в город Тукумс, где они в настоящее время окружены и уничтожаются немецкими войсками».

Это вранье доставило танкистам немало веселых минут.

Генерал В. Т. Обухов за умело проведенные боевые операции в Прибалтике был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Известный английский военный писатель-историк Джон Ф. С. Фуллер в книге «Вторая мировая война 1939—1945 годов» писал:

«Занятие Шауляя, который находился почти в 150 милях западнее Даугавпилса, было осуществлено подвижной танковой колонной генерала Обухова, который сразу после занятия города двинулся прямо на север и 31 июля, застигнув в Елгаве немцев врасплох, выбил их из этого важнейшего железнодорожного узла. Продолжая двигаться с боями далее на север, он занял Тукумс и таким образом перерезал единственную оставшуюся у Линдермана (командующего немецкими войсками в Прибалтике — Г. Л.) железную дорогу в Германию.

Танковая колонна генерала Обухова застала врасплох генерала Линдермана, за что последний был снят с должности и заменен Шернером, но Шернер не сумел выправить положение к лучшему».

Передав оборону Елгавы другим соединениям, танковый корпус передвинулся на юго-запад: там произошло его пополнение. Вскоре положение на фронте осложнилось. Немцы прорвались к Елгаве. Обухов отозвал свою бригаду из Тукумса. Во второй половине августа неприятель предпринял наступление. Начались ожесточенные бои в районе Жагаре.

Вот что говорится об этом в книге А. Самсонова «От Волги до Балтики»:

«В. Т. Обухов в эти августовские тяжелые дни был, как всегда, спокоен. От всего облика генерала, его невысокой подтянутой фигуры, твердого взгляда, негромкого голоса, в котором выражалась непреклонная воля, от того, как он выслушивал тревожные сведения, каждому становилось ясно, что генерал даже в мыслях не позволял сомневаться в благоприятном исходе развернувшегося грандиозного сражения. И эта воля к победе, эта уверенность и спокойствие в очень сложной обстановке передавались от генерала всем подчиненным. Он особенно часто появлялся в боевых порядках частей, где создавалось угрожающее положение. Здесь, под огнем, он выслушивал доклады командиров, тут же отдавал приказания, награждал, беседовал с солдатами и офицерами. Возвращаясь в штаб, генерал проверял четкость, оперативность его работы, давал указания, а затем снова ехал в боевые порядки, имея при себе радиостанцию и оперативную группу, чтобы в любой момент и в любом месте быть в курсе событий и влиять на них.

Напряжение боев нарастало. Генерал понял, что нужны подкрепления. Просить об этом было не в его характере, по-казацки суровом и гордом, но убедившись, что они необходимы, он уже не колебался и не медлил. Генерал тотчас же написал и отправил личное письмо командиру 19-го танкового корпуса... прося о помощи. Генерал Васильев тотчас бросил на подкрепление танковую бригаду, которая пришла в самый острый и напряженный момент...

Между тем общая обстановка оставалась крайне напряженной. В ряде мест дороги от бригад к штабу были перерезаны противником и приходилось выбирать обходные пути, чтобы пробраться от штаба корпуса к частям и обратно...

Штаб корпуса... оказался под угрозой непосредственного удара гитлеровцев. Кроме того, он давно уже был в зоне артиллерийского и минометного огня противника... Бомбила вражеская авиация. В этих условиях возникало решение об отходе штаба... в тыл. Однако вернувшись из Жагаре генерал Обухов приказал: «Оставить все на месте». И начальник штаба корпуса Г. С. Сидорович... понял, что генерал Обухов прав. Оставляя штаб на месте в сложной и напряженной боевой обстановке, командир корпуса знал, что это будет способствовать сохранению той атмосферы непреклонной веры в свои силы, которая была у гвардейцев в боевых порядках частей и подразделений корпуса».

Несколько ранее генерал Обухов с небольшой оперативной группой в районе Елгавы был отрезан противником. Кругом сыпались осколки снарядов, разрывались мины, неумолкаемо строчили пулеметы и автоматы, а он был совершенно хладнокровен. Офицеры, находившиеся при нем, настоятельно советовали укрыться. Но генерал категорически запротестовал и при этом заявил, что при таком шквале огня укрыться надежно невозможно. Он даже шутил и смеялся. Так продолжалось несколько часов, пока не подошли части корпуса.

Все атаки противника на Елгаву не достигли цели. Позже корпус Обухова много раз успешно участвовал в обороне и в наступлении. 19 сентября 1944 года в приказе Верховного Главнокомандующего говорилось:

«В боях при прорыве обороны противника отличились... танкисты генерала Обухова».

В приказе объявлялась уже девятая по счету благодарность Верховного Главнокомандующего воинам корпуса Обухова за их боевые подвиги в наступательных операциях.

Победой завершилась Великая Отечественная война. Корпус под командованием Обухова участвовал и в войне с милитаристской Японией, громил Квантунскую армию, освобождал Корею от японских захватчиков.

В начале 1947 года В. Т. Обухов возглавил пост помощника Главнокомандующего сухопутными войсками Советской Армии и одновременно начальника боевой подготовки танковых войск.

В 1952 году Виктор Тимофеевич окончил Академию генерального штаба Советской Армии. После этого работал заместителем командующего Прикарпатским военным округом. В 1958 году Обухов стал заместителем начальника танковых войск Советской Армии. Этот пост он занимал до выхода в отставку в октябре 1965 года.

За 48 лет службы в Советской Армии Виктор Тимофеевич Обухов прошел боевой путь от красногвардейца до генерал-полковника. Родина достойно отметила выдающиеся заслуги прославленного генерала, наградив его тремя орденами Ленина, Золотой Звездой Героя Советского Союза, пятью орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, Суворова 1-й степени и десятью медалями.

Будучи в отставке, генерал продолжает свою военно-политическую деятельность. Он читает лекции, выступает с докладами в военных академиях, выполняет поручения военкоматов, встречается с воинами-танкистами. По поручению партийных и комсомольских организаций часто выезжает в союзные республики, края и области для выступлений перед бывшими воинами, молодежью.

— Надо быть всегда в строю, — говорит В. Т. Обухов, — коммунисту так положено.

1969 г.

А. Олейник
ФЛАГ НА ВЫСОТЕ

Герой Советского Союза
Семен Алексеевич Попов

Осень 1943 года... Солдаты 106-й Забайкальской дивизии, сметая на своем пути вражеские преграды, одними из первых вышли к Днепру.

Вместе со всеми на песчаной отмели стоял и молодой боец Семен Попов. Он с удивлением и какой-то робостью смотрел на беспредельную гладь украинской реки. «Вот он какой, Днепр! — думал Попов. — Неспроста величают его и широким, и могучим...» Семен невольно вспомнил Урал, родное село Нижний Гумбет в далеком Оренбуржье. Всплыли в сознании черные июньские дни сорок первого года. В каждом дворе провожали уходящих на войну. Вспомнился отец с дорожным мешком за плечами. Прощаясь с женой и детишками, он сурово повторял:

— Не ревите. Не покойников провожаете. На фронт иду. Расколошматим фашистов и вернусь. Не растравляйте душу...

Обнимая старшего сына, отец наставлял:

— Смотри, Сема, за главного остаешься. Помогай матери, сестренке береги.

Пришлось Семену уйти из девятого класса. Не хотелось бросать учебу, а что поделаешь? Война... Работал в колхозе учетчиком полеводческой бригады. Потом поставили помощником бригадира. Пособлял матери по хозяйству. Если выпадала свободная минута, занимался спортом, бегал на лыжах, закалял себя.

В начале 1943 года Семен Попов стал солдатом. И вот теперь, стоя на берегу Днепра, вспоминая прошлое, думал: «Как там дома?... Трудно небось отцу управляться с семьей в девять душ? Работяг ведь раз... и обчелся, мелюзга все. Да и сам отец теперь не работник, инвалид. Ничего, папаня, рассчитаюсь с фрицами сполна за кровь твою, за муки людей наших...»

— Ты что, Семен, как замороженный стоишь? О чем кручина? — прервал его размышления закадычный дружок Петр Губин.

— Да так, о домашнем... И вот Днепром залюбовался. Широко больно. Как переплыть будем...

— Очень просто, — улыбнулся Губин. — Десну помнишь? Не маленькая река, а ведь перебрались. За свою

землю ведь дерем, все нам под силу. И Днепр одолеем. Давай, пошли. Вон наша рота уже собирается...

Правый берег Днепра немцы цепко удерживали в своих руках. Они надеялись передохнуть за так называемым «восточным валом», надолго задержать наступление наших войск.

Не ожидая прибытия переправочных средств, забайкальцы начали готовиться к форсированию реки. Собирали лодки, каюки, баркасы, мастерили плоты.

Попытка форсировать Днепр с ходу закончилась неудачей. Противник обрушил на переправлявшихся ураганный артиллерийский и минометный огонь, чередуя его с мощными ударами авиации. Получилась заминка. А мешкать было нельзя. Обстановка требовала решительных действий, чтобы лишить противника возможности подтянуть резервы из глубины и усилить этот участок фронта. Что же делать?..

Для внезапного захвата плацдарма командование 236-го Нерчинского полка вызвало добровольцев. Первым отозвался комсомолец рядовой Семен Попов. Ему в ту пору шел девятнадцатый год. Он уже прошел длинный путь фронтовых испытаний, кровавых стычек с врагом... А главное — в его груди билось горячее сердце патриота.

В мутную октябрьскую ночь небольшая группа смельчаков во главе с Поповым на рыбацкой лодке, плавно оттолкнувшись от берега, поплыла к намеченной точке высадки. Над водой ползли рыхлые клочья тумана. Тянуло прохладой. Западный берег выглядел сумрачным, настороженным. Временами оттуда раздавалась нервная пулеметная дробь. Серое небо изредка прочерчивали сигнальные ракеты, на какой-то миг заливая прибрежные предметы бледным, неживым светом. В такие моменты в лодке все ложились, с напряжением ожидая вражеского обстрела.

Медленно приближалась темная лента береговой кручи. Ох, как длинен и мучителен показался бойцам путь через реку. Вот наконец и глинистая кромка берега. Солдаты, почувствовав под ногами твердую почву, с облегчением вздохнули. Пронесло, добрались. А что ждет впереди?

Прикрываясь крутым обрывом, двинулись к заросшей густым кустарником ложине. Идти вверх было тяжело, мешал колочий шиповник. Вскоре выбрались на яйцеобразную высотку. Залегли. Обливаясь потом, работали лопатами, окапывались. Попов, тяжело дыша, смахнув рукавом с лица соленые капли пота, посмотрел вперед. Перед ним, разрезая желтоватые склоны высот, тянулись ломаные линии гитлеровских траншей. Кое-где маячили доты, торчали штыри антенн. Паутиной висела между кольев колючая проволока. Враг был рядом. Надо было спешить. Попов приказал радисту передать донесение на левый берег, а сам достал из-за борта шинели кусок красного полотнища, врученный ему замполитом, привязал его к шести и укрепил рядом с собой. Охваченный чувством бесстрашия и презрения к врагу, Семен бросал вызов ему. Повернувшись к товарищам, кивнув на флаг, произнес:

— Вот наш плацдарм! Под носом у фрицев. Держаться за него будем до последнего. Пусть немчура смотрит на флаг и злится. Нашим он небось с того берега тоже виден. Маяком для них будет!

Худошавое лицо Семена, белесые брови, вспотевший лоб сияли. По-юношески припухшие губы растянулись в широкую улыбку. В прищуренных серых глазах затаилось мальчишеское озорство.

Взглянув на друга, Петр Рубин, заражаясь его удалью, крикнул:

— Верно, Семен. Почин сделан. Теперь нас тут голой рукой не возьмешь, не выкуришь...

Взвившийся в холодное небо красным пламенем флаг вызвал у гитлеровцев лютую злость. Они опешили от такой дерзости советских бойцов. Из ближайших траншей выскочила стая разъяренных фашистов и ринулась на смельчаков, предвкушая легкую расправу с ними. Гитлеровцы что-то орала, беспорядочно стреляя на ходу из автоматов. Советские воины не дрогнули. Подпустив немцев поближе, Попов подал короткую команду:

— Огонь!..

Несколько фрицев упало. Остальные с бешеным воем продолжали рваться вперед. Чем ближе они подходили к высоте, тем сильнее становилось упорство советских воинов, суровее смыкались брови, крепче сжимали руки оружие. Завязалась неравная по силам схватка. Дрались отчаянно. Дело дошло до рукопашной. В ход были пущены приклады, ножи, гранаты... Маленькая бурая высотка огласилась криками, руганью, стонами раненых, выстрелами. Над ней взметывались огненные всплески разрывов гранат, тянуло гарью и пылью, расплзались запахи крепкого пота и горящего тола. Забайкальцы как одержимые кидались на врага, тесня его назад. Сразив автоматной очередью троих, Семен заметил, как слева несколько гитлеровцев крадутся к флагу, чтобы сорвать его. Еще миг, и они достигли бы своего. Размахнувшись, Попов бросил в гитлеровцев связку гранат. Взметнулись веером комья земли. Уцелевшие фашисты разбежались.

Защитники плацдарма потеряли двоих убитыми. Троих ранило, их перевязали, и они остались в строю.

Флаг продолжал гордо развеваться над испещренной воронками и следами недавнего боя высоткой. Наступило затишье. От легкого ветерка лениво шуршали сухие ветки кустов и жухлого бурьяна.

В бою Семена зацепило осколком за руку. Губин, перевязывая ему рану, хриплым голосом спросил:

— Как думаешь, Сема, продержимся до подхода своих?

Попов устало поднял голову, посмотрел на разгоряченные дракой, темные от дыма и грязи лица бойцов, ответил:

— Продержимся. Маловато, правда, нас осталось... Немчура, видно, крепко на нас озлилась, опять полезет. Ни атакой, так огнем будет донимать. Могут и танки бросить. Всего ожидать нужно. — Затем упрямо качнув головой, продолжал: — А плацдарм все равно будем держать, пока помощь не подойдет. Скоро уж...

Не успел Попов договорить, как один из товарищей громко вскрикнул:

— Смотрите, смотрите... наши! Прямо на флаг держат!

Все повернулись в сторону реки. Посередине Днепра, борясь с течением, к правому берегу приближались передовые подразделения полка. Днепр стонал от взрывов, вскипал белыми фонтанами брызг. Над ребристой,

отливающей сталью водой поднимались лохматые шапки дыма. Плыли обломки досок, весла, бочки... Сквозь огненную завесу врага приближалась помощь.

Семен и его соратники как-то сразу забыли про близость противника и опасность. Каждый думал и желал одного — удачи товарищам.

Когда передовые лодки с десантом ткнулись о берег, по ним из прибрежной траншеи неожиданно открыли огонь немецкие снайперы. Солдаты залегли кто где мог. Видя, что от метких выстрелов вражеских снайперов десантники несут потери, Попов схватил гранаты, крикнул:

— Давай, ребята, выручать наших!.. За мной! Быстр-е-е!..

За ним, не отставая ни на шаг, с криком «ура» бежали товарищи. Не добежав несколько шагов до траншеи, Семен с разбегу метнул одну за другой гранаты. Дрогнула земля, блеснуло пламя, окутанное черным дымом и желтой пылью. Вслед за взрывом он прыгнул в траншею. В узкой изогнутой щели закипела яростная борьба. Оттуда доносились глухие удары, придушенные стоны, скрежет... Внезапный и дружный удар смельчаков закончился полным истреблением гитлеровских снайперов.

В кровавой стычке Попов получил тяжелое ранение в грудь. Губин приподнял его, пытаясь унять кровотечение. Захлебываясь кровью, Семен успел произнести:

— Удержались... Вот и помощь пришла. Теперь легче...

Силы быстро покидали его. Еле шевеля посиневшими губами, Попов прошептал:

— Прощайте, товарищи!..

Ветер затих. Заметно успокоилась река. Красный флаг на бурой, израненной высоте поник, как бы прощаясь с бойцом, смело водрузившим его над могучим Днепром.

Президиум Верховного Совета СССР 30 октября 1943 года за успешное форсирование реки Днепр, закрепление захваченного плацдарма и проявленные при этом стойкость, отвагу и мужество присвоил рядовому Попову Семену Алексеевичу высокое звание Героя Советского Союза.

С любовью поют советские люди песню о седом Днепре. С глубоким чувством звучат слова о славных воинах, бесстрашно громивших фашистских захватчиков на его берегах. И слышится в этой чудесной песне имя и нашего доблестного земляка Семена Попова:

Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой.

1967 г.

Евг. Долматовский
АЛЕКСАНДР РОДИМЦЕВ

Дважды Герой Советского Союза
Александр Ильич Родимцев

На центральной площади районного села Шарлык, широко раскинувшегося на просторах Оренбургской степи, установлен бюст дважды Героя. Люди старшего поколения помнят того, кто изваян из бронзы, босоногим мальчишкой из бедняцкой семьи Ильи Родимцева, помнят его сапожным подмастерьем.

Давно, в 1927 году, 22-летний сельский парень Александр Родимцев был призван на действительную, покинул родные места.

С тех далеких времен не пришлось Александру не то что совсем, но хотя бы на долгий срок вернуться в родную хату. Приезжал курсантом; рассказывал, как стоял на часах в дверях Мавзолея. Приезжал красным командиром. Еще до войны, полковником, приехал он сюда, как обычно. И только из газет узнали односельчане, что их земляк заслужил высокое звание Героя.

А после Великой Отечественной приехал генералом на открытие этого бронзового бюста дважды Героя. И родня — а ее здесь больше полсела — говорила о том, что памятник вроде бы и похож, но трудно узнать в бронзе светловолосого и светлоглазого оренбургского казака.

Здесь выбирали Александра Ильича Родимцева в Верховный Совет СССР, здесь он бывает всегда, когда выкроится несколько свободных деньков. А в Москве квартира генерала — это нечто вроде постоянного представительства села Шарлык. По какому бы делу ни поехали земляки в столицу, есть у них в Москве родной дом.

Но самого хозяина шарлыкские казаки редко застают в Москве. Он на службе, в армии, живет по-солдатски.

Великая Отечественная война застала полковника Родимцева в маленьком городке на Украине. Он командовал авиадесантной бригадой, осваивая новую воинскую специальность, — ведь начинал он в кавалерии, а в далекой стране, борющейся за свою свободу, был добровольцем-пулеметчиком. Авиадесантники очень гордились своим командиром — Героем Советского Союза. Родимцев никому не рассказывал о себе, но среди подчиненных ему бойцов ходили легенды о капитане республиканской армии Испании, преградившем фашистам путь в университетский городок в Мадриде. Капитан заменил на посту пулеметчика и заставил

фашистов откатиться вспять.

Говорили о том, что Родимцев — один из тех, кто сделал знаменитой маленькую испанскую речку Харамы, ставшую непроходимым для врага рубежом.

Да, Родимцев был на Гвадалахаре, был под Брунете и под Теруэлем. Красноармейцы срочной службы, пехотинцы, с достоинством носившие голубые петлички десантников, видели в своем командире образец и пример. И настала пора им, двадцатилетним, доказать, что они достойны своего командира.

Десантники были брошены на оборону Киева. Еще не пришло время использовать авиадесантные части по их прямому назначению. А впрочем, прямое назначение этих солдат был подвиг, и они совершили его.

Красноармейцы под командованием Родимцева сосредоточились на главной улице Киева — Крещатике. И когда гитлеровские генералы уже заготовили телеграмму о том, что Киев захвачен ими, родимцевцы нанесли фашистам встречный удар. 20 дней августа сорок первого года авиадесантный корпус, в который входила бригада Родимцева, вел ожесточенные бои, то и дело переходившие в рукопашные схватки. Поддерживаемые артиллеристами, десантники продвигались за сутки метров на 800. Но они шли на запад в августе 1941 года! Кто участвовал в Отечественной войне, никогда не забудет этот трагический месяц, поймет, что значило для той поры — идти на запад. Десантники прошли с непрерывными боями 15 километров на запад, чтобы держать оборону в Голосеевском лесу, этом университетском городке Киева.

Таково боевое крещение солдат, которыми командовал Родимцев. Геройство их командира передалось этим молодым, никогда доселе не воевавшим парням.

На исходе августа бригада была выведена севернее Киева, для того чтобы продолжать обучение авиадесантной специальности. Но в то время быстро менялись обстоятельства, и 1 сентября десантники Родимцева опять оказались в бою. Они стали на реке Сейм и не дали фашистам пройти ни шагу, пока не были полностью окружены. Слаженными действиями корпус прорвал крепкое кольцо и в трехдневных боях, нанося врагу огромные потери, вышел из окружения. К опыту боев на реке Хараме прибавился опыт боев на реке Сейм. Тогда еще полковник, командир бригады, не знал, что придется ему вести бои на Волге, но был твердо уверен, что он будет форсировать Вислу и Одер, увидит Эльбу. Облик генерала Огнева в известной пьесе «Фронт», появившейся в те времена, воспроизводит много черт, присущих Родимцеву, в части которого бывал Александр Корнейчук.

Я приехал в дивизию, которой командовал Александр Родимцев, на исходе 1941 года. Дивизия эта была создана из той самой воздушнодесантной части, что воевала в Киеве и на Сейме. Мне приходилось и раньше встречаться с Героем Советского Союза Александром Ильичом Родимцевым, но в заснеженных полях Курской области я впервые увидел его в боевой обстановке. Да, мы были уже в центре России, но атмосфера в дивизии как-то счастливо не соответствовала тяжелейшему положению, сложившемуся на фронте. Войска готовились к наступлению. Командир дивизии взял меня с собой на передовую. Мы пришли к бойцам, которыми командовал юный герой Олег Кокушкин, за полгода войны трижды награжденный орденом Красного Знамени. Я слышал, как Кокушкин и Родимцев разговаривали с бойцами, залегшими на скользком, покрытом наледью снегу.

— Холодно. А как согреться, товарищ комдив?

— Двинемся вперед, возьмем город Тим — согреемся и Новый год справим, — как-то по-домашнему отвечал Родимцев.

— Огонь впереди сильный, товарищи командиры...

— Значит, надо его пройти поскорее.

Эта наступательная операция завершилась успехом. Тим был взят.

Имя Родимцева широко известно в нашем народе и славу его принято связывать с боями за волжскую твердыню. Но я потому так подробно остановился на начальном периоде войны, что для 13-й гвардейской дивизии сталинградское мужество было подготовлено суровыми боями, явилось продолжением боев на Крещатике и под Тимом, а для ее командира — и продолжением боев в университетском городке Мадрида и под Гвадалахарой.

А 13-я гвардейская дивизия под командованием генерал-майора Александра Родимцева после боев под Харьковом находилась в резерве на левом берегу Волги. Гвардейцы волновались: горько им было находиться в тылу, когда на подступах к городу на великой русской реке шли такие тяжелые бои. Но сам Родимцев был спокоен, вернее, ничем не выдавал своего волнения. В красноармейской гимнастерке с генеральскими петлицами, в простой пилотке с рассвета до глубокой ночи отрабатывал он с бойцами тактику уличного боя.

Отличительным свойством генерала всегда было веселое спокойствие, отнюдь не наигранное, очень естественное. Имеющий за плечами к тому времени уже 15 лет армейской службы, прошедший путь от солдата до генерала, закончивший Военную академию им. Фрунзе, настоящая «военная косточка», комдив не утратил какого-то очень задушевного, почти домашнего тона в разговоре с бойцами. Он умел без прибауток, без заискивания разговаривать с рядовым бойцом и офицером, как с равными прежде всего по ответственности за судьбы Родины. Положение в районе Волги стало очень тяжелым начиная с двадцатых чисел августа 1942 года. Но самые тяжелые дни наступили в середине сентября. Вот тогда 13-я гвардейская дивизия получила приказ сосредоточиться в районе Красной Слободы и переправиться в Сталинград, в центр города.

Эта переправа гвардейской дивизии уже вошла в историю, о ней немало писалось. Но вновь и вновь заставляет часто биться сердце воспоминание об этой переправе через Волгу. Дивизия переправлялась в том месте, откуда гитлеровцы намеревались войти в победенный Сталинград. Прямо в острие главного удара врага вонзилось острие нашей 13-й гвардейской. Дивизия шла туда, где уже сосредоточились сотни танков, отборные пехотные дивизии. На том берегу реки, как свидетельствуют воспоминания маршалов Еременко и Чуйкова, нами уже были пущены в бой последние силы.

Эта единственная в своем роде переправа под ураганным огнем противника не могла быть поддержана нашим артиллерийским огнем — попали бы в своих. Из простреленных баков нефтехранилища в Волгу вылилось горючее. Река пылала, огонь гасили лишь фашистские снаряды, разрывавшиеся повсеместно. Сквозь этот сплошной огонь двигались бронекатера Волжской флотилии, баржи, лодки, баркасы с гвардейцами.

Если вы бывали в Волгограде в последнее десятилетие, вы знаете прекрасную набережную, гранитными террасами спускающуюся к реке. Вот в этом месте переправлялась 13-я гвардейская дивизия. На буксирном катере, названном почему-то японским именем «Кавасаки», пересек Волгу и штаб дивизии во главе с генералом. Штаб замыкал переправу и переправлялся уже днем, то есть в условиях удесятенной опасности.

Потеряв немало бойцов при форсировании Волги. 13-я гвардейская стала одной из равноправных частей, защищавших Сталинград. Рядом с ней находились другие дивизии и бригады, каждая из которых не менее чем 13-я гвардейская достойна быть прославленной в песнях и легендах.

Гвардейцы Родимцева с ходу вступили в бой, чтобы в составе 62-й армии отстоять великий город. Я бывал несколько раз в этой дивизии в период Сталинградской обороны. Не будучи военным специалистом, я, однако, не мог не увлечься той военной наукой, которой непрерывно был занят командир дивизии. Возвращаясь с передовой, он вместе с офицерами штаба склонялся над картой, становясь одновременно и учеником. В непрерывном грохоте артиллерийских разрывов и автоматной стрельбы, бывших звуковым фоном этой битвы от ее начала до конца, Родимцев своим спокойным, «домашним» голосом разбирал каждый эпизод сражения, ставил задачи, взвешивал «за» и «против». Так было и в штольне, где не хватало кислорода, и в «трубе», где штабистов заливало водой.

Я уже говорил о спокойствии генерала. Мне не приходилось видеть его раздраженным. Но восхищенным я его видел. Восторженно говорил Родимцев и о действиях других дивизий, и об их командирах, и о подчиненных ему воинах.

Я не буду повторять историю дома сержанта Павлова. Этот подвиг бойцов 13-й гвардейской слишком широко известен. Два месяца оборонял маленький гарнизон руины дома, ставшие неприступной крепостью. Я хочу лишь вспомнить, что сержант Павлов узнал о том, что он Герой, только летом 1945 года в Германии, в дни демобилизации. После того как он был тяжело ранен в «своем» доме и эвакуирован в госпиталь, он несколько раз возвращался на фронт (в другие части), чтобы отважно сражаться, снова получить ранение, вылечиться и опять вступить в бой. Где-то на Карельском фронте он в период затишья увидел выпуски кинохроники «Дом Павлова», но никому не сказал, что это дом, названный его именем.

Этот факт характеризует одного из гвардейцев дивизии Родимцева, может быть, не менее ярко, чем его подвиг в пылающем Сталинграде. Так воспитывался генерал гвардейцев своей дивизии, начиная с себя самого.

К числу невероятных, поразивших мир подвигов 13-й гвардейской нельзя не отнести бой за Сталинградский вокзал. Здесь погибли все сражавшиеся и, пока были живы, не сдали вокзал. Я помню надпись на стене: «Здесь насмерть стояли гвардейцы Родимцева». Это писалось не после боев — начертали это бойцы, истекавшие кровью, но продолжавшие биться.

Господствующая высота Сталинграда — Мамаев курган, на котором теперь разрастается парк Вечной славы, был взят штурмом гвардейцами дивизии. Чтобы уточнить роль дивизии в обороне города-героя, я позволю себе лишь еще раз напомнить читателю, что к моменту переправы дивизии через Волгу на берегу, в районе центральной набережной, уже хозяйничали фашистские автоматчики. Тогда гвардейцам удалось отбить несколько улиц, занять вокзал и ряд центральных кварталов. Центр города так и не достался врагу — его отбили и удержали в руках гвардейцы 13-й дивизии.

«Родимцев будет барахтаться в Волге», — орали рупоры немецких радиомашин. А генерал в почерневшем от дыма полушубке и солдатской шапке из бобрика спокойно и деловито проходил на командные пункты полков и батальонов. Скажем прямо, это были не длинные тропинки, но каждый метр грозил гибелью. Сколько атак фашистов отразила дивизия? Это, пожалуй, невозможно сосчитать.

Помню, к 25-й годовщине Октябрьской революции дивизия подводила итоги. Некоторые цифры сохранились в памяти: сожжено 77 танков, уничтожено более шести тысяч вражеских солдат и офицеров. Позже пленные войска Паулюса показали гораздо более внушительные цифры. Но в дивизии всегда «занижались» цифры успехов.

В те дни собравшиеся в Лондоне испанские республиканцы прислали Родимцеву телеграмму. В ней говорилось:

«Славная защита Сталинграда народом и Красной Армией, подобная защите Мадрида в 1936 году, является символом непоколебимости человеческой свободы».

Генерал находился в городе с момента переправы до победы. 26 января он вместе с группой бойцов вышел на звуки артиллерийской канонады, доносившейся с запада. В батальонах дивизии оставались тогда лишь десятки гвардейцев, и они устремились вслед за генералом. Я видел, как Родимцев вручил знамя бойцам дивизии Таваркеладзе, прорвавшимся в город с берегов Дона. Это было самодельное знамя; на куске красного кумача фиолетовым карандашом было написано: «От гвардейской ордена Ленина 13-й стрелковой дивизии в знак встречи 26 января». Я не знаю, где сейчас это знамя, но мне кажется, что оно является исторической реликвией Великой Отечественной войны. Его передача в руки бойцов, пришедших с запада, символизировала рассечение окруженной в районе Волги группировки противника на две части.

За бои в районе Волги Герой Советского Союза генерал Родимцев был награжден орденом Красной Звезды. Отсюда начался путь генерала и руководимого им соединения на запад. Генерал был назначен командиром корпуса, в состав которого вошла 13-я гвардейская. Боевой путь корпуса проходил по тем местам, где воевала авиадесантная бригада, а в дальнейшем — 87-я стрелковая, ставшая 13-й гвардейской. Корпус

дрался под Харьковом, освободил Полтаву и Кременчуг, форсировал Днепр.

Большое значение на этом участке фронта имело освобождение города и железнодорожного узла Знаменки. Дивизии корпуса получили наименование Полтавских и Кременчугских, командиру было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Вместе со своими войсками вошел генерал и в тот маленький город, где до войны дислоцировалась авиадесантная бригада. Много рек лежало на его пути на территории Родины: Ворскла, Псел, Днепр, Буг, снова Буг — он извилист, — наконец, Днестр. И каждый раз, выходя на берег, генерал вспоминал самую трудную переправу в его жизни — переправу через Волгу и далекие реки Эбро и Хараму. Но на войне воспоминания нужны лишь для действия. И в полевой книжке командира корпуса все это записывалось сухо и деловито — форсирование рек... без поддержки артиллерии... При поддержке артиллерии. Под воздействием авиации противника... С немедленным разворачиванием боевых порядков и захватом плацдарма на правом берегу... Есть и такая запись: форсирование водной преграды под воздействием штурмующей и бомбардирующей авиации до 600 самолето-вылетов в день...

Лето сорок четвертого года памятно бойцам гвардейского корпуса форсированием Вислы в районе Сандомира. На знаменитом Сандомирском плацдарме фашисты бросили против корпуса Родимцева четыре танковые дивизии, одну механизированную и две пехотные. Но разве можно было столкнуть в Вислу тех, кого не удалось столкнуть в Волгу? Корпус укрепился на Сандомирском плацдарме, отсюда он совершил смелый рывок и, прорвав сильно укрепленную позиционную оборону противника, преследовал врага до Одера, с ходу форсировал Одер. Много тяжелых дней было на этом пути. Я не видел Родимцева в унынии. В суровый момент у него только вырывалось откуда-то из оренбургских степей взятое слово «шайтан».

Мокрую европейскую зиму 1945 года Родимцев встречал уже на территории Германии. Он готовил войска к решительному наступлению и в феврале с Одерского плацдарма перешел в наступление, завершившееся 24 апреля 1945 года выходом на Эльбу в районе города Торгау.

Под стенами этой замшелой крепости гвардейцы встретились с войсками союзников. Встреча вошла в историю. Американские солдаты, военный путь которых во второй мировой войне был значительно легче и короче нашего пути, удивлялись выправке, здоровью и молодецкому виду гвардейцев, только что вышедших из ожесточенного боя. Это был большой праздник, радостная встреча, и, казалось бы, для Родимцева и его корпуса, прошедшего дорогами войны более семи с половиной тысяч километров, война уже закончилась. Но нет! Корпус получил приказ повернуть на юг, в тяжелом бою он взял бессмысленно разрушенный бомбардировкой союзников Дрезден. Но и здесь 7 мая война для Родимцева еще не закончилась. 9 и 10 мая, когда в Москве уже гремели победные залпы, гвардейцы Родимцева сражались на улицах Праги. И только здесь закончилась война и для Родимцева. К семи с половиной тысячам километров боевого пути прибавилось еще пятьсот.

Победы бригады, дивизии, а затем корпуса не были только личным успехом их командира.

Всегда, когда я бывал в штабе Родимцева, я видел его окруженным верными товарищами — политработниками и штабистами, начальниками служб и родов войск. Принимая решение, командир подолгу советовался с ними, совместно с ними вырабатывал план операции.

И не случайно, что политработники 13-й гвардейской дивизии Шумилов, Марченко, Шур стали генералами в огне боев. Бывают подвиги, делающие бойца героем в удивительно короткий срок: один день — форсирование реки, одна ночь — горящий танк, мгновенная, беспримерно смелая атака. Но есть подвиги, которые не определишь днем, мгновением. Вторая золотая звезда загорелась на груди генерала Александра Родимцева, как отсвет тысяч подвигов, совершенных бойцами его соединения, выпестованными и руководимыми им.

Все эти годы генерал занимался воспитанием войск, воспитанием солдат. Воспитанник армии, ставший в ее рядах комсомольцем и коммунистом, он считается в военной среде человеком легендарной личной храбрости. Как свидетель подтверждаю: да, для генерала Родимцева понятия «страх» не существует. Но не безрассудство, а спокойный, точный расчет всегда руководил им в боевой обстановке. По счастливой случайности, ни одна пуля, ни один осколок ни разу не задел его. Он вышел из войны молодым человеком с едва серебрищейся головой и веселыми юными глазами в тяжелых, словно набухших от четырехлетней бессонницы веках. Он и сейчас продолжает службу в наших Вооруженных Силах. Второй ромб, свидетельствующий об окончании Высшей военной академии, появился на его мундире рядом со многими орденами, которыми наградила его Родина, крестами и звездами, которыми отметили его доблесть иностранные государства.

И сейчас, приехав в войска, генерал-полковник считает своим долгом знать солдат, учить их так, чтобы им передалась непреклонность защитников Мадрида, Киева, Сталинграда, героев Сандомирского плацдарма и освобождения Праги.

1965 г.

Г. Румянцев
ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ

Герой Советского Союза
Николай Андреевич Роцин

Гвардейская часть, преследуя отступающего врага, с боями подошла к Тиссе.

Была темная осенняя ночь. Шел мелкий назойливый дождь. Порывистый холодный ветер швырял в лицо колючие капли воды.

Поеживаясь от прохлады, сержант Николай Роцин прислонился к стенке окопа и всматривался в берег реки. Рядом с Николаем окопались воины его отделения. К переправе все было готово: подвезены лодки, поделаны легкие плоты.

К Роцину подошел начальник инженерной службы полка.

— Отделение саперов готово к выполнению задания, — доложил ему сержант.

Офицер с уважением посмотрел на подтянутого, стройного воина и пошел к реке. Николай последовал за ним. Остановились на прибрежном песке. Первым нарушил молчание Роцин:

— Рек мы не мало форсировали, товарищ капитан. Переплывем и эту...

— Будем переправляться там, где река разделяется на два рукава, — сказал офицер. — Сначала перебросим подразделения на остров, они выбьют оттуда гитлеровцев, а потом будем форсировать старое русло. Главное — добиться внезапности. Задача серьезная...

Сержант вытер рукой мокрое лицо:

— От трудностей не прятались, перед опасностью не пасовали, и эту задачу выполним!

...Долгими бывают минуты перед боем. Лежа в окопе, Николай думал о своей жизни. Он видел себя вихрастым мальчишкой на берегу родного Урала. Хотелось многое знать, многое видеть. Он хорошо учился в школе. Будущее представлялось ясным и безоблачным. Он был счастлив, что родился в Советской стране, где перед молодежью открыты все пути — работай, учись, дерзай!

Но наступил тяжелый сорок первый год. В октябре комсомолец Роцин получил повестку из военкомата. Провожать его в армию пришла вся семья. Перед отходом эшелона отец крепко обнял сына:

— Ну, Коля, идешь ты защищать нашу Родину от проклятых фашистов. Бей их, иродов, крепче!

Рошин был зачислен в воздушно-десантную часть. За год учебы им была искожена не одна сотня километров дорог, перекопано много земли, продырявлены десятки мишеней, взорвано большое количество мин, совершено несколько учебных прыжков с самолета. Учась, не жалея сил, комсомолец Рошин жил одной мыслью: скорей бы в бой, скорей бы сразиться с фашистами.

Такое время настало. Часть была переброшена в район, где наши войска вели тяжелые бои с врагом.

...В одной из контратак вражеский снайпер ранил старшего сержанта Дишанина. Два бойца, пытавшиеся подползти к Дишанину, были также ранены. Николай, плотно прижимаясь к земле, подобрался поближе к вражеским окопам и, улучив момент, дал длинную очередь из ручного пулемета. Огонь со стороны гитлеровцев прекратился. Воспользовавшись замешательством врага, наши бойцы выскочили из окопов и на плащпалатках вытащили из-под огня своих раненых товарищей. Отползая обратно, Рошин попал под минометный обстрел и был ранен. С трудом он добрался до траншеи.

Из госпиталя Рошин вернулся в свою часть. Его назначили в саперный взвод. Он стал осваивать новую для него профессию.

Однажды Рошину с группой бойцов было приказано взорвать мост в тылу врага. Темной ночью саперы скрытно пробрались к мосту. Рошин в короткой схватке снял часового, а остальные воины расправились с другими гитлеровцами. Но все же одному вражескому солдату удалось уйти и поднять тревогу. Рошин и его товарищи успели заминировать мост, и когда гитлеровские солдаты подбежали к нему, раздался взрыв. Десятки фашистов нашли себе могилу под обломками моста.

...Вместе со своей частью Николай Рошин прошел не мало трудных фронтовых дорог. Позади остались десятки водных рубежей. И вот перед ним Тисса. А за ней вооруженный враг. Нужно смять его и двигаться вперед на запад, к полной победе.

Первая лодка с бойцами тихо отошла от берега. За ней — вторая, третья, четвертая... Сержант Рошин изо всех сил налегает на весла, чтобы добраться до острова, пока гитлеровцы молчат. Саперы первыми выскакивают из лодок. Надо проверить берег, нет ли там вражеских мин. Внезапно ночное небо прорезали вражеские ракеты. Застрочили пулеметы. Но уже поздно. Наши солдаты в короткой схватке овладели вражеской траншеей.

Всю ночь сержант Рошин под обстрелом переправлял воинов на остров и лишь на рассвете прилег в траншее на берегу. Но отдохнуть не удалось.

На острове шел тяжелый бой. У советских воинов кончились боеприпасы. Бойцы сообщили об этом по радио в штаб части. Рошин получил приказ доставить боеприпасы на остров.

Наша артиллерия открыла огонь по вражеским позициям. На берегу реки саперы зажгли дымовые шашки. Скрываясь в клубах дыма, лодка с боеприпасами отчалила от берега. Когда Рошин доплыл до середины реки, над его головой просвистел вражеский снаряд и разорвался неподалеку. За ним — второй. Взрывной волной чуть не перевернуло лодку. В днище образовалась течь. Рошин, не обращая внимания на обстрел, вычерпывал воду банкой и гнал лодку к тому берегу. Сержант хотел лишь одного: во что бы то ни стало выполнить приказ — доставить боеприпасы сражающимся с врагом товарищам.

Когда Рошин был уже недалеко от берега, его заметили наши воины с острова. Под огнем противника они помогли вытащить лодку из ледяной воды.

Получив боеприпасы, советские воины пошли в атаку. С ними был и сержант Рошин.

Через несколько часов остров был освобожден от гитлеровцев.

Рошин организовал переправу через старое русло Тиссы. Он под огнем врага натянул через реку канат. Теперь бойцы сами переправлялись на понтоне. Командир одобрил инициативу сержанта Рошина и приказал: не дать гитлеровцам взорвать находящийся неподалеку от переправы мост через Тиссу.

Было известно, что для взрыва моста фашисты оставили группу солдат. Николай с товарищами пробрался к мосту. Тихо продвигаясь между опорами, Николай обнаружил тоненькие провода, которые немедленно перерезал. Мины были обезврежены. Вскоре советские солдаты овладели мостом.

В одном из боев Рошин был тяжело ранен. Его отправили в госпиталь. Николай лежал на белоснежной койке, а в его памяти все еще были живы картины последних боев.

Шло время. Раны подживали. Однажды медсестра подала Рошину письмо из части. Друзья поздравляли: за храбрость, проявленную в боях на Тиссе, он удостоился высокого звания Героя Советского Союза. В письме лежала вырезка из дивизионной газеты, где подробно рассказывалось о его геройском подвиге.

...Отгремели бои. Началась мирная учеба воинов. Старший сержант Рошин умело обучал и воспитывал воинов, передавал им свой богатый фронтовой опыт. В те дни Николай Рошин был принят в Коммунистическую партию. За отличную службу и дисциплинированность он удостоился ряда благодарностей. Про бывшего воина в дивизионной газете были напечатаны стихи:

Сапером Рошин на войне был.
И поговорке вопреки
Звезду Героя взял не с неба —
На правом берегу реки.

И ныне воинская слава,
За службу новую любя,
Героя тисской переправы
Не отпускает от себя.

В 1949 году Николай Андреевич Роцин, демобилизовавшись из армии, вернулся в родной Оренбург. И на трудовом фронте он высоко держит славное звание героя. Бригаде, которую он возглавляет, присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда.

Герой Советского Союза Николай Андреевич Роцин часто выступает перед молодежью, рассказывая ей о великих битвах за Родину, о мужестве и отваге советских воинов, о Коммунистической партии, ведущей наш народ к светлым вершинам коммунизма.

1960 г.

Г. Киященко
ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Герой Советского Союза
Николай Николаевич Самароков

На аэродроме шла обычная фронтовая жизнь. Приземлялись и взмывали ввысь штурмовики, из конца в конец зеленого поля сновали бензозаправщики. Оживленно разговаривая, проходили вернувшиеся с задания летчики, пробегали озабоченные техники.

В другой раз Николай не преминул бы присоединиться к летчикам, послушать, что рассказывают они о прошедшей штурмовке. Но сейчас было не до этого.

Несколько минут назад у входа в штабную землянку Николай встретил невысокого, коренастого летчика.

— Самароков, вы?! — окликнул тот.

— Так точно, сержант Самароков, — ответил Николай и с удивлением узнал в летчике подполковника Лисова из Оренбургского авиационного училища.

— Ну как, воюете? — полюбопытствовал Лисов.

— Воюем, — ответил Николай и смутился. Что он мог рассказать своему бывшему наставнику?

И теперь, лежа в высокой траве, Николай припоминал свое короткое прошлое, искал объяснения, почему он до сих пор не был в бою.

Отца он помнит смутно. Тот умер от старых ран, полученных в гражданскую войну, когда Николаю было пять лет. После мать говорила, что отец заботился лишь об одном — вырастить единственного сына настоящим человеком.

Настоящий человек... Мальчику казалось, что отец имел в виду профессию летчика. К ней тянулась душа ребенка. Коля с завистью провожал каждого авиатора, проходившего улицами Оренбурга. Гуляя с одноклассниками в Зауральской роще, он сразу же забывал о друзьях, стоило появиться в небе самолету. Николай любовно мастерил модели планеров и даже взял однажды первый приз на городских соревнованиях. А когда после семилетки пришлось бросить учебу, — мать болела и надо было трудиться, — Николай устроился на работу в ремонтные мастерские авиаучилища. Через два года он уже учился в аэроклубе.

Война застала Николая курсантом училища. Летная программа давалась ему легко. Против его фамилии в классном журнале стояли только пятерки.

— Отменным воздушным бойцом будет Самароков, — заявил на экзамене подполковник Лисов. Такой же вывод сделал и майор Савченко, приехавший отбирать летчиков для фронта.

Сколько времени прошло со дня выпускного экзамена? Месяца два. За такое время на войне героями становятся. А он, Самароков, даже в бою еще не был.

Сначала запасный полк. Потом вот этот фронтовой аэродром и полк, которым командует майор Савченко. При первой встрече командир эскадрильи старший лейтенант Олейник, ознакомившись с личным делом, удивленно воскликнул:

— О, сержант Самароков имеет уже сто десять часов налета?! Хоть завтра в бой...

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц Николай боя не увидел. Воевали другие, более опытные летчики, а он пока оставался в резерве, тренировался. Почти каждый день, возвратившись с задания, старший лейтенант Олейник садился с Николаем в учебный самолет к отработывал различные упражнения. Иногда они вылетали на разных самолетах и затевали учебный бой. Приземлившись и выслушав замечания командира, Николай нетерпеливо спрашивал:

— Когда же, товарищ старший лейтенант, в настоящий бой возьмете?

— Не торопитесь, сержант. Успеете. Сначала надо запасом прочности как следует обзавестись.

И Николай не знал, шутит командир или всерьез говорит, на недостатки в технике пилотирования намекает или на отсутствие свободных самолетов в полку. «Запас прочности» — это была любимая фраза старшего лейтенанта.

Припоминая все это, Николай вдруг встрепенулся. Спасительная мысль осенила его: подполковник Лисов, вот кто ему поможет. Рассказать ему обо всем откровенно, и он поймет, поговорит с командиром полка. Ведь они оба два месяца назад выставляли ему отличную оценку.

Сержант вскочил, бросился к штабной землянке, но подполковника уже не застал.

...В один из жарких августовских дней 1942 года старший лейтенант Олейник отозвал Самароков а в сторону и спокойно сказал:

— Завтра вылетаем на штурмовку переправы. Будете у меня ведомым.

Густые черные брови Николая взметнулись вверх, лицо расплылось в улыбке.

— На каком самолете? — спросил он.

— А вот на том, — указал Олейник в сторону новенького «ила» с номером 22 на фюзеляже. — Пойдемте, с экипажем познакомлю.

У самолета трудились моторист Теплухин и механик по вооружению Староконь. Здесь же был сержант Гарагуля, лучший в полку стрелок-радист, имевший на боевом счету четыре сбитых в воздухе самолета противника.

Машину опробовали и облетали в тот же день. А наутро Николай в составе восьмерки, возглавляемой старшим лейтенантом Олейником, был над переправой. После он узнал от товарищей подробности штурмовки. В его же памяти остались лишь огненные трассы от снарядов, черные султаны взрывов на земле да бешеная пляска самолетов. Удалось ли ему что уничтожить, чей самолет был рядом во время атаки — Николай точно сказать не мог.

То же повторилось и во втором, и в третьем бою. Не успевал Николай замечать того, что происходило вокруг него. «Неужто не выйдет из меня настоящий летчик-штурмовик?» — сокрушался он. Будто подслушав эти мысли, старший лейтенант Олейник успокаивал:

— Не отчаивайтесь, сержант. Со временем все на свое место встанет. Каждый с этого начинал. А зенитку вы здорово сегодня раскромсали. Помните?..

И Олейник с увлечением начинал рассказывать о том, как Николай удачно спикировал и прямым попаданием бомбы уничтожил пушку.

Самообладание, уверенность приходили постепенно. Молодой летчик научился сознательно выбирать цели, замечать подробности боя, анализировать их. Руки уже сами, автоматически выполняли необходимые в данных условиях движения, а глаза внимательно следили за полем боя, расположением противника, за действиями своих товарищей. Сержант Гарагуля перестал с укоризной посматривать на своего нового командира. Напротив, сержант не мог нарадоваться успехам Мыколы, как по-украински называл он Самарокова в кругу друзей.

— Мий Мыкола, — рассказывал Гарагуля после одного из вылетов, — найкращий летчик. Сегодня на озере вин барку запросто ухлопав. От фашистов тилькы бульбы на води остались.

Когда в полк приехали шефы, сибирские лесорубы, майор Савченко, представляя им отличившихся летчиков, одним из первых назвал фамилию Николая.

— Это наш самый молодой, но удачливый штурмовик, — тепло сказал командир.

Руководитель делегации лесорубов, высокий кряжистый старик с орденом Ленина на груди, долго пожимал Николаю руку.

— Так их, сынок, бей проклятую нечисть, — приговаривал он, вручая летчику черные пушистые варежки — подарок безвестной искусницы-сибирячки.

Потом все собрались в столовой. Авиаторы радушно угощали гостей. Сибиряки тоже не остались в долгу, разложили на столах издалека привезенную снедь. Но дружеский завтрак был прерван сигналами тревоги.

На стоянке старший лейтенант Олейник отдал приказ:

— На станцию Н. прибыли эшелоны, и гитлеровцы начали разгрузку... Зайдем с юго-востока... Замыкающей будет пара лейтенанта Самарокова.

Штурмовики успешно выполнил и свою задачу.

Выводя самолет из последней атаки, Николай вдруг ощутил резкую боль в лице. Кровь залила глаза. Ледяной ветер ворвался в кабину. «Разбило фонарь», — подумал летчик.

Сажал машину Самароков на одну «ногу». Правая не вышла: пробило воздушную систему.

Первой к накренившемуся самолету подъехала «санитарка». Молоденький фельдшер тут же стал вынимать застрявшие в коже лица раненого осколки стекла, делать перевязку. Глаза Николая были целы. Летчик видел, как командир полка вместе с руководителем делегации сибиряков направился к его машине.

Старый лесоруб обошел вокруг самолета, в котором зияло несколько десятков пробоин (68, как потом уточнил моторист), и недоуменно развел руками.

— Сынок, — обратился он к Самарокову, — как же ты летел? Ведь если я расскажу дома о том, что сейчас вижу, надо мной посмеются, скажут: брешет старый. Как им объяснить?

— Запас прочности, — ответил за Николая старший лейтенант Олейник.

— Запас прочности... — с расстановкой повторил делегат. — Чья же это прочность, самолета или летчика?

Теперь глаза лесоруба ожидающе смотрели на командира полка.

— Он-то имеет в виду машину, — заговорил майор Савченко, — а я вот думаю о летчике: раненый Самароков нашел силы, чтобы на подбитой машине долететь до своего аэродрома. Припоминаю один случай. Было это в первую военную осень. На наш аэродром сел вражеский самолет. Вначале мы думали, что летчик решил добровольно сдаться в плен. Но ошиблись. Оказалось, наши истребители повредили мотор фашистского самолета и прострелили пилоту руку. Гитлеровец испугался, что потеряет сознание и грохнет на землю, и, увидев наш аэродром, сел. Первое, что он сделал, стал звать на помощь доктора... Словом, запас прочности у фашиста слаб...

Раны на лице Николая зажили быстро. Вскоре он возвратился в строй боевых друзей.

Однажды февральским утром старший лейтенант Олейник повел свою эскадрилью на штурмовку моторизованной колонны фашистов, расположившейся на отдых в лесу. Фашисты имели сильное зенитное прикрытие. С воздуха их охраняли истребители.

Когда подходили к цели, из-за облаков вывалилась стая «мессершмиттов», и наши истребители, прикрывавшие штурмовиков, завязали с ними бой. Зенитки открыли заградительный огонь. Но штурмовики уже заняли боевой порядок, перешли в атаку. Вслед за танком, подожженным Олейником, запылали десятки других. После первого захода лес, где разместились гитлеровцы, представлял сплошное море огня.

Вторая атака... Самолет Олейника устремился к шоссе, по которому мчались уцелевшие вражеские машины. Летчики поняли замысел командира: надо отрезать пути противнику. Каждый выбрал себе объект для атаки.

Вдруг сердце Николая сжалось от боли. Он увидел, как трасса снаряда, словно гигантская раскаленная игла, вонзилась в самолет командира. За машиной потянулся шлейф густого дыма. Тотчас в шлемофоне раздался голос Олейника:

— Самароков, принимайте команду боем, — а затем яростно, уже в адрес фашистов: — Ну, гады, держитесь, дешево не дамся!

Советский сокол обрушил свою машину на скопление фашистских танков...

Летчики были свидетелями славной гибели командира эскадрильи. Последующие атаки явились суровой местью за его смерть.

...Горько терять друга, с которым вместе воевал, коротал считанные часы фронтового досуга. Но еще тяжелее навсегда лишиться своего учителя, заботливого наставника.

Николай не находил себе места, не мог привыкнуть к осиротевшему топчану в углу землянки, где когда-то отдыхал Олейник. А тут, как назло, установилась нелетная погода. И только чуть приподнялись облака, Самароков попросил у командира разрешения вылететь на свободную охоту.

По сведениям разведки, на шоссе, над которым разыгрался недавно трагический бой, гитлеровцы вновь восстановили движение. Туда и устремился Николай. Вот и знакомый лес, характерный изгиб дороги. Вдоль нее, как и в тот раз, двигалась техника. Но что это? Над колонной два «фокке-вульфа». Не отогнав их, нельзя было приниматься за работу. А драться тяжелому штурмовику с юрким истребителем крайне невыгодно. «Что, запаса прочности не хватило?» — почудился насмешливый голос Олейника. И Николай бросает машину навстречу головному истребителю. Фашист заметил опасность слишком поздно. Кувыркаясь, обволакиваясь дымом, «фокке-вульф» пошел вниз. Другой трусливо скрылся в облаках. А на земле начался переполох. Одни машины прятались под развесистыми деревьями, другие спешили удрать по шоссе. Но везде их настигали меткие очереди пушек краснозвездного штурмовика.

Спустя месяц Николая вызвал майор Савченко:

— Как запас командирской прочности накапливается? — спросил он с улыбкой.

— Практики маловато, — в тон майору шутливо ответил Самароков.

— Что ж, представляется возможность лишний раз потренироваться. Для того и вызвал. Смотрите, — майор развернул карту, — вот здесь, на станции, скопилось много эшелонов противника. Надо их уничтожить, разрушить железнодорожную линию. Станция сильно охраняется с земли и с воздуха. На штурмовку поведете три восьмерки. Вас прикроют истребители. Справитесь?

— Справлюсь, — уверенно заявил старший лейтенант.

— Как будете решать задачу?

Самароков наклонился над картой, немного подумал и стал докладывать.

А к вечеру с аэродрома поднялись двадцать четыре самолета-штурмовика. В воздухе к ним присоединилась большая группа истребителей. Обычно штурмовики на задание уходили на высоте полторы

тысячи метров. Самароков приказал удвоить высоту полета. Маршрут выбрал значительно левее города в направлении строго на запад. На линии фронта гитлеровцы, не подозревая об истинных намерениях советских самолетов, пропустили их, даже не открыв зенитного огня. А Самароков, скрывшись из виду противника, развернул свою группу на цель. Когда штурмовики вынырнули из лучей заходящего солнца, предпринять что-либо фашисты, находившиеся на станции, уже не имели возможности. Станция была надолго выведена из строя.

Осенью 1944 года Николаю приказали съездить за новым пополнением. Отсутствовал он почти три недели и догнал сослуживцев уже на польской земле. И конечно же — сразу к своему самолету. Взглянул на него и недовольно поморщился: на фюзеляже красовался большой орел. Не любил Николай всяких украшений.

— Это все работа лейтенанта Кудряшова, — поторопился разъяснить моторист Теплухин.

В кругу друзей Николай увидел и Кудряшова. Тот как ни в чем не бывало улыбался.

— К чему все эти художества? — строго сказал Самароков.

— Ребята, да он еще ничего не знает, — закричал Кудряшов. — Ты же, Николай Николаевич, у нас настоящий орел. Вот на, почитай...

Лейтенант протянул газету. С первой страницы смотрел он, Николай, а чуть ниже стояла подпись: «Герой Советского Союза капитан Самароков Николай Николаевич».

...Свой последний, 120-й боевой вылет Николай Самароков совершил над Берлином.

Вскоре, демобилизовавшись из армии, Николай Николаевич приступил к мирному труду.

1960 г.

В. Ложкин
ЗВЕЗДА ЗАЖГЛАСЬ ПОД ВАРШАВОЙ...

Герой Советского Союза
Тимофей Петрович Сафронов

Хозяйство Тимофея Петровича — что заводская лаборатория. Вдоль стен выстроились огромные стального цвета шкафы-инкубаторы. Приглушенно урчат электромоторы, подмигивают сигнальные лампочки. Всюду рубильники, кнопки, циферблаты, распределительные щитки.

— Хотите взглянуть на нашу продукцию? — спрашивает Тимофей Петрович и направляется к одному из инкубаторов.

Через распахнувшиеся дверцы видна стопка плоских деревянных ящиков. Тимофей Петрович выдвигает один из них. Ровными рядами лежат в нем куриные яйца. Но что это? словно близко где-то сидит невидимый дятел и самозабвенно долбит по дереву: тук, тук, тук. Крайнее яйцо покачнулось, что-то слабо треснуло, и в образовавшейся в скорлупе трещинке появился... кончик желтенького клюва. А немного подальше, совсем освободившись от скорлупы, неуклюже покачиваясь на еще неокрепших лапках, захлебывается в пронзительном писке «всамделишный» цыпленок.

— Сто тысяч вывели нынче таких красавчиков, — с гордостью говорит Тимофей Петрович. — И все равно мало. Колхозам подавай ранний молодняк, а мы не успеваем.

Он выдвигает из инкубатора очередной ящик. В глазах рябит от пушистых желтых комочков. Они смешно покачиваются на расплзающихся ножках, трепещут крылышками, воинственно клюют остатки мертвой скорлупы, из плена которой только что освободились, и пищат, пищат.

Тимофей Петрович осторожно берет одного из них и усаживает на широкую, крепкую ладонь. Цыпленок сразу же присмирел, прижался к теплой ладони, уставившись черными бусинками на своего хозяина.

Гляжу я на сильную, мужественную руку Тимофея Петровича Сафронова, и в памяти всплывают другие, суровые и грозные, дни, когда эта же самая рука защищала Родину, беспощадно карая закордонных «гостей» с паучьей свастикой на знамени.

* * *

Помню слова одного солдата-фронтовика, который очень просто и, по-моему, весьма метко определил суть воинского подвига:

— Это когда смерть уже хватает тебя за глотку, а ты продолжаешь делать свое дело...

Но трудно, очень трудно «делать свое дело», когда косая уже занесла над тобой костлявую руку, а ты, жаждущий жизни и во имя жизни, бросаешься со связкой гранат под танк, истекая кровью, продолжаешь вести огонь из пушки, в неравном бою с фашистскими стервятниками смело идешь на таран...

Много было пройдено военных дорог. Всякое бывало. Иной раз приходилось попадать в такие переделки, что казалось: все, конец. Ан нет, вновь становился в строй командир взвода разведки лейтенант Сафронов, вновь шагал вместе со всеми вперед, навстречу зловещим зорям войны, навстречу желанной победе.

...Варшава! Истерзанная, изуродованная гитлеровскими палачами, вся в руинах, дымящихся развалинах, она протягивала обожженные, кровоточащие руки навстречу русским братьям-освободителям.

Наши войска спешили на помощь. Уже можно было различить сквозь мутную пелену осенней непогоды суровые очертания польской столицы. Передовые отряды подошли к предместью Варшавы — Праге, раскинувшейся вдоль правого берега красавицы Вислы. Немцы упорно сопротивлялись. Трижды наши штурмовые батальоны бросались вперед, но каждый раз откатывались на исходные рубежи. У врага была мощная, хорошо продуманная система огневых средств, к тому же тщательно замаскированных. Где они расположены?

Вечером Сафронова вызвал командир полка:

— Есть боевое задание, лейтенант. Нужно пробраться в Прагу, в тыл к немцам, засечь огневые точки и передать их координаты по радио. Ясно?

Полковник пристально взглянул на Сафронова. Встал из-за стола, заходил по землянке.

— Посоветовались мы и решили: идти нужно вам, Тимофей Петрович. Требуется опытная рука. Подбирайте себе помощника с радией и, как говорится, ни пуха ни пера!

— Прошу отпустить со мной вашего личного радиста Юрия Самойлова.

Полковник улыбнулся.

— Да, у вас, как я вижу, губа не дура. Ну, да ладно. Только берегите его...

...Стемнело. Сильный ветер гнал по небу низкие, тяжелые тучи. Моросил нудный осенний дождь. Двое в плащ-палатках упорно пробирались навстречу неизвестности. Ненастье им было только на руку — надежно укрывало от посторонних глаз. Долго ползли разведчики по залитой водой траве, через брошенные окопы, по липкой глинистой жиже.

В небе вспыхивали ракеты. В их свете становились видными расплывающиеся силуэты небольших домиков, спускающихся по откосу к реке, парк и совсем недалеко массивный двухэтажный каменный особняк.

— Видел? — в самое ухо радиста сказал Сафронов. — В нем и расположимся.

Через полчаса они были у чугунной решетки, за которой серой громадой высился дом. Очевидно, все обитателя спали, так как ни одно окно не светилось. Наверх, к чердачному фонарю, вела наружная деревянная лестница. «Это уже хорошо», — отметил про себя Сафронов.

Бесшумно пошли вдоль ограды, лейтенант впереди, радист чуть сзади. Вдруг Сафронов замер на месте. Что-то глухо звякнуло. Лейтенант чуть подался назад. И сержант увидел: дверь парадного входа широко распахнута, за ней — тускло освещенный электрической лампочкой коридор и... немецкий часовой. Укрывшись от дождя, он стоял в коридоре у самой двери, опершись спиной о стену. Воротник шинели поднят, руки глубоко засунуты в карманы, автомат висит на груди.

Что же делать? Искать другой наблюдательный пункт? Но ведь скоро рассвет, на поиски нового места не остается времени. Нет, нужно обосновываться именно здесь. Да это, пожалуй, и безопаснее. Вряд ли кому из фашистов придет в голову, что советские разведчики расположились у них в доме.

Сафронов снимает с себя перископ, автомат и все это отдает Самойлову.

— Оставайся здесь и следи за мной. Я постараюсь снять часового. Когда все будет готово, проходи вон через ту калитку к лестнице. Там встретимся.

Часовой стоял все на том же месте. Он не видел, как бесшумная тень скользнула от забора к подъезду. Разведчик на миг остановился, прислушался. И вот уже сильная рука зажала фашисту рот, а в другой сверкнул армейский нож... Теперь вывернуть лампочку. Коридор погрузился в темноту.

* * *

Чердак был забит поломанной мебелью, кипами старых журналов и газет. Пробираясь приходилось с величайшей осторожностью. Ведь стоило оступиться, нерасчетливо поставить ногу, и эта рухлядь обвалится, загремит, выдав с головой.

Устроились у северного ската крыши, откуда должен быть хорошо виден город. Только успели найти в крыше щель для наблюдения, как внизу поднялась суматоха, послышались команды на немецком языке. Кто-то завозился у лестницы, заскрипели ступеньки.

Разведчики взяли за автоматы. Тимофей Петрович выложил из сумки гранаты и аккуратно положил перед собой. Засосало, защемило под ложечкой. Сказал радисту:

— Стрелять только после меня.

В чердачном окне замаячил чей-то силуэт в каске. Длинной очередью захлебнулся ручной пулемет. В наступившей затем тишине явственно послышался удаляющийся скрип ступеней. Потом все стихло. Разведчики с облегчением вздохнули.

Когда рассвело, сержант попытался связаться со своими, но рация безмолвствовала.

— А, черт, — выругался он и взялся за отвертку.

Одни во вражеском тылу, без связи со своими разведчики лишались возможности выполнить самую важную часть задания. Было над чем задуматься.

— Постарайся все же устранить неисправность, — спокойно сказал Сафронов радисту. — Я буду наблюдать.

Не торопясь, он заточил карандаш, достал из планшетки чистый лист бумаги; кусочком замши, который всегда носил в маленьком брючном карманчике, тщательно протер бинокль. И только после этого приник к щели в крыше.

Совсем рядом, во дворе соседнего дома, укрытая со всех сторон высокой каменной оградой, расположилась вражеская минометная батарея. «Цель № 1», — записал Сафронов на листке и указал ее координаты.

С чердака дома, на котором расположились разведчики, пригород просматривался во всех направлениях. Почти каждый дом был превращен немцами в огневую точку. А что это за кочки торчат на перекрестке вон тех улиц? Да это же башни врытых в землю танков!

Исписав один листок, Сафронов начал второй. Юрий толкнул его в бок и, улыбаясь, показал большой палец, дескать, все в порядке. Лейтенант тепло похлопал радиста по плечу и снова приложился к биноклю.

Уже полдень. Пора передавать координаты огневых точек. А их засечено немало: девять легких и одиннадцать крупнокалиберных пулеметов, пять минометных батарей, девятнадцать врытых в землю танков, три самоходных орудия, две батареи стопятимиллиметровых пушек.

В эфир полетели закодированные данные.

Передана последняя цифра. Теперь можно немного отдохнуть. Страшно хочется пить, но где-то ночью, когда ползли, оторвалась от пояса фляга с водой, Сафронов жадно облизывает сухие, потрескавшиеся губы.

...В рации вспыхнул зеленый глазок. Самойлов крепче прижал наушники, затем передал их лейтенанту.

— Через пять минут начнем пристрелку. Корректируйте огонь. Как поняли?

— Понял все отлично, — ответил Сафронов.

Точно в назначенное время ухнул первый разрыв, за ним второй, третий...

— Первый плюс, второй минус вправо ноль десять, третий влево ноль восемь, пятый — цель, — говорил Сафронов в микрофон, не отрывая бинокля от глаз.

Потом чей-то суровый голос сказал:

— Начинаем артподготовку. Берегите себя, уходите в укрытие.

Грохот потряс все вокруг. Из слухового окна вылетели стекла. Чердак наполнился пылью, дымной гарью.

Немецкие огневые точки напоминали развороченный муравейник.

Всюду метались серо-зеленые шинели, застигнутые врасплох огненным шквалом. Кое-где взметнулись языки пожаров.

Снаряды все рвались и рвались, уничтожая боевую технику врага, сея смерть в его рядах. Торжество разрушительной силы звучало нежной музыкой в ушах разведчиков. Ведь это их руками всеокрушающий смерч стали и огня направлен на вражеское логово. Это они помогли своим войскам.

Крупный снаряд разорвался совсем рядом. Воздушной волной сорвало с крыши несколько железных листов. Другой снаряд обвалил у крыши весь восточный угол. Осколки градом сыпались на крышу, легко пробивая ее. Рухнула наружная лестница...

«Почему наши бьют так настойчиво по дому?» — мелькнуло в голове Сафронова. И тут же он вспомнил: «Цель № 1 — минометная батарея в соседнем дворе». Они вызвали огонь почти на себя.

Оставаться на крыше становилось опасно. Разведчики подползли к чердачному люку. Сержант слегка приоткрыл его, и в образовавшуюся щель лейтенант увидел лестничный пролет и сбегających вниз, к выходу, немцев. Отбросив люк, Сафронов швырнул вниз две гранаты. Послышались стоны раненых.

Через минуту разведчики были в коридоре второго этажа. Какой-то фриц, выскочив из боковой двери и наткнувшись на них, истошно крикнул: «Рус!» и бросился обратно. Сафронов дал короткую очередь, и фриц свалился на пол. Из-за двери хлопнул одиночный выстрел. Пуля обожгла правое ухо Сафронова. В комнату полетела граната и все смолкло. Как видно, в доме больше никого не было.

Артподготовка закончилась. На северной окраине пригорода ожесточенно застрочили пулеметы, яростно затрещали автоматы.

— Наши атакуют, слышишь, Юрий? Наши!

Не стовариваясь, выбежали из особняка. Увидели: группа немцев залегла в конце улицы. На площади несколько солдат устанавливали орудия для стрельбы прямой наводкой.

— Давай на соседний двор! — крикнул Сафронов и первым кинулся к распахнутой настежь калитке.

Минометной батарее больше не существовало. Валялись куски исковерканного металла, разбитые ящики из-под мин, трупы убитых. Но один миномет все-таки уцелел. Вытряхнув из стальной трубы землю, лейтенант установил ее на опорную плиту, направил в сторону площади, где располагались немецкие противотанковые пушки.

Мина скользнула по трубе вниз, миномет со свистом выплюнул ее обратно. За ней полетела вторая, третья, четвертая...

Из-за забора донесся лязг гусениц. Оставив миномет, Сафронов осторожно выглянул на улицу. К ним приближался фашистский танк. Паучья свастика чернела на башне, а рядом был нарисован леопард с поднятой лапой. Во дворе валялось немало немецких гранат. Не прошло и минуты, как восемь штук их было стянуто проволокой в одну связку. С этим смертоносным грузом Сафронов притаился у каменного забора, невидимый для врага. И как только танк поравнялся с ними, тяжелая связка мелькнула в воздухе. Ахнул взрыв. Правая гусеница разметалась по булыжной мостовой. Танк беспомощно завертелся на месте и стал...

В Прагу входили части Советской Армии.

* * *

Не задерживаясь, советские войска устремились вперед, к Варшаве.

К исходу дня Сафронов с Самойловым, догоняя свою часть, наткнулись на батарею советских противотанковых орудий. Весь ее личный состав был перебит. Что здесь произошло, какая трагедия разыгралась? Думая об этом, разведчики еще не знали, что им предстоит продолжить подвиг товарищей.

Словно что-то толкнуло Сафронова в спину. Он быстро оглянулся и замер. Прямо на них из-за высоты выползали немецкие танки. Один, два, три... двенадцать.

Вспомнили ли о смерти в эти минуты два советских воина? Едва ли. Их мысли были заняты другим — задержать врага, чего бы это ни стоило.

— Вот из этого будем бить, — сказал Сафронов. — Когда-то я был, говорят, неплохим наводчиком. А ты заряжай. Вот так. Только замок сильнее захлопывай.

Ствол орудия плавно опустился вниз и переместился чуть влево. Грохнул выстрел. Второй снаряд поджег головной танк. Вскоре у другого заклинило башню. Еще один зачадил дымным факелом. Враг никак не ожидал, что одинокая пушечка вступит с ним в единоборство. Десятки снарядов обрушились на смельчаков. Их обдавало комьями горячей земли, воздушной волной сбивало с ног. Но они снова и снова поднимались и продолжали неравную схватку.

С глухим стоном повалился на землю Юрий. Что-то обожгло правую руку Сафронова. Глянул — и помутилось в глазах: кисть руки оторвана, из раны хлещет кровь. Покорежило и левую руку. С огромным трудом заложил он в казенник последний снаряд.

Навел орудие... Вспыхнул пятый танк.

Не выдержали нервы у гитлеровцев. Последнее, что успел заметить Сафронов, — это повернувшие вспять танки...

* * *

Мы сидим с Тимофеем Петровичем на крыльце его дома. Он в кителе. На груди, повыше орденских планок, горит Золотая Звезда.

Много лет минуло с того дня, как Михаил Иванович Калинин вручил ее отважному разведчику. Но не потускнел дорогой сердцу пятиугольничек, по-прежнему ярко пламенеет он всеми своими гранями, неподвластный времени.

1960 г.

И. Филиппов
СОКОЛИНАЯ СЕМЬЯ

Герой Советского Союза
Семен Алексеевич Сибирин

Перед вылетом командир эскадрильи капитан Сибирин сказал своему заместителю лейтенанту Запаскину:
— Поглядывай за меньшим.

В это время «меньшой» — молодой летчик Иван Столяров натягивал шлем и, посмеиваясь, говорил технику:

— А знаешь, мы с капитаном почти земляки.

— Да ну! Вот этого я, лейтенант, не знал!

— Я из Куйбышева, а он из Оренбурга. Он родился в селе Петропавловке Екатериновского района, окончил школу ФЗО при паровозоремонтном заводе, учился в планерной школе...

— Ну раз земляки, то летай спокойно. Капитан Сибирин в обиду никого не даст, — сказал техник.

Тяготы и радости фронтовых будней сблизили и породнили малоразговорчивого, угрюмого на вид, но доброго сердцем Семена Сибирина с его боевыми друзьями: тихим, краснеющим при похвале, но злым и дерзким в воздухе Владимиром Запаскиным; горячим, но сдержанным на слова Николаем Пинчуком; веселым шутником и балагуром Владимиром Баландиным; остроумным, знающим себе цену Дмитрием Лобашовым; скромным, настойчивым и трудолюбивым Иваном Соболевым. Недавно прибыл в эскадрилью Иван Столяров, но и он быстро стал для всех другом.

Столяров готовился ко второму боевому вылету. Летчики эскадрильи вводили его, как они сами говорили, в «большой свет».

— Важно не дать его в обиду в первых боях, — говорил Сибирин.

В тот день шестерка наших самолетов, ведомая капитаном Сибириным, повстречалась с двенадцатью фашистскими истребителями. Иван Столяров видел, как командир с ведомым врзались в строй врата, рассеяли его самолеты и, прикрывая друг друга, вступили в бой с четырьмя «мессерами». Столяров знал, что ему следовало не терять из виду самолет лейтенанта Соболева и оберегать его. Правда, Столяров едва успевал следить за молниеносной каруселью самолетов. Неожиданно два фашистских истребителя резко развернулись и пошли к Соболеву, один заходил в хвост, другой намеревался атаковать сбоку. Соболев пошел на бокового

противника, а Столяров бросился на заходившего в хвост. Фашист резким переворотом через крыло ушел вниз, а в хвост самолета Столярова зашел другой вражеский истребитель.

— Столяров, крутани «бочку», левую «бочку»! — услышал молодой летчик в наушниках голос Сибирина. Не понимая зачем это, Столяров дал рули на «бочку». Выйдя из фигуры, он перед носом своей машины увидел фашистский самолет, который только что гнался за ним. Очередь — и вражеский истребитель, охваченный пламенем, полетел вниз.

— Молодец, Столяров, дал ему прикурить! — крикнул по радио Сибирин.

Бой длился всего каких-нибудь шесть-восемь минут. Столяров не успел увидеть, как ловко сбил одного «мессера» Сибирин, а другого — Пинчук. Не заметил молодой летчик и того, с каким риском для своей жизни защищал его от атак врага заместитель командира эскадрильи Владимир Запаскин.

На аэродроме капитан Сибирин собрал летчиков. Довольный результатами схватки, он неторопливо говорил:

— Пинчук атаковал правильно, неожиданно и решительно, а вот Лобашов увлекся. Ему нужно было прикрывать Пинчука, а он оторвался. Это могло дорого стоить. Нужно всегда помнить суворовское правило: «Сам погибай, а товарища выручай».

Обращаясь к Столярову, командир сказал:

— Для второго боевого вылета дрался хорошо, только горячился зря.

Прошло десять дней, насыщенных жаркими схватками. Шестерка капитана Сибирина сбила четырнадцать немецких самолетов, не потеряв ни одного своего. За боевые заслуги, смелость, отвагу и умелые действия, проявленные в этих боях, все летчики эскадрильи были награждены орденами.

Летом 1943 года на аэродроме, где базировалась эскадрилья капитана Сибирина, находились и самолеты эскадрильи «Нормандия». Французские летчики проделали путь из Алжира в Советский Союз и теперь самоотверженно сражались против поработителей своей родины.

...Сорок немецких бомбардировщиков под охраной истребителей спешили к переднему краю. Перехватить бомбардировщиков на подходе к полю боя, разбить их строй, отогнать, уничтожая разрозненные самолеты, — такова была задача группы наших самолетов, возглавляемой гвардии капитаном Сибириным.

— «Юнкерсов» атакуем в лоб. Внимание, я атакую первым, — радирует капитан и начинает двенадцатый в тот день воздушный бой.

Веда пушечно-пулеметный огонь, группа пронизывает строй бомбардировщиков. Гитлеровцы теряют боевой порядок и огневое взаимодействие. Сделав большой разворот, самолеты Сибирина разворачиваются для новой атаки, но восемь фашистских истребителей, прикрывавших «юнкерсы», преграждают им путь.

Сибирин, быстро оценив обстановку, принял решение и мгновенно осуществил его. Увлекая за собой всю группу, он с разгона нырнул под «фокке-вульфы» и выскочил с противоположной стороны. Пока озадаченные немецкие истребители укладывали машины в крен, чтобы определить, куда делся противник, Сибирин вывел свою группу для атаки бомбардировщиков с принижением. Вывел и дал из пушек порцию бронебойных и зажигательных снарядов, а потом, сделав молниеносный переворот, ушел в сторону, чтобы набрать высоту для новой атаки. Два «юнкерса» пошли к земле, оставляя за собой черный след дыма.

В последующих атаках в машине капитана Сибирина был пробит бензиновый бак в левой плоскости. Оставшегося бензина могло хватить только на то, чтобы вернуться на свой аэродром. Сибирин повернул к дому.

В этом же бою участвовали летчики эскадрильи «Нормандия». В момент, когда самолеты Сибирина атаковали первые три группы вражеских бомбардировщиков, старший лейтенант Дидье Бегер и его ведомые Метис и Лярже обрушились на четвертую группу. Атака была проведена с таким напором, что строй немецких бомбардировщиков рассыпался, как карточный домик. Французские летчики сбили три и подбили два фашистских самолета.

В азарте боя Лярже погнался за недобитым «юнкерсом», настиг его и поджег. Но Лярже совершил ошибку, оторвавшись от своих. Два фашистских истребителя напали на его самолет и подожгли. Летчик был ранен. Отважный пилот нашел в себе силы выпрыгнуть из самолета на парашюте. Когда раненый летчик повис на шелковом куполе парашюта, к нему ринулись оба фашиста. Они убили бы его, если бы на помощь не подоспел Сибирин.

Увидев двух стервятников, кружившихся возле француза, Сибирин изменил курс своего самолета и кинулся на врагов. Он знал, что, израсходовав горючее, уже не сможет долететь до своего аэродрома, тем не менее не колебался ни минуты. Сибирин поджег один фашистский истребитель, а второго увлек на высоту, чем дал возможность Лярже благополучно приземлиться на своей территории.

Это дорого стоило Сибирину. Горючее иссякло, да и у самого не было ни сил, ни средств, чтобы вести бой. Но он бросился в новую атаку, скорей демонстративную, чем действительную. Сила его боевой ярости была так велика, что враг, который теперь мог бы легко его сбить, повернул вспять и бежал.

Сибирин выиграл бой, спас товарища, сбил вражеский самолет. Надо было немедленно садиться. Но враг мог заметить его посадку, его неспособность сражаться и, вернувшись, расстрелять на земле. Надо было продержаться еще несколько минут, и это были самые трудные минуты. Потом, когда вражеский истребитель скрылся, Сибирин, не выпуская шасси, сел на «живот» самолета с остановившимся мотором.

...Экипажи, вернувшиеся с задания, ужинали в столовой. Отсутствовали Сибирин и Лярже. Поэтому не было в этот час обычного оживления ни за столами французских летчиков, ни за столами их боевых друзей-гвардейцев.

К концу ужина в столовую вбежал кто-то из техников и громко крикнул:

— Идут! Наши идут!

Все выбежали из столовой.

По летному полю Сибирин вел Лярже, бледного, с перевязанной рукой. На бинтах выступали красные пятна крови. У обоих были счастливые улыбки. Летчиков подхватили и понесли на руках.

...1 июня 1944 года Сибирин вернулся из разведки и, посадив машину, начал рулить к стоянке. Там почему-то толпились люди. По мере того как капитан приближался к стоянке, он узнавал среди собравшихся своих боевых друзей: Запаскина, Ляпунова, Пинчука и других. Лица у них были веселые, радостные.

Друзья не дали Сибирину спуститься с самолета на землю. Его подхватили на руки и начали качать.

— Стойте!.. В чем дело? — спрашивал он.

Наконец его поставили на ноги.

— Поздравляем с присвоением звания Героя Советского Союза! — хором кричали товарищи.

Взволнованный и растроганный Сибирин сказал:

— Спасибо вам... за поздравление спасибо, за все... Это вы помогли мне воевать как следует, бить врага по-русски, по-гвардейски. В моем награждении есть ваша великая заслуга. Без вас я ничего бы не достиг...

Прошло четыре суровых военных года. Начав войну младшим лейтенантом, Семен Алексеевич Сибирин закончил ее гвардии майором, командиром прославленного в боях гвардейского истребительного авиационного Витебского дважды Краснознаменного ордена Суворова полка.

После войны Герой Советского Союза Семен Алексеевич Сибирин своим трудом содействовал замечательным достижениям могучей советской авиации.

Осуществилась мечта Сибирина, его послали на учебу. Учился он отлично. С жадностью впитывал в себя все новое.

«Занимаюсь очень много, — писал он друзьям, — настоятельно советую и вам учиться серьезно и настойчиво. Техника так быстро и неуклонно развивается, что если не учиться, то можно очень скоро отстать от жизни. А для нас с вами отстать — это, пожалуй, самое страшное в нашем деле. Нельзя быть отстающим. Этого Родина, наш народ нам не простит и не позволит».

Получив новые знания, Семен Алексеевич весь отдался любимому делу, но работать ему пришлось недолго. 6 мая 1949 года Сибирин трагически погиб при исполнении служебных обязанностей.

Боевые подвиги С. А. Сибирина — яркий пример воинской доблести верных защитников нашей великой матери-Родины.

1960 г.

Л. Большаков
БЕССМЕРТИЕ ГЕРОЯ

Герой Советского Союза
Василий Прокофьевич Синчук

Воспитанник Орского аэроклуба, а затем первого Оренбургского военно-авиационного училища Василий Прокофьевич Синчук прибыл на фронт в сентябре 1942 года.

25 октября, сопровождая штурмовиков, он умело отразил атаки истребителей противника и сбил первый вражеский самолет. При возвращении с боевого задания удалось обнаружить группу транспортных самолетов гитлеровцев. Несмотря на численное превосходство врага, Синчук напал на них и тремя последовательными атаками сбил еще три самолета.

Слава о молодом летчике разнеслась по всему Волховскому фронту. За героизм Синчук был награжден орденом Красного Знамени.

Шли дни, и каждый из них был заполнен боями с врагом.

Однажды, вылетев в район боевых действий на перехват фашистских самолетов, Синчук обнаружил машины, с которых гитлеровские наблюдатели корректировали артиллерийский огонь. Заметив наших истребителей, корректировщики стали уходить под прикрытие сильного огня своей зенитной артиллерии. Тем не менее Синчук догнал обе вражеские машины и, атаковав их поочередно в хвост, сбил первую и сжег вторую.

В боях росло мастерство летчика. Все более зрелыми становились его действия. В один из июльских дней 1943 года, сопровождая группу бомбардировщиков, он встретил четыре «фокке-вульфы». Гитлеровцы пытались атаковать наших бомбардировщиков, но Синчук разгадал замысел врага, опередил его истребителей и сбил две фашистские машины.

За полтора года боевой жизни отважный сокол прошел путь от рядового летчика до помощника командира полка. На фронте он стал членом Коммунистической партии. Сохранилась характеристика В. Синчука, написанная в 1943 году.

«Делу Коммунистической партии и социалистической Родине предан, — говорится в ней. — Среди личного состава полка пользуется деловым авторитетом. Над повышением своих знаний работает повседневно. Опыт боевых действий изучает как индивидуально, так и в группе с летным составом. Им произведено 240

боевых вылетов на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков, а также разведку и штурмовку войск врага. В проведенных тридцати пяти воздушных боях сбито одиннадцать самолетов противника. Как помощник командира полка на боевых примерах Синчук показывает летному составу, как нужно использовать вооружение самолета «Ла-5», в результате чего за короткий промежуток времени — июль — август 1943 года — летчиками в воздушных боях сбит двадцать один вражеский самолет».

А вот что написал в те же дни парторг полка А. Кузьменко матери летчика:

«Дорогая Улита Ивановна! Я хочу порадовать Вас героическими делами Вашего сына Василия. Он с первых дней своих боевых действий показал мужество и отвагу, высокое мастерство воздушного бойца. Ему Родина доверила грозное оружие — скоростной истребитель. На своем быстрокрылом «ястребке» он уничтожил сотни фашистов... Все наши летчики стараются летать и драться с воздушным врагом, как летает и дерется Ваш сын Вася.

...Улита Ивановна! Передайте наш привет всем близким и знакомым Василия и скажите, что мы гордимся его подвигами».

* * *

Зорко всматриваясь вдаль, Синчук увидел то, о чем его предупреждали с земли. До двух с половиной десятков немецких бомбардировщиков шли клином, по восьми-девяти самолетов в группе. Истребителей среди них не было. И это заставляло особенно насторожиться.

С полной бомбовой нагрузкой «юнкерсы» летели медленно. Казалось даже, что они просто висят в воздухе. Расстояние между ними и советскими истребителями быстро сокращалось.

Враг, конечно, заметил «ястребков», но, уверенный в том, что его численное превосходство заставит советских летчиков отказаться от нападения, не меняя порядка и курса, продолжал идти к цели.

— Пойдем в лобовую атаку! — передал по радио Синчук.

Истребители ринулись в атаку. В разных местах разгорелись бои.

Счет открыл Синчук. Вплотную приблизившись к вражеской машине, он дал по ней длинную очередь. Самолет задымил и стал падать.

Стремительная атака советских истребителей ошеломила гитлеровцев. Боевой порядок «юнкерсов» был нарушен. В наступившей сумятице два вражеских самолета столкнулись и полетели вниз. Объятый пламенем, падал еще один «юнкерс». С ним расправилась соседняя пара истребителей. Сам Синчук уже достиг вторую машину и ударил по ней из пулемета, когда заметил, что к месту боя приближаются «фокке-вульфы». Их было шесть. И летели они на большой высоте, рассчитывая, видимо, на внезапный удар.

— С юга подходят вражеские истребители, — передал Синчук по радио товарищам. В этот момент он увидел, что «юнкерс», по которому вел огонь, потерял управление и стал падать.

«Фокке-вульфы» вступили в бой. Два из них сразу атаковали ведущую пару — Синчука и Ершова, но тут же отвалили. На выручку боевым друзьям бросился Закревский. Он приблизился к ведомому вражеской пары и дал короткую пулеметную очередь. Однако в это время снаряд угодил в крыло самолета Закревского.

Гитлеровцы, словно стервятники, набросились на подбитый самолет.

— Раненых бить не боитесь! — гневно крикнул Синчук. Вместе с Ершовым он атаковал «фокке-вульфы», которые быстро отошли в сторону. Закревский получил приказ возвратиться на свой аэродром.

Ободренные подходом своих истребителей, «юнкерсы» стали снова пробиваться к цели. Но «фокке-вульфы» их уже не поддерживали. Потеряв два самолета, вражеские истребители повернули обратно.

Краснозвездные «ястребки» устремились за «юнкерсами». Вот, наконец, открылась возможность расстрелять с короткой дистанции самолет, который Синчук приметил раньше. Он поймал его в перекрестие прицела и нажал гашетку... Однако в этот же момент он ощутил, что всегда безотказная машина его не слушается. Рванул ручку на себя, пытаясь набрать высоту, но самолет начал валиться на крыло.

Повреждение было серьезным. До аэродрома не дотянуть. Внизу враг, который следит за каждым движением. Выброситься с парашютом — значит наверняка попасть в руки гитлеровцев.

Самолет быстро терял высоту. Синчук видел, как самоотверженно прикрывали его товарищи, настоящие боевые друзья. Нечеловеческим усилием заставив самолет повиноваться, Синчук пошел на таран и срезал хвост у одного из «юнкерсов». Вражеская машина упала вниз...

В этом своем последнем бою капитан Синчук увеличил счет сбитых вражеских самолетов до восемнадцати.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 года В. П. Синчуку было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Через семь лет после героической гибели Синчука в Орск, его родителям пришло письмо от Никанора Федоровича Капустина, председателя сельсовета в Уторгошском районе Новгородской области.

«В нашей деревне, — писал Н. Ф. Капустин, — до сих пор помнят воздушный бой, который разгорелся в феврале 1944 года, когда советские истребители разметали в семь раз превосходившую их по численности вражескую стаю.

О доблести наших соколов долго напоминали остовы фашистских машин, валявшиеся на болоте. Знали

мы, что где-то неподалеку должен быть и наш истребитель, сбивший в этом бою три самолета. Но его, как видно, засосала трясина.

Лето 1951 года в наших краях выдалось знойное. Впервые за многие годы болото подсохло. Два школьника отправились туда собирать металлический лом. Неожиданно они увидели кусок крыла самолета.

Ребята позвали на помощь взрослых. Мы бережно извлекли самолет. В нем оказалось тело летчика. Семь лет пролежало оно, но сохранилось. Не тронутыми временем оказались и документы. Мы раскрыли партийный билет летчика и впервые узнали имя того, чей подвиг давно уже стал для нас легендарным. «Синчук Василий Прокофьевич» — прочли мы там».

Похороны Василия Синчука были многолюдными. Со всего района собрался народ в поселок Уторгош, чтобы проводить в последний путь славного сына Родины. Воинские почести воздали ему бойцы Ленинградского военного округа.

С огромной любовью относятся новгородцы к памяти героя-летчика. Гранитный обелиск на его могиле до поздней осени утопает в цветах.

Герой бессмертен в сердцах народных. Именем Василия Синчука названы переулок в Орске, улица в совхозе «Восточный», что в Адамовском районе Оренбургской области, школа в Актюбинской области, многие пионерские дружины и отряды.

Это имя повторяется в десятках, сотнях писем, которые приходят к родителям В. П. Синчука в Орск. Откуда бы они ни прибыли, кто бы их ни написал, каждый говорит о своем восхищении замечательными подвигами славного сына народа, о своем стремлении быть таким же стойким перед лицом трудностей, каким был Василий Синчук.

Вот письмо из Ленинграда. Его написала жена военнослужащего Валентина Кузьмина:

«Дорогие Улита Ивановна и Прокофий Степанович! Вам, конечно, будет неудивительно получить мое письмо, так как вы их, наверное, получаете часто и много со всего Советского Союза.

Много горя принесла народу война. У меня погиб отец, мать умерла во время вражеской блокады Ленинграда. Мой муж с первых дней войны был на фронте.

Все мы хорошо помним, какие бедствия и переживания несет с собой война. Еще больше растет наша ненависть к тем, кто хочет снова свергнуть народы в кровопролитную битву, кто мечтает прервать наш мирный и счастливый труд, поставить свободных людей на колени. Не выйдет! Мы еще внимательнее и зорче будем следить за происками поджигателей войны. А если придется, то по первому зову партии и правительства поднимутся миллионы таких, как ваш Василий, и всякого, кто посмеет напасть на Советский Союз, на страны социалистического лагеря, ждет сокрушительный и беспощадный разгром. Пусть об этом не забывают враги.

Ваш Василий всегда будет жить в нашей памяти, в наших сердцах. Мой муж, офицер, рассказывает своим солдатам о нем, чтобы они брали пример с замечательного сына Родины. Таким же, как Василий Синчук, мы постараемся воспитать и нашего маленького сына Юру.

Крепко целуем вас, как самых родных людей».

Девушка из села Казанки Оренбургской области Шура Васильева пишет о делах своего родного колхоза. А далее — от сердца идущие слова о герое:

«Я часто и долго думаю о нем. Таких соколов народ не забудет никогда. Они погибли, но дела их будут жить вечно в сердцах людей. Спасибо, что вырастили такого сына».

Письма идут из Сибири и Казахстана, из Вологодской области и Белоруссии...

...В одном из домов культуры Орска состоялся вечер, посвященный героям-землякам. Имя Василия Синчука произносилось здесь особенно часто. Взволнованно звучал голос токаря Федора Степанова, когда он читал свое стихотворение:

Отважных у Родины много,
Бессмертье таким по плечу.
На подвиг спокойно и строго
Пошел капитан Синчук.

В неравном бою с палачами,
В тяжелом воздушном бою
Прикрыл он своими плечами
Отчизну родную свою.

Погиб, но бессмертным навеки
Останется в сердце людском.
Как символ борца-человека
В себе мы его понесем!

Слава героя неугасима, немеркнуща!

1960 г.

А. Михневич
ТРОЕ НА ТОМ БЕРЕГУ

Герой Советского Союза
Михаил Михайлович Слободсков

Стояла теплая осень.

Тронутые золотом густые прибрежные леса казались тихими и безлюдными, но эта тишина была обманчивой. Под пологом лесов, в рощах, оврагах накапливались войска. В небе не утихал шум моторов, то и дело завязывались воздушные бои. Наша артиллерия держала под непрерывным обстрелом позиции немцев на правом берегу Днепра. Немцы отвечали. Напряжение росло, чувствовалось, что вот-вот должны начаться решительные действия.

Разведывательная рота расположилась в полуразрушенной деревушке в двух километрах от Днепра.

Вечерело. Группа солдат-разведчиков, среди которых был и Михаил Михайлович Слободсков обедала. Сидели в садочке, перешучивались и усиленно работали ложками. Немолодая хозяйка с материнской нежностью смотрела на молодежь, украдкой вытирая глаза концами головного платка. Кто знает, может быть, через несколько часов этим веселым хлопцам придется идти в огонь, под пули, на смерть? У нее самой муж и сын два года назад ушли в армию. Где-то они теперь? Она вынесла корзинку яблок, и солдаты дружно принялись за неожиданное угощение.

— Что-то Мишка Слободсков приумолк у нас нынче, — сказал, подмигивая, Саша Черных, лукавый сибиряк. — А и букет забыть не может?

Солдаты засмеялись.

Несколько дней назад машина с разведчиками остановилась в пути у колодца. Шофер уже кончил заливать воду в радиатор, завел мотор, а в это время из ближнего двора выскочила черноглазая девчонка лет шестнадцати, подбежала к машине и кинула букет ярких астр, да так кинула, что он упал как раз на колени Слободскову.

— Повертайтесь з перемогою! — крикнула она звонко.

Машина быстро удалялась, а девушка стояла у дороги и махала тонкой рукой.

Об этом и напомнил Саша, но Слободсков промолчал. Весь день он был сам не свой, порой с трудом

удерживал слезы. Утром он получил из Оренбурга письмо от отца о смерти брата Ивана.

«Умер в госпитале от ран, — писал отец. — Я извещение матери не показывал и боюсь ей сказать. Она еще не пришла в себя после смерти Лукьяна, и снова такое горе. За один год двух сыновей потерять! Хотя ты, Миша, себя береги».

Разведчики не успели поесть, как у ворот послышался громкий голос:

— Слободсков! К лейтенанту.

Слободсков, схватив автомат и на ходу застегивая шинель, побежал к хате, где находился командир роты.

В хате окна были плотно завешены, на столе горела крохотная керосиновая лампочка. Кроме лейтенанта, у стола сидели генерал-майор из штаба и еще двое с немецкими автоматами, в шинелях без погон.

Слободсков, волнуясь, доложил о прибытии.

— Вот что, — сказал генерал, подняв лицо от карты, — нам на этом берегу лишнего часа нельзя сидеть, наше дело двигаться дальше, истреблять фашистов. Нужно идти в разведку. Вас рекомендовал лейтенант. Возьмите с собой двух бойцов, рацию и сегодня же ночью — на тот берег. Товарищи партизаны вам помогут, — генерал указал на людей с автоматами. — Наблюдать и доносить, себя не выдавать, огня не открывать. Остальное вам объяснит лейтенант...

Глубокой ночью Михаил Слободсков, Александр Черных и Иван Шаманов в сопровождении двух партизан вошли в заросли лозняка на берегу Днепра. Раскаты орудийных выстрелов не утихали. Время от времени в небо взлетала осветительная ракета, озаряя бледным светом черную широкую реку и пустынные берега. Ракета гасла, и после этого темнота казалась еще плотнее.

В кустах был приготовлен плотик. Едва погасла очередная ракета, как пять пар крепких рук спустили плотик на воду, перенесли на него оружие, боеприпасы, радиостанцию, продукты. Солдаты перешли на шаткий плотик, который сразу погрузился, но остался на плаву, чуть возвышаясь над водой. Партизаны оттолкнули плотик.

— Ну, счастливо доплыть, братья, — проговорил тихо один из них, — гребите покрепче и скоро под тою кручею будете. Там вас фрицы и не побачать. Та не забудьте — по берегу мин багато насовано.

В темноте никакой кручи не было видно. Река быстро несла плотик, солдаты молча гребли. Наконец зашуршал прибрежный песок. С величайшей осторожностью, быстро и беззвучно разведчики разгрузили плотик и оттолкнули его от берега.

Шли по узкой зыбкой отмели гуськом. Остановливались, прислушивались, шли дальше. Попали в густые колючие заросли и по ним поднялись к крутой стене откоса. Здесь, у основания откоса, среди деревьев и кустов, в сотне метров от воды, в воронке от разорвавшегося снаряда сложили свое добро, установили рацию.

Радист Шаманов немедленно кодом сообщил в штаб, что переправились благополучно. Передача была самая короткая, чтобы не дать немцам возможности засечь рацию.

Мрак окружал трех храбрецов, а где-то рядом притаился враг, жестокий и беспощадный.

Прижавшись друг к другу, сидели под мелким дождем, прислушиваясь к каждому звуку. Потом Шаманов остался в кустах, а Черных и Слободсков осторожно двинулись вдоль берега, нашли овражек, по склону которого поднялись к опушке рощицы. Стало чуть светлее. Где-то впереди ярко вспыхивали разрывы снарядов нашей артиллерии. Разведчики углубились в рощицу и, услышав немецкую речь, замерли в чаще деревьев. В полусотне шагов прошло человек десять немцев не то с винтовками, не то с лопатами в руках и пропали во мгле.

Солдаты двинулись дальше, наткнулись на колючую проволоку, повернули в сторону. В ложбине под деревьями заметили штабель ящиков, видимо, с боеприпасами, около них темнела фигура часового. Бросить несколько гранат — и боеприпасов как не бывало, но ввязываться в бой было запрещено.

На обратном пути едва не столкнулись с другим небольшим отрядом, позади которого ехала повозка с кольями и колючей проволокой. Лежа в кустах у тропинки, разведчики слышали русскую речь. «Власовцы», — решили разведчики. Предатели в мундирах вермахта шли на оборонительные работы и переругивались между собою.

Слободсков и Черных вернулись к Днепру, по приметам нашли место, где оставался Шаманов. Тотчас по радио сообщили в штаб об укреплении немцами прибрежной полосы и о присутствии власовцев.

Отходить днем от убежища было рискованно, тем более, что и с советского берега могли открыть огонь по движущимся фигурам. Тем не менее разведчики по очереди, ползком, прячась в кустах, несколько раз в течение дня поднимались по овражку наверх. Было замечено движение групп немецких саперов. На небольшой поляне, совсем недалеко от места, где укрывались разведчики, фашисты устанавливали мины, еще дальше рыли траншеи, маскировали огневые точки.

Так прошел день. Похолодало. К берегу прибило несколько трупов солдат. Видно, где-то выше по Днепру шли бои на переправах.

С наступлением сумерек Слободсков и Черных рискнули продвинуться дальше. Несколько раз приходилось залегать и ждать, так как попадались группы гитлеровцев.

Когда разведчики опушкой леса подошли к оврагу, то увидели на дне его несколько танков, бензовозов, грузовиков, замаскированных ветвями.

Возвратились на берег и немедленно сообщили по радио своим о скоплении вражеской техники.

Разведчики слышали, как наша артиллерия начала обстрел фашистских танков, сосредоточенных в овраге.

На следующий день огонь советских батарей резко усилился. В прибрежной полосе стала накапливаться пехота врага. Все же под носом у фашистов наши смельчаки вели разведку. Ради осторожности перенесли рацию на новое место, более укрытое.

Наступила третья ночь, и она снова прошла без сна, под грохот непрерывной канонады.

Перед рассветом недалеко от места, где укрывались разведчики, появились фашисты. Они что-то искали, обшаривали местность, порой открывали огонь из автоматов по прибрежным зарослям. Потом ушли. Утром гитлеровцы возобновили прочесывание местности.

Теперь разведчики не сомневались — их присутствие на правом берегу обнаружено, радиостанцию засекали, но уходить было поздно. Приготовили автоматы, гранаты.

Немцы вначале двигались цепью, потом залегли. Слободсков приказал Шаманову вызвать по радио огонь на себя.

Вокруг разведчиков начали рваться фашистские мины. Их осколки разлетались со зловещим свистом. Один из них впился в грудь Шаманову, другой повредил рацию. Шаманов хотел что-то сказать, но тут же свалился на бок и затих навеки.

Залегшие во время короткого минометного налета фашисты снова поднялись. Их было человек двадцать, разведчиков только двое. Гитлеровцы приближались медленно, осторожно.

Слободсков в страшном волнении считал секунды. Почему наши тянут, не дают огня? Неужели в дивизии не поняли?

Когда фашисты были в пятидесяти шагах, разведчики метнули из кустов одну за другой по две гранаты и открыли огонь из автоматов.

В это время грозно заговорил левый берег Днепра. С грохотом обрушились на прибрежную полосу фугасные снаряды. Тонны песка, целые деревья взлетели в воздух. Где гитлеровцы? Нет их!

Слободсков и Черных лежали на дне воронки, тесно прижавшись друг к другу. Земля дрожала, камни, песок, ветки сыпались на них сверху.

Внезапно огневой налет прекратился. Наша артиллерия перенесла огонь в глубь фашистской обороны. Зато близко на этом берегу начали стрелять пулеметы и автоматы. Это наши переправившиеся части выбивали фашистов из прибрежных укреплений.

Вскоре разведчики увидели бойцов своей части, а через некоторое время разыскали командира роты, которому доложили обо всем, что знали о фашистских частях на этом берегу.

Через несколько дней командир дивизии по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил М. Слободскову и А. Черных орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза за героизм, проявленный при форсировании Днепра. Генерал по-отечески обнял разведчиков и пожелал им новых успехов.

* * *

Советские войска форсировали Днепр и успешно развивали наступление дальше на запад. В одном из боев Михаил Слободсков был серьезно ранен и во второй раз очутился в госпитале. Оттуда он вышел через несколько месяцев.

В бою на реке Неман Слободсков наступил на мину. Долго лечился в госпитале. Много усилий приложили врачи, чтобы вернуть его в строй, но это не удалось: ногу пришлось ампутировать.

Весной 1945 года, за несколько дней до капитуляции гитлеровской Германии, Герой Советского Союза Михаил Михайлович Слободсков возвратился в родной Оренбург.

Война не дала возможности Михаилу Михайловичу получить специальное образование: он ушел в армию со школьной скамьи.

Теперь надо было на трудовом фронте найти свое место в рядах строителей коммунистического общества.

Не успели отгреметь салюты в честь победы над Германией, а Михаил Михайлович уже принялся за учебу. Учился он с редким увлечением и упорством. Окончил курсы бухгалтеров, кооперативный техникум.

Сейчас он работает в системе торговли. Женится, растит детей.

— Страшное дело — война, — говорит Михаил Михайлович, — сколько горя, невыразимых страданий принесла она человечеству. У меня погибли на войне два брата, убит зять, я вернулся домой инвалидом. Все мы, советские люди, горячо поддерживаем политику мира, проводимую советским правительством. Наши дети должны быть избавлены от ужасов войны!

1960 г.

А. Кустов
НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Герой Советского Союза
Василий Андреевич Сорокин

Осенью 1930 года молодежь села Студеного Илекского района провожала в Красную Армию группу юношей. Среди отъезжающих был и 22-летний колхозник Василий Сорокин.

В армии он прошел большую школу, окончил артиллерийское и танковое училища.

Война застала его на Западной Украине. В Действующей армии Сорокин был назначен командиром взвода связи одной из танковых бригад. Ему и его связистам не раз пришлось проявлять в боях храбрость и находчивость. Орденом Красной Звезды да рубцы от ран остались памятью о тех днях.

Позже Сорокин командовал танковой ротой. В числе первых он на своей командирской машине ворвался в Киев. Орденом Красного Знамени отметила страна его участие в освобождении столицы советской Украины.

Вскоре Василий Андреевич был ранен и отправлен в госпиталь.

В мае 1944 года капитана Сорокина направили на Урал. Здесь он формировал роту, принимал машины, готовил личный состав к боям.

— Не пойму нашего командира, — говорил лейтенант Поляков. — Боевой он человек, знающий, а вот слова теплого от него не слышал.

«Открываться» Сорокин стал с одной из запомнившихся Полякову ночей. Лейтенант проснулся от раздавшегося рядом стона.

— Что, капитан, сон плохой увидел?

— Стонал, значит, не удержался? Осколки проклятые беспокоят. Так и до наших медиков дойдет. И пожалуйста на операционный стол! А сейчас, сам знаешь, какое время — на Берлин скоро.

Нелегко давалась Сорокину его выдержка. Только крепкая воля, желание до конца служить Родине помогли ему оставаться в строю.

Формирование танковой роты шло к концу. Когда был получен приказ о выезде на фронт, она представляла из себя единую семью, спаянную крепкой дружбой. Танкисты поняли и полюбили как родного своего командира — человека высокого долга, живущего одной мыслью: быстрее приблизить день победы.

...Танковая бригада получила приказ с ходу форсировать Западный Буг. Береговые подступы местами были минированы. Активно действовала вражеская авиация.

Начать переправу было приказано роте Сорокина. На большой скорости пошли машины. Башни заливало водой, но мощные «тридцатьчетверки», ведомые смелыми людьми, не подвели.

На западном берегу танкистов ждало препятствие — труднопроходимое болото шириной километра в два. На преодоление его израсходовали почти два часа. И шли под непрерывным огнем авиации. Вырвавшись на просторы, преследуя противника, танкисты смело вступали в бой, добивались победы даже в неравных схватках.

...Утром советские воины вышли на подступы к небольшому польскому городу. С левого фланга и фронта враг вел мощный артиллерийский и минометный огонь. Появились фашистские штурмовики.

Рота Сорокина должна была обойти город и преградить путь отступающим гитлеровцам. О том, как она действовала, лаконично говорит боевое донесение командира батальона:

«Когда на шоссе появились колонны отступающих немцев, танкисты стремительно атаковали их. Офицер Сорокин смело и решительно вел свою роту вперед. Наши танкисты разгромили колонны, уничтожили 9 орудий, 90 автомашин, 6 минометов, 12 пулеметов, перебили 440 фашистов».

На следующий день танковый батальон прорвался в тыл врага. Первой шла рота Сорокина. В лесной чаще, около железнодорожной линии разведка донесла о приближении бронепоезда противника. Сорокин организовал засаду. Поезд был встречен дружным огнем. Паровоз сразу окутался паром. Фашисты, придя в себя, открыли ответный огонь, но было уже поздно. Советские танкисты уничтожили вражеский бронепоезд.

Через несколько дней рота Сорокина внезапно ворвалась на железнодорожную станцию, уничтожила два эшелона с боеприпасами, захватила четыре склада.

В самые трудные минуты танкисты знали, что их командир осторожен и рассудителен. По радио всегда был слышен его спокойный голос.

Родина высоко оценила боевые подвиги гвардии капитана Василия Андреевича Сорокина, участника боев за освобождение польской земли. 27 февраля 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Весь личный состав роты был награжден орденами.

Никогда не покидала коммуниста Сорокина вера в победу над врагом. Ни в дни, когда наша армия отходила на Восток, ни во время ожесточенных боев на Волге, ни в момент, когда он выскакивал из объётого огнем танка... Эта светлая вера через множество испытаний привела Сорокина, теперь уже заместителя командира танкового батальона, на дальние подступы к Берлину.

...Апрель 1945 года. Сорокин получил приказ разведать один из сильно укрепленных рубежей противника. Капитан отправился на танке своей бывшей роты. Подойдя к безымянной речушке, Сорокин вылез из машины и стал в бинокль наблюдать местность, передавая радисту результаты наблюдения. В этот момент противник открыл артиллерийский и минометный огонь. Одна из мин угодила в башню танка-разведчика. Капитан был ранен.

День победы гвардейцы танкисты встретили в Берлине. Но не было в их рядах капитана Сорокина. Прошел даже слух, что он скончался в полевом госпитале.

Но не умер герой-танкист. Долго и упорно боролись врачи за его жизнь. Спасло его железное здоровье и воля, желание жить, приносить пользу своей Родине.

В 1948 году Герой Советского Союза В. А. Сорокин возвратился в село Студеное, откуда восемнадцать лет назад его проводили в армию. Активно включился Василий Андреевич в работу. Вскоре его избрали секретарем колхозной партийной организации.

Сейчас В. А. Сорокин на пенсии. Он выполняет большую общественную работу.

1967 г.

Л. Большаков
ВСЕГДА В СТРОЮ

Герой Советского Союза
Виталий Андреевич Сорокин

Виталий Андреевич Сорокин вместе с грамотой о присвоении ему звания Героя Советского Союза бережно хранит письмо, полученное от боевых товарищей вскоре после окончания Великой Отечественной войны:

«Здравствуй, Виталий, — писали однополчане. — Мы, весь личный состав эскадрильи, с которой ты прошел долгий и тяжелый боевой путь, сегодня, услышав Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении тебе высокого звания Героя Советского Союза, от всей души поздравляем тебя с высокой наградой и желаем тебе счастливой жизни на трудовом фронте.

Мы никогда не забудем тех дней, когда ты вместе с нами рука об руку шел в бой с врагом, не жалея ни сил, ни жизни во имя победы. Не забудем и то, что ты до последнего момента дрался в бою, тяжело раненый выполнил боевой приказ Родины, спас машину и экипаж.

Твой героический подвиг будет для нас всегда примером. Так любить и защищать Родину будем и мы. На твоём примере будем учить новые пополнения нашей части.

Тебя сейчас нет среди нас, но мы душой и сердцем разделяем гордость за твою награду. Мы с тобой, и ты будешь всегда с нами.

Желаем тебе, Виталий, хорошего здоровья, долгих лет жизни и труда на благо нашей Родины, нашего народа.

До свидания, наш любимый герой!

Крепко жмем твою руку».

Под письмом подписи друзей: Герой Советского Союза Степан Давиденко (он рекомендовал Сорокина в партию), штурман Николай Легков (вместе с ним участвовал Сорокин во многих боевых вылетах).

И еще один документ хранит Виталий Андреевич. Это «Личная летная книжка пилота». На ее страничках отражен весь его путь в авиации.

...Выпуск в Оренбургском военно-авиационном училище состоялся глубокой осенью грозного 1941 года. Молодые летчики рвались на фронт. Однако вместо фронта Сорокина направили в запасный полк осваивать самолет «Пе-2».

Потянулись месяцы напряженной боевой учебы. С мыслью о Советской Родине, с горячим стремлением скорее пойти на врага, встретиться с ним, чтобы победить, начинали и заканчивали учебный день.

В середине 1943 года учеба закончилась. В «Личной летной книжке пилота» Сорокина появилась лаконичная запись:

«Летает уверенно, смело и грамотно. В сложной обстановке не теряется. Имеется полная возможность использовать в скоростной пикирующей бомбардировочной авиации».

10 июля 1943 года Сорокин впервые вылетел на выполнение боевого задания — бомбардировку скопления вражеской техники в районе станции К. Задание было выполнено.

На Орловско-Курском направлении молодому летчику вместе с товарищами по эскадрилье приходилось вылетать почти каждый день, сбрасывая на врага смертоносный бомбовый груз.

Случалось попадать в тяжелые положения, но выходил он из них победителем. В августе огнем зенитки был выведен из строя один из моторов его самолета. Летчик не растерялся. Он умело использовал возможности машины и выполнил задание.

Уже через два месяца после прибытия на фронт В. А. Сорокин получил орден Красной Звезды.

Белоруссия... Сорокин и его товарищи бомбят скопления живой силы и танков врага, артиллерийские позиции, склады с боеприпасами, мосты.

Польша... Вылет за вылетом — и каждый несет гибель фашистам, приближает их полный разгром. За бои в Польше Сорокин удостоивается ордена Красного Знамени. Не менее дорога ему и вторая награда — медаль «За освобождение Варшавы».

Бои переносятся на территорию Германии.

«11 марта 1945 года. Бомбометание по скоплению живой силы и техники противника в районе Штеттина...»

За этой скупой записью — героический подвиг летчика. Вот что писалось об этом в листовке, выпущенной политотделом:

«Личный состав нашего соединения с гордостью и волнением узнал о новом героическом подвиге, совершенном прекрасным сыном великого русского народа, славным соколом, членом Ленинского комсомола, командиром звена лейтенантом Виталием Сорокиным.

Краснознаменный Орловский пикирующий бомбардировочный полк в течение двух лет воспитывал 23-летнего комсомольца летчика Сорокина. Его учили боевому мастерству, мужеству и отваге лучшие мастера бомбового удара полковник Соколов, майор Лабин, Герои Советского Союза капитаны Дельцов и Давиденко.

Виталий участвовал в Орловско-Курской, Севской, Речицко-Гомельской, Калинковичско-Мозырской, Бобруйской операциях, совершил 70 успешных боевых вылетов, вырос до командира звена. Славный патриот не раз показывал образцы мужества и отваги...

11 марта 1945 года весь полк летал бомбить крупный опорный пункт обороны противника. Задача была чрезвычайно ответственной: требовалось взорвать вражеские укрепления и расчистить нашей наступающей пехоте путь на запад, в логово зверя. Среди всей летящей в бой армады летел и комсомолец Сорокин.

Яростно сопротивляясь, противник подтянул к этому городу много зенитных средств. Едва только показались наши «петляковы», как бесчисленное количество разрывов заполнило небо, трассы из пулеметов пронизывали все пространство. Но «петляковы» продолжали полет. Самолет Сорокина еще не дошел до цели, когда в кабину попал снаряд. Летчик был тяжело ранен. Но воспитанник Ленинского комсомола, преодолевая боль, продолжал полет до цели и отлично выполнил свое задание. Бомбы легли точно в цель.

Перед славным летчиком встала задача — довести самолет до своего аэродрома и тем самым спасти экипаж и машину. Напрягая все силы, всю свою волю, отважный богатырь успешно справляется и с этой задачей.

Отважный сокол сейчас вышел из строя, он находится на излечении в госпитале, но слава о его героическом поступке гремит в нашем соединении, не померкнет никогда».

Так писалось в листовке. Ее дополняет рассказ самого Сорокина:

— Когда мы перелетали линию фронта, зенитный снаряд разорвался у кабины моего самолета. Кабина наполнилась дымом, осколки оторвали четыре пальца правой руки, впились в ногу, грудь. Положение было исключительно тяжелым. Ко мне заглянул штурман Николай Легков. Я подумал, что и он ранен. Но оказалось, что члены экипажа невредимы. Это сразу придало сил.

«Пойдем вперед», — твердо сказал я.

Конечно, принять такое решение было легче, чем его выполнить. Давала о себе знать все более увеличивающаяся потеря крови. Чтобы уменьшить ее, я поднял руку и, держа в таком положении, вел машину.

Когда сбросили бомбы на цель, повернули домой. Надо было во что бы то ни стало дотянуть до своих. Силы убавлялись с каждой секундой. Держаться помогало, наверное, чувство ответственности за жизнь товарищей, за свой замечательный самолет.

Перелетели линию фронта. Аэродром... Придется сажать машину на «живот»... Но ведь после этого она долго не поднимется в небо!

«Выпускай шасси!» — дал я команду штурману.

Охватил согнутой в локте раненой рукой штурвал, высвободил левую и произвел посадку... Что было дальше, не помню. Все слилось, все перемешалось...

...Весть о присвоении звания Героя Советского Союза Виталий Андреевич услышал уже на родной советской земле. Несколько дней спустя в Кремле ему вручили орден Ленина и Золотую Звезду. С этими высокими наградами возвратился он в Орск, откуда еще до войны уехал юношей, имевшим за плечами девять классов средней школы да аэроклуб.

Прошли первые дни, заполненные встречами со старыми и новыми знакомыми. Сорокин изъездил город вдоль и поперек. С восхищением осматривал новые заводы, новые улицы. И с каждым днем укреплялось желание: быстрее за дело.

На нефтеперерабатывающем заводе им. Чкалова, куда поступил работать Сорокин, его поставили во главе участка товарного цеха. Работал он с большим рвением. Задания выполнялись по-военному точно. Все свободное время начальник участка тратил на знакомство с заводом, с организацией и технологией производства, на чтение производственной литературы. Вскоре он стал учиться на вечернем отделении нефтяного техникума. Успешно окончил его.

— Без твердых знаний у нас работать нельзя, — говорит он.

Виталий Андреевич находится в самой гуще жизни. Много лет подряд его избирают членом партийного комитета завода, депутатом городского Совета.

Радостным творческим трудом наполнены мирные дни В. А. Сорокина. Но он не забывает о своих боевых друзьях, об авиации.

Как-то в газете «Советская авиация» был напечатан очерк о трудовых буднях героя. На этот очерк откликнулись многие однополчане. Из авиационной части, в которой служил Сорокин, пришло приглашение приехать на ежегодный традиционный праздник.

И он поехал. Встреча была теплой, сердечной. Гостю преподнесли памятный адрес, подарки.

— Мы храним и всегда будем хранить славные боевые традиции части! — заверили его молодые летчики. Возвратился Виталий Андреевич домой и с новой энергией взялся за работу. Он всегда в строю!

1960 г.

И. Ежкова
ПО СИГНАЛУ КРАСНОЙ РАКЕТЫ

Герой Советского Союза
Михаил Яковлевич Сорокин

На самом берегу Днепра в старинном украинском поселке Радуль стоит обелиск из темно-серого гранита. На его постаменте надпись:

«Здесь в октябре 1943 года Севская краснознаменная дивизия форсировала Днепр и овладела опорным пунктом Щитцы, обеспечив плацдарм. Дивизия в составе 65-й армии вступила на белорусскую землю, освобождая ее от фашистских захватчиков».

Памятник воздвигнут в честь мужества и героизма советских воинов, взломавших мощную линию вражеских укреплений на Днепре.

В легендарную историю битвы за Днепр вошел и ратный подвиг нашего земляка Михаила Яковлевича Сорокина.

Биография его сходна с миллионами таких же, как он, рабочих пареньков, которым Советская власть открыла широкую дорогу в большую жизнь. В семье его отца, железнодорожного стрелочника станции Абдулино, было восемь детей. Михаил закончил ФЗО, работал, потом снова учился, получил профессию инженера-строителя.

Еще комсомольцем, в 1939 году, когда японские самураи пытались прощупать прочность наших дальневосточных границ, Михаил Сорокин участвовал в боях на Халхин-Голе. Там он навсегда связал свою жизнь с Коммунистической партией.

В первые же дни Отечественной войны старший инженер управления Куйбышевской железной дороги М. Я. Сорокин ушел защищать Родину. И в зной, и в стужу, и в слякотное осеннее бездорожье орудийные расчеты под командованием майора Сорокина шли по дорогам войны туда, куда звал их приказ Родины.

«Наступает время нашего праздника, — писал Михаил Яковлевич с фронта своей жене Александре Павловне и дочери Галочке в феврале 1942 года. — Выгоняем фрицев на мороз, они «форсят» в летнем обмундировании, на голове у них шали, а поверх надеты пилотки, эрзац-валенки на четверых одни. Так что скучновато им приходится проводить нашу зиму. Мы одеты тепло с ног до головы... Все горим желанием

побыстрее разгромить гитлеровских мерзавцев».

Письма, полные оптимизма, шли и к матери, в Абдулино. И это в самое тяжелое для нас время. Враг был еще силен, еще упорно цеплялся за каждый рубеж. Наши войска пядь за пядью освобождали родную землю. Позади остались Курск, Десна, Сож. Впереди лежал Днепр. Хмурый, осенний. Гитлеровцы кричали, что здесь будет остановлено наступление русских.

...Вот уже сутки майор Сорокин сидит в окопе, прильнув к окулярам стереотрубы. Дивизион получил приказ: прикрыть огнем переправу передового отряда нашего десанта. Необходимо было провести тщательную разведку вражеской обороны. На карту ложились все новые и новые значки — выявленные огневые точки противника.

Перед рассветом первая группа наших воинов на пароме и лодках тронулась в опасный путь. И вскоре заговорили орудия дивизиона. Артподготовка обеспечила высадку десанта. Наши бойцы с ходу атаковали фашистов и выбили их из первой траншеи. Оправившись от неожиданности, немцы оказали ожесточенное сопротивление, а затем стали теснить наших воинов. У десанта возникла опасность быть прижатым к реке.

— Помогай, друг, — обратился к Сорокину по телефону командир стрелкового полка. — Только смотри не стукни по своим.

Задача была трудной: между фашистами и нашими воинами — всего около ста метров. Но Сорокин верил в своих артиллеристов, и они не подвели. На траншее, в которых находились гитлеровцы, обрушился шквал огня.

Необходимо было расширить плацдарм для переправы главных сил дивизии. С новыми группами ушел за Днепр и майор Сорокин, чтобы на месте корректировать огонь дивизиона.

Фашисты бросались в яростные контратаки. Во время одной из них им удалось пробиться к командному пункту десанта. Это случилось, когда Сорокин добрался до блиндажа.

— Немцы! — крикнула вбежавшая девушка-санинструктор.

Рядом ударили гранаты. Сорокин схватил телефонную трубку. Связь с дивизионом еще действовала. Он передал координаты и сказал:

— Красная ракета — сигнал к открытию огня.

Майор вызывал огонь на себя.

Вместе с десантниками Сорокин стойко отражал натиск осатаневших фашистов. Но наступил момент, когда в небо ушла красная ракета...

Трогательной была после боя встреча артиллеристов со своим командиром, чудом оставшимся в живых.

— Мы, товарищ майор, на волосок в сторону от вашей смерти поправку брали, — радостно шутили они.

Севская краснознаменная дивизия вступила на белорусскую землю. Враг сопротивлялся, бросаясь в новые контратаки, поддерживаемые авиацией и артиллерией. На левом фланге дивизии вражеские части, усиленные танками, прорвались через заградительный огонь. Создалось опасное положение. Намерение врага было ясно: отрезать наши части от берега реки. Командир дивизии приказал артиллерийскому дивизиону майора Сорокина выдвинуться на левый фланг соединения. А спустя некоторое время командир полка, отражавшего танковую атаку, докладывал:

— Отбились, товарищ генерал! Думал: все тут ляжем, но отбились. Благодаря Сорокину! Исключительная точность стрельбы. Прямо перед нами восемь танков горят...

За замечательное мужество, проявленное в боях за Днепр, М. Я. Сорокину было присвоено звание Героя Советского Союза.

— С большой радостью мы услышали по радио эту весть, — рассказывает сестра героя Анастасия Яковлевна, живущая в Абдулино. — Было это в ноябре. А под Новый год мы узнали о гибели Миши.

Михаил Яковлевич Сорокин погиб в декабре 1943 года во время боя близ местечка Острокорма в Белоруссии. Командующий 65-й армией дважды Герой Советского Союза генерал-полковник П. И. Батов в своей книге «В походах и боях» пишет:

«В 69-й дивизии накануне наступления был накрыт огнем наблюдательный пункт одного артиллерийского дивизиона. Погиб его командир, храбрый артиллерист, любимец пехоты майор Сорокин Михаил Яковлевич. Он только успел получить Золотую Звезду Героя, которой был удостоен за беспримерную отвагу при форсировании Днепра и при последующих боях на плацдарме».

«Хороший, смелый командир, большой души человек», — так пишут о Сорокине и его боевые друзья: командир 120-го полка, ныне генерал-майор Бахметьев И. А., командир батареи Шевцов А. И. Его любили все: и офицеры, и солдаты. Личный пример командира заражал их мужеством, звал на подвиг во имя Родины. Шевцов, в частности, в своем письме к вдове Сорокина рассказывает о таком случае.

Стреляли прямой наводкой по дзотам фашистов. У одного орудия заклинило снаряд. Необходимо было выскочить из укрытия и под пулеметным огнем разрядить орудие.

«Я схватил разрядник, — пишет Шевцов, — бросился к амбразуре. Но сильным рывком сзади за гимнастерку был стянут вниз, в укрытие. Это сделал Миша, он сам бросился в амбразуру. И в этот момент ему преградил дорогу рядовой Беланц. Он вырвал у Миши разрядник, мгновенно выскочил в амбразуру, разрядил пушку и невредимым возвратился в укрытие. Огонь был продолжен...»

С тех пор прошло больше четверти века, а подвиг М. Я. Сорокина живет. Его имя увековечено в названии одной из улиц города Куйбышева и школы № 25 в городе Абдулино, где он учился. В абдулинском краеведческом музее земляку-герою посвящена специальная экспозиция.

А. Олейник
ПОДВИГИ ШТУРМОВИКА

Герой Советского Союза
Георгий Степанович Стародубцев

— Меня с детства привлекала авиация, — вспоминает Георгий Степанович Стародубцев. — Завидовал я летчикам... Очень хотелось быстрее вырасти и пойти учиться на пилота. Когда учился в ФЗУ, все делал, чтобы побольше накопить технических знаний, считал, что пригодятся они потом в авиации...

В сентябре 1940 года комсомольца Стародубцева, слесаря паровозоремонтного завода, приняли в Оренбургский аэроклуб. Любознательный и настойчивый в учебе, Георгий старался изучить самолет досконально. На каждое занятие он приходил первым, а домой уходил последним. Кто-то из товарищей сказал ему однажды:

— Не забивай голову мелочами...

Стародубцев ответил:

— В самолете нет мелочей, тут каждый винтик и проводок имеет свое назначение. А я собираюсь поступать в авиашколу...

Обучение в аэроклубе Георгий окончил отлично.

Через месяц грянула война. Советский народ поднялся на смертный бой с фашистскими захватчиками. Георгий одним из первых подал заявление в райвоенкомат с просьбой направить его добровольцем на фронт. Узнав об этом, отец Георгия — Степан Егорович, старый железнодорожник и солдат, обнял сына и твердо сказал:

— Правильно решил. Надо обломать загибающиеся руки фашисту. Если потребуется, и я за тобой пойду... Правда на нашей стороне.

В июле 1941 года Стародубцев стал курсантом военной авиашколы. Учеба была напряженной. Надо было в сокращенные сроки пройти курс подготовки летчика. Вот тут-то игодились ему знания, полученные в аэроклубе.

После успешного окончания школы его направили не на фронт, а в запасный штурмовой авиаполк.

В Заволжской степи Георгий настойчиво постигал тонкости бомбометания в различных условиях погоды и времени.

Настал день, когда курс бомбометания и вождения самолета в сложных условиях был закончен. Стародубцев с группой товарищей вылетел на фронт.

Авиаполк, в который прибыл Стародубцев, вел бои на Орловско-Курской дуге.

— Я никогда не забуду о своем первом боевом вылете, — вспоминает Георгий Степанович. — Это было 5 июля 1943 года. Безоблачный жаркий день, кругом гул артиллерийской канонады, шум моторов, гарь. Нашей эскадрилье была поставлена задача нанести удар по фашистскому аэродрому. Со мной полетел сержант Морозов, бывалый воздушный стрелок. Повел нас капитан Авдеев. Я волновался, это ведь не учебный вылет, не сплеховать бы... Удар наш для фашистов был неожиданным. Не знаю, откуда у меня взялось хладнокровие, но я сбросил бомбы точно по цели, как бывало на занятиях. На фашистском аэродроме от наших бомб запылали самолеты, взорвалось бомбохранилище, загорелись бензозаправщики. На свой аэродром мы возвратились благополучно. Так состоялось мое боевое крещение.

После этого вылета командир эскадрильи, обычно скупой на похвалу, подошел к молодому летчику, крепко пожал ему руку и сказал:

— Молодец! Будешь настоящим штурмовиком...

В конце августа 1943 года лейтенант Стародубцев получил приказ разбомбить штаб немецкой дивизии, который находился в Ахтырке. Во главе четырех «илов» он вылетел на выполнение задания. Вот и Ахтырка, здания, где разместился фашистский штаб.

— В атаку! — скомандовал Стародубцев и уверенно повел свой самолет. Штурмовики разгромили штаб, уничтожили стоявшие возле него автомашины и танки.

На обратном пути на группу Стародубцева налетело восемнадцать фашистских истребителей. Завязался неравный бой. Истребители ринулись на машину Стародубцева сверху и снизу. Маневрируя, он старался помешать им вести прицельный огонь. Одна из очередей прошла стабилизатор. Снарядом заклинило фонарь. Но Стародубцев уверенно вел израненную машину к лесу. Здесь на зеленом фоне штурмовик оторвался от вражеских истребителей.

Приземлился он на передовом аэродроме. Стародубцев получил легкую контузию, а воздушный стрелок сержант Морозов — ранение в ногу. Несмотря на страшную усталость, Георгий, улыбаясь, похлопал по плечу Морозова и сказал:

— Не унывай, друг. За одного битого, двух небитых дают. Мы с фашистами сполна рассчитаемся...

...В хмурый сентябрьский день Стародубцев в паре с младшим лейтенантом Борисом Пестровым вылетел на свободную «охоту». Район действий для обоих летчиков был новым. На одной станции Стародубцев заметил скопление вагонов с вражеской военной техникой. Не теряя времени, он передал команду Пестрову:

— Разворот влево! Атакуем эшелоны на станции!

Сделав по три захода, отважные летчики уничтожили много фашистских солдат и офицеров, пять вагонов с боевой техникой, восемь автомашин, разрушили железнодорожное полотно и повредили станционные сооружения.

В сентябре 1943 года Георгий Стародубцев за боевые подвиги и мужество был награжден орденом Красного Знамени.

Советские войска завязали ожесточенные бои за Днепр. Штурмовики работали без отдыха. Стародубцев, позабыв про усталость, по два раза в день вылетал то на разведку, то на бомбежку. В одном районе фашисты особенно упорно сопротивлялись, задерживая продвижение наших частей. Звено Стародубцева обнаружило хорошо замаскированные огневые позиции артиллерии врага и уничтожило их. Заметив неподалеку замаскированные автомашины с боеприпасами и танки, Стародубцев с бреющего полета начал обстреливать их из пушки. Часть автомашин взорвалась, загорелись танки. Не отставали от своего командира и остальные штурмовики. В результате решительных действий звено уничтожило три артиллерийских и минометных батареи, три танка и одиннадцать автомашин с боеприпасами.

В эти дни полк, в котором служил Стародубцев, стал гвардейским. Это еще более подняло боевой дух и активность штурмовиков.

На правом берегу Днепра в восьмидесяти километрах южнее Киева нашими войсками был захвачен плацдарм. Положение частей, которые его удерживали, было тяжелым. Фашисты непрерывно вели по ним артиллерийско-минометный огонь, часто переходили в контратаки, подтягивали к этому району резервы. Стародубцев получил задание с группой штурмовиков поставить дымовую завесу вдоль переднего края обороны гитлеровцев, ослепить наблюдательные пункты врага и подавить огневые позиции артиллерии. Используя складки местности, штурмовики внезапно появились над расположением фашистов и быстро поставили дымовую завесу, разгромили позиции вражеской артиллерии. Перепуганные немцы выскочили из траншей и кинулись бежать. Штурмовики стали с бреющего полета расстреливать их. Обнаружив на подходе к этому району вражескую автоколонну, наши самолеты разгромили ее. Дерзкие действия штурмовиков позволили нашим стрелковым частям значительно расширить плацдарм.

За боевые подвиги и мастерство, проявленные в боях за Киев, гвардии лейтенант Стародубцев был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Удар за ударом обрушивали советские соколы по врагу.

В августе 1944 года в жизни Стародубцева произошло радостное событие. Он был принят в члены Коммунистической партии. Тогда же его наградили орденом Отечественной войны 1-й степени.

Штурмовики, ведомые гвардейцем Стародубцевым, участвовали в разгроме фашистов в Польше, Румынии, Австрии, Венгрии. Всюду славные летчики наносили урон ненавистному врагу, прославляя силу и мощь советской авиации.

...Шли бои с фашистами на югославской земле. Стояли туманные осенние дни. При полетах в этих условиях требовалось особое умение ориентироваться. Зная способности гвардии старшего лейтенанта Стародубцева, командир полка поставил ему задачу — разведать выдвижение резервов врага и задержать их.

Вылетев во главе эскадрильи «илов», Стародубцев обнаружил скопление воинских эшелонов с боевой техникой и живой силой. Штурмовики атаковали их, уничтожив много вражеской техники и живой силы, разрушив железнодорожное полотно. Возвращаясь на аэродром, Стародубцев заметил на подходе к станции два груженных железнодорожных состава. Он успешно атаковал их с бреющего полета, завалив пути обломками вагонов.

Сосредоточение резервов противника для контрудара было сорвано.

Много славных подвигов совершил коммунист гвардии старший лейтенант Стародубцев во имя нашей победы над заклятым врагом. Родина достойно оценила его подвиги. В 1945 году за отличное выполнение 147 боевых вылетов, за нанесение противнику огромных потерь в живой силе, боевой технике и проявленные при этом отвагу, стойкость и высокое летное мастерство Г. С. Стародубцев был удостоен звания Героя Советского Союза.

После окончания войны Г. С. Стародубцев демобилизовался из армии по состоянию здоровья. Приехав в родной Оренбург, он стал работать помощником машиниста тепловоза. За добросовестное отношение к своим обязанностям Георгий Степанович был награжден знаком «Отличный паровозник», неоднократно получал премии. Подготовившись, он успешно сдал экзамен на машиниста тепловоза. Герой войны своим трудом вносит достойный вклад в строительство коммунизма.

Георгий Степанович, как и все советские люди, не хочет войны и ненавидит империалистов, которые вновь подготавливают ее. Горячо одобряя миролюбивую внешнюю политику Советского правительства, он отдает все свои силы и знания укреплению могущества Советской Родины. Гневно клеймя поджигателей войны, Георгий Степанович говорит:

— Нам война не нужна. Но если империалисты нарушат наш мирный труд, то мы нанесем по врагу такой удар, после которого навсегда будет покончено с капиталистическим строем. Я первый пойду на фронт и буду беспощадно уничтожать врага до полной победы над ним.

1960 г.

М. Клипиницер
ОТВАЖНЫЙ ПУЛЕМЕТЧИК

Герой Советского Союза
Андрей Павлович Судоргин

Лес кончился, и дорогу стало видно лучше. До батальонного пункта боепитания, куда сержант Андрей Судоргин вез патроны, оставалось километра три.

Зарево далеких пожаров пылало на горизонте. Откатываясь на запад, фашисты ожесточенно цеплялись за каждую высотку, жгли населенные пункты.

Андрей торопился. Подвезет он боеприпасы быстрее, и, может быть, это позволит уберечь еще один колхозный дом, сохранить жизнь еще одной советской семье...

Он объехал большую воронку. Слева дымились остатки домов, несколько дней тому назад сожженных врагом. Припомнилось недавнее утро в одном только что освобожденном от фашистов селе и дом у околицы, возле которого фашисты убили старика колхозника за помощь партизанам. Старик лежал у дверей, широко раскинув руки, ветер шевелил его седую бороду. Андрей, глядя на этого русского человека, павшего безоружным от подлых рук интервентов, понял, что старик отныне незримо встал рядом с ним. Но не только павшие, думал Андрей, рядом с ним, воином-освободителем. В священной борьбе за свободу и честь Родины сплотились все советские люди, среди них и его земляки, колхозники села Дмитриевки. В этом степном оренбургском селе Андрей родился, здесь он учился в школе и после смерти отца пошел в погонщики к кулаку. Много горя хлебнул он тогда.

Показался батальонный пункт боепитания. Замаскированные мелким сухим кустарником, небольшими штабелями стоят ящики. Судоргин притормозил. Старшина вышел из землянки. Одно за другим невдалеке ухали орудия. Разгрузив машину, Андрей вновь поехал за патронами.

В тот мартовский день он приезжал сюда еще два раза.

К вечеру разыгрался сильный бой, и Судоргину приказали отвезти раненых в медсанбат. Не успела машина отъехать, как его предупредили, что наши пошли вперед и медсанбат уже не найти на прежнем месте.

Судоргин поехал вперед. Первый населенный пункт, который ему встретился, был сожжен, чадили обгорелые печные трубы. Бой ушел далеко, и Андрей, расспросив регулировщика, где искать медсанбат,

повернул вправо от большака...

Медсанбат Судоргин разыскал только ночью, и сам, изрядно уставший, помогал санитару переносить раненых.

Луна вышла из-за тучки, осветив машину, дом, людей, и Андрей услышал радостный шепот:

— Никак, Судоргин? Ты, Андрей?

Андрей сразу не ответил, он не понял, кто это признал его. И только в доме, посадив раненого на солому, он пристроился рядом с ним.

— А ты кто будешь? Откуда знаешь меня?

— Я из Дмитриевки, сосед твой, Пыжов.

— Митя? Вот так встреча! Из дома-то пишут?

Они поговорили. Андрей узнал, что Пыжов пулеметчик, а ранило его в бою за высотку. Пыжов сказал на прощание:

— На машине-то тебе, поди, легче.

Сначала Андрей как-то не обратил внимания на эти слова. Но позже, когда он вел машину в автороту по незнакомой, разбитой полевой дороге, вспомнил их, и с тех пор слова земляка о том, что «на машине легче», не давали ему покоя.

Светало, страшно болела голова от бессонной ночи. Судоргин вдруг сквозь шум мотора услышал глухой свист и вслед за тем недалекий гулкий разрыв бомбы. Словно сквозь сон припоминал потом Андрей, лежа на походной койке в медсанбате, как вторая бомба фашистского стервятника упала сзади машины и острая боль оглушила его, прижала к сиденью.

Из медсанбата Андрей выписывался не один. Вместе с Дмитрием Пыжовым получил он назначение в полк, стал пулеметчиком. Ему было и жаль расставаться с товарищами из автороты, и радостно, что он может отомстить теперь врагу на поле боя, лицом к лицу столкнуться с теми, кто сеет смерть и горе.

Так Судоргин стал пулеметчиком. До самого конца войны подружился он с пулеметом и шагал с ним, со ступеньки на ступеньку, к своему большому подвигу.

Ранней весной 1943 года на подступах к одной железнодорожной станции атака нашей роты захлебнулась. Из небольшого каменного дома, примыкавшего к огородам, строчил вражеский пулемет. Судоргин, определив по вспышкам цель, не раз открывал стрельбу по окну, за которым засели фашисты, но вражеский пулемет оставался неуязвимым. Тогда Андрей попросил командира взвода:

— Разрешите, я попробую пробраться в дом.

Лейтенант в знак согласия кивнул головой. Судоргин взял автомат, две гранаты и пополз к огородам. По черным, кое-где припорошенным поздним мартовским снегом гребням земли яростно били пулеметные очереди. Андрей продвигался вперед с большим трудом. Но вот он уже достиг дома. Совсем недавно здесь жили советские люди. Ненавистный пришелец прогнал их, втащил в дом пулемет, встал кованными каблучками на чужие половицы и начал поливать свинцом русских людей, которых он, гитлеровец, решил уничтожить. Андрей даже заскрипел зубами, так сильно обжег его прилив ненависти к врагу.

Вокруг дома никого не было. Судоргин подполз еще ближе. И хотя стало как-то холодно и жутковато, он встал, шагнул к двери и прислушался. За дверью было тихо. Андрей открыл ее, пробежал через пустую прихожую и распахнул дверь в комнату, из которой бил пулемет.

Два немца стояли у пулемета и вели огонь. Один из них оглянулся, и в то же мгновение Андрей бросил гранату, а сам повалился плашмя у порога. Взрыв потряс комнату. Оба фашиста были убиты наповал.

Андрей перетащил пулемет к окну, которое выходило на станцию. Он ясно видел, как к платформе подъехала автомашина, с которой начали соскакивать люди в шинелях мышинного цвета. Андрей сменил прицел и открыл огонь по гитлеровцам.

Судоргин оторвался от пулемета только тогда, когда в дом вбежали три бойца и командир взвода.

— Молодец, Андрей! — крикнул лейтенант звонким, молодым голосом. — Молодец!

За храбрость и отвагу, проявленные в этом бою, Андрея Судоргина наградили орденом Славы III степени.

Вскоре после этого Судоргин снова был ранен, попал в армейский госпиталь. И опять возвратился он в родной полк. Здесь еще служил его земляк Дмитрий Пыжов.

Настало четвертое военное лето. Гвардейская часть, где служил Судоргин, продвигалась на запад, гнала врага в его логово. Пулеметчики не щадили себя в этих боях. Бойцам расчета Кулемину, Пыжову и Никишину было на кого равняться, с кого брать пример. Гвардии старшина Андрей Судоргин был и опытным командиром, и верным другом, боевым товарищем. Он ничего не жалел для тех, кто шел с ним в одном строю.

Бои, которые вели гвардейцы в августе 1944 года, были особенно ожесточенными. Наши войска к 25 августа завершили окружение главных сил яско-кишиневской группировки врага. Началась ее ликвидация.

...Батальон занял позиции возле переправы. Сюда, к переправе, отчаянно рвались гитлеровцы, стремясь уйти из «котла», прорвать кольцо окружения. Пулеметному отделению гвардии старшины Судоргина было приказано прикрыть левый фланг.

Из леса фашисты вышли внезапно. Судоргин спросил у Пыжова:

— Как ты думаешь, Митя, роты две будет?

— Наверно, побольше... Все идут и идут...

Гитлеровцы шли, убыстряя шаг, стреляя на ходу из ручных пулеметов и автоматов.

Пулеметчики открыли по врагу огонь. Одну за другой скашивали пулеметы Судоргина и его соседей цепи фашистов, и все-таки враг не прекращал натиска. Фашисты, не считаясь с потерями, стремились вырваться из «котла» любой ценой.

Группа гитлеровцев подползла к позиции пулеметчиков. Еще бросок, каких-нибудь десятков метров, и враг пройдет, вырвется из окружения.

Судоргин заметил, что наводчик Пыжов не может от усталости удержать ручки пулемета. Быстро подполз старшина к пулемету и сам лег за него. Очередь, еще одна — фашисты снова откатились. В разгар новой атаки Судоргин сменил другого пулеметчика.

Но наступил момент, когда на позиции наших воинов полезла обезумевшая толпа фашистов. Точно стадо диких зверей, неистово завывая, они рвались к переправе.

— Бей, бей гадов! — кричал Андрей. — Не пропускай ни одного!

И вдруг Андрей увидел, что Пыжов неподвижно лежит возле пулемета. Андрей лег за пулемет товарища, начал стрелять. А гитлеровцы были уже совсем близко. Они метали гранаты, перескакивали через раненых и убитых.

Судоргин почувствовал, как кровь потекла по лицу. «Ранен, — мелькнуло в его сознании, — только бы удержать переправу». Он быстро снял рубашку, разорвал ее, перевязал голову. Липкими от крови руками, напрягая последние силы, Андрей снова взялся за пулемет.

— Врешь, фашистская сволочь, не пройдешь, — прошептал он и открыл огонь.

Когда кончились патроны к пулемету, старшина пустил в ход автомат. Не растерялся он и тогда, когда не стало патронов в дисках автомата. Он продолжал бой гранатами. Пятнадцать часов подряд отбивали яростные атаки врага гвардии старшина Андрей Судоргин и его товарищи. Ни один фашистский солдат не прорвался тогда к переправе.

В специальном выпуске 3 сентября 1944 года красноармейская газета «Сталинградец» писала:

«Почему победил Андрей Судоргин? Потому, что всем своим пламенным сердцем патриота он предан матери-Родине. Потому, что Андрей Судоргин в совершенстве владеет своим оружием, бережет его, и пулемет никогда не подводит своего хозяина. Судоргин победил потому, что всеми силами своей души ненавидит немецко-фашистских мерзавцев и беспощадно уничтожает их. Пулеметчик Судоргин не спрашивает, сколько перед ним врагов. Он находит и метко их истребляет».

В письме, посланном матери Андрея в село Дмитриевку, Оренбургской области, командование дивизии сообщило:

«Уважаемая Марфа Афанасьевна! Указом Президиума Верховного Совета СССР Вашему боевому сыну присвоено высокое звание Героя Советского Союза».

Когда война была завершена победой советского оружия, Герой Советского Союза Андрей Судоргин вернулся в Дмитриевку. В родных краях, в Оренбурге, его руки снова узнали радость мирного труда.

Но раны, полученные в суровых боях, не прошли даром. Они стали причиной серьезного заболевания. Весной 1956 года Андрей Павлович скончался.

Советский народ глубоко чтит память о славном патриоте Герое Советского Союза А. П. Судоргине.

1960 г.

В. Афанасьева
ПРЕЗИРАЯ СМЕРТЬ

Герой Советского Союза
Николай Владимирович Терещенко

Шли полки по дорогам войны. Штурмовали высоты. Форсировали реки. Пядь за пядью отбивали у врага израненную, выжженную родную землю. В жестоких боях освобождали советские города и села.

Шел на запад и офицер Николай Терещенко. Ему тогда было девятнадцать. В начале 1942 года после десятилетки он окончил специальные курсы, а затем в звании младшего лейтенанта был направлен на фронт. Боевое крещение получил под Сталинградом. Вскоре стал командиром взвода, а затем роты разведчиков отдельной стрелковой бригады морской пехоты. На этом посту он участвовал в освобождении Новороссийска и Крыма, проявив незаурядные способности. Здесь он проложил путь в бессмертие...

* * *

Письма тоже имеют свою судьбу. У одних жизнь коротка: о них забывают тотчас же. Другие перечитываешь еще и еще, каждый раз находя что-то новое.

Вот они, эти письма. Потертые на сгибах треугольники с номером полевой почты. Короткие и задушевные. Простые и трогательные. Письма человека, на заре своей жизни познавшего войну. Но полные оптимизма и веры, неизменно кончающиеся заверениями:

«Обо мне не беспокойтесь. Все хорошо. Ваш Коля».

Коля... Перед моим мысленным взором встает сороковой год. Акбулакская железнодорожная средняя школа. Девятый класс. Мои первые уроки математики. И мальчишечье, всегда освещенное умной, немного иронической улыбкой лицо Коли Терещенко. Помнятся его пронизательные глаза — глаза человека, который никогда не успокоится, пока не выведает все тонкости, все детали, все подробности того, что его заинтересовало.

Как сейчас вижу его за первой партой, нетерпеливого и наблюдательного. Временами он даже вскакивает с

места и выкрикивает: «Не верно!», — пытается доказать теорему по-своему. Или, подперев подбородок сжатыми кулаками, затихает на несколько минут, раскачиваясь из стороны в сторону и не отрывая глаз от вереницы цифр в своей тетради, а потом, стряхнув упрямую прядь волос со лба, вдруг выпаливает ответ задачи в то время, как остальные едва успевают разобраться с ее условием. Решал он молниеносно и своеобразно. И учителям приходилось выбирать потяжелее пищу для его ума.

Этот стройный и необыкновенно подвижный юноша был душой класса. Он заразительно смеялся, откидывая голову назад. Увлекался шахматами. Любил спорт и литературу. Был чуточку мечтатель и романтик.

Быть бы сейчас Николаю математиком, талантливым конструктором или изобретателем (так много обещали его способности), если бы не война. И остались лишь вот эти треугольники, которые аккуратно приходили из Ростова, Новороссийска, Тамани, Керчи, Алушты, Ялты, Балаклавы, Севастополя, Одесщины.

Читаешь их и не перестаешь удивляться: и откуда это такая выдержка, сила воли, житейская мудрость у только вступающего в жизнь юноши? Находясь в самом пекле войны, он не переставал интересоваться: «Как дела в школе?», «Здоровы ли?». Он советовал, шутил, подбадривал. А о себе — «все хорошо», ни единой жалобы. Ни строчки о пережитом. Ни страха. Ни сомнений.

«Очень больно становится на сердце при воспоминании о твоём отце, — писал он сыну своего брата Филиппа, погибшего на фронте. — Но его имя будет бессмертно. Ибо отдал он свою жизнь за наше счастье, за любимую Родину... Скоро еду опять в часть. Снова буду бить фрицев. Я отомщу за павшего смертью храбрых твоего отца».

А когда узнал, что дома нет никаких вестей с фронта от старшего брата Александра, Николай утешал всех как мог. Особенно его волновала судьба племянников.

«Я вам преподнесу сюрпризы, — обещал он малышам. — Вовке — пистолет и пушку, Эдику — велосипед и танк, Марику — костюм и самолет, Киму — 2 килограмма сала и 5 килограммов колбасы... Мужайтесь на страх фашистам! Слушайте дедушку, бабушку. Учитесь писать, читать. Любите свою Родину».

А их матери писал:

«Мне только одно хочется, чтобы и Вовик и Эдик знали — если я буду жив, то у них будет папа такой же, как был... Сейчас я на фронте, все время в боях...»

Но разве Николай не знал, что за ним по пятам ходит смерть? Знал. И уже не раз бесстрашно смотрел в ее пустые глазницы. Но никому об этом не писал и не рассказывал.

Когда в Акбулак дошла весть о том, что наш бывший ученик — замечательный разведчик, откровенно говоря, этому никто не удивился. В сущности Николай уже до фронта был именно таким, жадным до впечатлений разведчиком и следопытом. И те, кому довелось с ним шагать по дорогам войны, донесли до нас немало рассказов о мужестве, не знающем преград, о боевой дерзости, впитавшей большую военную мудрость, о блестящем таланте молодого офицера.

* * *

Опасное это дело — ходить в ночные поиски за «языком». От разведчика требуется особая выдержка, сноровка, смелость, умение. Всеми этими качествами Николай обладал. И не случайно каждый раз, когда требовалось добыть «языка» или срочно получить сведения о противнике, выбор командования останавливался на Николае. В таких случаях о нем говорили: «На Терещенко можно положиться вполне — не подведет».

Так было и на этот раз. Командир бригады, вызвав лейтенанта Терещенко, приказал:

— Надо к утру доставить контрольного пленного. Понимаете — н-а-д-о!

Лицо Николая посуровело. Он напряженно размышлял. Потом подтянулся и, глядя в глаза командиру, четко повторил приказ:

— Приказано доставить к утру контрольного пленного!

— Действуйте...

И приказ был выполнен.

Доставив пленного, документы и все трофеи, разведчики вернулись без потерь. За умело проведенный захват пленного наш земляк получил высокую боевую награду.

Через месяц Терещенко, уже будучи командиром роты разведчиков, совершил другую смелую вылазку в тыл врага. И опять был отмечен наградой.

* * *

Наша Армия вошла в Крым. Взята Джанкой. Взята Керчь. Над головами советских бойцов уже пылало в ночи звездное небо Тавриды.

В короткие минуты передышек между боями, расправив на коленях листок бумаги, многие советские воины писали заявления о вступлении в ленинскую партию, заканчивая их словами: «Если погибну, считайте меня коммунистом!» Несколько раз переписывал свое заявление и Терещенко. Тогда ему исполнилось двадцать. В боях он возмужал и закалился. 28 апреля 1944 года коммунисты роты приняли своего командира кандидатом в члены Коммунистической партии. Это был самый большой праздник в его жизни.

Вскоре разгорелись бои на подступах к Севастополю. С болью в сердце смотрел Николай на эту истерзанную, желтую, скалистую землю. Города почти нет. Не было больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми улицами, парками, небольшими светлыми домами и железными

балкончиками, которые каждую весну красили голубой или зеленой краской. Его разрушили фашисты. На его месте — горы битой черепицы.

Но Николай и его боевые друзья знали: пройдет немного времени и Севастополь вновь осветится сотнями огней, будет цвести своими садами. Разведчики гордились, что на их долю выпала великая радость — первыми увидеть крымскую весну, весну освобождения — туманный и свежий крымский апрель. В мощный кулак, созданный командованием на севастопольском направлении, вошла и рота разведчиков во главе с офицером Терещенко.

Рано утром 6 мая после шквального артиллерийского огня моряки пошли в наступление. Вот и траншеи близко, но враг вдруг открыл сильный огонь. Времени для размышлений не было. Все решали быстрота и натиск. Старший лейтенант Терещенко резким движением руки повернул морскую фуражку козырьком назад и крикнул:

— Гранаты к бою! За мной! П-о-л-у-н-д-р-а!

Разведчики стремительным броском, в упор расстреливая немцев, метая гранаты, прорвались во вражеские траншеи. Завязался рукопашный бой. Рядом с командиром роты штыком и прикладом действовали Георгий Дорофеев, Дмитрий Полянский, Петр Морозов.

Терещенко заметил: слева бил немецкий станковый пулемет, мешавший продвижению соседнего подразделения. Офицер точным, размеренным движением метнул гранату. Там, где был пулемет, вспыхнул красноватый язык пламени и стрельба прекратилась.

Гитлеровцев выбили из траншей. Те кинулись было в контратаку, но безуспешно. Оборона противника была прорвана.

В этом бою разведчики уничтожили до 200 вражеских солдат и офицеров, три пушки и много другого оружия. Терещенко лично истребил пятнадцать фашистов. Бесстрашный разведчик был представлен к высокой награде.

В те дни фронтовая газета опубликовала портрет Николая и заметку:

«В боях за освобождение Крыма отличились разведчики роты старшего лейтенанта Терещенко. Действуя в самых сложных условиях, они доставляли командованию ценные сведения о противнике...»

А сколько было ночных вылазок за «языком» на счету Николая! Под Ростовом и Сталинградом, Севастополем и Одессой. Он ни разу не пришел из разведки с пустыми руками. Солдаты даже шутили: «Везучий. К нему фрицы сами в руки лезут». Но мало кто знал, сколько к этому «везению» прикладывалось терпения, ума и сноровки, как тщательно изучалось все: и особенности обороны, и местность, и характер противника.

...Разведчики были у цели. Они лежали, плотно прижавшись к земле, чуть приподняв головы. Впереди темнели силуэты немецких часовых. Командир поисковой группы старший лейтенант Терещенко тронул за плечо лежащего рядом разведчика Копликова: «Пора!»

В ту минуту луна выглянула из-за туч и осветила все вокруг. Солдаты замерли, еще плотнее прижались к земле. Заметят или не заметят? Сердце стучало так сильно, что, казалось, земля вздрагивает при каждом его ударе.

Терещенко проклинал луну: было досадно, что так хорошо продуманная вылазка может сорваться. На этом участке его группа действовала впервые. Старший лейтенант сам наметил это место, пять суток изучал его. Узнал, где у немцев огневые точки, какие из них на день убираются, а ночью выставляются. Вот там, где сейчас стоят, вглядываясь в ночь, часовые, замаскирован блиндаж, в нем отдыхают фашисты. Влево — траншея, в конце ее — пулемет. А кругом — ни деревца, ни кустика, ни травинки на почерневшей, израненной снарядами земле. Только в воронках и можно укрыться. Николай настойчиво доказывал, что именно поэтому немцы здесь не так бдительны, и его план удастся. И надо же так случиться, что из-за какой-то луны все может сорваться.

Вот в нескольких метрах от Копликова разорвалась немецкая граната, а возле сержанта Мумладзе взметнулся красноватый язык пламени от другой гранаты.

Заметили!

Но разведчики не колыхнулись. Терещенко знал, что никто не тронется с места без приказа. Все лежали, не шевелясь.

И вдруг наступила тишина. Ошеломляющая. Непривычная на фронте. Луна медленно уползла за тучи. Но командир все же успел заметить, что немецкие часовые, присев у блиндажа, стали закуривать. Тогда он снова прикоснулся к плечу Копликова. Тот понимающе кивнул головой. А остальное все произошло бесшумно и молниеносно. Через несколько минут Копликов и Дорофеев тащили «языка». Другого часового сбил гранатой Кожевников. Мумладзе «на всякий случай» бросил противотанковую гранату в блиндаж, и оттуда уже никто не вышел.

Отход группы прикрывал Николай. Он никому не уступал этой роли в поиске. И в этот раз он вернулся в роту последним. Долгие часы напряжения и тревог остались позади. Его голубые глаза глядели весело, а на щеках играл румянец. Захваченный тогда немецкий ефрейтор был тринадцатым «языком», взятым ротой за короткий срок.

Бойцы с восхищением смотрели на своего командира. Они радовались удаче и, как всегда, связывали ее с именем Терещенко, с его выдержкой и храбростью. Разведчики знали его жизнь так же хорошо, как он знал жизнь каждого из них. Все лучшее, что получили они от своего командира, им самим выстрадано, проверено в боях. У него на теле 12 ран. Первую из них он получил еще под Спас-Демьянском, когда в составе поисковой группы захватил «языка» и прикрывал отход товарищей. Разведчики хорошо знали историю каждой его раны, каждой его награды...

* * *

19 августа 1944 года отдельная Новороссийская, дважды Краснознаменная ордена Суворова стрелковая бригада морской пехоты прибыла в Бессарабию. В ночь с 21 на 22 августа ее батальоны форсировали Днестровский лиман и пошли в наступление.

«Всюду личный состав бригады проявил исключительный героизм и отвагу, — говорится в донесении политуправления 3-го Украинского фронта. — Особенно отличилась группа разведчиков во главе со старшим лейтенантом Н. Терещенко. На мотоциклах она вырвалась вперед и отрезала пути отхода противнику. Ею захвачено 120 фашистов в плен, 7 орудий, 26 повозок с грузом, 60 лошадей».

Так, день за днем встает боевая биография нашего земляка. Мужественная и героическая. Биография парнишки, который в коротких перерывах между страшными боями, с трудом прилаживая листок бумаги на коленях, писал домой, что за него беспокоиться нет причины, который под свист пуль наказывал жене брата:

«Нюра, береги детей, не давай сырую воду...»

23 августа, накануне рокового боя, он писал своей сестре:

«У меня тоже свободного времени мало. Сообщи, пожалуйста, как у вас с овощами, как готовитесь к зиме, что нужно?...»

Это было последнее письмо Николая. В тот день завязались ожесточенные бои за Болград. Терещенко со своими разведчиками удалось проникнуть на окраину города и разведать расположение огневых точек противника.

Но... смельчаков заметили. Завязалась неравная схватка с фашистами. Враг наседал со всех сторон. Но доблестные разведчики, отражая свирепые атаки гитлеровцев, упорно удерживали захваченный рубеж. С каждым часом бой становился жарче. Терещенко получил ранение, его наспех перевязали, и Николай снова ринулся в бой. Превозмогая боль, командир всячески подбадривал боевых товарищей:

— Крепись, ребята! Скоро подойдет помощь. Все равно фрицу не одолеть нас...

А немцы буквально «поливали» смельчаков шквальным огнем. Казалось, сама земля уже вздрагивает и колеблется под ногами. Но даже сквозь грохот снарядов разведчики слышали призыв командира:

— Держитесь! Берегите патроны и гранаты... Бей без промаха!..

Вдруг громкий голос Николая оборвался. Осколком разорвавшейся мины отважный разведчик был сражен насмерть...

* * *

Перед нами — волнующий документ из Центрального архива Военно-Морского флота. Это — последний наградной лист нашего бесстрашного земляка:

«Старший лейтенант Терещенко Н. В., презирая смерть, с небольшой группой бойцов всегда первым врвался в освобождаемые села, разведывая силы противника, и не раз вступал в неравный бой с захватчиками, оставаясь всегда победителем, забирая колоссальные трофеи и большие колонны пленных.

23 августа, действуя во главе подвижного состава, т. Терещенко вступил в неравный бой с концентрированными силами немцев. В тяжелом бою он погиб смертью героя.

За подвиги в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за проявленные героизм и мужество Терещенко Н. В. достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза — посмертно...»

Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил ходатайство командования бригады и Указом от 24 марта 1945 года присвоил Николаю Владимировичу Терещенко звание Героя Советского Союза.

Почти двадцать лет спустя после описываемых событий, в Москве встретились бывший командир бригады гвардии полковник запаса Л. Смирнов, бывшие моряки-разведчики Г. Дорофеев, Герой Советского Союза П. Морозов и другие, — все они с гордостью и любовью говорили о боевом товарище.

— Николай Терещенко, — вспоминал Л. Т. Смирнов, — был человеком необыкновенной храбрости и мужества...

— Может быть, именно потому, что Терещенко был особенно отважным командиром и человеком кристальной души, мы очень любили его, — продолжил П. Морозов. — За ним шли в бой без колебаний. И всегда побеждали.

Таким остался в памяти однополчан наш бесстрашный земляк, погибший смертью героя.

* * *

Он знал, что герои бессмертны. Но не знал, что в селе Калиновке Хобдинского района Актюбинской области, где он бегал босоногим мальчишкой, его именем будет названа школа, одна из улиц, установлен его бюст. Что на Одессине, в городе Болграде, на той земле, откуда герой ушел в бессмертие, его имя будет высечено на высоком гранитном обелиске. Что пионерские дружины нескольких школ разных городов и сел будут носить его имя. Что в Оренбуржье Акбулакская средняя школа № 512, давшая ему путевку в жизнь, и ближайшая к ней улица станут носить его имя. А на аккуратном домике, куда приходили фронтовые треугольники с номером полевой почты, повесят мемориальную доску с надписью: «Здесь жил Герой»

Советского Союза Терещенко Николай Владимирович». Сейчас здесь живет со своей семьей старший брат Николая — Александр Владимирович, прошедший боевой путь от Бреста до Берлина.

В этом чистом, уютном домике мне довелось долго беседовать с матерью героя Елизаветой Ивановной Терещенко. Было это весной 1967 года — ровно за год до ее смерти. Старушке тогда было за девяносто. Сухонькая, голубоглазая, с потемневшим от времени лицом, она сохранила удивительные ясность памяти и взгляда.

— Коля-то у меня был двенадцатый ребенок. А всего их было тринадцать, — рассказывала Елизавета Ивановна. — В живых осталось лишь двое... Самый старший — Филипп — погиб в начале 1942 года. Комиссаром дивизиона был. Другой сын — Петр — летчиком был. Погиб при исполнении служебных обязанностей в звании подполковника. Николая тоже не дождалась...

И старушка долго сидела в скорбном молчании.

...Вот мы стоим перед школой, откуда Николай ушел на фронт. Прямо у входа — его бюст. На груди двадцатилетнего парня пять наград: орден Отечественной войны 2-й степени, орден Красной Звезды, два ордена Красного Знамени, орден Ленина и Золотая Звезда Героя. Устремив задумчивый взгляд вдаль, юноша будто прислушивается к чему-то.

Мне вспомнилось, что с таким лицом — задумчивым и серьезным — слушал Николай народные сказанья и легенды. И подумалось: а разве то, что совершил этот презиравший смерть юноша, не сильнее легенды!

1969 г.

С. Левинсон
ОТЦОВСКИЙ ХАРАКТЕР

Герой Советского Союза
Иван Игнатъевич Тишкун

Иван Тишкун родился в поселке Виносорном Могутовского сельсовета Бузулукского района. Его биография очень схожа с судьбами многих комсомольцев начала сороковых годов. Юность Ивана — чудесная пора дерзновенных мечтаний — была прервана разбойничьим нападением гитлеровских полчищ на нашу страну.

В те грозные дни семнадцатилетний Тишкун слесарил в Новосибирске на строительстве одного завода, куда его направили в 1940 году после окончания Орского ремесленного училища. Работал он в комсомольско-молодежной бригаде, не считаясь со временем. Вечерами ходил в школу рабочей молодежи, посещал стрелковый кружок, собирал металлолом, вносил сбережения в фонд обороны. Словом, все свои помыслы и поступки подчинял всенародному девизу: «Все для фронта!» А с фронта шли тревожные вести. Враг рвался к Москве.

Ранней весной 1942 года Тишкун приехал домой.

Мать предложила:

— Отдохни, сынок.

Но разве мог юный патриот позволить себе отдых, когда кругом нужда в рабочих руках, Комсомолец идет в Державинскую МТС, становится прицепщиком, затем трактористом. Работал не за страх, а за совесть.

Однажды он сообщил бригадиру:

— Завтра мне исполнится восемнадцать.

15 августа молодому механизатору прямо на колхозный ток доставили повестку из военкомата.

Прежде чем попасть на фронт, Иван Тишкун прошел специальную подготовку. Военные знания, навыки давались нелегко, их приходилось добывать упорным трудом. Перед отправкой на фронт бойцы были приведены к присяге.

Из штаба части вынесли знамя. Порыв легкого ветра развернул алое полотнище, опаленное дымом

сражений. Под таким знаменем сражался отец Ивана — Игнат Тишкун, защищая молодую Советскую Республику. А теперь настал его черед.

И вот уже мчится эшелон туда, где решается судьба нашей Родины. На одной из станций Ваня опустил в почтовый ящик письмо:

«Дорогая мамочка! Все ближе и ближе фронт — поле битвы за нашу Родину. За меня не волнуйся. Буду сражаться против фашистов так, как отец громил белогвардейцев в гражданскую...»

Тишкун не уронил доброго имени отца. Всюду и всегда, в больших и малых боях он видел перед собой пример коммунистов. Он учился у них, не замечая, как сам становится бывалым воином.

«...Сегодня мне пошел двадцатый, — писал он матери и брату 15 августа 1943 года. — Командир поздравил меня с днем рождения... Погиб парторг нашей роты. Мы с ним вместе воевали, спали рядом, ели из одного котелка, по-братски делили радость и горе. Для меня парторг был больше, чем другом, — я равнялся по нему. Он еще больше сблизил меня с партией, и я решил стать коммунистом...»

Сержант Тишкун ходил в разведку за «языком», прыгал с самолета в тыл врага, взрывал мосты, минировал дороги, несколько раз был ранен. Всегда шел добровольцем на выполнение самых опасных заданий. Особенно отличился в дни наступления наших войск в 1944 году.

...Гитлеровцы укреплялись на правом берегу реки. Они опоясали свои позиции сетью проволочных заграждений, минными полями. Каждый метр реки был пристрелян.

Преграду надо было взять, таков был приказ Родины. Чтобы отвлечь внимание противника, командование части послало на правый берег несколько групп добровольцев. Одну из них возглавил комсомолец Тишкун.

Ночью эта группа незамеченной преодолела реку и пробралась на фланг гитлеровского подразделения. Враг почуял неладное. Наши воины открыли стрельбу, сея смерть и панику среди гитлеровцев. После некоторого замешательства фашисты пришли в себя и обрушили яростный огонь на горстку храбрецов. Он, казалось, уничтожил все живое там, где окопалась группа Тишкуна. Но как только гитлеровцы поднялись в атаку, наши встретили, их разящим огнем.

«В это время, — сообщал в одном из писем парторг части, — был дан сигнал к форсированию реки. Благодаря подвигу гвардии сержанта Тишкуна батальон ворвался в траншеи противника и выбил его из занимаемых позиций. Враг бежал на запад».

Командир полка, представляя сержанта Ивана Тишкуна к самой высокой награде, писал:

«Сержант Тишкун Иван Игнатьевич воюет в составе нашего полка с февраля 1943 года. Начиная с гор Кавказа, плавней Кубани, в боях за освобождение Донбасса, Токмана (на р. Молочная) и в приднепровских плавнях — во всех боях всюду и везде он показывал образцы мужества и бесстрашия, чем вдохновлял своих подчиненных на верность Родине... При форсировании р. Днепр и р. Ингулец тов. Тишкун И. И. своим личным беспримерным героизмом под шквальным ружейным, пулеметным огнем увлекал за собой своих подчиненных, первым вступил на правый берег реки Днепр. При штурме 13.III.44 г. города Херсон тов. Тишкун руководил штурмовой группой, проявил в рукопашных схватках непревзойденное мастерство советского бойца, лично уничтожил 12 немцев...»

Вскоре о подвигах молодого патриота узнала вся страна. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года сержанту Тишкуну Ивану Игнатьевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Радостная весть о высокой награде застала нашего земляка на курсах младших лейтенантов. К этому времени он уже стал коммунистом. После окончания курсов Тишкун несколько месяцев находился на фронте, а потом получил отпуск.

И вот он дома. Анастасия Прокофьевна полагала, что сын все время будет с нею. Но Героя ждали на фермах, в полеводческих бригадах, школах, учреждениях. Вместе с районными работниками Тишкун колесил по селам, выступал на митингах и собраниях. Самый внушительный хлебный обоз колхозники назвали именем Тишкуна.

Пролетели дни отпуска. 5 ноября 1944 года родные и близкие проводили Героя на фронт.

На фронте Тишкун стал командиром самоходной артиллерийской установки. В минуты затишья слал в далекое Оренбуржье письма-треугольнички, пронизанные неукротимой верой в победу, трепетной надеждой на возвращение к мирному труду.

«Примите, дорогая мамочка, фронтовой привет из Венгрии. Поздравляю Вас с днем 8 Марта! Посылаю фото, правда, незавидное. Ладно, сойдет и такое. Храните его до моего приезда. Не волнуйтесь и не плачьте, скоро наступит мир, я приеду домой насовсем. Привет Марусе...»

Никто не подозревал, что это его письмо окажется последним. Герой погиб в боях за Вену, погиб смертью храбрых, прокладывая путь пехоте. Это было 7 апреля 1945 года.

...Боевое знамя части склонилось над свежей могилой. Ослепительно засверкало на солнце золото букв: «За нашу Советскую Родину!» Гвардейцы, не раз смотревшие смерти в глаза, стояли в суровом молчании, отдавая почесть герою-коммунисту, человеку изумительного мужества, негибаемой стойкости и душевной красоты.

1967 г.

Б. Савинков
В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Герой Советского Союза
Федор Фролович Фомин

Утром 16 ноября 1941 года 1-й отдельный танковый батальон 129-й танковой бригады двигался с боями в направлении небольшого населенного пункта Усть-Тосно. Неподалеку от него боевые машины попали под массированный заградительный огонь немецкой артиллерии и крупнокалиберных минометов. Несколько танков загорелось. Другие маневрировали по заснеженному полю, пытаясь выйти из зоны губительного обстрела. Среди этих машин был и танк лейтенанта Федора Фроловича Фомина. Осколки вражеских снарядов били о броню. Черные столбы мерзлой земли, поднятые взрывами, обрушивались на машину, забили смотровые щели. Дым, проникая в танк, ел глаза.

Вырваться из этого огненного котла можно было, лишь двигаясь вперед, туда, где виднелись ошестинившиеся надолбами, дотами, дзотами и проволочными заграждениями немецкие окопы. Лейтенант крикнул:

- Саша, давай вперед!
- Я ранен, товарищ командир.
- Совсем не можешь?
- Поведу, — ответил механик-водитель, старший сержант Александр Перевалов.

Танк загрохотал по мерзлой земле и скоро вырвался из огненной завесы. По мчавшейся на предельной скорости машине ударило противотанковое орудие, укрытое в засаде. Перевалов развернул танк и раздавил немецкую пушку. Удача окрылила экипаж. Командир орудия Николай Бобров, прильнув к прицелу, ловил огневые точки врага, с ходу бил по ним из пушки.

Танк достиг Усть-Тосно, раздавив по пути группу боевого охранения гитлеровцев. Здесь на минуту остановились в овраге, чтобы оглядеться.

- Как самочувствие, Саша? — спросил лейтенант.
- Держусь пока.
- Давай я тебя перевяжу.

У Первалова были ранены правая рука и бедро правой ноги. Руку забинтовали. Фомин хотел заняться раной на ноге, но Первалов запротестовал:

— Не надо. Нога вроде цела. Задело малость кожу.

В это время командир орудия доложил, что к танку движутся немецкие автоматчики. Лейтенант повел машину на врага. Танк смял гитлеровцев. Проехали еще несколько метров вперед и услышали взрыв. Машина потеряла ход и остановилась на виду у немцев.

— Мина, — сказал Первалов. — Попали в лапы фашистам!

Немцы усилили огонь по неподвижной и незащищенной советской машине. Пули, осколки снарядов и мин дробно стучали по броне, оглушая танкистов. Но машина жила. Командир орудия метко посылал снаряд за снарядом, а пулемет, за которым сидел Фомин, косил атакующих.

До вечера экипаж отбил несколько атак. Когда наступила темнота, Фомин и Бобров вылезли через нижний люк из танка. Они осмотрели снаружи повреждения. Исправить их своими силами было нельзя. Немцы обрушили на смельчаков огонь, Бобров был ранен, в левую руку. Теперь у трех танкистов осталось только четыре здоровых руки.

Прошел час, может быть, два. Стрельба утихла. Танк молчал. Немцы, вероятно, надеялись, что уничтожили его экипаж. Они послали группу автоматчиков, чтобы удостовериться в этом. Фомин, подпустив вражеских солдат поближе, дал длинную очередь из пулемета. Несколько немцев остались лежать на снегу. Остальные отступили.

— Надо спустить из баков горючее. Так машина будет менее уязвимой, — сказал Фомин, полез и открыл сливной кран.

Танк остался без бензина.

Пользуясь затишьем, танкисты попытались связаться по радио со штабом батальона. Но он почему-то не отвечал. Тогда установили связь со штабом бригады. Командир передал:

— Экипаж танка лейтенанта Фомина захваченную позицию удерживает.

Из штаба ответили:

— Выручим, держитесь до подхода наших танков.

Первая ночь в осажденном танке прошла более или менее спокойно. Немцы освещали машину ракетами, изредка вели по ней огонь из минометов.

К утру поземка намела у танка большой сугроб.

— Погодка идет нам на помощь, — не скрывая радости, заметил Первалов.

В середине дня фашисты выкатили поближе к машине противотанковую пушку. Фомин, сменивший Боброва у орудия, уничтожил ее первым снарядом.

Тогда немцы решили ускорить расправу с непокорным экипажем советского танка. Их артиллерия начала обстрел. Снаряды ложились почти рядом, засыпая машину осколками и землей. Наши воины отбили огнем пушки и пулемета новый налет немецких автоматчиков. Наступила короткая передышка.

К исходу второго дня Первалову стало хуже. У него начался бред. Когда приходило сознание, он просил пить. Но вода в бачке, хранившемся в машине, замерзла. Фомин попробовал дать раненому несколько глотков спирта, но тот отвел руку с фляжкой в сторону.

Мороз пробирал до костей. Танк изнутри стал покрываться инеем. Фомин и Бобров соскребали со стенок иней в руки, оттаивали его своим теплом и осторожно подносили драгоценные капельки ко рту Первалова.

На третьи сутки сломалась рация. Прекратилась связь со штабом бригады, куда экипаж посылал короткие боевые донесения.

Кончались боеприпасы. Танкисты отвечали на атаки врага все реже, но били прицельно, экономя снаряды и патроны.

На четвертые сутки иссяк скудный неприкосновенный запас. Танкисты слабели с каждым часом. В перерывах между схватками клонило ко сну. Фомин видел в этом второго, не менее коварного противника. В дни боев с белофиннами на Карельском перешейке ему доводилось видеть, как гибли задремавшие на морозе бойцы.

— Может быть, попытаемся выбраться из танка ночью и пробьемся к своим? — осторожно предложил Бобров.

— Куда нам соваться! — ответил Фомин. — Да и Сашка тащить надо. Это верная гибель. Слишком легкая добыча для врага.

К началу пятых суток, мучаясь от голода, холода и жажды, танкисты очень ослабли. И все же они оставались бойцами, боевым экипажем, гордым гарнизоном небольшой стальной советской крепости. Это чувствовали и немцы. Все поле вокруг машины было изрыто воронками от снарядов и мин. А танк продолжал стоять, вести огонь.

На шестой день наши части освободили Усть-Тосно и его окрестности от гитлеровцев.

В осажденной машине Фомин услышал мощный гул своих танков.

— Наши, черт побери! Ей богу, наши! — со слезами радости на глазах кричал он.

Осторожно высунувшись из башни, лейтенант увидел мчавшиеся боевые машины, бегущих пехотинцев с автоматами. Несколько танков проскочило мимо. Вслед за ними к машине Фомина подъехала ремонтная летучка, из кабины которой выскочил командир танкового батальона.

— Живы все, братцы? — спросил он у Фомина.

— Живы, но есть раненые: Первалов и Бобров.

— Крепко поработали! Молодцы!

За пять суток экипаж танка Фомина уничтожил около двухсот гитлеровских солдат и офицеров и две противотанковые пушки.

В феврале 1942 года жители села Петровки Курманаевского района узнали из газет о подвиге своего земляка Федора Фроловича Фомина. Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Советского Союза.

1967 г.

В. АЛЬТОВ
БЕССМЕРТНЫЙ ДЕСАНТ

Герой Советского Союза
Акрен Мингазович Хайрутдинов

В ночь на 26 марта 1944 года над Южным Бугом висли белесые космы тумана.

Когда совсем стемнело, к берегу, стараясь ступать неслышно, подошла группа воинов. Майор Федор Котанов, подозвав командира отряда старшего лейтенанта Константина Ольшанского и замполита капитана Алексея Головлева, подошел с ними к самой воде. Там смутно, как фантастические рыбы, чернели силуэты семи рыбацких лодок. Навстречу вышел человек в дождевике и высоких до пояса резиновых сапогах.

— Андреев? — тихо спросил Котанов.

— Я, товарищ майор, — полусшепотом ответит тот.

— Ну, вот и ваш проводник, — сказал Котанов. — Как лодки?

— В порядке.

— Тогда доброго пути вам, друзья!

В лодках установили пулеметы, уложили ящики с гранатами, патронами, запас продовольствия. Разместились поудобнее и оттолкнулись от берега. Скоро лодки с людьми будто растаяли в тумане.

Первую лодку вел знавший этот район с детства местный рыбак Андрей Андреев. Рядом с ним, всматриваясь в мутную пелену, сидел Ольшанский. Гребцы осторожно опускали весла в воду, чтобы не было сильных всплесков. На противоположном берегу — фашисты. В любую минуту оттуда мог обрушиться шквал огня.

— Нужная погода, — шепотом сказал Акрену Хайрутдинову сосед — коренастый, крепко сбитый Алик Мамедов.

— Точно, — коротко ответил Акрен. Разговаривать было нельзя. Перед отплытием Ольшанский еще раз предупредил: ни звука, даже если придется погибать — умирай молча.

Мысли Акрена уносились далеко, за две тысячи километров от черноморских берегов, в оренбургские степи, в село Мордовская Бокла. Там, на берегах тихой мелководной Боклы прошло его детство, там, когда началась война, он, оставив школу, поступил в обозный цех местпрома, где работал и его отец. Вместе они гнули дуги, полозья для саней, обода колес, делали телеги и розвальни.

Война была далеко, но ее голос доносился и до их села. То в одном, то в другом доме, получив похоронную, рыдали матери и жены. То из одного, то из другого дома уходили на фронт мужчины.

Акрен был комсомольцем. И поэтому в военкомат он пришел в первый день войны.

— Подрасти, придет твое время — сами вызовем, — сказал военком.

И еще раз пришел сюда Акрен летом 1942 года, в те страшные дни, когда гитлеровские армии хлынули на Кавказ, когда бои шли почти у самой Волги.

— Не могу больше дома сидеть, — сказал он.

— Готовься, теперь уже скоро вызовем, — пообещал военком.

В августе Акрену и его сверстникам принесли из военкомата повестки. Провожало их почти все село. Гармошка пела про трех танкистов и про Катюшу. Местный гармонист не успел еще разучить песен военного лихолетья.

До станции Акрена провожала мать — старая Садра-апа. Маневровый паровоз долго гонял вагон по путям, то в одну, то в другую сторону. И метались по перрону из конца в конец матери. Но вот и прощальный гудок.

— Мы вернемся, мама, обязательно вернемся! — крикнул Акрен на прощанье.

А потом, обнявшись, друзья запели:

Дан приказ: ему на Запад,
Ей в другую сторону...

И весь вагон подхватил известную песню, изменив только последнюю строчку:

Уходили комсомольцы
Защищать свою страну.

Так с песней и ушел в летнюю ночь воинский эшелон.

Потом оказалось, что ушел он не на запад, а на восток — в глубокий тыл. Стал Акрен матросом-тихоокеанцем. Очень пришлась ему морская форма. Стройный, черноволосый, он в бескозырке и форменке стал совсем не похожим на того немного угловатого, тихого и стеснительного паренька, что работал в местпроме.

Спустя несколько месяцев Акрен снова в воинском эшелоне пересек всю страну. Он стал бойцом 384-го батальона морской пехоты Черноморского флота, батальона, которым командовал майор Федор Котанов. Об этом человеке на флоте рассказывали легенды. Он был начальником штаба знаменитого десантного отряда Героя Советского Союза Цезаря Куникова, геройски сражавшегося на Малой земле под Новороссийском.

Батальон Котанова был грозой для фашистов. Командование бросало морских пехотинцев в самые дерзкие операции. Служить в таком батальоне — большая честь. Тем более, что здесь встретил Акрен, можно сказать, почти земляка — Алика Мамедова. Алик — азербайджанец. Точное его имя Ами Ага-оглы Мамедов. Приехал он с матерью в Оренбургскую область вместе с другими эвакуированными. Жили они в селе Александровке. Тут ребята и стали звать его Аликом. Это имя прижилось. Почти с первых дней войны отец Алика воевал, и писем от него семья не получала.

Алик учился в седьмом классе, учился неважно, потому что было не до занятий — мальчишка рвался на фронт. Дважды пытался бежать, но его возвращали к матери. И тогда он «потерял» свидетельство о рождении и вновь явился в военкомат. Был он рослым и плечистым. Парнишка страстно убеждал, что он уже совершеннолетний, что он должен отомстить за отца. Уставшие отбиваться от несовершеннолетних добровольцев военкоматовцы поверили Алику. Так в батальоне Котанова появился краснофлотец Мамедов.

Акрен подружился с Аликом, вдвоем они часто вспоминали затерявшиеся в степном приволье оренбургские села, матерей... Вот и сейчас Алик, наверное, как и он, думает о матери, которая осталась совсем одна в Александровке.

...Позавчера, когда после лихой атаки взяли село Широкую Балку, они вдвали, там, где сходятся Ингул и Южный Буг, увидели в рассветной дымке большой город. Это был Николаев — город русской морской славы, город-судостроитель, один из крупнейших черноморских портов. Части правого крыла 3-го Украинского фронта, с ходу форсировав Южный Буг, устремились к Одессе, поставив Николаев под угрозу окружения. Судьба Николаева казалась уже решенной, и парни в черных бушлатах готовились к штурму.

Но совсем неожиданно батальон Котанова сняли с передовой и отвели на отдых. А скоро вездесущий Николай Медведев, научившийся по каким-то для других незаметным признакам «угадывать» замыслы командования, предупредил товарищей:

— Готовьтесь, братишки, к большому делу.

— К какому? — полубопытствовал Акрен.

— Завтра узнаешь, — вывернулся Николай и пошел своей дорогой.

А утром майор Котанов в самом деле вызвал добровольцев для выполнения особого задания. Шаг вперед сделали почти двести человек. Котанов и Ольшанский отобрали 53 самых сильных, самых метких стрелков, самых отчаянно смелых. В отряд вошли и Акрен с Аликом. Вместе с Ольшанским и Головлевым их стало 55. Потом, уже у берега, к морьякам присоединились еще 12 саперов и связистов из соседней части.

Несколько часов в тревожном безмолвии плыли они против течения, держась поближе к своему берегу. Впереди — только туман да туман. И вдруг хлопок, и чуть ли не над их головами в небе повисла ракета. Она взвилась оттуда, с правого берега, где засели враги. Все невольно втянули головы в плечи. Но за несколько метров ничего нельзя было увидеть сквозь пелену тумана. И это спасло их.

Вода заплескивалась в лодки. Все промокли до нитки. Пришлось вычерпывать воду котелками, касками и даже шапками. И все это надо было делать тихо.

Андреев поднял руку. Ольшанский передал по цепочке команду — приготовиться к высадке. Был третий час ночи, когда отряд благополучно достиг берега. Тихо выгрузились, затопили лодки и направились к темнеющей громаде элеватора.

Разведчики во главе с Юрием Лисицыным бесшумно сняли часовых. К рассвету десантники заняли элеватор, каменное здание конторы порта и несколько домиков, находящихся рядом. У окон, превращенных в бойницы, разместились пулеметчики. Огневые точки расположили так, чтобы можно было вести круговую оборону. Акрен установил свой пулемет на первом этаже конторы. Огляделся. Из окна видна улица и часть железной дороги. Хорошо. Жаль вот только с Аликом расстались — тот попал в группу Лисицына, которая обосновалась в деревянном домике, в нескольких метрах от конторы.

Потом Ольшанский приказал собраться в подвале элеватора. Короткой была речь командира.

— Товарищи, — окидывая взглядом десантников, сказал он, — мы собрались, чтобы перед боем дать клятву Родине, что мы с честью выполним свою задачу. Мы должны оттянуть на себя как можно больше сил врага, чтобы наши войска взяли город с меньшими потерями. И вторая наша задача — не дать фашистам разрушить порт.

Затем Ольшанский предоставил слово Головлеву. Капитан читал слова клятвы:

«Перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом народа клянемся мстить беспощадно за наши разрушенные города и села, за страдания, муки и кровь советских людей...»

И вслед за ним Акрен, Алик и их товарищи повторили суровое и ответственное слово: «Клянемся!» А через минуту радист старший сержант Виктор Самойлов отстучал ключом текст клятвы. Ее приняли в штабе батальона.

В восемь часов утра 26 марта в районе порта уже разгорелся бой. Окружив десантников, гитлеровцы атаковали их со всех сторон, но меткие пули рязили врагов, как только те осмеливались высунуться на открытое место.

Против горстки моряков фашисты бросили три пехотных батальона, танки, артиллерию, шестиствольные минометы. Но элеватор и другие бастионы моряков продолжали огрызаться градом пуль. Хорошо видя врагов с верхних точек, десантники вели прицельный огонь, уничтожали артиллерийские расчеты. Михаилу Хакимову удалось поджечь из противотанкового ружья фашистский танк. Потом были подбиты еще две стальные машины.

Акрен Хайрутдинов огнем своего пулемета прижимал вражеских солдат к земле, не давал им подняться. Метко били пулеметы Прокофьева, Миненкова, Гребенюка, Шпака.

На матросский гарнизон обрушили бомбовый удар «юнкерсы». Потом под прикрытием автоматчиков фашисты подтащили огнеметы. Из форсунок с бешеной силой ударило в окна смертоносное пламя. Огнеметы подожгли здание конторы — горели полы, деревянные конструкции. От разрывов обрушивались перекрытия. В едком дыму, в каменной и цементной пыли ничего не было видно, трудно было дышать. Но как только гитлеровские вояки поднимались в атаку, из пылающего здания их встречали пулеметным и автоматным огнем, гранатами.

Редели ряды защитников крепости. Пуля фашистского снайпера сразила Тимофея Прокофьева. Прямым попаданием снаряда был снесен сарайчик, из которого стрелял Георгий Дермановский. Вспыхнул, как факел, домик, где сражалось отделение Лисицына. Но из огня продолжали разить врага Лисицын, Мамедов, Макиёнок. И только когда рухнула крыша и весь домик осел набок, этот бастион перестал существовать. Взрывная волна выбросила Лисицына. Отлежавшись, он пробрался к командиру.

Снова на советских моряков обрушила огонь фашистская артиллерия, совсем рядом загрохотали по мостовой танки.

Осколком оторвало руку Валентину Ходыреву. Передав пулемет Павлу Осипову, Акрен бросился на помощь товарищу. Затянув жгутом обрубок, остановил кровь, пытался перевязать. Но Валентин оттолкнул его — ни к чему теперь.

Оставшись в одной тельняшке, Ходырев со связкой гранат пополз навстречу танкам. Его дважды ранили, но Валентин упрямо полз вперед. Приподнявшись, он метнул гранаты. Взрыв разорвал гусеницу. Танк замер. Погиб и Валентин.

К концу дня в небе над портом появились красноезвездные истребители. Они несколько раз пронеслись над цитаделью десантников, поливая огнем фашистов, осаждавших район порта.

К ночи снова разгорелся бой. Рушились стены, горело все вокруг, один за другим гибли моряки, но оставшиеся в живых продолжали разить врагов.

С еще большим остервенением атаковали фашисты на второй день. Видимо, для храбрости им выдали по большой порции шнапса. Пьяные, они по трупам своих солдат лезли под пули десантников.

Когда стало особенно трудно — гитлеровцы, как очумелые, лезли уже в окна, — Ольшанский приказал Самойлову:

— Передайте в штаб — прошу открыть огонь по квадратам... — и командир назвал свои координаты.

Но вызвать огонь на себя не удалось — рация была повреждена разорвавшимся в здании снарядом. Тогда Ольшанский приказал Лисицыну пробраться к батальону. Лисицын благополучно прорвался через окружение, выбрался из города и уже на виду у своих подорвался на mine. Тяжелораненый, он, преодолевая невероятную боль, дополз до своих, передал донесение. И снова заговорили наши батареи.

Ольшанский и Головлев под обстрелом пробирались к бойцам в другие помещения, поддерживали воинов в трудные минуты, когда, казалось, человек уже не в состоянии выдержать. Погибли лейтенант Григорий Волошко, младшие лейтенанты Василий Корда и Владимир Чумаченко. Вражеская пуля настигла Головлева.

Акрен перевязал его, с помощью Ольшанского отнес в угол, где было относительно спокойно, бросился к пулемету и стал бить по врагу.

Какой-то удушливый дым стал наполнять помещение. Не сумев справиться с десантниками, фашисты применили против них газ. Оставшихся в живых бойцов стало клонить в сон, оружие падало из рук. Но полуживые, израненные, оглушенные взрывами моряки продолжали сражаться.

Вечером в штабе приняли позывные десанта. Виктору Самойлову и Борису Монастырскому удалось отремонтировать радию, и она заговорила, наконец, после долгого молчания. Но радиограмма была короткой и оборвалась так же неожиданно, как и началась:

«Связь прекращаю... Погибаем, но не сдаемся, — открытым текстом передавал радист. — Прощайте, товарищи!..»

В домике конторы в живых осталась горстка храбрецов. Тяжелораненый, истекающий кровью Ольшанский продолжал бить врагов из пистолета. Акрен пытался отвести командира за выступ стены, но тот словно не слышал его. Поддерживая командира одной рукой, Акрен другой стрелял в фашистов. Потом будто молния сверкнула перед глазами — и все кончилось.

Дольше других держалась группа Кирилла Бочковича, засевшая в массивном каменном здании, где раньше был цементный склад. Наступала вторая ночь. Долго прислушивались бойцы к перестрелке, и поняли, что сопротивляются только они — крохотный гарнизон цементного склада — Бочкович, Дементьев, Медведев, Павлов, Куприянов, Хакимов, Гребенюк.

Бочкович попытался пробраться к Ольшанскому, и ему удалось это, но здание конторы безмолвствовало — все ее защитники во главе с командиром и замполитом погибли. Рядом с Ольшанским были убиты Акрен Хайрутдинов и проводник отряда 20-летний рыбак, ставший бойцом, Андрей Андреев.

Когда Бочкович вернулся, кто-то предложил пробираться к своим. Но разве могли они оставить раненых? И тогда было решено — погибнуть всем до последнего, но не уйти с поста.

Ночью хлынул проливной дождь. Но сквозь шум ливня все явственней доносилась стрельба, отдаленные разрывы снарядов. Войска 3-го Украинского фронта вели бой за Николаев. На рассвете в район порта ворвались наши солдаты. Утром 28 марта Николаев стал советским.

Десант Константина Ольшанского с честью выполнил боевую задачу — моряки приняли удар на себя и удержали захваченный плацдарм до подхода наших войск. Плечом к плечу дрались русские Николай Медведев и Юрий Лисицын, украинцы Владимир Чумаченко и Кузьма Шпак, белорусы Иван Макиёнок и Александр Лютый, татары Акрен Хайрутдинов и Михаил Хакимов, азербайджанец Ами Ага-оглы Мамедов, адыгеец Абубагир Чуц, аварец Аде-Ахмед Абдулмеджидов и другие советские воины. 18 вражеских атак отразили герои. Более 700 трупов вражеских солдат и офицеров осталось в районе порта.

В Мордовской Бокле седая, высохшая от слез Садра-апа глаза проглядела, выглядывая почтальона, а когда он пришел, сердцем матери поняла, увидев чужой почерк на конверте: что-то случилось с Акреном. Протянула письмо Рашиду:

— Читай, сынок.

«Ваш сын, краснофлотец Хайрутдинов Акрен Мингазович в бою за Социалистическое Отечество, верный присяге, проявив героизм и мужество, убит 27 марта 1944 года. Похоронен в г. Николаеве в Краснофлотском сквере. Командир войсковой части».

Потом Рашид принес из школы газету «Правда» за 20 апреля 1944 года. В ней был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза бойцам Николаевского десанта, всем погибшим и немногим уцелевшим, оставшимся в живых.

— За проявленный героизм и отвагу при освобождении города Николаева, — читал Рашид, — присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»...

«Как много фамилий, — думала мать, — и все незнакомые». Но вот и ее сын.

— Краснофлотцу Хайрутдинову Акрену Мингазовичу (посмертно).

Дальше опять шли незнакомые фамилии... Теперь они и для нее родные, побратимы ее сына. Породнила их одна братская могила.

* * *

В Николаеве, в тихом сквере на крутом берегу Ингула, где вечным сном спят десантники, установлен памятник 67 героям. На могильных плитах и цоколе памятника высечены их славные имена. Одна из лучших площадей города названа площадью 67 Героев Советского Союза. В канун 20-летия великой Победы звания Героя удостоен рыбак и воин Андрей Андреев, сражавшийся вместе с десантниками и погибший в схватке с врагами. Теперь их стало 68 — героев десанта Константина Ольшанского.

Там, где дрались насмерть отважные десантники, создан музей. Его экспонаты рассказывают о беспримерном подвиге советских воинов, среди которых были и наш земляк Акрен Хайрутдинов, и азербайджанский паренек, ушедший на фронт из оренбургского села, Алик Мамедов.

1967 г.

А. Кустов
СНАЙПЕР

Герой Советского Союза
Федор Кузьмич Чегодаев

Бойцы одного из полков 4-й Туркестанской дивизии быстро приняли в свою семью Федора Чегодаева — молодого казака из далекого оренбургского села Красный Яр. Всем пришлось по душе его храбрость, веселый характер.

Чуть ли не на второй день после прибытия в полк Чегодаев вместе со своими товарищами по эскадрону мчался с клинком в руке навстречу банде басмачей... В одной из жарких схваток от получил два ранения, но не оставил строя.

— Мне иначе, и нельзя, — сказал оренбуржец, — ведь дед-то мой был полным георгиевским кавалером. Да и отец не отступал в боях за землю русскую...

Шел 1923 год. Молодая Советская страна залечивала раны, нанесенные гражданской войной и иностранной военной интервенцией. А здесь, на одной из восточных окраин, все еще было неспокойно, бесчинствовали банды басмачей.

Нелегкой была служба. Частые бои, непривычная жара и пески, пески. Но солдатская дружба помогала бороться с трудностями. Закалялся, мужал Федор Чегодаев. Все ближе и понятнее становились ему слова комиссара, часто беседовавшего с красноармейцами о Владимире Ильиче Ленине, о созданной им партии, о Советской власти.

После двухлетней службы в Красной Армии Федор возвратился в родное село. В левом кармане выгоревшей гимнастерки он бережно хранил «Наказ уходящему в деревню красному бойцу». Глубоко запали в душу слова наказа:

«Расскажи в деревне про Ильича, про его партию, про то, что Ильич завещал рабочим и крестьянам».

Вокруг бывшего бойца стала сплываться сельская молодежь из бедноты, жадно тянувшаяся к новой жизни. С ненавистью смотрела на это кучка богатееров, видевшая, как к молодым примыкают и пожилые казаки, которых привлекала правда ленинской партии, звавшей народ к светлому будущему.

Когда в селе создавался колхоз, то в числе первых заявления о приеме подали Федор Чегодаев и его молодые друзья. Они-то и предложили присвоить колхозу имя славного советского полководца М. В. Фрунзе.

Каким заботливым конюхом оказался Федор! Он замечал малейший случай нерадивого отношения к артельному тяглу. Колхозник, решивший, что раз лошади теперь общие, то можно особенно не церемониться с ними, возвращался обычно с конюшни, почесывая затылок. Не жалел Федор крепких слов для разговора с такими людьми!..

После весеннего сева все ясно увидели: не зря старался колхозный конюх! Отсеялся колхоз быстрее всех в районе, не подвели кони, которые были в ту пору основной тягловой силой в артели.

Много героев труда родила первая колхозная весна. И одним из первых среди них был Федор Кузьмич Чегодаев. Кажется, больше всех аплодировали ему, когда он принимал из рук секретаря сельской партийной ячейки скромную грамоту, опечатанную на простой газетной бумаге. 30 лет прошло, а не забыл Федор Кузьмич того волнующего дня, когда народ впервые отметил его труд...

Шли годы. Креп колхоз, краше становилась жизнь. На полях гудели тракторы, по дорогам бежали автомашины. Страна щедро снабжала сельское хозяйство техникой. Многие товарищи Федора Кузьмича стали механизаторами, но он не оставлял своего скромного поста.

— Еще послужат мои лошадки, — говорил он.

Война грозно ворвалась в жизнь миллионов советских людей. Оставив мирный труд, они грудью встали на защиту Родины. Солдатом стал и Чегодаев. Мечтал он попасть в конницу, но на войне не всегда выходит так, как хочется. Он был зачислен в школу снайперов.

Чегодаеву нравилось выполнять сложные упражнения. Внимательно высматривал он через оптический прицел цель, спокойно брал ее на мушку. С каждым днем все кучнее ложились пули в мишень. Незаметно пришел день контрольных стрельб.

...Умело действуя саперной лопаткой, врос в землю Чегодаев, замаскировался. Он знал, что до начала стрельб у него есть в запасе время.

«Закурить разве?» — подумал он и тут же отогнал эту мысль. Но курить хотелось все больше и больше.

«Попробую в рукав, никто не заметит».

Ловко свернута папироска, сделана жадная затяжка. Над окопом показалась едва заметная струйка дыма...

Отлично стрелял в тот день Чегодаев. Благодарность получил за это, но на разборе проверяющий строго заметил ему:

— А курить снайперу в засаде не положено. На фронте это может стоить жизни...

Вот тебе и незаметный дымок! Крепко запомнил Федор этот урок: снайперское дело не терпит мелочей, оно требует железной выдержки.

...Быстро двигался на запад воинский эшелон, в одном из вагонов которого находился и снайпер Чегодаев. Первый снег едва покрыл необозримые поля. Навстречу шли составы с красными крестами на вагонах, с платформами, груженными станками и различным оборудованием.

Часть, в которой служил Чегодаев, разгрузилась под Москвой и с ходу вступила в бой. Наши войска перешли в контрнаступление. Враг дрогнул, начал отступать.

...Вражеский пулеметчик внезапным и метким огнем прижал наше наступающее подразделение к земле. Вместе со всеми лежал и Чегодаев. Позиция у него была удобная: небольшой бугорок надежно защищал от пуль. Федор Кузьмич внимательно стал искать, откуда стреляет пулемет. И нашел: языки пламени вылетали из кустов, находившихся впереди и левее снайпера. Федор Кузьмич прицелился и выстрелил несколько раз. Вражеский пулемет умолк.

В этом бою Чегодаев уничтожил не мало фашистов, но и сам не уберегся, был ранен в правую руку.

После месячного лечения в госпитале снайпер решительно заявил врачу:

— Выписывайте меня, поеду в свою часть.

Врач говорил о необходимости продолжать лечение, о том, что не догнать и не найти ему своей части.

— Все советские части наши, — упрямо твердил солдат. — Мне бы только на передовую попасть...

И медики не устояли.

Вскоре Федор Кузьмич попал в одну из частей Северо-Западного фронта. Здесь он получил снайперскую винтовку.

И вот первое задание. Скрытно добрался снайпер до опушки леса на фланге подразделения, оборудовал себе позицию на одном из деревьев. Отсюда было удобно наблюдать за врагом. А фашисты вели себя довольно свободно. Они, укрывшись за небольшой возвышенностью, получали обед из походной кухни.

Чегодаев открыл огонь. Несколько немцев осталось на снегу. В ответ фашисты начали обстрел опушки леса из минометов. Но напрасно они переводили мины. Федор Кузьмич уже успел сменить позицию.

Снайпер хорошо изучил оборону противника, знал каждое деревцо, кустик и бугорок. Был такой случай. Чегодаев, выйдя на очередную «охоту», заметил в листве одной из берез большое гнездо, которого — он помнил это твердо — вчера не было. «Не могли же за ночь грачи свить гнездо?» — подумал снайпер. Когда он выстрелил, с дерева, ломая ветки, рухнул фашист.

...На соседнем участке стал действовать вражеский снайпер. Он был опытен и хитер. От соседей пришел посыльный с запиской командира роты:

«Просим прислать Федора Чегодаева. Мы на него надеемся».

И Чегодаев пошел. Ночью он укрылся в сарайчике, который находился впереди линии нашей обороны. Утром Чегодаев, сколько ни наблюдал, не мог точно установить, где засел фашистский снайпер. Помогла хитрость. Чегодаев дал три выстрела по росшему близ немецкой траншеи кустарнику. Немедленно раздался

ответный выстрел. Чегодаев громко вскрикнул. Вскоре фашистский снайпер, решив, что противник уничтожен, задумал переменить позицию. Этого только и ждал Чегодаев. Когда фашист поднял голову, его настигла чегодаевская пуля.

Фашисты организовали за славным русским снайпером настоящую охоту. С самолета даже были сброшены листовки, обращенные к Чегодаеву. Ему грозили лютой казнью.

Имя снайпера Федора Кузьмича Чегодаева стало широко известно на Северо-Западном фронте. О нем писали в дивизионных и армейских газетах, о его подвигах рассказывали солдатам агитаторы и политработники. 1 мая 1942 года Чегодаеву было присвоено звание младшего сержанта, а через пару недель — старшего сержанта. В те же дни пришла весть о награждении его орденом Красного Знамени.

Однажды снайпера вызвал командир батальона..

— Хорошо действуешь, старший сержант, — сказал он. — Но нам надо учить молодежь, растить новых мастеров огня.

И Чегодаев все чаще стал брать с собой на «охоту» молодых солдат. Он хотел, чтобы больше было на фронте снайперов.

Как-то Чегодаев и его ученик Павел Зозулин возвращались с задания. Оба были довольны. На счету учителя в этот день прибавилось семь гитлеровцев, да и Павел не подкачал, уничтожил четырех фашистов. Шли лесом, не спешили. Присели покурить. Вдруг послышался гул самолета.

— А ведь это немец летит, Павел, — сказал Чегодаев.

Прямо на них шел фашистский бомбардировщик. Он стал делать разворот, чтобы сбросить свой груз на наши позиции. Чегодаев вскинул винтовку, прицелился и дал несколько выстрелов. Самолет вспыхнул, раздался взрыв. Фашистский стервятник нашел гибель, не успев сбросить бомбы.

А вскоре на счет отважного снайпера был записан уничтоженный им вражеский танк.

Летом 1942 года Чегодаев был приглашен на армейский слет снайперов. После слета начальник политотдела армии повел его к себе в блиндаж. Долго беседовал политработник со старшим сержантом, интересовался всеми мелочами фронтового быта. Уложив гостя спать, начальник политотдела пошел в штаб. Вернулся он среди ночи необычайно взволнованным.

— Вставайте, дорогой Федор Кузьмич, — торопливо говорил он. — Я рад первым поздравить вас с большой радостью: Президиум Верховного Совета СССР присвоил вам звание Героя Советского Союза!..

С новыми силами возвратился снайпер в родную часть. И не один десяток гитлеровцев нашел от его пули могилу на русской земле.

В те дни в жизни Федора Кузьмича произошло еще одно важное событие.

В прифронтовом лесу собрались коммунисты части. Парторг огласил заявление Чегодаева:

«Прошу принять меня в ряды родной Коммунистической партии. Не жалея сил и жизни, буду уничтожать вероломных захватчиков, пока последний из них не будет изгнан с нашей священной земли».

Решение было единогласным: принять Федора Кузьмича Чегодаева кандидатом в члены Коммунистической партии.

Так Чегодаев стал коммунистом. Это высокое имя звало его к новым подвигам во славу Родины.

В суровых схватках с врагом Федор Кузьмич получил второе ранение, дважды был контужен. Последняя контузия в конце 1942 года вывела снайпера из строя. Его направили в один из московских госпиталей. После лечения специалисты пришли к выводу: подлежит демобилизации. Напрасно Федор Кузьмич возмущался, доказывал, что нельзя ему отсиживаться дома, что его место там, на фронте. Пришлось подчиниться приказу.

Перед отъездом домой Чегодаев пошел погулять по Москве. Заснеженная суровая столица жила напряженной трудовой жизнью. Как всегда, торжественно выглядел Кремль, у входа в мавзолей стояли строгие часовые. Во всем чувствовалась особая подтянутость. Простившись с Красной площадью, Федор Кузьмич пошел в гостиницу. Здесь его ждал пакет: снайпера приглашали в Кремль за получением высокой награды.

С глубоким волнением входил Федор Кузьмич в Кремль. Сколько раз на фронте перед его мысленным взором вставали кремлевские звезды. Они светили ему, как маяк в пути. А с каким вниманием слушали фронтовики вести, которые шли из Кремля! Ведь все знали, что там находится Советское правительство, Центральный Комитет партии. И вот он, скромный защитник Родины, здесь, в Кремле, получает орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Трудно передать чувства, охватившие бывшего солдата. Волнуясь, он ответил на поздравление:

— Служу Советскому Союзу!..

Радостно встретили Федора Кузьмича земляки. Через пару дней он явился в Илекский райком партии и сказал:

— Прошу послать меня на работу.

Он стал заведовать военным отделом райкома партии, вел большую общественную работу. Жители районного центра не раз избирали его депутатом сельского Совета.

...Мы сидим в просторной светлой комнате большого дома в центре села Илека. Федор Кузьмич неторопливо рассказывает о своей жизни.

— А вот теперь, — с некоторой грустью говорит он, — нахожусь на пенсии...

Народ позаботился о заслуженном человеке, ему установлена персональная пенсия.

Федор Кузьмич задумчиво перебирает бумаги, бережно хранящиеся в особой папке. Вот наказ уходящему в деревню красному бойцу, грамота партийной ячейки, грамота о присвоении звания Героя Советского Союза. Документы свидетельствуют: верно служил Федор Кузьмич Чегодаев советскому народу, Родине, Коммунистической партии.

1960 г.

Ф. Карягин
У ВОРОТ БРАНДЕНБУРГА

Герой Советского Союза
Николай Власович Черненко

Десантному отряду предстояло ночью форсировать канал, овладеть хутором и, удерживая его, обеспечить переправу главных сил гвардейского соединения. Впереди был Бранденбург.

С наступлением темноты усилилась артиллерийская и минометная перестрелка. Десантники под покровом ночи подошли к каналу. На лодках и легких плотках они без единого выстрела высадились на противоположном берегу.

Пулеметному расчету, которым командовал комсомолец сержант Николай Власович Черненко, было приказано выдвинуться вперед на территорию склада и занять позицию возле вагонов. В темноте маячили их силуэты. Пулеметчики видели, как несколько человек из сабельного взвода углубились на территорию склада. Расчет стал осторожно продвигаться вслед за ними. Не доходя до вагонов, пулеметчики услышали впереди крики, а затем — выстрелы и разрывы гранат. То бойцы сабельного взвода уничтожали фашистов, охранявших склад.

Немецкое командование, обнаружив переправу, открыло по ней сильный артиллерийский огонь.

Расчет Черненко находился вне зоны обстрела. Только осколки мин и снарядов, свистя и урча, пронеслись над вагонами и барабанили по их стенкам. Выбрав удобное место для кругового обстрела, солдаты приступили к оборудованию позиции.

Черненко, осматривая местность, заметил человека, ползущего от берега к вагонам.

— Кто ползет? — крикнул сержант.

— Свой, — послышался голос, по которому Черненко узнал пулеметчика другого расчета комсомольца Гизатуллина.

— Что там случилось?

— Беда, товарищ сержант, фашист накрыл огнем всех наших.

— Оставайся с нами, — распорядился Черненко, — будешь подносчиком патронов.

На месте переправы бушевали разрывы мин и снарядов. Иногда рвались осветительные снаряды, при ярком свете которых была видна гладь канала и территория склада.

Склад с трех сторон был огражден высоким каменным забором. В восточной части виднелись ворота для железнодорожной ветки, которая пролегла по территории склада и в западной части его поворачивала к большому двухэтажному зданию. Недалеко от него, ближе к каналу, виднелся пролом в заборе.

«С этих мест надо, прежде всего, ожидать появления фашистов», — заключил сержант.

Пулеметчики не знали, что делается на переправе. Связи с ней и с другим берегом не было. Попытка установить ее не удалась. Черненко решил действовать самостоятельно, поддерживать сабельный взвод, удержать захваченный плацдарм. Учитывая опыт предыдущих боев, сержант предполагал, что фашисты перейдут в контратаку утром следующего дня. Перед подчиненными он поставил задачу:

— Во что бы то ни стало удержать плацдарм. Фашисты попытаются прогнать нас отсюда. Мы должны отразить все их атаки. Будем стоять насмерть. Оружие у нас что надо: станковый пулемет, у каждого — автомат и гранаты. Патронов, правда, маловато. Расходовать их надо экономно.

— Разрешите, товарищ сержант, сходить за боеприпасами на переправу, — сказал Гизатуллин.

— Не спеши, — ответил Черненко. — Видишь, что делается? Ослабнет обстрел — сходишь. Надо беречь себя. Каждому из нас здесь придется действовать за десятерых.

Когда позиция была оборудована, командир назначил наблюдателей, а остальным солдатам разрешил отдохнуть. Времени до утра оставалось около трех часов, но заснуть в эту ночь не пришлось, одолевали воспоминания, думы о предстоящем бое.

Николай вспомнил родное село Илек, кудрявые леса в пойме Урала, детство, учение в средней школе, участие в комсомольской работе, проводы отца на войну, слезы матери, оставшейся с шестью ребятами.

Николай среди них был старшим. Пришлось прервать занятия в школе и поступить на работу. Но скоро его призвали в армию и зачислили курсантом в пулеметное училище. Осенью 1942 года под Сталинградом он участвовал в боях с врагами, был ранен. Лечился в госпитале в Саратове. Потом снова фронт. На этот раз он попал в кавалерийское соединение.

Вспомнился бой, в котором расчет отразил десять атак гитлеровцев. После этого фашисты подтянули пушку и намеревались прямой наводкой разбить пулемет. Черненко сам лег за пулемет и стал вести прицельный огонь. Немцы, не сделав из пушки ни одного выстрела, разбежались.

Вскоре после этого боя сержант снова был ранен и контужен. О его боевых делах сохранилась листовка. Вот она:

«В оборонительных боях с немецкими захватчиками отлично действует пулеметный расчет гвардии сержанта Черненко, где наводчиком комсомолец Колесников. Их пулемет всегда в исправности, готов к бою и к отражению контратак противника. Расчет т. Черненко во время контратак противника немало уложил немцев и каждый раз заставлял противника откатываться назад. Там, где находится расчет т. Черненко, там немцам не пройти».

Черненко сражался за освобождение Гомеля, Владимир-Вольнского, Ковеля, Томашува, Франкфурта на Одере. За доблесть и отвагу, проявленные в боях с врагом, он был награжден несколькими правительственными наградами.

Отец Черненко — Влас Федорович — был минометчиком и также храбро дрался с захватчиками.

Мать писала из далекого Илека о своей трудной жизни. В одном письме Николай прочитал печальную весть о гибели на войне его родного дяди. Черненко дал клятву отомстить за него врагам, написал об этом стихотворение, которое было напечатано в газете соединения «За Родину».

...Перед утром обстрел переправы уменьшился.

— Отдых окончен, готовьтесь к бою, — приказал Черненко солдатам. Пулеметчики стали стряхивать с себя землю и песок, очищать оружие и подгонять снаряжение. Сержант послал Гизатуллина на берег за боеприпасами. Вскоре тот принес две коробки с пулеметными лентами и сумку ручных гранат.

— Молодец, — похвалил командир солдата и послал его наблюдателем к пролому в западной стене. Наблюдателем у восточных ворот стоял Макаров.

Начинался рассвет. Черненко приказал Барбашову определить расстояние и прицел до западной и восточной стен. На территории склада были разбросаны большие деревянные барабаны с кабелем, ящики, железные бочки. Все, что мешало меткой стрельбе, было удалено.

— Не подведет нас этот молодой человек? — спросил Барбашов про Гизатуллина.

— Нет, не подведет. Я его знаю. Он однажды на Брянщине целую группу наших, попавших в окружение, выручил.

Черненко хотел рассказать Барбашову про Гизатуллина, но помешали выстрелы и взрывы гранат, раздавшиеся на западной стороне склада. Черненко схватил автомат и побежал на выстрелы.

Там произошло вот что. Когда рассвело, группа немецких автоматчиков подошла к двухэтажному зданию и стала продвигаться к пролому в стене. Бойцы сабельного взвода забросали фашистов гранатами и обстреляли из автоматов. В перестрелке участвовал Гизатуллин. Подоспевший к нему Черненко также открыл огонь по врагу.

Немцы стали обстреливать плацдарм артиллерийским и минометным огнем. Загорелись постройки, ящики. Дым и пыль повисли серой шапкой над территорией склада. Стало трудно дышать. Черненко вернулся на основную позицию.

Прошло около часа. Пулеметчики перезарядили диски автоматов, поели из неприкосновенного запаса.

— Макаров дает сигнал об опасности, — доложил Барбашов, поворачивая пулемет в восточном направлении.

Черненко скомандовал:

— Пулемет за мной!

Через несколько минут пулеметчики были у восточных ворот. Фашисты шли несколькими цепями и находились еще далеко.

— Как подойдут к железнодорожной будке, так и накроем, — сказал сержант.

До будки было меньше двухсот метров. Огневую позицию оборудовали в укрытии под железными воротами, которые от взрыва повисли, как крыло большой подстреленной птицы.

Артиллерийский и минометный огонь противника все усиливался. Снаряды и мины рвались в глубине территории склада.

— Связаться бы с нашей артиллерией, она дала бы им прикурить, — сказал Макаров.

— Ничего, нам больше достанется, — отшутился Барбашов.

Когда передняя цепь гитлеровцев подошла к железнодорожной будке, Барбашов стал косить их из пулемета. Черненко и Макаров стреляли из автоматов. Фашисты отступили, понеся большие потери. Была отбита и вторая их атака.

Приказав Макарову продолжать наблюдение, Черненко с первым номером вернулся на основную позицию.

Обстрел склада не прекращался. Дым и пыль мешали наблюдать. Неожиданно немцы ворвались с южной стороны в пролом, о котором пулеметчики не знали. Первым заметил их и открыл огонь Макаров.

— Беги, помогай Макарову, — крикнул Черненко Барбашову, а сам лег за пулемет.

В это время другая группа гитлеровцев ворвалась в железнодорожные ворота. Началась атака и с западной стороны склада, где находились Гизатуллин и солдаты взвода.

Первыми отбили натиск врага Черненко, Барбашов и Макаров. Услышав интенсивную стрельбу на западной стороне, Черненко подал команду:

— Макаров за мной, Барбашову подготовить пулемет для стрельбы с основной позиции по западному пролому.

Спеша на помощь Гизатуллину, они увидели немцев, прорвавшихся в пролом. Бойцы заняли скрытую позицию у двухэтажного здания и стали расстреливать врага из автоматов. Когда кончились патроны, пустили в ход ручные гранаты. Наконец, гитлеровцы начали отступать. Пулеметчики подбежали к убитым, забрали исправные автоматы и дали несколько очередей по отходившим фашистам. Потом гвардейцы стали разыскивать своего боевого друга-комсомольца Гизатуллина. Они нашли его бездыханное тело у края разрушенной стены, где он вел неравный бой с фашистами. Пулеметчики отнесли останки героя в укрытое место и поклялись отомстить за него.

Наконец, наступила ночь. А вскоре пришла помощь с другого берега. Вначале прибыла небольшая группа телефонистов. Они установили связь с командованием. Заговорили наши минометы и пушки, окаймляя плацдарм огненной подковой. Затем высадились основные силы полка.

Командование установило численность солдат, удержавших плацдарм. Оказалось их восемь человек: четыре пулеметчика во главе с гвардии сержантом Черненко и четыре бойца сабельного взвода. Командир взвода погиб в самом начале боя.

На другой день наши войска развернули наступление в направлении Бранденбурга. Еще через два дня этот город был взят.

* * *

На митинге командир соединения прочитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении пяти гвардейцев, в том числе сержанта Николая Черненко орденами Ленина и медалями Золотая Звезда с присвоением звания Героя Советского Союза. Остальные участники боя также удостоились высоких правительственных наград. Приказом по соединению Николаю Власовичу было присвоено очередное воинское звание — старший сержант. Партийная организация полка приняла его в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

В декабре 1945 года Николай Власович Черненко после демобилизации из армии возвратился в родную семью в село Илек Оренбургской области. Здесь он встретился с вернувшимся с фронта отцом. Радостной была встреча двух воинов.

Вначале Н. В. Черненко работал первым секретарем райкома ВЛКСМ, потом пропагандистом районного комитета партии.

В 1950 году Николай Власович переехал в город Орск. Он пользуется заслуженным авторитетом у жителей, активно участвует в общественной жизни.

1969 г.

А. Елисеев
ПРИМЕР СТОЙКОСТИ И БЕССТРАШИЯ

Герой Советского Союза
Григорий Тимофеевич Чумаков

Весной 1929 года мимо села Черкассы проехал первый трактор. Это событие взволновало всех сельчан.

— Вот так конь! — удивлялся невысокий сухощавый паренек с карими глазами.

— Что, Гриша, хороша машина? — спросил подошедший к пареньку председатель только что организованного колхоза.

— Научиться бы управлять такой, — мечтательно ответил юноша.

— Это можно, — ответил председатель, — было бы желание учиться. Из района просят послать двух молодых колхозников на курсы трактористов. Ведь скоро и мы получим таких «стальных коней». Поедешь?

Лицо Григория Чумакова вспыхнуло от радости. Он горячо заговорил:

— Обязательно поеду. День и ночь буду учиться. Только вы не передумайте насчет меня. Дайте слово, что пошлете учиться.

Председатель колхоза сдержал свое слово. Сдержал его и Григорий Чумаков. С отличием закончив курсы, он вернулся в свой колхоз.

Трактористом Чумаков работал до призыва в Красную Армию. Отслужив положенный срок, он вернулся в родное село. К этому времени в колхозе было уже несколько тракторов. Решили организовать бригаду. Во главе ее был поставлен демобилизованный воин. Первый тракторист села Григорий Тимофеевич Чумаков стал первым бригадиром тракторной бригады.

Прошло несколько лет.

В тот памятный день Чумаков приехал на полевой стан мрачным. Когда все трактористы собрались, он сказал:

— На рассвете фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу Родину. Бомбили мирные советские города. Каждому теперь надо работать за двоих, за троих. Я завтра еду в военкомат. Мое место там, на фронте.

Войну Чумаков начал рядовым бойцом. Но вскоре за умелые боевые действия, находчивость, смекалку и

мужество ему было присвоено офицерское звание.

...Стрелковый взвод Чумакова, сдерживая батальон фашистов, занимал оборону на высоте, заросшей высоким густым кустарником. Гитлеровцы открыли по высоте интенсивный артиллерийский огонь, а затем бросили в наступление роту автоматчиков. Враги считали, что артиллерийский обстрел уничтожил на высоте все живое. Но они ошиблись.

— Без команды не стрелять, — приказал бойцам Чумаков.

Фашистские солдаты в расстегнутых кителях, с засученными рукавами, многие без головных уборов, дико крича, бежали к высоте, стреляя из автоматов. Когда первая цепь приблизилась к кустарнику, Чумаков скомандовал:

— По фашистам, огонь!

Дружно раздалась винтовочные залпы, очереди станкового и ручного пулеметов. Не ожидавшие такого отпора, фашисты заметались и бросились вспять, оставив на поле боя десятки трупов.

Вскоре гитлеровцы начали новую атаку. Но теперь они не шли напролом, а, непрерывно стреляя, продвигались ползком и перебежками. Советские воины снова подпустили их на близкое расстояние и стреляли в упор. Чумаков, взяв ручной пулемет, появлялся с ним в самых опасных местах боя. И вновь враг откатился на исходные позиции, оставив на поле боя новые десятки трупов. Наступило затишье.

У защитников высоты боеприпасы были на исходе. Чумаков организовал сбор оружия убитых фашистов. Огневая мощь взвода несколько возросла.

Снова заговорили вражеские орудия. На высоту вторично обрушился огненный шквал. Под прикрытием его к ней двинулись цепи наступающих. Перевес был явно на стороне врага. Поредевший взвод, отбиваясь последними гранатами, готовился к рукопашной схватке... И именно в этот момент могучее русское ура раздалось на поле боя. Это советское подразделение, зайдя в тыл врага, обрушилось на наступающих. С возгласом «Вперед! За Родину!» повел Чумаков свой взвод в атаку.

За стойкость и мужество, проявленные в этом бою, воины взвода во главе со своим командиром были награждены орденами.

...На рассвете 18 июня 1944 года командир стрелковой роты капитан Чумаков получил приказ: овладеть небольшой, но важной в тактическом отношении железнодорожной станцией и удерживать ее до подхода главных сил. Через несколько минут рота, разместившись на десяти тяжелых танках, двинулась вперед. Внезапным ударом воины прорвали оборону гитлеровцев и ворвались на железнодорожную станцию.

Бой за нее был короткий, но жаркий. Когда рота овладела вокзалом, Чумаков оставил группу десантников-автоматчиков добивать фашистов, засевших в пакгаузах. Сам же он с остальными бойцами роты на танках двинулся в пристанционный поселок, чтобы уничтожить расположенные там огневые точки врага. Чумаков находился на головном танке. На дороге возле него разорвалась тяжелая мина. Взрывная волна сбросила офицера на землю, а танк, не остановившись, ушел вперед. Очутившись в воронке от артиллерийского снаряда, Чумаков осмотрелся. Бой за станцию затихал. Она была уже почти в руках советских воинов. Капитан перевел взгляд и неожиданно застыл. Низко пригнувшись к земле, прямо на него по неглубокому извилистому оврагу бежала группа гитлеровцев. Она спешила контратаковать наше подразделение.

Плотно прижавшись к земле, Чумаков замер. «Сколько их? — думал он. — Сорок... пятьдесят или все семьдесят». Фашисты быстро приближались. Впереди длинной цепочкой бежал здоровенный рыжий унтер. Он был уже метрах в десяти от воронки, когда Чумаков дал длинную очередь из автомата. Унтер повалился наземь, послышались стоны и вопли раненых. Не ожидавшие засады фашисты залегли и открыли огонь. Над головой Чумакова пронзительно засвистели пули.

— Рус, сдавайс! — крикнул на ломаном русском языке гортанный голос.

Чумаков сменил диск автомата.

После небольшой паузы прозвучала команда и фашисты вскочили. Капитан непрерывной очередью разрядил второй диск, прижав атакующих к земле. Ответных выстрелов не последовало. «Окружают», — подумал капитан и, зарядив автомат последним диском, стал короткими очередями бить по ползущим гитлеровцам.

Патроны кончились. Кольцо фашистов сжималось. Один из них вскочил с земли и бросился к воронке. Чумаков швырнул ему в ноги гранату...

В разгар этого боя к воронке подошел наш танк, возвращавшийся к вокзалу. Вокруг воронки танкисты насчитали более двадцати вражеских трупов. А на самом дне воронки, свернувшись ничком, недвижно лежал тяжелораненый Чумаков. В больших, привычных к работе руках его были крепко зажаты две горсти земли. Той самой родной земли, которую он так горячо любил и защищал до последней возможности.

Обо всем этом Чумаков узнал уже в палате госпиталя. Несколько позднее стало известно, что за образцовое выполнение задания командования и проявленное при этом мужество и героизм ему присвоено звание Героя Советского Союза, а весь личный состав роты награжден боевыми орденами и медалями.

Быстро заживали раны. Пришел день, и поезд помчал офицера на запад через освобожденные города и села вслед за ушедшей вперед ротой. Уже на немецкой земле догнал Чумаков своих однополчан.

...Оттремели последние залпы. Над гитлеровским рейхстагом взвилось наше алое знамя — знамя Победы. Но по домам сразу ехать не пришлось. Часть, в которой служил капитан Чумаков, была переброшена на Дальний Восток. Закончила она свой победный путь в городе славы русских военных моряков — Порт-Артуре.

Золотая Звезда Героя Советского Союза и восемь других боевых наград — так отметила Родина ратные подвиги своего верного сына — коммуниста Григория Тимофеевича Чумакова.

Демобилизовавшись из армии, Чумаков вернулся в село Черкассы. Земляки избрали его председателем

колхоза. На этом посту он проработал более десяти лет. В начале 1954 года трудящиеся Саракташского избирательного округа оказали Г. Т. Чумакову высокое доверие, послав его своим депутатом в Верховный Совет СССР.

1960 г.

А. Олейник
НА РАССВЕТЕ

Герой Советского Союза
Борис Иванович Юркин

...После занятий друзья некоторое время шли вместе. Николай Беляев спросил Юркина:

— Скажи, Боря, ты с душой пошел в техникум? Неужели тебе серьезно нравится профессия железнодорожного строителя? Я, к примеру, в железнодорожный потянулся за друзьями, не хотелось расставаться с ними...

Борис, улыбаясь, неторопливо ответил:

— Школьная дружба — дело хорошее и ею дорожить надо. Но не может же быть всем нам по душе одна профессия. Есть у каждого человека свое заветное, стремление к своей цели, к любимому делу. Я мечтал стать железнодорожником. Может быть, это у меня в крови. Дед мой, отец, дядя — все были железнодорожниками.

Шли годы напряженной учебы. Настал день выпуска. Вручили Борису диплом путейца-строителя.

Работал он с огоньком, с увлечением. Заслужил почетное звание стахановца.

Однако работать долго не пришлось. Вскоре Борис был призван в Советскую Армию. Шла война с белофиннами.

Стояла суровая зима. Вокруг — заснеженные озера и леса, с засевшими на деревьях «кукушками» — вражескими снайперами. Бездорожье, короткие дни и длинные ночи требовали особой выносливости, закалки, умения ходить на лыжах. По первоначальному Борису пришлось на фронте туго. Выросший в степном Оренбуржье, он плохо ориентировался в лесу. Но потом освоился. Как лучший лыжник попал в разведывательное подразделение. Ходил в разведку, бегал связным с донесениями. На Карельском перешейке Борис понял — тяжел солдатский груд, многое нужно постигнуть, чтобы стать настоящим воином.

Закончилась война с белофиннами. В один из сибирских городов прибыла часть, в которой служил Юркин. Все шло хорошо. Но не удалось Борису мирно дослужить действительную.

В погожее июньское утро сорок первого года на нашу Родину с запада нагрянула коричневая орда. Она расплзалась механизированными колоннами по дорогам Молдавии, Украины, Белоруссии, Прибалтики, сея смерть и разрушения...

Комсомолец Юркин обратился к командованию с просьбой послать его в Действующую армию. Ему

отказали:

— Подождите. Не пришел еще ваш черед...

...В лесах юго-восточнее Невеля заканчивала сосредоточение стрелковая дивизия. По лесным корявым дорогам, затянутым лужицами весенних талых вод, переваливаясь с боку на бок тащились машины. Во всех направлениях от штабных землянок деловито сновали мотоциклисты-связные. Саперы, орудуя топорами и пилами, заканчивали строительство командно-наблюдательных пунктов. Связисты, как пауки, опутывали высокие сосны проводами. Артиллеристы тщательно укрывали ящики с боеприпасами. Напряженная работа кипела в штабах частей. Дивизия готовилась к наступлению.

Шло пополнение. С одной из групп прибыл сюда и сержант Борис Юркин. Он быстро освоился с фронтовой жизнью. Стал командовать отделением в роте автоматчиков старшего лейтенанта Василия Шапошникова. Через два-три дня знал всех солдат отделения. Юркин сразу пришелся по душе бойцам. Всегда подтянутый, бодрый и веселый сержант являл собой пример для них. Сам хорошо владея оружием, твердо зная воинскую службу, он умело обучал подчиненных, готовил их к боям.

Однажды на привале к Юркину, сидевшему на пеньке, подошел высокий, слегка сутуловатый боец.

— Ну как, сибиряк, — сказал он, — привыкаешь к новым местам? Как-никак с востока на запад на сотни верст перемахнули. Я ведь и сам из тех просторных мест.

Солдат попросил закурить.

Борис дал, спросил:

— Откуда будешь?

— Оренбургский я. Может, слышал про Оренбург? Город известный. У Бориса от этих слов дух перехватило. Он вскочил на ноги, крепко пожал руку солдата:

— Выходит, мы с тобой земляки, из одного города, браток! Как фамилия-то твоя? Где живешь в Оренбурге?

— Волков Петр Васильевич. Живу на улице Чичерина.

Юркин с Волковым отошли в сторону, присели на бревно, задымили сигарками. Без конца задавали друг другу вопросы: кто остался дома, что едят? Юркин говорил:

— Отец у меня умер. Мать Пелагея Степановна в Оренбурге. Похварывает частенько. В годах уже, а крепится. На днях получил от нее письмо. Пишет, что брат мой Евгений — танкист, воюет. Младшая сестренка Вера тоже на фронте. В общем, всей семьей против Гитлера ополчились.

Борис поведал, где учился, кем работал до армии, как воевал с белофиннами, а потом, положив руку на плечо Волкова, весело сказал:

— Теперь, Петр Васильевич, вместе будем колотить фрицев. Все как-то легче на душе, когда рядом земляк.

— Конечно, приятно, и говорить нечего. Как по батюшке-то тебя величать?

— Ивановичем. Да ни к чему это. Зови Борисом, меня везде так дружки звали.

С каждым днем жарче припекало солнце. В минуты затишья, когда еле-еле доносились далекие артиллерийские залпы, Юркин останавливался возле землянки и подолгу любовался нарядными кустами рябины и можжевельника, литыми медными стволами сосен и темно-зелеными елями. Слушал биение живого леса. Полной грудью вдыхал чудодейственные запахи разноцветья. И каждый раз замечал сидящего на чурбаке Трофима Ильина, занятого починкой сапог или гимнастерок.

Так было и в этот раз. Юркина тянуло к деловитому солдату, хотелось переброситься с ним парой слов.

— Красотища-то какая, Трофим, — восхищался Борис, — прямо как в сказке, того и гляди леший выглянет. Тишина, как будто бы и войны нет. Хорошо тут, ничего не скажешь. А у нас, в Оренбуржье, все же лучше. По душе мне степной край. Ни на какое другое место его не променяю.

Ильин слушал, вздыхал:

— Оно так, каждый свое хвалит. Главное — Гитлера доконать да самому уцелеть, а места для жилья и работы везде хватает.

В один из июньских дней 1944 года леса вокруг Невеля ожили. Урчание моторов, перестук колес, команды заглушили птичьего голоса. 6-я гвардейская армия, как и другие армии 1-го Прибалтийского фронта, начала наступление.

Тусклый рассвет, пронизанный сеткой мелкого дождя, огласился мощным гулом артиллерийской подготовки. Над головами бойцов потянулись на запад одна за другой группы «илов». В рощах, прикрывшись зеленью, затаились готовые к броску танки.

...Лежавший с Юркиным рядом Ильин, поглядывая на серое небо, недовольно бурчал:

— Погодка бы не подкачала. Ишь, с утра помачивает. А дороги здесь и без того мочажинами богаты. Не завязла бы наша артиллерия. Отстать может. Без пушек скучновато будет нашему брату, пехотинцу. Говорят, немец тут возле каждой деревеньки дзотов изготовил да мин понабросал.

— Ты что, Ильин, — возразил ему Комаров — солдат с коротко подстриженными усами. — Радоваться надо, вперед пойдём. Дождик не помеха, меньше стервятники беспокоить будут. Я, братцы, в любую погоду согласен наступать, лишь бы скорее фашиста прикончить. А ты погоду ругаешь.

Наконец в небо одна за другой взвились две долгожданные ракеты. Вслед за ними раздалась зычная команда:

— В атаку!

Как один поднялись бойцы и широкой цепью двинулись на вражескую оборону, основательно обмолоченную артиллерией и штурмовиками. Лица у всех суровые и решительные. Над полем раскатисто понеслось грозное ура.

Справа из рощи, сбрасывая на ходу зеленые ветки, вынырнули танки, густо облепленные пехотинцами.

Противник, не выдержав дружного натиска советских войск, подался назад. Оборона его оказалась прорванной. Завязался бой. Ранило командира взвода. В командование взводом вступил Юркин.

Во второй половине дня рота оказалась на подступах к деревне Бычихе. Немцы зло огрызались огнем. Донимал пулемет, стрелявший из дзота. Пришлось залечь.

Юркин решил уничтожить пулемет с тыла. О своем намерении доложил командиру роты Шапошникову. Тот согласился:

— Смотри только, не лезь на рожон. Прикинь все и действуй.

Юркин приказал Ильину и Комарову держать дзот под обстрелом, а сам, взяв гранаты, пошел по ложине в обход высоты. Немцы все свое внимание сосредоточили на залегшей роте, не давая ей подняться.

Борис подобрался к дзоту с тыла, улучив удобный момент, метнул в амбразуру одну за другой две связки гранат. Раздался взрыв. Из дзота повалил дым.

Шапошников подал команду:

— Вперед!

Через несколько минут рота первой ворвалась в Бычиху, захватив пленных, два орудия, три пулемета, автомашину с грузом.

Наступил вечер. Удлинились тени от сосен и кустов. Небо почти полностью очистилось от сизых туч.

Командир полка приказал роте Шапошникова закрепиться на безымянной высоте юго-западнее Бычихи. Обходя свой участок, командир роты подошел к Борису:

— Молодец, сержант! — похвалил он. — Толково организовал оборону взвода. И в бою себя проявил.

Спасибо, друг.

Они закурили, а Шапошников продолжал:

— Слышал, в партию хочешь вступать? Что ж, верно решил. Охотно дам рекомендацию.

Той же ночью Борис написал на вырванном из тетради листке заявление.

«Прошу принять меня в ряды Ленинской партии. Буду биться с фашистами до победы. Если случится погибнуть за Родину, хочу умереть коммунистом».

Настал новый день. Взламывая вражескую оборону, наши войска все дальше продвигались на запад. При подходе к шоссе Полоцк — Шумилино гитлеровцы, засевшие в полуразрушенной деревеньке, преградили путь роте Шапошникова. Борис заметил западнее деревушки низину, густо заросшую кустарником с кучами деревьев.

— Надо попробовать обойти немцев по низине и ударить с юга, — предложил он командиру роты.

Шапошников одобрил его замысел, пообещав поддержать взвод огнем. Однако предупредил:

— Только, судя по карте, кустарник по болоту тянется. Не завязли бы там? Если сильно заболочено, дай знать мне.

Юркин ответил:

— Попроберемся. Козлами с кочки на кочку попрыгаем и выпрыгнем немцам в тыл.

Кустарник действительно тянулся по болоту. Между кустами проглядывали оконца воды, затянутые ряской, тут и там торчали торфяные кочки с пучками жесткой осоки. Гитлеровцы, считая, по-видимому, болото непроходимым, не беспокоились за свой фланг.

Неожиданный удар со стороны болота ошеломил фашистов. Боясь окружения, они начали отходить.

— Быстрее, — крикнул бойцам Юркин, — надо отрезать фашистов от дороги!

Стремительный бросок взвода задержал гитлеровцев. Некоторые из них бросили оружие, подняли руки. Оставив двух автоматчиков охранять пленных и трофеи, Юркин повел взвод к шоссе.

Когда командиру батальона доложили о выходе Юркина на шоссе, он приказал Шапошникову представить его к награде.

...Передовые подразделения дивизии вышли к Западной Двине. Немцы крепко уцепились за этот водный рубеж, укрепили берега инженерными сооружениями, создали хорошо продуманную огневую систему, рассчитывая надолго задержать продвижение наших войск. Для форсирования реки нужны были табельные переправочные средства, но они на этот раз отстали. Обстановка же требовала незамедлительных действий, чтобы не позволить противнику совершенствовать оборону и подтягивать резервы из глубины.

Командование дивизии обратилось к личному составу с призывом — кто желает первым перебраться на вражеский берег и захватить плацдарм?! Вместе с другими на это обращение откликнулся Борис Юркин, два дня тому назад принятый в партию.

В беседе с добровольцами командир полка говорил:

— Среди вас я вижу сержанта Юркина. Он в боях показал себя с лучшей стороны. Проявлял инициативу, смекалку. Думаю, и в захвате плацдарма он не подкачает.

После беседы командир полка подвел Юркина к карте и, указывая на красный овал, перехватывающий синюю жилку Западной Двины, пояснил:

— Вот смотрите сюда: слева деревня Улла, а вниз по течению Двины — устье речушки Уллы. Вам нужно с рассветом переправиться на противоположный берег в этом месте, захватить плацдарм и удерживать его до подхода батальона.

Накрапывал мелкий дождик. Западная сторона горизонта, затянутая сизо-свинцовой пеленой, предвещала ненастный день. «Моросит, ну и пусть, к лучшему, затруднит немцам наблюдение», — размышлял Борис, направляясь к бойцам. Отдав необходимые указания о подготовке лодки, оружия и боеприпасов, он пошел к начальнику разведки.

Пробрались к берегу, замаскировались в кустах. Начальник разведки объяснял:

— Запоминайте, сержант, ориентиры на том берегу. Они вам пригодятся. Смотрите, вон справа купа деревьев — устье речки Уллы. Там были сегодня засечены две огневые точки. А напротив нас — густой камыш и шиповник — хорошее место для высадки. Дальше прибрежная высота и траншеи противника. Они расположены выше, чем кромка берега. Перед ними есть мертвое пространство, к тому же поворот реки затрудняет наблюдение со стороны фрицев. Здесь вам и нужно переправляться.

Незаметно спустились сумерки, они быстро сгущались, переходя в безлунную ночь. Монотонно струила свои прохладные воды Двина. От легкого ветерка таинственно шуршал камыш. Испуганно подрагивали нависшие над водой ветки ивняка. Казалось, все погрузилось в глубокий сон. Но тишины не было. Ее нарушали далекие залпы, полеты «кукурузников», сбрасывавших на головы фашистов зажигательные бомбы и гранаты, работа моторов...

Борис смотрел на реку. Напрягая зрение, пытался разглядеть ту сторону, куда он должен перебраться первым. Где-то за камышами затаился враг. Оттуда изредка постреливали, по-видимому, наугад, для острстки. Через несколько часов он должен быть там, отбить у врага клочок берега и цепко держать его.

Юркин не думал о деталях предстоящего боя, был уверен в себе. Чтобы ни случилось, какие бы ни встретились препятствия — он все равно задачу выполнит. А опасности? Опасность на войне дело привычное. Она подстерегает бойца на каждом шагу, живет всегда с ним рядом. Так что к ней всегда нужно быть готовым. Мысли об опасности не тревожили Бориса. Омрачало его другое. На подступах к Западной Двине ранило Петра Волкова и полюбившегося Борису волжанина Ильина. Жалко товарищей. Крепко успел он с ними сдружиться.

Перед рассветом поднял бойцов, распорядился:

— В лодку! Занимайте свои места. Пошли...

Справа и слева пальба усиливалась. Били наши минометы и пушки. Шла артподготовка. Нарастала ответная стрельба со стороны противника. Борис торопил гребцов:

— Быстрее к берегу, пока нас не накрыли фрицы.

Рядом с лодкой разорвалась мина, взметнув вверх султан воды, обдав брызгами солдат. Гребцы работали веслами во всю мощь. Скоро лодка врезалась в заросшую береговую кромку.

Сверху резанула пулеметная очередь. Рой пуль, со злым свистом пролетев над головами смельчаков, пробежался кипящими фонтанчиками по зеркалу реки.

— Заметили нас, — сказал Борис. Приказал: — Лодку в камыши, оружие к бою! За мной!

Бойцы, продираясь сквозь заросли камыша и шиповника, поднимались вверх по крутому склону. Обливаясь потом, с исцарапанными руками, изодранными гимнастерками, выбрались на прогалину. Из замаскированного во фланге дзота по ним ударил пулемет.

Юркин взял связку гранат и пополз к пулеметной точке. Изловчившись бросил гранаты. Подождал, прижавшись к земле.

Впереди желтел бруствер траншеи. Немцы из нее вели интенсивную автоматную стрельбу. Из ложины, позади траншеи, бил миномет. За перелеском слышались пушечные выстрелы. Мины и снаряды ложились посередине реки и у нашего берега, где готовились отчалить подразделения.

Требовалась быстрота действий. Юркин вскочил, крикнул:

— Вперед! За мной!

И первым устремился к траншее, на ходу метая гранаты. Подбежал к траншее, ловко спрыгнул вниз, выстрелом в упор уложил кинувшегося на него фашиста. Из-за поворота выскочило еще трое. Сержант встретил их короткой очередью.

Прошли считанные минуты, и немецкая траншея оказалась занятой смельчаками.

— Ну что же, начало неплохое, — запыхавшись, подытожил Борис. — Теперь главное — не дать фрицам спихнуть нас в Двину. Главное — берегите патроны. Бить только наперняка.

Не успели солдаты оглядеться, как на них, справа, из-за кустарника высыпали десятка два немцев, строча на ходу из автоматов. Их встретили дружным огнем. В тесной траншее завязалась рукопашная схватка. Юркин, орудуя прикладом и ножом, уложил четырех.

А тем временем гитлеровцы повели атаку с другой стороны. Но и эти получили отпор, попятились, оставив до десятка человек убитыми и ранеными.

Прибрежная полоска земли, захваченная смельчаками во главе с Юркиным, расширялась. Прибывало подкрепление.

И в это время случилось непоправимое. Шальная пуля вошла Юркину в грудь, пронзила сердце. Борис, теряя сознание, сел, пытаясь рукой зажать рану. По лицу расплзалась пепельная бледность. Подбежавшие товарищи принялись за перевязку. Сержант, еле шевеля помертвевшими губами, сказал:

— Мы свое выполнили. Прощайте...

Так пал смертью храбрых молодой коммунист, наш земляк Борис Иванович Юркин.

Решительные и инициативные действия взвода, который он возглавлял, позволили нашему полку форсировать Западную Двину, расширить плацдарм и содействовать выполнению главной задачи фронта — уничтожению витебской группировки противника.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник писал Пелагее Степановне Юркиной:

«За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном Борисом Ивановичем в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 24 марта 1945 года присвоил ему посмертно высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза».

Герой похоронен в деревне Рукшеницы Глыбачанского сельсовета Лепельского района Витебской области.

Средней школе совхоза «Глыбачаны» присвоено имя Героя. В пришкольном саду ему воздвигнут памятник.

Хранят дорогую память о своем замечательном земляке — Герое Советского Союза — и оренбуржцы. В Оренбурге одна из улиц носит его имя.

С матерью Героя — Пелагеей Степановной Юркиной — поддерживают переписку пионеры Глыбачанской и других школ Белоруссии, а также советские воины. Отвечая на одно из писем солдат, Пелагея Степановна писала:

«...Гордитесь, молодые воины, своей любимой и цветущей Советской Родиной. Зорко стойте на страже ее рубежей. Никогда не забывайте тех, кто в суровые годы Великой Отечественной войны ковал для Родины победу, принес ей счастье».

И молодые защитники Советской Отчизны ответили матери:

«Память о героях войны для нас священна. Мы всегда их помним, готовимся стать такими же умелыми и смелыми воинами, какими были они!»

1969 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Журавлев. Друг мой — Шамиль (3)
Н. Ливанов. За землю родную (11)
М. Мерзабеков. Сын степей (19)
А. Елисеев. Шел парнишке в ту пору девятнадцатый год (27)
М. Мерзабеков. Во главе смелых (31)
С. Левинсон. На Днепре (39)
М. Мерзабеков. Парень из села Кутлуево (46)
А. Михневич. На плацдарме за Вислой (51)
В. Веселов. Отважный пограничник (57)
В. Савинков. Над Днестром (61)
Н. Чернавин. Отвага и умение (66)
В. Кудинов. Возле хутора Булахи (73)
В. Платонов. Впереди наступающих (79)
Ф. Миронов. Тревожные сутки (86)
Н. Карпов. Памятник в Новом Буге (92)
Ю. Зайцев. Комиссар (97)
В. Пролеткин. Верный клятве (101)
В. Овчинников. Незабываемое (115)
Б. Савинков. Подвиг разведчика (122)
И. Ежкова. Над огненной землей (126)
И. Гавриленко. Стояли намертво (132)
В. Ложкин. Герои не умирают (142)
В. Морозов. За штурвалом самолета (153)
А. Фалин. Верность присяге (162)
А. Зимин. До последнего снаряда (169)
Д. Матвеев. Суровое мужество (174)
В. Пролеткин. Ценою жизни (180)
А. Фалин. Инициатива и бесстрашие (186)
А. Бринский. Батя (194)
П. Пешков. Смерти у храбрых нет (212)
Г. Румянцев. Боец переднего края (219)
Ю. Зайцев. Семнадцатилетняя тайна (225)
Г. Липов. Всегда в строю (233)
А. Олейник. Флаг на высоте (247)
Евг. Долматовский. Александр Родимцев (253)
Г. Румянцев. Труженик войны (263)
Г. Кнященко. Запас прочности (268)
В. Ложкин. Звезда зажглась под Варшавой (276)
И. Филиппов. Соколиная семья (285)
Л. Большаков. Бессмертие героя (291)
А. Михневич. Трое на том берегу (298)
А. Кустов. На польской земле (305)
Л. Большаков. Всегда в строю (309)
И. Ежкова. По сигналу красной ракеты (315)
А. Олейник. Подвиги штурмовика (320)
М. Клипиницер. Отважный пулеметчик (326)
В. Афанасьева. Презирая смерть (332)
С. Левинсон. Отцовский характер (343)
Б. Савинков. В осажденном танке (348)
В. Альтов. Бессмертный десант (353)
А. Кустов. Снайпер (363)
Ф. Карягин. У ворот Бранденбурга (371)
А. Елисеев. Пример стойкости и бесстрашия (378)
А. Олейник. На рассвете (383)

РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ

Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1971. 395 с.

Редактор **В. П. Романенко**

Художник **В. А. Тельнов**

Худож. редактор **А. В. Гилев**

Техн. редактор **Н. А. Кудричев**

Корректоры **С. А. Кулакова** и **Р. М. Цветкова**

Сдано в набор 28/VIII-1970 г. Подписано к печати 22/XII-1970 г. ФВ00430. Формат бумаги 84x108/32 — 12,375 физ. п. л., 20,8 усл. п. л., 19,01 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз. Бумага № 1. Изд. № 2876.

Южно-Уральское книжное издательство, г. Челябинск, пл. Революции, 2.

Областная типография Челябин. обл. управления по печати, г. Челябинск, ул. Творческая, 127. Заказ № 2192. Цена 62 коп. Переплет 14 коп.